

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ИСТОРИЯ
СЛАВЯНО-РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ:
ТЕНДЕНЦИИ В НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 195-летию со дня рождения
академика И.И. Срезневского,
25—27 мая 2007 года

Рязань 2007

**ББК 81.2
И40**

*Работа опубликована при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
и Правительства Рязанской области.
Проект № 07-04-53380 з/Ц*

И40 **И.И. Срезневский** и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского, 25—27 мая 2007 года / отв. ред. Г.А. Богатова, Н.И. Демидова ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2007. — 416 с.

ISBN 978-5-88006-497-7

Рецензент *Л.Ф. Войтенко*, д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кононенко, канд. филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Г.А. Богатова, д-р филол. наук, проф. (отв. редактор)
Н.И. Демидова, д-р пед. наук, проф. (отв. редактор)
Е.А. Догусева, канд. филол. наук, доц.
Н.В. Колгушкина, заслуженный учитель РФ.
Е.В. Корчагина, канд. филол. наук, доц.
Е.П. Осипова, канд. филол. наук, доц.

В материалах конференции, посвященной 195-летию со дня рождения ученого-слависта, выдающегося лексикографа академика И.И. Срезневского, рассматриваются следующие проблемы: И.И. Срезневский и славяноведение; И.И. Срезневский и историческая лексикография и лексикология; традиции И.И. Срезневского в изучении диалектологии и истории русского языка; языковая картина мира и позиции русского языка в мировом сообществе на современном этапе; наследие И.И. Срезневского и преподавание родного языка; Срезневские в истории и культуре России и Рязанской земли.

Работа адресована ученым-филологам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам, а также всем интересующимся проблемами лингвистического краеведения.

Ключевые слова: *И.И. Срезневский, славянская филология, русский язык, историческое языкознание, лексикография, методика преподавания, словесность.*

ББК 81.2

ISBN 978-5-88006-497-7

© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2007

Уважаемые участники конференции!

Рязанская земля — родина многих великих людей, прославивших русский язык своими гениальными художественными произведениями и научными трудами. В этом году исполняется 195 лет со дня рождения нашего земляка Измаила Ивановича Срезневского. Примечательно, что конференция, приуроченная к этой дате, проходит именно в Год русского языка.

Измаил Иванович Срезневский был выдающимся ученым, первым в России доктором славяно-русской филологии, знатоком древней письменности. Его наследие — это более четырехсот трудов. основополагающей научной работой по праву являются «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», над созданием которых он работал почти сорок лет.

Срезневский считал язык основой великой русской культуры, нашего национального самосознания. Его слова: «Работа над родным языком в человеке не прекращается никогда» — особенно актуальны сегодня, в наше время, когда назрела необходимость поднять в российском обществе статус русского языка.

Правительство Рязанской области уделяет большое внимание развитию культуры, образования и науки. Доброй традицией стало проведение Дней славянской письменности и культуры, научных конференций и семинаров, посвященных проблемам изучения и сохранения русского языка. Ежегодно Правительство Рязанской области присуждает премии имени академика И.И. Срезневского рязанским ученым, педагогам, студентам и школьникам за успехи в изучении и пропаганде наследия ученого.

Желаю участникам конференции успешной и плодотворной работы, а также успехов в деле сохранения и развития нашего общего духовного достояния — русского языка.

Губернатор Рязанской области

Г.И. Шпак

Уважаемые участники конференции, коллеги, друзья!

Уже стало доброй традицией проведение на Рязанской земле международных научно-практических конференций, посвященных памяти замечательного русского ученого и патриота Измаила Ивановича Срезневского.

Глубоко знаменательно, что очередная такая конференция, посвященная 195-летию ученого, проходит в 2007 году, который Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина объявлен Годом русского языка. Государственная и общественная поддержка русского языка очень важна в настоящее время, когда имеют место негативные процессы утраты позиций русского языка в современном мире и падения общего уровня речевой культуры населения страны. В этих условиях изучение научного наследия И.И. Срезневского, внесшего огромный вклад в отечественную филологию, приобретает особо актуальный характер.

И.И. Срезневский — ученый с мировым именем. Он был почетным членом многих европейских академий и обществ и уже при жизни был признан одним из корифеев славистики. Научным подвигом можно назвать его грандиозный труд «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», над которым И.И. Срезневский работал около сорока лет.

Великий филолог принадлежал к роду Срезневских, представители которого сто восемьдесят лет, сменяя друг друга, были настоятелями Покровской церкви в рязанском селе Срезневе. Благодаря трудам, талантам и усердию род Срезневских в трех поколениях прославил наш край, наше Отечество на поприще науки, образования и культуры.

В учебно-воспитательном процессе нашего вуза находят широкое применение материалы, связанные с жизнью и деятельностью ученого: действует научный центр по изучению наследия И.И. Срезневского, центр Славянской филологии. Сегодня откроется новый музей, где собраны уникальные материалы о жизни и научной деятельности академика И.И. Срезневского. Надеюсь, это поможет молодым людям, получающим университетское образование, стать высоко образованными специалистами, служить долгом и честью своему делу во благо Отечества, как это показал своим примером Измаил Иванович Срезневский.

Желаю участникам конференции интересной и плодотворной работы.

Президент РГУ имени С.А. Есенина
академик РАО, профессор

А.П. Лиферов

РАЗДЕЛ I

И.И. Срезневский и славяноведение

О.А. Черепанова

г. Санкт-Петербург

Путевые письма И.И. Срезневского из славянских стран (1839—1842) как факт языка, культуры и науки

В 1839—1842 гг. И.И. Срезневский по поручению Харьковского университета совершил научное путешествие по славянским странам. По сути, это была первая полевая славистическая научная экспедиция, и в ее задачи входил сбор этнокультурных, историко-научных сведений о славянских народах, знакомство с их языками и диалектами в живом общении с жителями разных стран, городов и местностей, с простыми людьми и деятелями зарождающейся славистики. В то время только восточные славяне, включая часть польских земель, входивших в состав России, имели сильное самостоятельное государство. Южные и западные славяне не имели собственной государственности. Сербы и болгары находились под властью Османской империи, хорваты и словенцы, чехи, словаки, частично поляки жили на территории Австрийской империи, лужичане и также частично поляки жили в Пруссии и Саксонии. Середина XIX в. — это время славянского возрождения. Западные и южные славяне обнаруживают культурное тяготение к России. В это время популярной становится идея панславянства, идея единства всех славянских народов. Этой идеей в значительной мере была инспирирована поездка трех молодых ученых из Московского (О.М. Бодянский), Петербургского (П.И. Прейс) и Харьковского (И.И. Срезневский) университетов по славянским странам, по разным маршрутам, но с близкими задачами. Идеи славянского братства обеспечивали российским ученым во всех славянских землях радушный прием и помощь в выполнении научных задач.

Трехлетнее путешествие И.И. Срезневского расширило его научный кругозор и дало импульс и материал для многих его последующих научных трудов. Один из интересных и значимых результатов поездки И.И. Срезневского — это дошедшие до нас путевые письма Срезневского — письма как научные записки, письма как отчеты обо всем, что увидел и узнал их автор, письма как общение с близким и любимым человеком — матерью [1].

Путевые письма Срезневского и в настоящее время читаются с большим интересом. К ним неоднократно обращались [2], но преимущественно как к источнику биографических сведений о Срезневском. Вместе с тем, они имеют самостоятельное историко-культурное, научное значение, ценны как факт языковой культуры эпохи. Кроме того, в них обнаруживаются многие черты личности ученого, о которых мы не можем узнать из других источников — черты неутомимого труженика, любознательного и выносливого путешественника, любящего сына, коммуникабельного человека, умеющего получить удовольствие от хорошей компании, пикника, вечеринки.

Мы не можем теперь сказать, задумывался ли Срезневский над литературным «статусом» своих писем-записок, соотносил ли их каким-либо образом с литературными процессами и тенденциями своего времени, но очевидно, что они оказались в струе популярного и продуктивного во второй половине XVIII — первой трети XIX в. Жанра путешествия. Достаточно вспомнить «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина. «Описание земли Камчатской», выполненное С.П. Крашенинниковым в 1751 г., по сути, также есть записи его наблюдений во время участия во второй Камчатской экспедиции в 1733—1743 гг. Даже периферийные авторы и чиновники считали нужным оставить след в отечественной истории в виде описаний своих путешествий. К таковым принадлежит, например, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» [3], написанное первым губернатором Енисейского края А.П. Степановым. Истоки жанра в русской литературе весьма глубоки — к нему могут быть отнесены даже древнеславянские Хождения. На путях своего исторического движения жанр сложился как многоаспектный, выполняющий публицистические, собственно литературные и научно-просветительские функции и служащий нередко средством выражения интимно-личных переживаний.

Путевые письма Срезневского могут быть оценены и как произведения собственно эпистолярного жанра: все они написаны и посланы матери автора — Е.И. Срезневской (лишь одно-два адресованы брату с просьбой переслать их матери). Ценность этих писем повышается в наше время, когда культура письма практически утрачена и содержательное письменное общение заменено предельно лаконичными «эсемесками». Письма Срезневского имеют типичный эпистолярный формуляр и включают адресатную, информационную и завершающую — благопожелательную и идентифицирующую автора (подпись) части. Характер и соотношение этих частей в письмах различно, но во всех письмах присутствуют элементы, создающие комфортность общения и поддерживающие диалогичность текста. Наиболее типичными обращениями к адресату в письмах являются выражения: «добрая моя Маменька», «милая Маменька», «Маменька-душенька», «душенька Маменька» (слово Маменька всегда написано с прописной буквы). Обращения такого рода в письмах лежат в пределах эпистолярной традиции времени, но в то же время демонстрируют исключительно теплые и доверительные отношения между сыном и матерью. Вступительные части первых писем, когда путешественника еще не покидала тоска по дому и близким людям, имеют явные черты стиля сентиментализма и жанра сентиментального путешествия. Письма имеют достаточно выраженную диалогичность, содержат риторические вопросы, что повышает их эмоциональный настрой. Например, заканчивая письмо, описав все события, автор прибавляет: «Что же еще писать? Разве напиться чаю, авось он напомним. Нет, ничего не напомним» [1. С. 85]. Из воспроизводимых в письмах слов матери мы узнаем, что домашним ласковым именем автора было Измайлушка. Заключительные формулы писем традиционны и в то же время интимно-ласковы: «Целую ручки ваши, душенька Маменька. Прощайте. Да подкрепит Господь ваше здоровье». Обычно присутствуют благопожелания близким людям: «Кланяюсь всем», «Засвидетельствуйте мое почтение», «Душевно благодарю (кого)». Себя И.И. Срезневский идентифицирует так: «Ваш любящий сын», «Покорный сын», «Ваш поганый, но крепко любящий вас сын». Взгляд на письма Срезневского как на образцы эпистолярного жанра погружают нас в атмосферу комфортного, благожелательного общения, позволяющего человеку раскрыть себя, проявить лучшие качества своей личности, и еще раз приходится пожалеть о практически полном свертывании этого вида общения между людьми. Эти письма свидетельствуют о прочности семейных связей, о духовной близости

поколений, об отсутствии того культурного и духовного разрыва между поколениями, который характерен для нашего времени. В этом смысле Письма Срезневского являются ярким проявлением национального русского менталитета.

Наибольший интерес в языковом и культурно-научном отношении представляют собственно информативные разделы писем, части которых нередко имеют и художественную ценность (например, описания «Английского клоба» в Москве, пейзажей на Эльбе).

Научная значимость писем обнаруживает себя в ряде аспектов. Это первое в славистике описание многих, почти всех славянских народов в их быте, обычаях и нравах.

Узнаем названия славянских народов, принятые в то время: Срезневский читал *краинскую* книгу, то есть словенскую, беседовал со *слезаками*, то есть жителями Силезии записывал *штирийские* (также словенские) песни, «выговаривает *по-венедски*» (так тогда немцы называли лужичан); он упоминает *чехо-славян*, *дольне-лужицкое* и *горно-лужицкое* наречия. Для обозначения понятия «язык» употребляется слово *наречие*, говоры и диалекты квалифицируются как *местное наречие*. Автор употребляет термин *двуязычие*, говоря о языковой ситуации у лужичан.

Путевые письма демонстрируют отсутствие устоявшейся терминологии славистики: *славяница*, *славянство* как совокупное наименование всех славянских народов в единстве их культур (ср. современное Славия); *славяноцерковный язык* и *церковно-славянские писатели*.

Автор вводит в свой текст фрагменты на различных славянских языках в звуковой записи («Помгай пѣнь бугъ!» — Га-га, пѣне! Джіенкуіемь!), при этом едва ли не первым в нашей науке использует транскрипционные знаки: ^ («крышечку») как знак закрытого произношения гласного, ѣ как знак произношения у неслогового и некоторые другие.

Находясь на земле того или иного славянского народа, Срезневский в большей или меньшей степени овладевает его языком, отмечает характерные языковые и речевые черты, элементы сходства и различия между славянскими наречиями и первым формулирует задачу создания сравнительной грамматики славянских языков.

В период путешествия по славянским странам в центре внимания Срезневского находятся преимущественно этнографические и фольклорные материалы. Интерес к древнеславянским письменным памятникам придет позже, но и в письмах обнаруживается

внимание к культурным древностям («Мы съ Келеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнь, и нашли много черепковъ, а я нашель и бронзовый браслетъ» [1. С. 142]), к письменным текстам различных славянских народов, в частности, упоминаются Лузацкая библия, Краледворская рукопись¹.

Интересные сведения получаем о состоянии славистики и о некоторых деятелях славянской и общей филологии. Узнаем о встречах в Москве с А.Ф. Вельтманом, М.П. Погодиным, И.М. Снегиревым. В Берлине И.И. Срезневский берет уроки санскрита у Франца Боппа, знакомится и вместе работает над составлением карты лужичан и дружит с П.Й. Шафариком, В. Ганкой, общается с Вуком Караджичем. В письмах не только звучат имена славистов, но и очерчивается их научный и человеческий облик.

Историко-культурное значение имеют многочисленные фрагменты бытописания. Интуитивно понимая значимость любых достоверных сведений и движимый желанием все подробно изложить своему корреспонденту — маменьке, Срезневский фиксирует меню завтраков и обедов, сообщает расписание движения дилижансов из одного места в другое, стоимость билетов (он был очень озабочен соображениями экономии), описывает и даже зарисовывает расположение мест в дилижансе. Некоторые фрагменты писем дают нам сведения, которые в своем роде являются уникальными. Например, весьма значимо в истории европейской культуры описание концерта Ф. Листа, где, по свидетельству Срезневского, было так много народа, что последнему пришлось стоять на стуле, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Он подмечает жест Листа, тонко характеризующий страстную и порывистую натуру пианиста: выйдя на сцену, Лист «раскланялся подь прямымъ угломъ» [1. С. 70]. Исторически значимы сведения о состоянии в то время Дрезденской художественной галереи, расположенной, как пишет Срезневский, в 14-ти плохо освещенных комнатах бельэтажа, где с трудом можно было разглядеть картины.

Несомненный интерес представляет язык записок Срезневского. Путевые письма дают образец живого языка российского интеллигента 40-х гг. XIX в. Это письменная речь образованного человека, пишущего свободно, стремящегося с максимальной полнотой выполнить коммуникативную задачу. Совершенно очевидно, что язык Срезневского — это язык человека послепушкинской поры,

¹ В Письмах нет каких-либо комментариев по поводу Краледворской рукописи, поэтому неизвестно, был ли ясен для Срезневского тот факт, что эта рукопись — романтическая подделка XIX в. под древнечешский памятник.

хотя Срезневский отправился в путешествие, когда прошло всего два года после гибели поэта. Автор писем свободно использует все средства, все пласты общенационального языка для передачи и оформления когнитивного и эмоционального содержания текста. Текст писем имеет сложную коммуникативную структуру, содержит нарративы различных типов — научно-повествовательный, бытописательный, эмоционально-оценочный. Он дает богатый материал для создания языкового портрета автора в контексте языковой ситуации его эпохи. Немаловажен и тот факт, что письма написаны по-русски, хотя значительная часть эпистолярного наследия этого времени выполнена по-французски (многие письма А.С. Пушкина, письма декабриста М.С. Лунина и др.).

Автор остается в рамках грамматической нормы своего времени. Еще сохраняются родовые различия в им. п. мн.ч. прилагательных: м.р. имеет стабильное окончание *-ые/-ие* (*карие глазки, виды прекрасные* и т.д.), прилагательные ж. р. и ср. р. имеют флексию *-ья/-ия* (*гранитныя скалы; прекрасныя, правильныя, нежныя и полныя огня лица* и т.д.). У прилагательных м. р. и ср. р. в род. п. ед. ч. стабильным является окончание *-аго/-яго* (для *одиного странника, мокрого сьна, до недавняго времени* и т.д.). Преобладают старые формы личного и притяжательного местоимений ж. р. в род. и вин. п. ед. ч.: *кругом ея, у нея, накануне дня ея рождения, люблю Прагу за ея музыкальность*), однако возможны и новые (*нашел ее без труда, на нее*). Нормативной для этого времени является и форма род. п. существительного *день* — *дни* в сочетании с числительным: *третьяго дни*, в других сочетаниях представлена форма *дня*. Шире, чем в настоящее время, употребляется форма род. п. м. р. ед. ч. на *-у*: *покою, боку, для чаю*, что соответствует узусу эпохи, но может быть оценено и как украинизм. Встречаются отдельные, архаичные для современного языка словоформы: *свечь* (ср. свечей), *лице* (совр. лицо), *становишься дитятью*. Подобные явления в той или иной мере представлены и в языке Пушкина [4].

Разговорную окраску имеют формы им. п. м.р ед. ч. на *-ой* в безударной позиции, чередующиеся с нормативными формами на *-ый*: *человек веселой, народ превежливой, прегостеприимный; страшный ураган*; отдельные наречные формы: *туды*.

В области глагольных форм ярких черт, отличающих речь эпохи от современности, нет. Можно отметить лишь стабильное употребление деепричастий на *-вши*: *угостивши нас, не знавши*.

Как дань нормам более раннего времени можно оценить относительную частотность употребления притяжательных прилагательных

тельных в тех случаях, где в более позднее время, и даже в пушкинское, использованы конструкции с родительным определительным: *к Гольпеиновой Эсфири* (речь идет о картине Гольбейна), *Ахенбахова Норвегия* (Норвегия в изображении Ахенбаха), *Рафаелева Madonna, господарев конак*.

Синтаксическое построение фраз не обнаруживает сколько-нибудь заметных отличий ни от норм эпохи, ни от современных. Можно отметить лишь отдельные случаи управления (странствовали в троих [1. С. 148]), конструкции с двойным именительным (не ожидалъ, что онъ будетъ такая птичка [1. С. 16]), архаику в использовании причастных конструкций (Кузнецкий мостъ, мною обитаемый [1. С. 11]). Автор широко использует элементы экспрессивного синтаксиса, о которых будет сказано далее.

Большой интерес представляет лексика Путевых писем. Ее основу составляет обширный пласт общеупотребительных слов. О наличии специальной лексики, связанной с понятиями развивающейся славистики, уже упоминалось. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в литературно-письменном наследии середины XIX в. нет произведения, в котором бы звучало такое многоголосие языков, преимущественно славянских, как в Письмах Срезневского. Помимо уже упоминавшихся текстовых вставок на славянских языках (польском, сербском), здесь и наименования реалий на немецком языке, итальянские музыкальные термины (то и другое в оригинальной литерации), этнографизмы на чешском, сербском, польском, украинском языках: чеш. *рейдовак* (назв. танца), серб. *меана* (постоялый двор, гостиница), серб. *кметь* (сельский староста), укр. *свитка* (род одежды), пол. *горжаўка* (род алкогольного напитка, водка), серб. *едек* (упряжка запасных лошадей в путешествии) и др. Для усиления национального колорита Срезневский отдельные слова включает в текст в их местном звучании: *швентые* (святые), *Иезус*, *матка Марэя*, приводит местные названия известных реалий: чеш. *коловратка* (шарманка), *слечинка* (барышня), *дивадло* (театр), серб. *паланка* (небольшой городок), *ело* (еда) и др. В большинстве случаев автор толкует иноязычное слово, что делается для того, чтобы адресат понял, о чем идет речь, а возможно в этом сказывается и будущий лексикограф. Встречаются отдельные украинизмы, свойственные речи Срезневского, поскольку он в предшествующие путешествием года жил и работал в Харькове; к их числу следует отнести, например, употребление союза *яко*: «я, ...яко иностранец...», частотные пейоративные прилагательные *дрянной*, *поганый*, существительное *сходцы* (лестница). Такой «бу-

кет» разноязычных лексических элементов усиливает славянское звучание текста Писем.

Много любопытного может почерпнуть в Письмах историк языка. Относительно недавно появившееся в русском языке слово *промышленность* (введено Н.М. Карамзиным на базе старых слов *промысел, промыслять*). Срезневский использует в сочетании *русская промышленность* со значением «русский уклад жизни», что не отмечено словарями. Слово *кофе* в речи Срезневского постоянно фигурирует как несклоняемое существительное: *кофе, после кофе, с кофе*; слова *профиль, зала* употребляются как существительные ж. р. Обращают на себя внимание фразеологизмы и пословицы: *домовой бы их не взял* (почему — не?), «вот достоинство, которое *ни враг у них не отнимет*» [1. С. 97]; «всѣ мои покушенія... остались как раки на днѣ — у *сѣти* были, въ *сѣть* не попали» [1. С. 131]. К числу авторских новообразований можно отнести ряд слов, преимущественно сложных и составных именованных: *старичковатый, желтокирпичная* краска, *многоцерковный*, листья так *разноцветно-одноцветные*, путешествие *быстробѣгучее*, *мелкохолмистая* равнина, *полугора, полумолодой* человек. Как известно, образование сложных и составных прилагательных, а также использование суффиксально-префиксального способа было весьма продуктивно в середине XIX в. [5]. В дальнейшем своем научном творчестве Срезневский обращался и к вопросам словообразования прилагательных [6].

Слова *старичковатый, желтокирпичная, многоцерковный* не отмечены не только словарями эпохи, но отсутствуют и в Картотеке Словаря XIX века Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге; слово *полумолодой* представлено в Картотеке только цитатами из сочинений Срезневского, а слово *мелкохолмистый* не фиксируется лексикографическими источниками XIX в., но появляется в XX в. в творчестве А.А. Фадеева. Обращает на себя внимание чешское слово *даребак* «негодяй, дурак» (*dareba, darebak*), употребленное автором без комментариев и, очевидно, с расчетом, что оно понятно русско/украински говорящему адресату: «Не до болтанья съ такимъ даребакомъ, как я» [1. С. 147].

Большой интерес представляют элементы просторечия, широко и свободно используемые автором: «пестрядь людей-сельдей такая, что...» [1. С. 70]; «я почесал в голове (то есть поразмышлял) и остался у Шафарика» [1. С. 93]; «вотъ камень; об него эту канальскую бутылку» [1. С. 131]; (девочка), «поднявши рубашонку, хлопнется ногами в луже» [1. С. 131]; «не только галопироваль

и вальсироваль, но даже съ Смоляромъ дернулъ по Вендски..., а потомъ и по Русски козачка» [1. С. 142]; «работы было по уши» [1. С. 131]; «не до болтанья с такимъ даребакомъ ¹[1. С. 147]. Разговорный характер усиливают выступающие как экспрессивы слова и выражения типа: *бестія, дьявол, черть возьми*: об игре Листа — «Емда! Чортъ возьми!...Такъ мягко дьявол играетъ...Ну Листъ» [1. С. 70]; «Не бедовщина ли!» [1. С. 131]; «Баста! Чего не довидель, не досмотрель, уже не довижу, не досмотрю» [1. С. 160]. Наряду с разговорным *борошно* встречаем книжное *выспрь*: «Дѣва съ младенцемъ на правой рукѣ поднимается выспрь» [1. С. 166]; «*дрянной* городишко» и рядом «идуть...*снискатъ* кусокъ хлѣба» [1. С. 257]. Такая свобода стиля проистекает не только из особенностей эпистолярного жанра, но и отражает внутреннюю речевую свободу человека талантливого, погруженного в стихию языка, чувствующего и ценящего его прелесть.

Синтаксический строй Писем отличается большим разнообразием конструкций и, несомненно, составляет одно из литературных достоинств текста. Характер синтаксических структур меняется в зависимости от характера нарратива. При этнографических описаниях преобладают, как и можно ожидать, цепочки сложных синтаксических структур, предложения с сочинительной связью, нередко осложненные рядами однородных членов. Фрагменты бытописания жизни и странствий автора нередко лапидарны по стилю и содержат простые синтаксические структуры: «Лягли. Пошел дождь. Сквозь черепицы он идетъ свободно, и насъ промочило порядкомъ... Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, и опять пишу на колѣнѣхъ; потому что ни стола, ни стула» [1. С. 255]. Особенно выразительны по своему синтаксическому строю те фрагменты текста, в которых автор стремится передать живое впечатление от увиденного и которые коммуникативно ориентированы на заинтересованное восприятие писем адресатом. В таких ситуациях появляются осложненные или, наоборот, неполные или эллиптические синтаксические структуры, вводные и вставные конструкции, присоединительные конструкции и прочие элементы экспрессивного синтакси-

¹ Слово **даребак** не удалось обнаружить в словарях. Можно высказать осторожное предположение, что оно, при наличии метатезы гласных, входит в словообразовательное гнездо, образуемое такими словами, как **дериба** «плакса, брюзга» (СРНГ, 1972. — Вып. 8. — С. 24. Фиксация 1885 г.), **дерибать, дерябать**, «драть, чесать, скрести», но и «громко, надсадно выть, реветь, нестройно петь, «драть козла», «спорить, вздорить», употребляется в центральных и северных регионах России (Даль, 1. — М., 1955. — С. 432) и имеет общий смысл «тот, кто болтает чепуху», «излишне разговорчивый, надоедливый собеседник».

са: «Отказывался, отказывался; наконец попробовалъ эту нѣмецкую, гадкую, вонючую, картофельную водку, — чуть тут же не освободился от бремени... Слезакъ увидѣлъ, что я пью и присталь, чтобы я пилъ какъ надлежитъ. Человѣкъ, думаю себѣ, веселой. Лишь бы опустѣла бутылка, а тамъ и хорошо пойдетъ; а чтобы опустѣла безъ моего пособія, надобно подняться на хитрости. Ага! Вотъ камень; объ него эту канальскую бутылку, такъ и дѣлу конецъ. Взялъ, притворился пьющимъ, — и потомъ, какъ будто въ восторгѣ съ размаха руку въ сторону отъ себя — и хлопъ!» [1. С. 131].

Заинтересованное внимание к Путевым письмам И.И. Срезневского позволяет уловить черты славянской жизни и культуры 30—40-х гг. XIX в., которым и они пронизаны, увидеть новые грани личности замечательного ученого и человека, оставившего нашей науке и культуре богатое наследство, которое не только расширило границы славистики и русистики, но обогатило всю гуманитарную сферу Славии.

Список принятых сокращений

СРНГ — Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. — М., 1972. — Вып. 8.

Даль. — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1—4.

Список использованной литературы

1. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839—1842. — СПб., 1895.
2. Русское и славянское языкознание в России XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). — Л., 1980. Кондрашов, Н.А. Измаил Иванович Срезневский (1812—188). 100 лет со дня смерти // Русская речь. — 1980. — № 2. Богатова, Г.А. И.И. Срезневский : книга для учащихся. — М., 1985.
3. Бурмакина, Н.А. Сентиментальные тенденции жанра путешествия в произведении первого Енисейского губернатора А.П. Степанова «Путешествие в Кяхту из Красноярска // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание. — Тюмень., Тюменск. гос. ун-т, 2006. — Ч. 1.
4. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М., 1938; Булаховский, Л.А. Курс русского литературного языка. (Исторический комментарий). — Киев, 1953. — Т. 2.

5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / Ред. В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. — М., 1964.
6. Срезневский, И.И. Одна из заметок об образовании слов. Записки АН. — Т. XXI. — Кн. 2. — СПб., 1872.

М.Ю. Досталь

г. Москва

И.И. Срезневский и его вклад в словакистику

Корифей отечественной славистики И.И. Срезневский (1812—1880) внес весомый вклад в историко-филологическое изучение славянских народов в пору их национального возрождения. И словакистика занимает в этом контексте свое достойное место.

1. Молодой ученый впервые в России записал народные песни словаков от торговцев мелким товаром, доходивших до Харькова, и издал их отдельным сборником в 1832 г. «Словацкие песни» встретили сочувственное отношение в среде русской и украинской интеллигенции, даже попали в библиотеку А.С. Пушкина, возможно, послужив ему источником вдохновения при создании «Песен западных славян».

2. И.И. Срезневский посетил Словацкие земли весной и летом 1842 г. в сложный и по-своему кульминационный период истории словаков, вставших на путь открытой борьбы за свою национальную идентичность против усиливавшейся мадьяризации. Исторические судьбы словацкого народа сложились драматически. Рано потеряв свою национальную независимость, завоеванные ордами мадьяр, они вошли в состав Венгерского королевства, а потом и Австрийской империи. Двойное государственное подчинение усугублялось конфессиональным расколом. Часть словаков осталось католиками, другая часть перешла в протестанство. Представители разных конфессий вдобавок использовали разные языки в письменности: протестанты ввели чешскую «библичтину», католики писали сначала на латыни, а в конце XVIII — начале XIX в. талантливый языковед А. Бернолак предпринял попытку кодификации словацкого языка на основе западнословацких диалектов. Лидеры словацкого национального возрождения, протестанты П.Й. Шафарик и

Я. Коллар, в 30—40-е гг. выступали защитниками чешско-словацкого языково-литературного единства. Я. Коллар сознательно в знаменитом трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) среди четырех ведущих славянских «речей» выделял «чешско-словацкую». Их единоведец, даровитый ученый и общественный деятель Л. Штур вместе со своими соратниками в 1843 г. предпринял кодификацию словацкого литературного языка на основе среднесловацких диалектов, которая с некоторыми изменениями принята и поныне. Одновременно, не отказываясь от колларовской идеи «славянской взаимности», шуторовцы выступали за самостоятельность и равноправное положение словацкого народа в кругу своих соплеменников.

И.И. Срезневский во время своей командировки в славянские земли (1839—1842) вступил в дружеский контакт с представителями разных лагерей словацкого национального движения — бернолаковцем, талантливый поэт Я. Голлым, ведущим европейским славистом П.Й. Шафариком, «певцом славянской взаимности», поэтом и проповедником Я. Колларом, ученым и литератором Л. Штуром. Русский ученый сумел разобраться в противоречиях словацкого национального движения, чутко уловив его ведущие перспективные тенденции. Он выступил в поддержку готовящейся реформы Л. Штура, за что ее противники обвинили его и О.М. Бодянского (коллегу из Московского университета) в «подстрекательстве к отторжению словаков от чехов».

3. Во время путешествия по Словакии И.И. Срезневский ревностно собирал материалы по словацкой диалектологии, лексикографии, этнографии и фольклору, прославив одним из лучших знатоков этого предмета среди славянских ученых. Одним из первых он разработал классификацию словацких говоров, в общих чертах принятую и в современной науке, составил примечательный «Словарь горных словаков», отражающий среднесловацкие говоры (который хранится в его архиве), опубликовал в издаваемых им «Известиях ОРЯС» в 1850-е гг. некоторые образцы словацкого фольклора. В письмах матери из славянских земель остались его живые этнографические зарисовки особенностей быта, народного костюма, жилищ, промыслов в разных регионах Словакии.

4. В своих лекциях, которые И.И. Срезневский читал сначала в Харьковском, затем в С.-Петербургском университетах, он одним из первых в России рассматривал словаков в историко-филологическом отношении в качестве самостоятельного, хотя и «безгосударственного», славянского народа. Он сообщал важные сведения о первых государственных образованиях (Нитранское и Блатенское

княжества, Великоморавская держава), покорении венграми, развитии письменности на латыни, «библичтине», «бернолаковщине», «штуровщине» представителями разных религиозных конфессий. Студенты получали общее представление об особенностях словацкого языка, его диалектах, этнографических особенностях населения и фольклоре. Он характеризовал творчество виднейших представителей словацкой литературы: Я. Голлого, Я. Коллара, научные труды А. Бернолака, П.Й. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура.

К сожалению, на склоне жизни в силу разных обстоятельств И.И. Срезневский отказался от прежних воззрений и стал рассматривать словацкий язык как наречие чешского языка.

5. Завязавшиеся в путешествии дружеские связи с представителями словацкой интеллигенции продолжались и приумножились в оживленной переписке и книгообмене с Я. Колларом, П.Й. Шафариком, Л. Штуром, М. Гатталой, К. Кузмани, Й.К. Викторином и др. Благодаря этим письмам Срезневский постоянно был в курсе национально-политической, научной и культурной жизни в Словакии, поддерживал труды словацких ученых благожелательными, но подчас критическими отзывами в научной печати.

Среди словаков И.И. Срезневский неизменно пользовался высоким авторитетом и глубоким уважением. Светлая память о нем остается в их сердцах и поныне. Именем ученого названа одна из улиц в Братиславе.

В.Ю. Франчук

г. Киев

Научная школа И.И. Срезневского на Украине

После возвращения из заграничного путешествия И.И. Срезневский четыре года (1842—1846) читал в Харьковском университете курс лекций «История и литература славянских наречий», во вступительном разделе которого доказывал необходимость изучения славянских языков и литератур в России. За эти годы им были прочитаны различные теоретические курсы: введение в изучение славянской филологии, старославянский язык, обзор славянских языков и наречий в связи с культурой и литературой славянских народов. В это же время ученый проводил занятия по объяснительному чтению древнерусских памятников.

Самым значительным достижением харьковского периода стала книга «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям» (Харьков, 1846). За этот труд Срезневский первым в нашей стране получил ученую степень доктора славяно-русской филологии. Его лекции были популярными в среде студентов. И все же за четыре года среди слушателей не появился выпускник, который оставил бы след в истории славистики и вообще языкознания. Ко времени отъезда Срезневского из Харькова (1847) в университете не оказалось ни одного специалиста, который смог бы продолжить начатое им дело. Тем не менее именно в Харькове И.И. Срезневский сформировался как лингвист, который через два года после переезда в Петербург создал выдающийся труд «Мысли об истории русского языка». Ведь еще в 1831 г. начинающим тогда молодым ученым была написана статья «Мысли и заметки», которая и явилась подступом к эпохальной для развития отечественного языкознания работе.

Значение этой первой серьезной лингвистической работы в том, что в ней предпринята попытка из эскизных зарисовок, набросков и разысканий в области отдельных явлений и фактов прошлого создать цельное учение об органическом единстве языка в его историческом развитии. Основные же положения труда «Мысли об истории русского языка», поставленная в нем задача представить историю восточнославянских языков во всем объеме нашли отражение и развитие в трудах многих лингвистов, работавших на Украине.

С 1856 г. кафедру истории русского языка и русской словесности возглавил Николай Алексеевич Лавровский, вошедший в историю русской филологии как автор ряда важных работ по истории русского языка. Его лингвистические интересы и взгляды сформировались под благотворным влиянием учителя по Петербургскому главному педагогическому институту профессора кафедры славяно-русской филологии И.И. Срезневского. Среди работ Н.А. Лавровского выделяются исследования важнейших периодов развития русского языка, а также освещение роли и значения отдельных ученых и писателей в этом процессе. Н.А. Лавровский написал исследование, не потерявшее научной ценности и в наше время: «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853), в котором убедительно показал византийское влияние на синтаксис этих договоров (характер периодов, их построение) на отдельные слова и выражения. А.А. Шахматов в работе «Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря» подчеркивал: «То, что до-

шедшие до нас договоры переведены с греческого, едва ли возбуждает какие-нибудь сомнения; со времени появления исследований Н.А. Лавровского и И.И. Срезневского можно считать вопрос разрешенным окончательно» [1. С. 386]. Заслуги Н.А. Лавровского в решении этого вопроса подчеркивали и академики В.М. Истрин и С.П. Обнорский.

Видным специалистом в области истории русского языка (хотя в его научной деятельности преимущественное внимание уделялось проблемам славистики) был брат Н.А. Лавровского — Петр Алексеевич Лавровский, который, как и его старший брат, обратился к изучению русского и других славянских языков под влиянием своего учителя Срезневского. Его магистерская диссертация «О языке северных русских летописей» (СПб., 1852) впервые в русской филологии глубоко и разносторонне раскрывает особенности языка летописей. Эта работа имеет значительный научный интерес и в наше время, так как на фоне древнерусского языка, рассматриваемого до конца XV в. с выделением его характернейших особенностей, автор сравнительно полно показывает те черты языка северных (новгородских) летописей, которые «отличают его как наречие местное». Цель своей работы исследователь видел в том, «чтобы на основании русских летописей обозреть черты древнего языка в одной из половин нашего отечества, именно в северной России, и указать на то, когда и каким образом эти черты забылись и заменились новыми».

Для середины XIX в. актуальными были исследования П.А. Лавровского «Об особенностях словообразования и значения слов в древнерусском языке» (1853), «Собрание слов из летописей Новгородских» (1856) и две работы, важные для изучения истории и характера русского полногласия: «О русском полногласии» (1859) и «Замечания о полногласии» (1859—1860). В этих работах П.А. Лавровский анализирует состояние вопроса, рассматривает взгляды Добровского (1813), Максимовича (1839), Павского (1841, 1845), Каткова (1845), Срезневского (1850), Миклошича (1852) и приходит к выводу, что русское полногласие исключительно обуславливается звуками **р** и **л** и может быть названо так только по отношению к близким, родственным наречиям. Расположение ударений в полногласных русских словах, по его мнению, «говорит положительно о господстве долготы и краткости некогда и в отечественном языке и о зависимости от них современных ударений; по

отношению к родственным языкам русское полногласие соответствует одному гласному звуку перед плавными» [2. С. 71].

Деятельность братьев Лавровских оказала благотворное влияние на изучение восточнославянских языков и их истории в Харьковском университете, на зарождение и становление Харьковской филологической школы [3. С. 779—780], одним из блестящих представителей которой стал А.А. Потебня. В своих автобиографических заметках он писал: «Благодаря Лавровским я стал заниматься языкознанием... благодаря снисходительности Н.А. и П.А. Лавровских я выдержал экзамены (магистерские) и был оставлен в университете» [4. С. 325].

Важная роль И.И. Срезневского в научной судьбе А.А. Потебни объясняется тем, что уже в его ранних трудах он увидел отклик на идеи, высказанные в работе «Мысли об истории русского языка». «Влияние Срезневского можно проследить в ранних печатных трудах Потебни, — пишет И.Я. Айзеншток в комментариях к переписке А.А. Потебни и И.И. Срезневского. — Некоторые тезисы «Мыслей об истории русского языка» являются как будто эмбрионами отдельных мест и тезисов его труда "Мысль и язык"» [5. С. 170]. Правда, Айзеншток не подтверждает свою мысль положениями из трудов, а обещанная им работа на эту тему так и не была написана. Все же он прав по существу. И в работе «Мысль и язык», и в работе «Из записок по русской грамматике» Потебня развивает концепцию Срезневского о развитии языка.

В «Мыслях» Срезневского ставится вопрос о внешних и внутренних факторах, которые воздействуют на язык и изменяют его. Внешние обстоятельства, как он полагает, — это «связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами», а внутренние — это действующие в языке противоречия. Противоречия в языке, проявляющиеся в постоянном «борении, постоянных уступках старины новизне», определяют, по словам И.И. Срезневского, развитие языка. В силу неравномерности развития («в одном и том же языке не все превращается равномерно, иное скорее, иное медленнее») язык, по мнению И.И. Срезневского, представляет собой наслоение различных слов, «разновременно образованных, древних и новых». Неравномерность развития языка, наличие в нем старых и новых элементов определяют, по мнению Срезневского, постепенное развитие языка, которое проявляется в изменении его структуры [6. С. 20—26].

В трудах Потебни читаем: язык находится в постоянном развитии, и ничто в нем не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное. Ученый считает, что историческое развитие языка проявляется в его несомненном прогрессе и связано с его качественными изменениями, так как в живых языках развитие старого есть вместе с тем создание нового» [7. С. 76]. Язык в понимании Потебни — это система функционально и структурно взаимообусловленных элементов, поэтому уже в своих ранних исследованиях он уделяет большое внимание изучению взаимосвязи явлений языка в единой системе, убедительно доказывая научную несостоятельность и антиисторизм взглядов на язык как на организм (Шлейхер), сравниваемый с организмами растений и животных.

Задачу сравнительно-исторического изучения русского языка И.И. Срезневский формулирует следующим образом. Необходимо, полагает он, изучить лексику, грамматику каждого древнего памятника языка, описать каждое наречие и каждый местный говор русского языка, научно описать в грамматическом, лексическом и стилистическом отношениях современный русский язык и язык писателей, а затем уже изучать русский язык в сравнении с другими славянскими языками. Только на основе таких исследований возможно создание полной истории русского языка.

Во всей научной деятельности А.А. Потебни и особенно в его труде «Из записок по русской грамматике» Срезневский видел осуществление программы, намеченной им в «Мыслях об истории русского языка». Не случайно, сделав обзор всех трудов харьковского исследователя, он переходит к анализу «Из записок по русской грамматике». Дело в том, что все предыдущие работы Потебни по восточнославянским языкам были, по мнению И.И. Срезневского, только подготовительным материалом к созданию основного труда его жизни — «Из записок по русской грамматике», посвященного разбору грамматического строя этих языков. Пытаясь проникнуть хотя бы отчасти в ту цепь подготовительных работ, которые А.А. Потебня должен был взять на себя, И.И. Срезневский отмечает, что он взял предметом исследований весь русский язык, под которым понимал совокупность восточнославянских языков. Именно поэтому он не мог выпустить из своего поля зрения ни один сколько-нибудь важный памятник. Не мог опустить ученый и ни одно грамматическое явление. Исследователь не мог оставить без внимания ни один из выводов о каждом из них, сделанный до него. Все это должно было войти в его книги и не в общем своде, а в систематическом подборе множества разнообразных данных. А это, как подчеркивает И.И. Срезневский, — «шаг новый в науке

русского языка и вместе с тем тяжелый, потому что, решаясь на него, исследователь решается на труд внимательного рассмотрения огромной массы памятников и их объяснений, — труд новый и тяжелый, но тем не менее необходимый, требуемый ходом науки» [8. С. 10].

Таким образом, продолжая традиции И.И. Срезневского, его ученики и последователи, работавшие на Украине, подходили к явлениям языка с исторических позиций и рассматривали их в процессе развития. Изучая происхождение и развитие языка и словесности в связи с историей народа, они уделяли особенное внимание исследованию фонетических, лексических и грамматических особенностей восточнославянских языков в их эволюции, собирали и изучали фольклор и художественные ценности, составляющие достижения национальных славянских культур.

Список использованной литературы

1. Записки нефилологического общества : сборник в честь Ф.А. Брауна. — Вып. 8.
2. Лавровский, П.А. О русском полиогласии. — СПб., 1859.
3. Франчук, В.Ю. Харківська філологічна школа // Українська мова. Енциклопедія. — Київ, 2004.
4. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. — М., 1891. — Т. 3.
5. Айзеншток, Й.Я. З листування О.О. Потебні // Україна. — 1927. — Кн. 1—2.
6. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка. — М., 1959.
7. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. — М. ; Л., 1941.
8. Срезневский, И.И. Десятое присуждение Ломоновской премии // ЖМНП. — 1876.

О.В. Гусева

г. Санкт-Петербург

Издания Библий

эпохи славянского национального возрождения в коллекции И.И. Срезневского

Эпоха национального возрождения у славянских народов ознаменовалась пробуждением национального самосознания, оживлением духовной жизни, движением за языковую и религиозную самостоятельность. На рубеже XVIII—XIX вв. и в первые десятиле-

тия XIX в. происходило становление или качественное обновление национальных литературных языков, новой национальной культуры, литературы, науки. Свидетелем многих из этих процессов стал И.И. Срезневский еще в пору своего путешествия по славянским землям, которое он совершил в 1839—1842 гг. для подготовки к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий в Харьковском университете.

В книжной коллекции, которую молодой ученый привез из путешествия, нашли отражение интересовавшие его проблемы, одной из которых была кодификация славянских литературных языков. Свое богатейшее собрание книги эпохи славянского национального возрождения Срезневский пополнял в последующие годы.

В эпоху национального возрождения славянских народов на развитие болгарского, сербского, хорватского, словенского, серболужицкого, чешского и словацкого языков значительное влияние оказали переводы Библии. Отказ от старославянского или латыни и обращение к живому народному языку при переводе Священного Писания должны были повысить общественный престиж и значимость национального языка, потому что переводы Библии на языки славянских народов были столь значимы для развития общественной мысли и единения наций, для формирования и стабилизации литературных языков. Собранные Срезневским славянские переводы Библии, увидевшие свет в конце XVIII—XIX вв., позволяют судить о культурной и филологической стороне этого влияния. Это переводы на сербский, хорватский, болгарский, словенский, чешский, словацкий, серболужицкий языки.

Определяющую роль в создании современного сербского языка сыграл перевод Нового Завета на сербский язык, выполненный Вуком Караджичем, ученым, с которым Срезневский познакомился в годы своего путешествия. Сербский будитель реализовывал программу по созданию сербского литературного языка, включавшую составление грамматики и словаря народного языка, издание произведений народного творчества и перевод Библии на национальный язык. По замыслу Караджича, Новый Завет, за перевод которого он взялся в 1816 г., должен был стать книгой, обобщающей его теоретические разработки в области нормирования и обогащения современного сербохорватского литературного языка и демонстрирующей его богатые возможности. Новый Завет в переводе Караджича являл собой образец нового литературного языка на народноречевой основе, хотя ученый опирался на тексты русского, церковнославянского и других переводов. Книга под названием «Образцы

Священного писания на сербском языке» вышла в 1824 г. в Лейпциге [1]. Вероятно, эту книгу Срезневский привез из путешествия по славянским землям. Почти два десятилетия спустя, в 1847 г., Караджичу удалось осуществить новое, полное издание Нового Завета [2]. Один экземпляр книги сербский ученый отправил в Петербург своему другу и коллеге Измаилу Ивановичу Срезневскому. На этом экземпляре, хранящемся ныне в Библиотеке РАН, есть запись Караджича: «Его Высокоблагородию Исмаилу Ивановичу Срезневскому в знак глубочайшего почтения и благодарности. Вена, 30 ноября, 1847».

Перевод Нового Завета, выполненный Вуком Караджичем в первой половине XIX в., стал образцом литературного сербохорватского языка более чем на столетие. Он оказал влияние не только на сербский, но и на соседние южнославянские народы, например, на хорватский.

В первой половине XIX в. деятели болгарского национального возрождения стремились к созданию единого литературного языка. В реализации этой программы болгарские будители, как и их сербские соседи, выделяли три принципиальных этапа: издание национальной грамматики, словаря и перевод Библии на национальный язык. Срезневский внимательным образом следил за появлением новых книг на болгарском языке и приобретал их для своей коллекции. Одним из первых переводчиков Нового Завета на болгарский был Петр Сапунов, его перевод вышел в 1828 г. в Бухаресте [3]. Из важнейших болгарских переводов текста Священного писания нового времени необходимо назвать перевод иеромонаха Неофита Рыльского (1840 г.), автора «Болгарской грамматики» (1835). Перевод Рыльского был наиболее популярен в Болгарии в эпоху национального возрождения [4]. До освобождения Болгарии в 1878 г. он издавался шесть раз.

В собрании Срезневского сохранилось несколько любопытных экземпляров богослужебных книг на словенском языке, изданных в эпоху национального возрождения. На одной из них можно увидеть владельческую запись «z Knih Stiboha Czochiusa od r. 1836» и пометку, сделанную Срезневским в период его славянского путешествия: «За эту книгу я должен послать брату Цохиусу русскую книгу, в [Оров] столицу ... через Штура» [5] (крупнейшего деятеля словацкого национального возрождения).

До конца XVIII в. у словаков не было литературного языка, в письменности использовались латынь, чешский, немецкий и венгерский языки. В литургии словацких протестантов использовался

чешский литературный язык, так называемая «библичина», восходящая к языку Кралицкой Библии. Словацкие католики тяготели к национальной и языковой самостоятельности. Таким образом, в истории создания переводов Священного писания на словацком языке большую роль сыграло расслоение словацкого общества по конфессиональному признаку. В собрании Срезневского оказались важнейшие для истории словацкого литературного языка переводы Библии, связанные с различными языковыми реформами и отражающие очередные этапы кодификации словацкого языка. Это, например, перевод Ветхого и Нового Завета, выполненный Юраем Палковичем (1769—1850) и опубликованный в 1829—1832 гг. [6]. Своим переводом Палкович стремился доказать жизнеспособность словацкого литературного языка и дать его образец.

Новый перевод Библии на словацкий язык был связан с новой языковой реформой, проведенной в середине XIX в. протестантским деятелем Людевитом Штуром (1815—1856). Новый вариант словацкого литературного языка получил название «штуровщина» по имени своего создателя и стал признанным словацким литературным языком. В соответствии с нормами кодифицированного языка появились новые переводы Библии.

Процесс славянского национального возрождения вызвал к жизни целую волну переводов Библии на славянские языки в тех странах, где эти переводы уже осуществлялись ранее, и привел к появлению первых переводов на те языки, на которых до того времени переводов не было. Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX в. переводы Библии на славянские языки помимо духовно-религиозной функции сыграли огромную роль в становлении славянских наций и национальных языков. Значимость этих процессов И.И. Срезневский осознавал еще будучи молодым исследователем, только приступавшим к изучению славянских языков и культур. И в дальнейшем он не переставал уделять внимание этой важнейшей стороне духовной жизни зарубежных славянских народов.

Список использованной литературы

1. Караѿић, В. Огледи Светога Писма на српском језику. — У Липисци, 1824.
2. Караѿић, В. Нови Завјет Господа Нашега Исуса Христа. — У Бечу, 1847.
3. Новый Завет сиречь четыриите Еваггелии на четыриите Еваггелиста... Переводитель Петар Сапунов Трявненын. — Букурещ, 1828.

4. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа сега ново преведенный от славенскаго на болгарский язык от Неофита иеромонаха П.П. Рыльца и с прилежанием прегледан и одобрен от преосвященнейшаго и премудраго митрополита Терновскаго Г.Г. Иллариона. — Смирна, 1840.
5. Nouvi Zakon ali Testamentom Goszpodna nasega Jezusa Krisztusa zdaj oprvics z Grcskoga na sztári szlovenszki jezik obrnyeni po Stevanu Kuzmicsi Surdánskom F. Vu Posoni, 1817.
6. Biblia. Swate pismo stareho i noweho Zakona... D. 1—2. Ostrihom, 1829—1832.

А.Г. Машкова

г. Москва

Некоторые проблемы исторического развития культуры Словакии

Особенности географического положения Словакии (по данным словацких ученых, именно на ее территории, близ местечка Кремнице, находится географический центр Европы) и ее исторических судеб (вхождение на протяжении многих столетий в состав Венгерского королевства, Австрийской империи, Австро-Венгрии, Чехословацкой Республики; только в 1993 г. после «нежной» революции 1987 г. Словакия обрела национальную независимость) способствовали тому, что словацкая культура длительное время развивалась в тесном взаимодействии с культурой соседних народов — венгерской, австрийской, немецкой, чешской. Вместе с тем, постепенное осознание своей принадлежности к семейству славянских народов, духовной близости с ними, которое пришло к словакам в конце XVIII в., способствовало активизации культурных связей с другими славянскими странами, и в первую очередь, с Россией. Отсутствие собственной государственности, политическая зависимость от других стран и народов стали причиной того, что словацкая литература вплоть до конца XVIII в., когда были предприняты первые попытки кодификации словацкого литературного языка (реформы Й.И. Байзы, А. Бернолака), создавалась на различных языках (латынь, венгерский, немецкий, чешский). Спецификой исторического пути словаков можно объяснить и неравномерность развития их литературы в различные эпохи, а также ускорение этого процесса в XIX в. в связи с началом словацкого национального возрождения.

Итак, вхождение словацких земель в состав Венгерского королевства (с X в.) привело к тому, что на протяжении многих столетий культура словацкого народа испытывала сильное влияние венгерской культуры. Вместе с тем, уже в эпоху средневековья в силу различия традиций народного творчества, языковых основ формируется процесс дифференциации двух культур. Истоки же собственно словацкой культуры, как правило, связывают с распространением в словацких землях чешского языка (XIV в.). Именно тогда получают широкое распространение оригинальные и переводные памятники древнечешской литературы, а также предпринимаются попытки создания текстов на чешском языке, который все активнее насыщается словакизмами. Так, постепенно чешский язык вытесняет из культурной жизни Словакии латынь, немецкий, а затем и венгерский языки.

Одновременно в рамках единого государственного образования (Венгерского королевства, Австрийской империи) формируется общее культурное пространство, складываются словацко-венгерские литературные отношения, которые в зависимости от исторических условий постоянно видоизменяются. К примеру, если в эпоху Ренессанса и Барокко в словацкой литературе, которая в существующих исторических условиях была «принимающей», в основном доминировали типологические связи при одновременном формировании билитературной системы, свидетельствующей о тесном переплетении литературных традиций, то конец XVIII — начало XIX в. отмечен не только дальнейшим развитием типологических связей, но и активизацией связей контактных.

Вместе с тем, культурная жизнь Словакии на рубеже XVIII—XIX вв. теснейшим образом связана с Чехией. Общность языка, просветительских и патриотических устремлений двух близких славянских народов способствовали тому, что словацкое и чешское национальное возрождение практически не было дифференцировано. Труды чешских ученых-славистов Й. Добровского, Й. Юнгмана, Ф. Палацкого, творения писателей-классицистов А. Пухмайера, В. Тама, Ф.Л. Челаковского и других нашли самый живой отклик в культурной среде словаков. В свою очередь, словацкие просветители Ю. Палкович, Б. Таблиц, Ш. Лешка, А.Б. Врховский и другие поддерживали тесные контакты с деятелями чешской культуры — писателями, учеными. А научные труды и литературные произведения великих сыновей словацкого народа — Я. Коллара и П.Й. Шафарика, писавших по-чешски, фактически на протяжении длительного времени считались принадлежностью чешской куль-

туры. И именно в трудах Шафарика и Коллара, предложившего целую программу культурного сближения славян, получила развитие идея «славянской взаимности», предполагавшая активизацию взаимных контактов славянских народов, изучение славянских языков, обмен литературой, создание славянских библиотек и т.п. Идеи Коллара, изложенные в его трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) и в поэме «Дочь Славы» (1924), нашли поддержку в славянском мире. На колларовский призыв, обращенный к славянам, — «Соединимся ж все мы без изъятия: // серб, русский, чех, болгар, поляк, // один к другому кинемся в объятия — // одна хоругвь, один да будет стяг» — чешский поэт А. Марек откликнулся словами: «Я ощущаю, что принадлежу всему славянству, и все славянство принадлежит мне». Поэма «Дочь Славы» становится настольной книгой в среде патриотически настроенной хорватской молодежи, в числе которой был известный хорватский просветитель Л. Гай. Влияние колларовских идей очевидно в творчестве словенских поэтов С. Врза (поэтический сборник «Джулабие» — «Красные яблоки») и Ф. Прешерна, взывавшего в своем стихотворении «Здравица»: «Храни Бог весь славянский дом... // а дети Славы, вместе все, // пусть за руки возьмутся». А словенская писательница Й. Турнограйска, создавшая по мотивам «Дочери Славы» новеллу «Марула», в одном из своих писем свидетельствовала: «День Славы заблистал так весело и радостно. Все ее сыны спешат принести ей свой дар, каждый хочет доказать, что является ее достойным сыном. Почему бы и ее дочерям не питать тех же устремлений?». Идея единения славян, их культурного сближения, несмотря на ее различные идеологические толкования у разных славянских народов, оказалась необычайно действенной в их борьбе за национальную независимость. При этом многие из них свои надежды на освобождение связывали с Россией, которой Коллар при изображении семейства славянских народов в символическом образе статуи отвел роль «головы».

Семена идеи «славянской взаимности» упали и на благодатную почву российского славянофильства. Подтверждение тому — бурное развитие словацко-русских контактов в области культуры, науки, литературы, что явилось мощным толчком для развития самой словацкой культуры. Эти контакты были многообразны: встречи, поездки, переписка, книгообмен, взаимная информация о состоянии культуры своих народов, переводы и т.д. Так, уже в начале XIX в. Словакию посетили И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, Т.Н. Грановский, П.П. Прейс, М.П. Погодин, В.И. Григорович,

А.Х. Востоков и др. Некоторые из них встречались с Колларом и Шафариком и даже считали себя их учениками. В частности, Погодин в письме к Бодянскому писал: «Шафарик для меня — целая академия, ему я более всех обязан и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мне так мог пригодиться, как он... это целая библиотека, живая энциклопедия всех сведений о славянах». Очень высоко оценил «Славянские древности» Шафарика Срезневский, откликнувшись на эту книгу в «Журнале Министерства народного просвещения» (1843). В том же издании Срезневский, поделившись с читателями своими впечатлениями о встрече с Колларом, дал оценку значению его творчества: «Не раз уже повторялось у нас имя Коллара, — писал он. — Читатель, может быть, знает, что Коллар — великий поэт, что он творец «Дочери Славы», чудной одической поэмы в 645 сонетов, оживленной почти исключительно одним чувством любви к славянам, любви пламенной, подчинявшей себе всю душу, все помыслы поэта... Это одно из тех имен, которые останутся неразлучны с воспоминаниями о жизни западных славян в первую половину XIX века и всегда будут оживлять это воспоминание образом светлым и чистым, какой можно иметь только в муже, одаренном необыкновенною силою духа, силою любви к правде, отечеству и соплеменникам, силою деятельности и самоотвержения».

Идея «славянской взаимности» продолжала оказывать значительное воздействие на культурную жизнь словаков и в середине XIX в., в предреволюционные и революционные годы, когда задачи художественного творчества переплелись с задачами общенациональными, общественно-политическими, а писатели стали выразителями общенародных устремлений, глашатаями нации. В это время все более остро ощущается потребность в едином национальном литературном языке: употребляемый протестантской частью общества вариант чешского языка уже не отвечал уровню и задачам современной литературы, а используемая католиками «бернолатчина» имела ограниченную сферу применения. Осуществленная в 1943 г. Л. Штуром языковая реформа вызвала резкое противостояние со стороны протестантской части интеллигенции, утверждавшей, что данная акция ведет к «расколу», «отрыву» от чехов, ослаблению национального движения чехов и словаков. Ситуация накалилась после объявления по предложению Коллара венскими властями чешского языка официальным литературным языком Словакии.

Однако никакое противостояние не могло сдержать все более нарастающий процесс формирования национального самосознания словацкого народа, главную роль в котором играла культура.осу-

ществление реформы языка, создание грамматики, словарей, обращение к истокам национальной культуры и истории, интерес к фольклору, который, по выражению Штура, является «фундаментом» словацкой литературы, — все это обеспечило успешное культурное развитие Словакии не только в 60-е — «матичные» — годы (от Матицы Словацкой, созданной в 1863г.), но и помогло словацкому народу выстоять и добиться значительных успехов на пути развития национальной культуры в сложнейший период истории, наступивший после образования Австро-Венгрии, власти которой взяли курс на мадьяризацию словацкого населения.

Список использованной литературы

1. Коллар, Ян. Сто сонетов. — М., 1973.
2. Никольский, С.В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. — М., 1987. — Т. 2.
3. Прешерн, Ф. Лирика. — М., 1987.
4. Pogačnik. Zgodovina slovenskega slovstva. Realizem. — Maribor, 1970. IV.
5. Письма М.П. Погодину из славянских земель. 1835—1861. — М., 1879.
6. Срезневский, И.И. / И.И. Срезневский, Я.Коллар // Министерство народного просвещения. — 1844.

К.В. Лифанов

г. Москва

Русско-словацкие параллели в формировании литературных языков

В известной работе Н.И. Толстого «Slavia Orthodoxa и Slavia Latina — общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки)» подчеркивается, что для выявления особенностей типологии современных славянских литературных языков чрезвычайно важным является вопрос об их функционально-парадигматических связях с древнеславянскими, выполнявшими функцию межславянских. При этом под таким межславянским языком исследователи имеют в виду лишь старославянский и его непосредственного продолжателя — церковнославянский язык. В результате литературные языки, возникшие в мире Slavia Orthodoxa, противопоставляются литературным языкам мира

Slavia Latina, поскольку они «отпочковывались от единого церковнославянского языка сначала в виде его вариантов (изводов или редакций), а затем в виде самостоятельных языков, не теряющих связи с церковнославянской традицией и друг с другом» [5. С. 19]. В мире же Slavia Latina, как считается, они возникали на базе того или иного местного диалекта.

Вместе с тем, в средневековье существовал еще один славянский литературный язык — древнечешский, проявлявший тенденцию стать межславянским и проникавший в той или иной форме на территории других этносов. Как отмечал Б. Гавранек, первые записи на древнечешском языке вне чешской этнической территории, датируемые еще XIII в., обнаруживаются в Верхней Силезии, где в XV в. он становится языком делового письма и частной корреспонденции. Верхняя Силезия явилась своего рода «трамплином» для распространения чешской культуры и языка в польской среде. Древнечешский литературный язык здесь употреблялся в функции сакрального языка, языка науки и литературы. В XV в. древнечешский литературный язык начинает довольно широко использоваться даже в Венгерском королевстве, причем в самом его центре — при дворе короля Матьяша, как это подтверждает его корреспонденция. Элементы древнечешского языка проникают в памятники Юго-Западной Руси, входившей в состав польско-литовской унии. В меньшей степени он был известен у южных славян, однако его влияние прослеживается в хорватской глаголической письменности. Несколько позже, в середине XVI в., появляются первые серболужицкие памятники главным образом религиозного содержания, также несущие на себе печать древнечешского литературного языка [6. С. 53—59]. Неудивительно, что он в XIV в. проникает и в Словакию, чему способствовала сопредельность ее территории и близость чешскому языку, в особенности западнословацкого диалекта.

В отличие от других этносов словаки восприняли древнечешский литературный язык как обработанную форму родного языка. Документальным подтверждением этого является его обозначение в памятниках словацкой письменности не только как *lingua slavonica* или *lingua slavica*, то есть «славянский язык», но и как *lingua vernacula* или *lingua nativa*, то есть «родной язык» [7. С. 87]. Древнечешский литературный язык, имея существенные структурные сходства (иногда в деталях) со словацкими диалектами, начинает взаимодействовать с ними прежде всего на фонетическом и морфологическом уровнях. Первоначально элементы словацкого языка проникают в письменные тексты как отклонения от нормы, а затем сами становятся нормой, что в итоге приводит к изменению всей

шкалы «ценностной ориентации в отношении целого ряда внутриструктурных элементов» по признаку «нормативности — ненормативности» [4. С. 29]. Тот же самый механизм образования нового идиома — церковнославянского языка русского извода — был отмечен и Н.И. Толстым [5].

Совпадение целого ряда явлений при отождествлении двух естественных языков в сознании пользователей литературным языком приводит к тому, что различающиеся элементы противопоставляются не как элементы разных языков, а как признаки иных функциональных сфер, то есть как «книжные» и «некнижные». В этом отношении также прослеживается очевидная аналогия между оппозициями древнечешских и словацких элементов, с одной стороны, и церковнославянских и русских — с другой. Овладение книжным языком базировалось на ресурсах родного языка. При таком способе обучения и создания оригинальных текстов «в языковом сознании обучающегося элементы книжного языка оказывались соотносительными с элементами языка некнижного, образуя своего рода механизм пересчета книжных элементов в некнижные» [2. С. 51] и наоборот. «Книжный язык ни в коей мере не воспринимался как чужое, существующее вне зависимости от родного языка наречие... Владение книжным языком накладывалось на естественные речевые навыки, выступая как их своеобразная трансформация, доступная каждому, упражняющемуся в чтении книг» [2. С. 53].

Взаимодействие древнечешского литературного языка со словацкими диалектами уже в XV в. приводит к тому, что формируется его специфическая словацкая редакция, имеющая отличия от собственно чешской. Первоначально этот процесс реализуется в возрастании частотности явлений, окказионально представленных в последней, но в дальнейшем он охватывает все новые и новые элементы, углубляя различия между двумя вариантами единого целого. Начавшийся процесс обособления словацкой редакции древнечешского литературного языка завершается его распадением, когда словацкие книжники прекращают ориентироваться на язык пражского центра и в качестве образцов используют собственные тексты. В словакистике уже обращалось внимание на то, что орфография памятников словацкой письменности вплоть до кодификации А. Бернолака (и даже Л. Штура, если авторы не пользовались бернолаковской системой правописания) восходит к орфографии чешских братьев [3. С. 200; 1.], однако в древнечешском литературном языке следует искать не только истоки орфографии памятников словацкой письменности, но и общесловацкой письменной традиции в целом.

Список использованной литературы

1. Дечи, Д. Орфография древнейших памятников словацкого языка // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 3, 1953.
2. Живов, В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // *Актуальные проблемы славянского языкознания*. — М., 1988.
3. Кирай, П. К вопросу о словакизации (А.И.Хашко: *Živý Příklad*. 1788. А.И. Хашко. Живой пример. 1788) // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 2, 1952.
4. Степанов, Г.В. Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки // *Социальная и функциональная дифференциация литературных языков*. — М., 1977.
5. Толстой, Н.И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* — общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // *Вопросы языкознания*. — 1997. — № 2.
6. Havránek, V. *Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. stol.* // *Co daly naše země Evropě a lidstvu*. — Praha, 1940.
7. Varsik, V. *Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia*. — Bratislava, 1956.

Никос Чаусидис

Македония

Семантика посуды

в лексике славянских традиционных культур

В семантических и этимологических исследованиях лексики традиционных славянских говоров часто применяются компарации, которые соответствуют логическим и семиотическим концептам, свойственным рациональному мышлению современного цивилизованного человека. При этом не имеется в виду факт, что эта лексика возникла в культурах, у которых был доминантен так называемый мифическо-символический концепт мышления, в котором семантические идентификации между разными элементами и категориями действительности базируются не на их объективных сходствах и связях, а на тех, которые были релевантны мифическому сознанию человека, принадлежавшего этим архаичным культурам. В этой статье мы поставили перед собой цель предпринять одну компарацию на славянском лексическом материале, который принадлежит трем на первый взгляд отдельным и не связанным между собой сферам. Речь идет о названиях разной посуды и их соотношении, с одной стороны, со сферой женского тела (детородные органы, матка,

бедра, таз, колена), с другой — со сферой земли как элемента окружающей природы (разные углубления, дыры, впадины в земле).

Указанные семантические и мифо-символические реляции базируются на определенных функциональных сходствах между тремя сферами, к которым архаичный человек был экзистенциально и эмоционально направлен. Ниже представлены лексемы, во всех трех сферах означающие пустые, углубленные объекты, в которых что-то создается и хранится и из которых происходит что-то важное и драгоценное для архаичного человека (ребенок, вода, пища и т.п.), поэтому можно предположить, что при оформлении этих лексем важнее был их общий функциональный смысл, чем их ясная дифференциация в пространственном и предметном смысле, которая, вероятно, была реализована второстепенно и другими способами.

Указанные отношения между тремя сферами эксплицитно подтверждены во многих культурах всего мира разных периодов и регионов: в сфере обрядов — через непосредственную или индиректную идентификацию женщины, земли и посуды; в сфере изобразительного медиума — через изображения посуды и земли в виде женщины или в виде женского мифического персонажа. Из обрядовых традиций особенно интересно обрядовое производство женской керамики у южных славян (Сербия, Македония, Болгария), где свою первую посуду для выпечки хлеба, названную «црепна», «црепуља», «подница», женщина имела право произвести в период своей девственности. Это можно объяснить магической инвестицией женской репродуктивной силы на посуду.

Сфера тела (женского)	посуда	сфера земли / пашни
<p>— <i>лоно</i> (рус.): женские гениталии</p> <p>— <i>*lono</i> < <i>*log-sno</i>: к тому же корню, что и <i>*log, lože, ložesna</i>: матка утерус</p> <p>— <i>лоно</i> (рус.): подмышка, охват руками, горсть, то есть чашка сделана ладонями</p> <p>— <i>*luna</i>: (балтослав. всеслав. И праслав.): луна (в соотношении с менструальными циклами женщины)</p>	<p>— <i>лонец</i> (юж. Слав.)</p> <p>— <i>*loпьсь</i> (праслав.): горшок</p> <p>— <i>ложка</i> (рус.)</p> <p>— <i>лажица</i> (макед.): ложка</p>	<p>— <i>лунка, луница</i> (рус.): ямка, дырка в земле (между прочим, для посадки растений)</p> <p>— <i>лано</i> (болгар.): место, где лежит скошенный хлеб (?)</p>

<p>— <i>карлица, краљежница</i> (серб. хорв., макед.): нижняя часть туловища, таз, бедра</p> <p>— <i>карлик</i> (рус.); <i>karelek, karlyc, karzelek</i> (пол.): карлик, ребенок, фетус (в реляции с названием утруса (?)).</p>	<p>— <i>карлица, карлава, кърляшка</i> (юж. слав.): деревянная посуда в виде корыта; разные углубленные предметы, которые носят что-то в себе (лодка, мерка для пшена); (болгар.): часть седла, качели, нижняя часть гусли в виде корыта, покрытая кожей</p> <p>— <i>karle, kar</i> (герм.); <i>carlita</i> (румын.): посуда</p>	<p>— <i>карлица</i> (юж. слав.): местность в виде котловины или удлиненной долины (часто около реки или ручья), открытой в нижней части</p>
<p>— <i>таз</i> (рус.): нижняя часть туловища, бедра</p>	<p>— <i>таз</i> (рус.): неглубокая посуда с широким отверстием</p>	
<p>— <i>бечви</i> (макед. болгар.): носки, шаровары; <i>бечева, бечівка</i> (рус. и укр.): пояс, ремень, лента, веревка (в реляции с нижней части туловища (?))</p> <p>— <i>бовча</i> (макед.), <i>бохча</i> (болг.): завязанное полотно, в котором что-то находится</p> <p>— <i>избочина</i> (серб. хорв.): выпуклость</p> <p>— <i>*bočiti se / *boхъteti</i>, (праслав.): важничать, совокупляться /животные/, буйно расти, опухать (соотношение с беременностью и избытием)</p> <p>— <i>боца</i> (болг.) толстая женщина</p> <p>— <i>buch</i> (ст.герм.): живот</p>	<p>— <i>бочва, бѣчва, бачва, баџка</i> (юж. слав.); <i>бочка</i> (рус. укр.); <i>bečka, bečva</i> (чеш.); <i>bečka</i> (пол.); <i>*bъčy, *bъčve < *bъkve</i> (ст.слов.): бочка, большая деревянная посуда</p> <p>— <i>боца</i> (юж. слав.): бутылка</p> <p>— <i>bucket</i> (англ.): ведро</p>	<p>— <i>бавча</i>, (макед.), <i>бахча</i> (болг.), <i>bahçe</i> (тур. перс.): огород, сад</p>

<p>— <i>бешика, бешик</i> (макед. серб.), <i>бешиха</i> (русс.): пузырь мочевой, рыбной, на коже, в яичке (= пузырь около эмбриона?)</p> <p>— <i>бешићна жена</i>, (серб.): беременная женщина</p>	<p>— <i>бешика, бешик, беша</i> (серб. болг.); <i>beşik</i> (тур.): колыбель для ребенка (часто эту функцию выполняла дежа или деревянное корыто)</p>	<p>— <i>бешика</i> (серб.): неглубокая узкая борозда (для посадки картофеля)</p>
<p>— <i>kobieta</i> (пол.): женщина, девушка</p> <p>— <i>кобила, кобыла</i>: самка коня</p> <p>— <i>квачи</i> (макед.): инкубация у животных (птиц)</p> <p>— <i>kobolda</i> (запад. слав.): домашние карликовидные духи</p> <p>— <i>Кибела, Кубаба</i> (ст.балкан. фриг.): богиња — мать — роженица (?)</p>	<p>— <i>кабел, каблица, коба</i> (слав.): посуда — чаще деревянные; ведро, кош, корзина; хижина для животных</p> <p>— <i>кобыла, кобел</i>: скамейка</p> <p>— <i>колыбель</i> (русс.)</p> <p>— <i>колиба</i> (юж. слав.): дом хижина, шалаш</p>	<p>— <i>Кибела, Кубаба</i> (ст.балкан. фриг.): богиња — мать — роженица, представелена как гора/ земля (?)</p>
<p>— <i>здела, здјела</i> (серб. хорв.): нижняя часть туловища, таз, бедра</p>	<p>— <i>здела, здјела</i> (серб. хорв.): тарелка или подобная посуда для еды или хранения пищи</p>	<p>— <i>здела, здјела</i> (серб. хорв.): яма, дыра в земле или в скале (между прочим, для посадки растений)</p>
<p>— <i>матер</i> (серб. хорв.): мать</p> <p>— <i>материца</i> (серб. хорв.): матка</p>	<p>— <i>матарка</i> (макед.): фляга, баклажка</p>	<p>— <i>материк</i> (рус.) земля</p>

3.П. Попова Сербия

О «внутренней форме» слова при изучении русского языка как иностранного

Как известно, при изучении лексики иностранного языка одной из главных задач является ее семантизация. Для семантизации лексических единиц используются разные способы (перевод, толкование, определение, дефиниция, привлечение синонимов и анто-

нимов, опора на словообразовательную структуру слова и т.д.) При раскрытии значения некоторых слов весьма эффективным способом является опора на «внутреннюю форму».

Понятие «внутренней формы» введено в научный обиход А.А. Потемной, который под «внутренней формой» понимал образ, положенный в основу наименования. Так, в русском языке растение подорожник получило наименование по месту произрастания; белок, желток, черника, гриб лисичка — по цвету; смородина — по запаху; кукушка — по звуку, издаваемому этой птицей; «внутренняя форма» слов «воскресенье» и «крестьянин» связана с вероисповеданием.

Понятие «внутренней формы» применимо не только к словам, но и к устойчивым словосочетаниям. Так, в русском языке для обозначения дождя, идущего при свете солнца, используется устойчивое выражение «грибной дождь», так как считается, что такой дождь способствует росту грибов. В основе наименования его сербского эквивалента «жени се медвед» — другой признак, раскрывающий необычность этого явления. О здоровом человеке по-русски говорят «здоров как бык», «здоров как вол». В сербском языке другой эталон здоровья, по-сербски говорят «здоров как кизил».

В литературе неоднократно обращалось внимание на национально-специфический компонент «внутренней формы». Н.Б. Мечковская считает, что национально-культурное своеобразие языка ярче проявляется в ассоциациях и смыслах, связанных с «внутренней формой», чем в денотативном компоненте значения слова.

Известно, что образы, положенные в основу наименования того или иного явления действительности, в разных языках, в том числе и близкородственных, часто не совпадают. Так, в русском языке растение со множеством ветвей, отростков, ответвлений называется «ветвистый», в основе этого наименования используется оппозиция «много-мало», тогда как в основе его сербского эквивалента «боковитый», что означает «растущий в стороны» — другая оппозиция — «вертикаль-горизонталь». Слово «крапива» в русском языке не имеет «внутренней формы», в основу наименования его сербского эквивалента «жарица» положено известное свойство этого растения обжигать кожу. Слова «склеп» и «подагра» заимствованы русским языком, их сербские эквиваленты «костурница» и «костоболья» имеют прозрачную «внутреннюю форму».

Обратная ситуация со словом «подушка», «внутренняя форма» которого в той или иной степени ощущается русским языковым

сознанием и его сербским эквивалентом «ястук», являющимся заимствованием из турецкого. Есть в сербском языке наименования с прозрачной «внутренней формой», не имеющие лексических эквивалентов в русском языке («саньати — видеть во сне, «болештина» — тяжелая, заразная болезнь), то есть здесь в лексической системе русского языка — лакуны.

Не вызывает сомнения, что в целях выявления специфики языковой картины мира, учет которой очень необходим при обучении русскому языку как иностранному, представляет интерес системное типологическое исследование ограниченного лексического массива относительно «внутренней формы» входящих в него лексических единиц.

Список использованной литературы

1. Потебня, А.А. Язык и мысль. — Киев, 1993.
2. Мечковская, А.А. Социальная лингвистика. — М., 2000.

А.И. Малько

Беларусь

Об особенностях изучения русского языка в Республике Беларусь

Языковая ситуация современной Беларуси определяется как государственное белорусско-русское двуязычие.

Белорусский и русский языки являются близкородственными. Они имеют много общего на разных языковых уровнях: в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе. Исследователи подсчитали, что в белорусском и русском языках только 10 % лексики различается полностью. Близкородственность языков создает, с одной стороны, благоприятную почву для их изучения, но, с другой стороны, таит в себе большую опасность: у изучающих эти языки создается впечатление об их значительном сходстве и даже тождестве, которых на самом деле не существует. Первоначальное впечатление о тождестве языковых систем приводит к тому, что двуязычный индивид в речи на одном языке начинает использовать, чаще всего неосознанно, элементы другого языка. При совпадении языковых фактов двух

родственных языков влияние одного языка на другой будет положительным, наличие же расхождений служит почвой для возникновения интерференции. Генетическая и структурная близость белорусского и русского языков и функционирование на одной территории создают условия для взаимопроникновения элементов этих языков на разных уровнях (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом), поэтому русская речь белорусов в той или иной степени насыщена белорусизмами, а белорусская — русизмами.

Причина этого кроется в том, что однокоренные слова в русском и белорусском языках могут иметь разный объем значений. Например, слово *язык* в русском языке имеет следующие значения: **Язык¹** 1. Подвижный мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса, а у человека участвующий также в образовании звуков речи. 2. В колоколе: металлический стержень, производящий звук ударами о стенки. 3. *Перен.* чего или какой. О чем-нибудь, имеющем удлиненную, вытянутую форму (*языки пламени*). **Язык²** 1. Система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе. 2. Совокупность средств выражения в словесном творчестве, стиль (*язык Пушкина*). 3. Речь, способность говорить. 4. Система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию (*язык жестов*). 5. *Перен.* То, что выражает, объясняет собой что-нибудь (о предметах и явлениях) (*язык фактов*). 6. *Перен.* пленный, от которого можно получить нужные сведения. **Язык³** (*стар.*) Народ, нация (разг.).

В белорусском языке слово *язык* имеет общие значения только с **язык¹** Кроме того, *языком* называется пленный и в белорусском языке. В остальных значениях в белорусском языке слово **язык²** имеет для обозначения слово *мова*. Таким образом, объем значений этого слова в русском языке значительно шире.

Кроме того, одинаковые по звучанию слова в русском и белорусском языках могут иметь абсолютно разное значение, то есть являются межъязыковыми омонимами. Например, в белорусском *плот* — «забор», в русском *плот* — «сооружение из бревен»; в белорусском *качка*, — «утка», в русском *качка* — «качание судна при волнении»; в белорусском языке *маніць* — «говорить неправду», в русском *манить* — «привлекать, звать»; в белорусском *свет* — «мир», в русском *свет* — «источник освещения, мир»; в белорусском *благі* — «плохой», в русском *благой* (*устар.*) — «хороший».

Таким образом, получается, что в лексических системах русского и белорусского языков гораздо больше различий. Имеются они и в фонетике, акцентологии, морфологии, синтаксисе. Эти различия должны постоянно учитываться при изучении как белорусского, так и русского языков.

Для учащихся Беларуси особые трудности вызывает правописание безударных гласных, так как им приходится соотносить орфоэпию с письмом в пределах двух родственных языков и преодолевать возникающее в связи с этим частое смешение этих гласных: *вада, радной, горячий, далина*. Имеются проблемы и в правописании непроносимых согласных: *университецкiй, позний, обласной, носный* (в белорусском языке непроносимые согласные пишутся только в некоторых заимствованных словах).

Акцентологические ошибки: *кóклюш, осока́, крапива́, некото́рые, донéсти, звáла, красивéйший, дóлото, испéченный* и др. — встречаются довольно часто и вызваны различиями в русском и белорусском ударении.

Имеются трудности и в написании падежных окончаний существительных. Во-первых, в белорусском и русском языках часть однокоренных существительных различается в роде. Например, существительные *медаль, собака, шинель, боль, тень, степь, польнь* в белорусском языке мужского рода, а в русском — женского, по-русски *тенью, степью, медалью, собакой*, по-белорусски — *цeнем, стэпам, медалем, сабакам* (в 3-томном «Русско-белорусском словаре» исследователи насчитывают 450 пар слов, различающихся в роде). При игнорировании этих различий возникают интерференцы. Правда, в русском языке их встречается меньше, чем в белорусском: *твердый мозоль, длинный тень, целый охапок, белая гусь*.

В белорусском языке в форме им. п. мн. числа употребляются окончания *-ы, -и, -е* и не употребляются *-а, -я*. Отсюда ошибки в русской речи: *сыны* (вместо *сыновья*), *леса, снега, щупальцы, дома, города*.

В прилагательных под влиянием белорусского языка можно встретить окончания *-ы, -і* вместо *-ый, -ий, -ой*: *малы, близки, босы; -им* вместо *-ем*: *на синим море, на белым снегу*. Под влиянием белорусского языка находятся написания: *заячье следы, медвежья берлога, новыя дома, дядев, Мишев, папов*.

Под влиянием белорусского языка встречаются написания числительных *сем, восем, четырма, трох, три рубли, три человеки*.

В правописании местоимений по аналогии с белорусским языком встречаются такие ошибки: *с им, над ей, тебе, сабе, мойго, свойму, о нашим, о своим*.

По аналогии с белорусским языком допускаются ошибки в формах 2 лица ед. числа глаголов: *думаеш, читаеш*, в формах повелительного наклонения: *еш, реж, насыпте, познакомте, избавь*.

Допускаются ошибки и в правописании наречий: *вкусна, красива, по-русску, по-свойму*. В русской речи белорусских учащихся происходит смешение предлогов *с — из, в — у*: *Дети идут со школы. Я вышла с зала. Он приехал с Минска. Он был у кино. Ходил у школу*.

На синтаксическом уровне учащимися допускаются ошибки в построении словосочетаний: *смеяться с него, подойти до окна, жениться с этой девушкой, по новых улицах, по красивых аллеях*.

Перечисленные примеры ошибок в русской речи белорусских учащихся говорят о том, что русский язык должен постоянно изучаться в соотношении с белорусским как в плане сходства, так и в плане различия для усвоения специфических трудностей обоих языков.

И.А. Филатов

г. Рязань

Путешествия И.И. Срезневского по славянским землям в его письмах к матери

Славянская культура — древняя и великая. Однако со временем часть славянских народов, в особенности южно- и западнославянские, была угнетена, и их достижения оказались почти утраченными для остального мира. Скорее всего, именно это и подвигло молодого российского ученого Измаила Ивановича Срезневского на глубокое изучение жизни, истории и культуры славян.

В начале XIX в. в России усилился интерес к славянской культуре. Что касается И.И. Срезневского, то изучением народного быта и культуры славянских народов он увлекся еще в 20-е гг. XIX в., когда был студентом философского факультета Харьковского университета. В 1833—1838 гг. издавались его знаменитые сборники «Запорожская старина», связанные с украинским фольклором, которые так понравились современникам, в частности Н.В. Гоголю,

что тот не замедлил написать автору восхищенное письмо, а затем использовал кое-что из них в своей прозе. С середины 30-х гг. XIX в. Срезневский начал публиковать статьи по различным вопросам украинской истории, этнографии и фольклору в журналах «Сын отечества», «Телескоп», «Северная пчела», «Журнале министерства народного просвещения» и других. Изучая нравы и поэзию славянских народов, двадцатилетний Срезневский записал и издал в Харькове сборник словацких песен, которые слышал от бродячих торговцев-словаков. Так что еще с юности, живя на Украине, Измаил Иванович привык общаться с народом, изучать его язык, культуру и с пониманием и любовью относиться к его жизни, нуждам и старине.

Эти и другие обстоятельства во многом оказали влияние на принятие И.И. Срезневским предложения о поездке на длительный срок в славянские земли для подготовки к занятию в Харьковском университете кафедры истории и литературы славянских наречий. Молва об успехах талантливого студента достигла высокопоставленных чиновников в Москве, поэтому на него и пал выбор. В сентябре 1839 г. Министерство народного просвещения направило молодого слависта в научную поездку по зарубежным славянским землям. Ее целью было изучение нравов, обычаев и языков славянских народов.

Находясь под впечатлением от всех своих встреч и наблюдений, он отправлял письма своей матери в г. Харьков — писал легко, живо, остроумно, задушевно, нередко увлекательно. Измаил Срезневский не был лишен литературного дарования, отлично владел языком, был впечатлителен, наблюдателен, остер, любил и понимал свое дело. Письма Срезневского о славянской жизни часто имели значение первоисточника.

И.И. Срезневский начал путешествие по славянским землям одновременно с русским славистом, будущим профессором кафедры славянской филологии Петербургского университета Петром Ивановичем Прейсом. Командировка началась с посещения Кёнигсберга, где харьковчанин в течение двух месяцев слушал лекции маститого немецкого языковеда Франца Боппа по санскриту и сравнительной грамматике индоевропейских языков. В Праге под руководством чешского филолога Франца Йозефа Шафарика Срезневский прошел основы славяноведческой науки, усердно изучал чешский язык. Здесь он познакомился со многими виднейшими деятелями чешского и словацкого возрождения, его живо интересовали культурная жизнь, литература и искусство. В письме к матери

из Праги Измаил сообщал: «...Литературное братство славян — могущественное братство: я это испытываю на себе и душевно благодарю их за приязнь. Особенно нравится чехам моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь верными подданными отечества, почитать и народность...». После длительного пребывания в Праге он начал пешеходные странствия по Чехии, Словакии, Силезии, земле лужицких сербов (сорбов, вендов, лужичан) с целью изучения языков и народного быта. «...Еще я между немцами, еще лужичане-венды далеко, — а уже все напоминает славянщину — и физиономии, и одежды женщин, и архитектура домиков, и самые плетни...», — писал он матери. Затем — вновь Прага, Вена, Штирия, Загреб, словенские земли (Крайна и Каринтия), Венеция, Триест, Истрия, Иллирия, Далмация, Кварнерские острова, Черногория, Сербия, опять Словакия, Галиция.

Во время путешествия по славянским землям Измаил Иванович лишь зимой проживал в городах, сидя за книгами и рукописями, видясь с учеными и приятелями, посещая театры и общественные собрания. Ранней же весной, летом и осенью русский ученый обычно отправлялся в путь, совершая небольшие переезды верхом, на лодках, на пароходах, один или с каким-нибудь приятелем из славян. Но большей частью он бродил пешком по западным славянским землям, селам, местечкам и маленьким городам в Пруссии, Саксонии, Чехии, Моравии, Галиции, Венгрии, Хорватии, Славонии, Далмации, Черногории и Сербии. Из селения в селение шли слухи о нем — готовом расспрашивать о преданиях, о старине, о быте, о культуре и — записывать, записывать, записывать. В каждой из стран пребывания он очень быстро осваивал местные наречия и языки и для многих местных жителей становился «своим». Вообще, Срезневский совершил столько пешеходных странствий по славянским землям, как никто другой из самих славян.

В данном случае, Измаил Иванович был путешественником и исследователем, наблюдателем и живописцем, в особенности сельского населения. То, что видел и описывал Срезневский, большинство русских читателей никогда не видело и едва ли об этом читало.

В славянских интересах И.И. Срезневского был, с одной стороны, чисто научный интерес к славянской старине, изучение которой должно было дать известные выводы относительно истории языка и литературы, а с другой — интерес поэтический, мечты о прошлых временах, следы которых оставались на земле теперь уже чужой; немного сентиментальное увлечение патриархальной простотой народного быта, который под политической властью чужого

племени хранил язык и предания предков; сочувствие к скромной деятельности патриотов, которые не разрывали связи с народом, заботились о его просвещении, восхищались той же старой поэзией народной песни и обычая. Взять хотя бы описание в одном из писем к матери его встречи в столице Хорватии Загребе с неким Зденчаем — почтенным стариком, домородцем, славянином в полном смысле слова, когда тот произнес: «...Боже мой! Когда же наступит время, что все мы — братья, славяне, — подадим братские руки друг другу!» Вообще здесь все домородцы бредят о соединении славян...» («домородцами» у хорватов назывались славянские патриоты).

Русский путешественник, порядочно овладевший славянскими языками, человек веселый и довольствовавшийся немногим, Измаил Иванович был везде желанным гостем, и это помогало ему расширять свои этнографические наблюдения.

Закончил свое путешествие по славянским землям российский ученый в городе Алексинац (Сербия) и осенью 1842 г. вернулся в Россию. Из славянских земель он привез много разнообразных материалов (записей, дневников, книг, собственных рисунков и предметов домашнего обихода). По итогам поездки 16 октября Измаил Иванович прочитал в Харьковском университете свою вступительную лекцию, ставшую началом целого цикла. Его лекции пользовались большим успехом, их посещали студенты различных факультетов. Одновременно он вел обработку привезенного материала и вскоре опубликовал несколько ценных монографий. В итоге проведенной им работы возникла целая концепция и родилась новая наука — славяноведение. Срезневский стал ее основоположником, проповедником и преподавателем. Первым в Российской империи Срезневский получил ученую степень доктора славяно-русской филологии.

Путевые письма и наблюдения И.И. Срезневского касаются заграницы, Европы, но не романской и германской ее части, а славянской, родственной России и — наименее знакомой. Эти письма издавались в журнале «Живая Старина». Они составляют один из любопытнейших документов для истории славистики. Сохранившиеся письма Срезневского к матери являются ценнейшим источником для изучения общественной и культурной жизни славян 30—40-х гг. XIX в., имеют исторический интерес как документ по этнической истории зарубежных славян, их обычаев и поверий, одежды, жилища, пищи. А Измаил Иванович Срезневский всю свою научную и педагогическую деятельность посвятил поискам корней и

своего народа, и всего славянства в целом, которое считал основополагающим в системе всех народов Европы. На основе языкознания он, как мог, доказывал единство и значимость славянских народов в истории не только Европы, но и всей нашей планеты.

Список использованной литературы

1. Беренштейн, С.В. Срезневский Измаил Иванович / С.В. Беренштейн, М.Ю. Досталь // Славяноведение в дореволюционной России. — М. : Наука, 1975.
2. Гоенко, Л. Не посрамить рода своего, а значит, и Родины // Рязанская глубинка. — 2000. — Май-июнь. — № 4 (8).
3. Керимова, М.М. Срезневский как этнограф // Этнография и фольклор Рязанского края. — Рязань, 1996.
4. Коновалов, Д. Учитель революционных демократов // Гордость земли Рязанской. — М. : Московский рабочий, 1973.
5. Крылов, Э. Постигание Измаила Срезневского // Переяславль. Научно-художественный альманах. — Рязань : Поверенный, 2007. — № 11.
6. Пыпин, А. Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. — Кн. 7. — Июль. — 1893.

Ю.М. Лоциц
г. Москва

Учитесь говорить по-лужицки

Старина Запорожская

Они были современниками, а большинство современников живет и умирает, так никогда и не встретившись друг с другом. И что ж тут странного, что мы покидаем землю, узнав в итоге по именам и в лицо лишь малую горстку своих современников? Так ведь и во все века было.

Так могло быть и с этими двумя. К тому же они и родились далеко вато друг от друга: один в России, другой — на территории Германии. Великие пространства, разделяющие людей, и государственные границы, бороздящие эти пространства, — тоже, как замечено, вещи, не очень-то помогающие людям быстрее и легче познакомиться. Так же, как и принадлежность к разным вероисповеданиям: одного крестили по православному обряду, другой вырос в про-

тестантской среде. Ну, естественно, и буквы их родной речи выглядели по-разному.

И все-таки, все-таки... Если приглядеться, то их знакомство, а затем и многолетняя дружба вовсе не выглядели случайностью, опечаткой судьбы. Скорее, тут другое придется сказать: они обязательно должны были услышать друг о друге, их дороги не могли не пересечься.

Один родился в год Бородинского сражения и пожара Москвы. Другой — три года спустя после Лейпцигской битвы, чью канонаду могли слышать его родители. Оба были чадами Европы, освобожденной от наполеоновских армий. И это — первое из условий, которые способствовали их встрече. Случись с Европой иное, и возможностей для знакомства у них было бы меньше.

Старшего, русского, звали Измаил Срезневский. Несколько поколений его предков по отцовской линии священствовали в рязанском селе Срезневе на Оке и сами прозывались Срезневы, а вот отец, когда закончил училище в Рязани, стал подписывать свою фамилию на новый лад: Срезневский. Успешно закончив затем Московский университет, Иван Евсеевич получил приглашение преподавать в ярославском училище. В Ярославле и родился его первенец Измаил.

Это было в июне 1812 г., а в августе семья уже в Харькове оказалась, куда молодого преподавателя пригласили заведовать университетской кафедрой. И переезд этот — тоже очень важное для нашего сюжета обстоятельство. Мальчик, подрастая, слышал два языка: в семье — русский, на улице, среди простолюдинов — украинскую речь, малороссийские песни. Нужно было ушко навести и — за много лет до знакомства со сравнительным языкознанием — самому сравнивать и задумываться, любопытствовать и недоумевать перед очередными сходствами и различиями. Право же, если эти «хохлы» говорят на чужом языке, то почему в их речи так много слов, вполне понятных или же быстро и легко узнаваемых, как будто затеяна между людьми веселая и лукавая игра, в которой собеседника нужно немного запутывать, чтобы расшевелить в нем сообразительность и понятливость. Усатый дядько скажет тебе, к примеру, на базаре: «кинь». А ты возьми и прикинь, и как раз получится «конь». Он ухмыльнется: «мисяць...» А ты ему сразу: «да это же месяц!» И на украинское «лито» тут же отзовешься: «лето»! И «ничь» сразу узнает сестру в слове «ночь», а «витер» братается с «ветром». И «нэбо» — это «небо», а «зэмля» — «земля». Как будто

эхо резво прыгает от края до края земли, чуть перевирая на лету звуки, чтобы всем живущим не было скучно.

Благодарение тому детскому любопытству! Дальше — больше, украинская речь оплела его, как буйный хмель оплетает подрастающее крепкое деревцо, и на университетской скамье сидючи, он уже ерзал нетерпеливо: хотелось бродить от села к селу, разыскивая престарелых слепцов-бандуристов.

Такая уж была пора в Европе: вдруг в разных землях объявились эти странные, восторженные молодые люди, любители взбивать сапогами пыль на дорогах. А то и разувшись, перекинув сапоги через плечо, ходили по деревням, присматривались к обычаям, прислушивались к сказкам, пословицам, старинным мелодиям. Измаил Срезневский оказался из той породы романтически настроенных юношей. Им постыдно казалось жить заботами одной лишь сиюминутности. Этим запорожцев духа пленяла старина, их воображение будоражили еще различимые отголоски исторических действий, которые век или два назад в громах и гулах, в прахе и пороховом чаду свершались посреди этих степей, заметно теперь полинявших.

И потом, ему мало уже было знать, что есть на свете русский и украинский и другие родственные языки и наречия. Теперь хотелось иного, более основательного знания: что за тайна у этого их родства? И почему, будучи родственными, они все же считаются самостоятельными? И были ли они когда-то еще ближе друг к другу? Были ли единым языком? И если да, то когда? И почему разбрелись от общего очага на расстояние, при котором еще можно узнавать друг в друге родичей? И не захотят ли разбрестись еще дальше? Или пожелают вернуться к тому оставленному общему очагу?.. Он бы мог целыми днями записывать в тетрадки одни только вопросы. Но чтобы на них пробовать отвечать, нужно ведь очень хорошо знать нынешнее состояние языков-родичей. Только от этого знания отталкиваясь, можно надеяться постичь историческое движение славянских речений и стоящих за ними племен и народов. *Познать все славянство!* Это ли не достойная цель для молодого пылкого ума.

Первые собственноручно записанные от бандуристов народные думы он отдает в «Украинский альманах». И тут же принимается за подготовку к изданию другой книжки, которую назовет «Словацкие песни». Откуда эти песни мог он услышать в Харькове? Была бы охота, отчего не услышать, если словацкие купцы то и дело навещают столицу Слобожанщины, часто гостят в других городах юга, и почти на любой сельской ярмарке можно их увидеть,

разговорить, попросить спеть что-нибудь из самого любимого. А годом позже он еще одну книжку издаст, снова с украинскими историческими песнями — «Запорожскую старину», предупреждая читателей, что это лишь первый выпуск первой части, а вообще-то издание задумано в четырех частях.

Слава «Запорожской старины» быстро распространилась за пределы Харькова. Книжка попала в личную библиотеку Пушкина. А Гоголь, прочтя два первых выпуска, написал Срезневскому: «...где вы выкопали столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши».

Пройдет два десятилетия, и сам Срезневский скажет о «Запорожской старине» более строго: «Как первый опыт в своем роде и опыт юноши, едва учившегося оценивать дотоле еще не подвергавшиеся оценке произведения народной эпопеи русской, мое издание годно было только на время».

Еще выходили в Харькове очередные выпуски «Запорожской старины» (последний — в 1838 г.). Но их молодой издатель хотя и продолжал в свободные от службы недели странствовать по украинским селам, разыскивая последних свидетелей запорожской славы, а все же исподволь готовился к иным, еще более волнующим хождениям. Достигла Харькова весть, что в здешнем университете (а также в Петербургском, Московском и Казанском) откроют скоро кафедры по изучению истории и литературы славянских народов. В Москве на новую кафедру прочтат Осипа Бодянского, первого во всей России «магистра славяноведения», а здесь, в Харькове, выбор пал на него. И радостно, и страшно, и стыдно, наконец! Тут ведь нужен человек, владеющий свободно сразу несколькими славянскими языками. *Несколькими и свободно!* А он? Он пока что лишь выскочка и самозванец. Благо еще есть спасительная отсрочка. Сразу ему кафедру никто и не поручит. Для начала дают возможность тщательно подготовиться. Возможность эта неслыханна: целых четыре года путешествия по славянским странам, причем по «наименее исследованным странам». Есть от чего голове закружиться! Правительство, он знает, не очень-то торовано на заграничные командировки для молодых ученых. Случай редчайший! И как же нужно тут постараться, чтобы не оплошать и чтобы исполнить отроческую мечту о постижении *всего* славянства.

Он и в этом уповании оставался чадом своей эпохи, душою самонадеянной, еще не усмирённой буднями нескончаемого научного дознания. И он ли один таков? Его коллега, Осип Бодянский, едва прибыв в Прагу, сгоряча написал в Москву Михаилу Погоди-

ну: «Я не ворочусь к Вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних Славянских языках...».

Блаженные в своем неведении пионеры новой науки! Они не догадывались пока, что это не так-то просто — заговорить вдруг на всех славянских языках, что для этого мало натиска, образцовой усидчивости, великих лингвистических дарований, самой суровой аскезы, о которой сообщал тот же Бодянский своему московскому наставнику: «Вы знаете, что я пью только чай, квас и воду: квасу здесь нет и даже никто не ведаёт, что это такое; от чаю я отказался и остался при одной воде, чтобы как-нибудь сберечь лишнюю копейку на черный день».

Они не догадывались пока, что свод славянских языков слишком разнообразен, слишком богат в красотах своих сходств и различий, чтобы кто-нибудь, даже Гений, даже *свой* гений вдруг заговорил, подобно апостолам, на всех этих языках.

Усмиряющее понимание придет позже. Придет благоговейное смирение перед величавостью горы, которую хотелось повернуть, но вместо этого, как оказалось, только-только приблизились к ее подошве.

Сгорелец

Маленький саксонский городок назывался Гёрлиц, а Измаил Срезневский уже по своим штудиям в Берлине (оттуда начал) знал, что в этих германских краях, между Эльбой и Одером, и в Саксонии, и в Пруссии, какое почти название ни тронь — городское ли, деревенское ли, речное, — из-под немецкого имени проглянет исконное — славянское. Дрезден, к примеру, не что иное, как *Дреждяны*, то есть деревянный. А Лейпциг когда-то звался *Липск* (тоже «древесное» имя, прямой тезка русскому Липецку). А та же Эльба была искони *Лабой*, как ее, кстати, до сих пор и зовут у чехов. Поляки по сей день реку Одер именуют по-своему, по-старому, в женском роде: *Одра*.

Все пространство между Лабой — с ее притоком Салой — и Одрой тысячу лет назад, как знал он теперь, заселяли *полабские* (они же *балтийские*) славяне, и нынешняя Шпрее, к примеру, звалась у них *Спрева*, *Спревья*; и Росток — тоже от тех времен оставшееся название, родное Ростову, и так в десятках, даже сотнях случаев, о чем свидетельствуют и германские географы, да и сами в первую очередь эти названия. Тот же Гёрлиц взять. И его первое имя — славянское — *Сгорелец*. Видимо, давным-давно случился

тут великий пожар. Но сегодня городок выглядит ухоженным, благополучным, чистеньким и уютным, и кажется, ничего нет в его физиономии славянского, как тщательно ни присматривайся к архитектурным подробностям крыш, арок, городских башен и шпилей. Обычный западный городок, в котором путешественник мог бы найти и что-то от берлинских закоулков, и от пражских малых площадей или от иных уголков Вены, а то и Рима, а то и Парижа. Кажется, любой западный городок имеет несчетное число близнецов, и, может быть, по ночам неутомимый доктор Фаустус переставляет их скуки ради с места на место — если не целые городки, то целые кварталы, — и наутро никто не догадывается о подмене.

Но такой библиотеки, как в Сгорельце, предупредили Срезневского чешские его друзья, больше нет нигде. С улицы он прошел под аркой во внутренний дворик, являвший собой крошечную чистенькую копию площади, оставленной за спиной, и поднялся по лестнице на второй этаж. Паркетины чуть поскрипывали под ногами, пока шел к двери библиотечной залы. Он поработал уже в библиотеках Берлина, Праги и Вроцлава, и эта не могла поразить его количеством книг. Разве что порадовала глаза изобретательной, даже веселой какой-то планировкой интерьера: зала, стены которой казались сложенными не из кирпичей, а из книг, была к тому же расчленена очень красивыми арками-стеллажами, тоже со сплошной книжной кладкой. Тома, томики и томищи в переплетах из охристой кожи с золотым тиснением, будто недавно привезенные из переплетной мастерской.

Ему принесли несколько больших географических атласов. Самый тяжелый из них был громаден, как кожаный щит древнего воина, может быть, времен Карла Великого, при котором, как он знал, и начиналось вытеснение из здешних краев их коренного населения — полабских славян.

Наконец-то после изнурительных, хотя и крайне необходимых ему занятий санскритом и сравнительным языкознанием у берлинского профессора Франца Боппа, после стремительных успехов, которых он достиг в Праге под руководством Павла Шафарика в освоении чешского языка, он приблизился, может быть, к главной цели своей командировки.

Его ведь посылали для знакомства с наименее исследованными славянскими странами. Теперь на одном из листов атласа предстояло ему различить смутный, неопределенный облик самой загадочной и непонятной из таких стран. У нее нет ни имени, ни своих границ, ни собственной столицы, ни правительства, ни государст-

венного флага, ни даже своих названий городов и сел. И все же она умещается где-то здесь, в пределах королевства Саксонии, эта страна-невидимка, и не раз уже нежданно-негаданно заявляла о своем существовании.

Как, например, сто с лишним лет назад, когда в Саксонии оказался проездом русский царь Петр и ему среди прочих приветствий было поднесено и это, текст которого Измаил Срезневский хотел сейчас для себя переписать. Текст был на двух языках — на торжественной латыни и на языке, напоминающем временами то польскую, то чешскую речь. А то и русскую.

«Витай к нам, витай к нам,— наострял слух заинтригованный читатель, переводя для себя в уме латинские буквы на русское письмо,— Ваша Царска а Кейжорска Маестость а Красность. Ваше го высокого пшихода весела а зрадуя со Европиске земье, восебнье Немски Край теж наша Саска...» Далее автор приветствия пересказывал вкратце древнюю легенду про трех братьев — Чеха, Леха и Руса, считавшихся праотцами трех славянских народов; свою же землю, окруженную *Саской*, то есть Саксонией, называл он Сербией, а язык свой сербской речью. В конце он просил русского царя принять от него, недостойного, в дар книги Священного писания, переведенные им на родной язык для пользы своего народа.

Этот человек был некто Михаил Френцель. Впрочем, сказать о Френцеле «некто» извинительно было разве лишь для приезжего малосведущего Срезневского; по мнению же завсегдатаев сторелецкой библиотеки, Френцель — имя для здешних славян столь же великое, как для немцев Лютер. Сельский этот пастор, сподобившийся приветствовать государя Московии, в XVII в. первым перевел для духовных нужд своего народа Новый Завет. Френцель называл соплеменников сербами, и в этом самоназвании тоже была какая-то загадочность. Интересно, имели ли когда-нибудь в древности сербы, живущие под властью саксонского короля, близкое родство с балканскими сербами?

У Срезневского не было сейчас времени, чтобы углубляться в этот специальный вопрос, но на всякий случай он пометил для себя, что славяне, живущие в Саксонии, именуют себя еще и *лужичанами*, *лужицкими сербами*, *горними* и *дольными лужичанами*, а немцы зовут их истари *вендами*, *венедами*, *винидами*, подражая, должно быть, античным римским историкам, которые вендами называли всех славян вообще.

Возбужденный читатель то шелестел громадными страницами атласов, то зарывался в энциклопедии, в словари, то записывал то-

ропливым почерком новые фамилии, имена, даты, названия городов и рек... Он попросил еще одну книгу, изданную здесь же, в Сгорельце, восемьдесят с лишним лет назад. И, кажется, только теперь что-то стало для него проясняться.

Почему могучие племена полабских славян исчезли с лица земли, но доныне жив «народец в полтораста тысяч селян» — малая горстка лужицких сербов? Древние хроники германских миссионеров говорят о жестоком сопротивлении, которое упрямые язычники-славяне оказали им, проповедникам новой религии. Но молчат они о том, что жестокость была взаимной, противоборство беспощадным, а силы слишком неравны. Разобщенные племена не могли бесконечно сопротивляться дисциплинированной организации. Те же, кто и согласен был отречься от своего язычества, не желали принимать богослужение на чужом, непонятном языке. Будто своей гибелью хотели напоследок доказать: религию милосердия и любви нельзя утверждать огнем и мечом, скрежетом непонятной латыни. Умрем, но не примем.

Но при всем том, размышлял Срезневский, у сербов-лужичан в древности не заметно сильного отпора христианству, каким-то образом они сумели укротить в себе дух язычества. Это можно объяснить лишь тем, что христианство проникло к ним совершенно другим путем, чем к прибалтийским славянам, и прокладывало себе дорогу не насилием, а любовью, не мечом, но проповедью на живом народном языке. На *своем* языке. И не через западного чужеземца, а через соплеменника. Через *славянина!*

Предощущение близкой отгадки требовало от него действия, движения. Он вдруг прерывал свои библиотечные уроки и из тесноты сгорелецких улочек уходил резвым шагом, почти убегал в поля. Его тянуло к этим холмам, напоминающим древние курганы, к этим поросшим лесом и стоящим отдельно друг от друга горам. Ну-ка, которая из них прозывается *Яворник*? Только что он вычитал потрясающее свидетельство, древнюю легенду о том, что сюда, на яворницкую гору приходил некогда сам создатель славянской азбуки Кирилл, один или с братом своим Мефодием. И что на горе в память о том событии до сих пор стоит каменный крест. И что к тому кресту еще в недавние времена, на день памяти чешского короля Вячеслава, внука первокнязей чешских Боривоя и Людмилы, крещенных самим архиепископом Мефодием, ежегодно сходилось великое множество народу, и местного, и пришлого, в том числе из Чехии, и обычай этот древний соблюдался веками.

Он сопоставлял даты — все сходилось! Как раз в ту пору, когда Кирилл и Мефодий прибыли со своей просветительской миссией в Моравию, земля лужичан входила в состав Великоморавского княжества, славянской державы, что простиралась от Карпат до Лабы.

Да, солунские братья вполне могли навещать лужицкий предел. И для изучения здешнего наречия, и для проповедования новой веры. С учетом такой возможности легче объяснить, почему в современном языке лужицких сербов живы такие грамматические формы, которые исчезли у других славян, но известны по первым памятникам славянской письменности. Когда пала под натиском венгров и немцев Великая Моравия, лужичане оказались поневоле периферией славянского мира, островком в чужом море. Сопrotивляясь иноязычному влиянию, они законсервировали в своей устной речи старые эти грамматические формы, а затем, уже в XVI—XVII вв., перенесли их во вновь созданное письмо.

Вот какой потрясающе интересный язык ему предстоит теперь изучать! Пусть кому-то это занятие и покажется смешным, донкихотским: что, мол, за блажь такая — корпеть над языком, на котором упражняется вымирающий народец в сто пятьдесят тысяч душ! И не врут ли еще энциклопедии? Может, их не сто пятьдесят, а сто или всего-навсего пятьдесят тысяч осталось... Но пусть себе ухмыляются господа галломаны, англomаны, германoфилы, италoлюбy, пусть хихикают над его непрактичностью. Он будет учиться говорить по-лужицки. Хотя бы в благодарность лужичанам за то, что они остались, уцелели, вынесли многовековой натиск и хотят жить дальше. Даже если ему докажут, что через десять лет, по всем прогнозам и подсчетам, на свете не сыскать будет уже ни одного лужичанина, все равно он станет учить этот язык. И прогнозы не подтвердятся, потому что хотя бы, что «лужичанин» Измаил Срезневский в них не учтен!

Вечные слова

В таком вот состоянии духа и встретился он с Яном Арноштом Смоляром. Здесь же, в Сгорельце, познакомились, в одну библиотеку вместе ходили. В первые дни, краснея от неловкости, два славянина изъяснялись по-немецки. До чего дошло — не могут обойтись без языка-посредника! И как же веселились потом, обнаружив, что немецкий вовсе и не надобен. А зачем?! Ведь «слово» по-лужицки звучит почти так же — «свовo», а «земля» — «земья»,

а «небо» — «нѣбѣо», а «хлеб» — «хлиб», а «дорога» — «дрога», а «песня» — «писень», «писничка». А «село» — «весь», как и у нас в старину было: «грады и веси».

И в дорогу по лужицким весям они отправились вместе.

Великие, *вечные* слова, вы у славянского мира — одни и те же! Пусть это и не его открытие, пусть он уже слышал об этом на лекциях по санскриту, но разве теория сравнится с непосредственным переживанием, когда на каждом шагу в чуть непривычной звуковой оболочке открываются тебе родные смыслы. И как не влюбиться в неведомый тебе доселе народ, который долгие века, сопротивляясь чужой воле, сберегал свой язык. Свой — и твой тоже, потому что «человек» — по-лужицки «чвовьек», а «мать» — «мачь», а «солнце» — «свонцо»... И когда скажут тебе «добра раньо», то разве тут надобен перевод? И когда услышишь девушку, поющую «Вьечор е близко, а своньчко е низко...», то разве не вспомнится сразу песня украинских сел: «Вэчер близэнько, сонцэ нызэнько, вийды до мэнэ, мое сэрдэнько»?..

И до того ему хорошо, что даже чуть стыдно становится за эту свою переполненность счастьем. Ну почему великие не имели такой возможности свободно бродить и ездить, «дивясь божественным природы красотам», какая дана ему? Почему такой свободы не дано было вкусить Пушкину?.. Какие еще дары жизни сравнятся с возможностью приехать на чужбину и вдруг ощутить себя в кругу близких?.. Слушать и записывать новые песни, поговорки, просто слова, щуриться от встречного ветерка и теплого еще сентябрьского солнца, зарисовывать свадебные наряды невест, ступать по зеленым крутизнам городищ, грезя об общей славянской прародине, разговаривать со встречным крестьянином и на его непременно: «Витайте к нам!» — отвечать: «Помгай Бог!», заносить в записную тетрадку характерные здешние имена и фамилии, ночевать на сеновалах, сидеть в сельских корчмах за кружкой пива, пробовать еще теплые пироги «тыканец» и «мазанец», снова листать тетрадку, заносить в нее примеры лужицкого двойственного числа — «дуала»... И однажды увидеть вдали над полями волнующие очертания городка с башнями, шпилями ратуши и городского собора... Это Бауцен, а по-сербски Будишин.

«В Будишине, — писал Срезневский домой матери, — мы остановились у Молодого месяца». Все тут радовало — и романтическое название гостиницы, и игрушечная малость городка — до ратуши и главной площади две минуты ходьбы, а до берега Sprewy — пять. И весело было оттого, что на противоположном берегу

реки нет уже никаких городских строений и до самого горизонта простираются пестреющие в мягком мареве поля. И самая большая радость: они с попутчиком, кажется, успели крепко подружиться. Об этом он тоже пишет матери: «Мы со Смоляром живем как братья».

Тот был на четыре года младше Срезневского, родился в деревне, а учиться приехал в Будишин, окончил здешнюю гимназию. Тогда-то, гимназистиком, как и многие его товарищи, пристрастился собирать народные песни. Но если другие, повзрослев, отстали от этого подросткового занятия-забавы, то он не только не остыл — забава выросла в ежедневную заботу, он не мог ничем иным жить. Когда кто-то говорил ему про недавно услышанную совершенно неизвестную песню, он листал одну из своих тетрадей и показывал на текст и ноты: почему неизвестная? У него было теперь такое выдающееся собрание народных песен, что всерьез надо было думать о капитальном их издании с обстоятельными комментариями, с нотными записями, с параллельными текстами на немецком, чтобы книга стала достоянием и германских филологов, интересующихся славянским фольклором. Одно мешало Смоляру приступить к такому изданию немедленно — неразработанность сербского правописания. Тут пока всяк издатель дудит в свою дуду. Оттого одни и те же звуки или сочетания звуков в разных книгах воспроизводятся то так, то сяк. Нужно выработать правописание, которое своими преимуществами заслужило бы всеобщий авторитет, стало законодательным.

Срезневский вызвался помочь другу. Об этой помощи Смоляр скажет позже: «...под его руководством составили мы... нашу первую — аналогичную с чешского и хорватского — азбуку». Было и Срезневскому за что благодарить Смоляра: «...он помог мне усвоить хоть в некоторой степени язык лужицкий; он был мне и товарищ во многих прогулках моих по Лужицам, и помогал мне изучать обычаи Лужицкие, собирать народные выражения, пословицы, песни и пр.».

«Наша сербская речь так полюбилась ему, — со своей стороны свидетельствовал Смоляр, — он выделяет ее среди других славянских языков за то, что она сберегла в себе столь много от времен давнишних».

Да, эта речь полюбилась гостю. Но она же его и озадачила сразу, и озадачивала чем дальше, тем чаще. Оказывается, единого лужицкого языка, которым он надеялся быстро овладеть, просто-напросто не существует. Оказывается, у столь малочисленных лу-

жичан не один, а два языка или, по крайней мере, два наречия одного языка — верхнелужицкое и нижнелужицкое. Более того, уже наблюдения первых недель, беседы со Смоляром и его друзьями настаивают на то, чтобы выделить еще и среднелужицкое, пограничное с двумя первыми наречие, а в языке верхнелужицком различить четыре местных говора, четыре языковых оттенка. Может, этот последний вывод еще нуждается в проверке. Что же касается различий между верхнелужицким и нижнелужицким наречиями, то они бесспорны и явны, особенно в произношении. «Различия в употреблении звуков,— записывает он, удивленный этим открытием,— доходят до того, что говорящий одним наречием не понимает говорящего другим». Столь неожиданную языковую обстановку можно объяснить лишь тем, что лужичане — и «горние», и «дольные» — живут в основном по деревням, редко куда выезжая, почти не общаясь друг с другом, а тем более с горожанами, среди которых уже сильно распространен немецкий язык. Попадаются деревни, в которых никто еще не знает немецкой речи. Итак, связь языка с землей, с крестьянским трудом оказывается спасительной для языковой культуры, и язык даже маленького народа способен играть множеством оттенков и переливов, разнообразиться местными говорами, отдельными для каждой веси словами и словечками, как цветущий луг разнообразен пестротой трав-медоносов. Да, язык должен, как злаки и деревья, уходить корнями в почву, в культурную землю, он засыхает на каменных мостовых городках. Только из земли вырастая, он дает плоды сторицей.

И вот получалось, что крохотная лужицкая земля, на удивление богатая словесным цветением, наречиями и их оттенками, — это как бы малое зеркальце, в котором отражено языковое многоцветье всех-всех славянских земель и народов.

Помногу ходили они каждый день — по тридцать, а то и тридцать пять верст, — и, кажется, ни одна верхнелужицкая деревушка, примечательная своими песнями, не была ими обойдена. Однажды Срезневский написал матери: «Сегодня я уже не говорил почти ни слова по-немецки; в Лужицах хочу говорить не иначе как по-сербски».

Как-то Смоляр предложил ему отправиться в село Ваз — там живут его родители, там же в местной церкви пастырствует славный лужичанин Андрей Зейлер, самый даровитый из нынешних поэтов, написавший лет пятнадцать назад стихотворение «Прекрасная Лужица», которое стало, как и многие его другие стихи, народной песней, можно сказать, гимном всего сербства. К тому же Зейлер —

автор грамматики верхнелужицкого языка, изданной в Будишине (мог ли знать тогда Срезневский, что экземпляр Зейлеровой грамматики имелся в библиотеке покойного Пушкина?).

Трогательный прием оказали ему в Вазе старики Смоляры. Они жили в школьном домике рядом со зданием кирхи. Когда путешественники приблизились к дому, навстречу «вышел лысенький старичок в Тулупе и колпачке — отец Смоляра... вышла веселенькая полустарушка в крестьянском платье — мать Смоляра».

— Витай, сынку! Витай, братчику! Витайте, кнеже! — приветствовали они молодых людей, и Срезневский — какой уже раз в Лужицах! — был снова растроган и смущен, услышав, что его величают «князем». Впрочем, это обращение было тут таким же распространенным, как в России «господин» либо «сударь», а если задуматься, так и наше привычнее «сударь» — не что иное, как «государь».

Он не раз порывался побывать на настоящей лужицкой свадьбе, чтобы хорошенько разглядеть подробности обряда, и вот вечером хозяева приготовили для него сюрприз. Ничего не подозревая, он сидел после ужина в комнатке на чердаке, возился со своими записями. Снизу позвали. «Вхожу в комнату — и вижу: стол накрыт скатертью, на столе 2 свечи, ром, 2 рюмки, белый хлеб, а за столом прехорошенькая девушка в свадебном костюме. Это была племянница хозяйки, одевшаяся нарочно, чтобы показать мне костюм. И мы с ней повторили часть свадебных обрядов: я играл роль жениха, а она — дружки невестинной. Смеху было довольно...»

На следующий день отправились в гости к Андрею Зейлеру. Поэт-пастор встретил их радушно, без всякой чопорности. Как-то само собой вышло, что хозяин со Смолярами затеяли петь песни, и пели без счета. А гость не успевал дивиться: до чего же иные из песен протяжностью своей, мелодическими ходами похожи на русские!

— Все село только и судачит о вас, — смеялся Зейлер. — Вишь ты! Какой-то русский приехал к нам, да и хочет не токмо по-сербски говорить выучиться, а еще и все до ниточки записать, что и как у нас ведется... Глядишь, года через два о вас тут составитя целая сказка.

В те дни удалось побывать путешественнику и на сельской ярмарке. Тот, кто уверен, что ярмарка вращается вокруг кошелька, туго набитого серебром, не понимает в ней ничего. Ярмарка, на что бы ни отвлекалась, а все ж таки вращается всегда вокруг того пятка, где объявились народные музыканты. Играют обычно вторем: обязательный волынщик со своей «мехавой», которую в про-

сторечь за прямое ее сходство и по внешности, и по звучанию с домашним животным лужичане без обиняков именуют «козлом»; рядом с волынщиком надувает пылающие щеки и косит глаза на отверстия своей деревянной «таракавы» флейтист; но оба, под стать младшим ученикам, прислушиваются к тому, который выводит прихотливую мелодию на самодельной трехструнной скрипочке — «гусле». Его инструмент и поскрипывает, и подвизгивает, и временами гнусавит, «таракава» сочно всхлипывает, громко захлебывается, «козел» недовольно упирается, стиснутый локтем волынщика, то взмыкивает, то взблеивает; в здоровенных, коричневых от загара ручищах базарных виртуозов инструментики вот-вот сломаются либо погнутся, в нескладной их игре ошибка погоняет ошибкой, но, как ни странно, на вид сердитые, неприступные, будто крепко обиженные на кого-то, эти трое все же управляются на славу и кидают в толпу такие дразнящие пригоршни и охапки веселья, что и у беременной бабы в животе затомившийся по божьему свету лужичаник начинает пристукивать пяточками.

Да и вся ярмарка в щедром и пестром своем развороте более всего напоминает, пожалуй, какое-то недавно разродившееся существо; и чего только оно не нарожало: целые семейства корчаг, крынок, горшков, с глазурью и без глазури, длинные глиняные бутылки и бутылочки с обжигающим глотку паленцом; десятипудовые бочки с молодым янтарным пивом, окорока и корейки, с которых еще капает в седую пыль сало; сковороды с дразняще пахнувшей жареной свининой, дымящиеся котлы с вареными колбасами, мясными и кровяными, с ливерами и зельцами и прочей немецкой блажью; а пирогов-то, пирогов! самые большие из них не умещаются на обширных крестьянских столах; а жареные и печеные струги — форели! а круглые под коричневой зыбкой корочкой карпы! а всякая сырая и вареная овощь, квашеная и печеная к ней в придачу, особенно же эти ядреные морковины, про которые лужичане шутят, что пока сербство не ленится есть морковку, Бог его не даст никому в обиду...

«Смоляр весь принадлежит народу...»

Потом они ушли на север и оказались в Нижней Лужице, или, как тут о себе говорили, на Болоте, потому что земли точно были низменные, со множеством болот, каналов и просто широких канав, по которым крестьяне ездят на лодках с шестами, как по улицам... Гм, не эти ли венецы основали когда-то и Венецию?

Где-то среди здешних болот им нужно было разыскать остатки Грода; в нем, по преданию, жил последний Вендский король, загнанный германскими феодалами и миссионерами в эти дебри. Грод они разыскали. Его земляные валы образовывали круг — громадную зеленую букву «О». Она лежала как образ удивления, образ молчания. И путешественники, мечтавшие познать все прошлое славянства, испытывали теперь невольное смущение перед красно-речивой немотой рукотворного круга...

Как ни мала показалась в свое время Срезневскому лужицкая земля на страницах атласов, а шести недель, проведенных в ней, хватило ему только для самого внешнего, томящего неполнотой знакомства. Оттого-то в последнем письме, посланном отсюда матери в Харьков, он не выдерживает своего обычного невозмутимого тона: «...хотелось бы прожить во всякой прекрасной земле по целой жизни, но кучер ждет, бич хлопает, и прощай, может быть, навсегда, прекрасная земля, виденная-недовиденная...».

За четыре года своего путешествия Измаил Иванович Срезневский познакомился с крупнейшими деятелями Славянского возрождения, в том числе с «чешскими будителями» Павлом Йозефом Шафариком, Вацлавом Ганкой, с вроцлавским профессором филологии Пуркине, с выдающимся сербским просветителем Вуком Караджичем, многими другими их современниками и соратниками. Человек открытой доверчивой души и незлобивого характера, он легко сходил с людьми, без всяких усилий завоевывая ответное расположение. «Я поехал к Шафарику, был им обласкан и проговорил с ним два часа... Добрейший человек, он обращается со мною, как родной». И Вук Караджич, хотя он и старше русского гостя на целых двадцать пять лет, принимает Срезневского по-братски, с удовольствием и помногу читает ему свои записи черногорских юнацких песен, рассказывает о прожитых годах с таким доверием и такими красочными подробностями, что эти рассказы дадут потом Срезневскому возможность написать самую первую биографию Караджича (югославские ученые XX века будут считать ее лучшим, образцовым жизнеописанием своего земляка).

Да и в Лужицах живя, Срезневский не уставал расширять круг единомышленников и добрых приятелей: Зейлер, Иордан, Клин... Но все-таки встреча со Смоляром — не для этого перечня. Она выделяется и на фоне всех четырех лет командировки своей значительностью. Уже первого впечатления от знакомства оказалось достаточно, чтобы сказать: «Смоляр весь принадлежит народу и есть истинно народный человек...».

В 1840 г. Вацлав Ганка поместил в своем журнале «Часопис Чешского музея» письмо Срезневского, в котором о Смоляре сказано: «Это пример для называющих себя любителями и знатоками народности. Он не берет на себя многого, хочет узнать только свою родину, но зато и изучает ее не как-нибудь: он сделал из себя совершенно народного человека, обходит край всюду, как свой, как давно знакомый, как родной, и передает свои наблюдения не памятной книжке, а памяти жизни... Слушая одну сказку, готов рассказать другую; танцуя с селянкой, припевает ей песню, ею забываемую; при исполнении старинного обряда не только зритель, но и действующее лицо... О, если бы каждый европейский народ имел по одному Смоляру на такое количество народа, какое живет в сербских Лужицах, и если бы, разумеется, такие люди имели средства давать знать свету о своих наблюдениях, другая бы раскрылась дорога истории, филологии, философии европейской!»

Энергичность громко высказанного вслух похвального слова и популярность издаваемого Ганкой журнала — этого оказалось достаточно, чтобы имя Смоляра зазвучало повсеместно в славянских странах.

Но Срезневский еще не все написал о своем друге, о «виденной-недовиденной» Лужице.

В Харькове, предельно загруженный хлопотами по устройству новой кафедры, чтением первых своих «славянских» лекций, он все же выкроил время, чтобы засесть за большой журнальный очерк о культурном возрождении лужичан. Прежде всего нужно было точно определиться, для какого читателя он пишет. Его «Исторический очерк Сербско-Лужицкой литературы» обязан обладать свойствами общедоступного чтения. В России о лужичанах на сей день известно ничтожно мало. Это крайне огорчительно, но что ж поделать, если славянский мир только-только начинает познавать самое себя. «Выгоды промышленности заставляют изучать нравы и обычаи диких народов, — и о дикарях Океании мы знаем в пять раз более сведений, нежели о народах Европейских, — замечал Срезневский не без сарказма, — тут я не вижу просвещения».

Очерк начинается обстоятельным экскурсом в географию и средневековую историю Лужиц. Помянув мимоходом тех представителей этого народа, которые отказались от своего родства, совершенно пристав к немцам, например, Лессинг (настоящая-то фамилия Лесник!), он перешел к временам новейшим, и тут самые взволнованные строки посвящены были Смоляру. Автор статьи знал уже, что его лужицкий друг в 1841 г. совместно с немецким этнографом и фольклористом Леопольдом Гауптом издал первый

том народных песен сербо-лужичан. «...Издание подготовлено было с любовью к предмету, с любовью к народу, с искренней уверенностью, что каждый народ, производящий что бы то ни было прекрасное, благородное и вечное, живой силой своего юного духа, как бы он ни был мал и забыт, всегда и велик, и мощен, и славен...»

Да, теперь на расстоянии так ясно стало ему видно, что подлинно есть великое в малом и что тот, кого считали меньшим и ничтожным, будет почитаться среди достойнейших.

С Яном Арноштом Смоляром он еще не раз встретится. И в Будишине, и в Петербурге, где с 1847 г. возглавит университетскую кафедру славяноведения. Смоляр будет писать ему об открытии в Будишине «Сербской Матицы» — центра по изучению лужицкой истории и литературы, о новых книгах на родном языке. Однажды Срезневский испытает немалое удивление, распечатав конверт с очередным письмом и обнаружив, что Смоляр пишет ему на сей раз не по-лужицки, как обычно, а на русском, который он, оказывается, все эти годы упорно изучал.

В Петербургском университете Срезневскому суждено будет проработать более трех десятилетий — до самой смерти. Первый в России доктор славяно-русской филологии, академик, декан филологического факультета, автор поистине необозримого числа научных работ — книг, статей, лекционных курсов, публикаций, рецензий, биографических и мемуарных очерков — он оставит после себя плеяду отечественных славистов (среди его любимых студентов были молодые Чернышевский и Добролюбов)... Оставит богатейшие материалы для словаря древнерусского языка, над которыми работал тридцать пять лет и который будет издан уже после его смерти.

Останутся после него и громадные личные фонды в крупнейших архивохранилищах страны, в том числе великое множество еще не опубликованных документов о пребывании в Лужицах — путевые тетрадки со столбцами слов, рисунками, маршрутами поездок и пеших переходов, рукописные карты, автографы статей, письма...

Останутся и эти слова, обращенные когда-то к студентам-славистам, но сегодня звучащие как завет для каждого, кто молод духом и кому скучно брести по затоптанному путям массовой науки. «Мы должны любить славянство во всем его объеме,— говорит нам неутомимейший Измаил Иванович Срезневский, — без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату».

Ю.М. Лошиц

г. Москва

Монах и Черногорская вила

Владыка Петр

Русский путешественник и ученый-славист Измаил Срезневский, посетивший Черногорию в июле 1841 г., поразился, глядя на одеяние здешних священников: одеваются точно так же, как и все остальные мужчины-черногорцы, «только риза накинута сверху». Под ризой же — куртка, короткие шаровары, чулки, опанки. За поясом — кинжал и пистолеты.

Впрочем, за два дня пребывания в здешних горах поражаюсь он непрерывно. Когда приблизились к Цетинье — крошечной столице этой страны — путешественников ошеломил зловещий вид башни с торчащими шестами, на которых висели головы турок, убитых в недавних сражениях. Еще в Вене Вук Караджич, любезно помогавший Срезневскому в усвоении народного языка и народной поэзии, предупредил русского гостя, что этот дикий обычай, перенятый черногорцами от своих врагов, соблюдается и по сей день. И все-таки одно дело, когда слышишь об этом в песнях или рассказах, и совсем другое, когда наяву видишь страшные, усохшие головы с оскаленными зубами.

Путники имели возможность оправиться от этого жуткого впечатления и заодно отдохнуть с дороги, благо их предупредили: владыка теперь почивает — устал после долгой праздничной службы, которая началась в монастыре еще вчера вечером.

Когда Радивой проснулся (по привычке земляки часто звали его мирским именем), гостей позвали в его покои.

«Можете представить мое изумление,— восклицает Срезневский в письме к матери, — когда я увидел епископа Петра Петровича Негоша в таком же черногорском костюме, только с бородой. Гигантского роста, красавец, молодой, он говорит по-русски, французски, немецки, итальянски, очень обходителен, умен в разговоре и с нами очень мил».

В «главной комнате» владыки гости подивились снова: тут стоял бильярд, на стенах висели ружья, отбитые у турок, кроме того, помещение было украшено четырьмя портретами: слегка пучеглазого Николая I, чуть капризного на вид Наполеона, ребячливого,

будто только что нашалившего Байрона и хмурого, даже мрачнова- того Георгия Черного — знаменитого вождя сербских повстанцев.

Владыка сразу отсоветовал гостям путешествовать по Черно- гории. Они ведь сами уже имели возможность убедиться, какая кругом нищета; с ночлегом в деревнях совсем худо; черногорец гостеприимен не менее, чем всякий иной славянин, но вряд ли его гостеприимство покажется им достаточным после европейских гос- тиниц. К тому же в эту пору года в пути вредны бывают испарения здешних болот.

И, похоже, они легко поддались уговорам. Самым красноре- чивым подтверждением грозящих в дороге неудобств была все та же страшная башня, видная в одном из окон, и они на нее произ- вольно раз от разу поглядывали.

На другой день в обратный путь отправились вместе с влады- кой: у него в приморской Боке Которской оказались свои дела. «Картина чудесная: колокола звенят, выстрелы гремят и по три, по четыре раза повторяются горами, караван вьется по тропинке и шу- мит; встречающиеся доверчиво глядят в лицо владыке и приветст- вуют его поклоном и поцелуем в свою руку».

В Негушах Петр Петрович пригласил Срезневского и его спутника Петра Ивановича Прейса в свой родительский дом. «Дом порядочный, но устроен по-мужицки, только больше и чище. В комнате собрались все, подали кофе, потом окорок, баранины, ви- на». Владыка усадил Срезневского и Прейса возле себя. Угощали гостей мать Радивоя и его сестра; отец владыки, восьмидесятилет- ний старик, остался в Цетинье. «Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына как на солнце; мы адресовались к ней с приветствием и по-христиански облобызались».

...А потом уже у моря, в Боке Которской, отдохнув после уто- мительного спуска с черногорских крутизн, отправились вместе с владыкой на прогулку по набережной. И опять напоследок поразил их Петр Негош. «Чем больше с ним говоришь, тем больше удивля- ешься ему как человеку и как правителю черногорцев. Говорит хо- рошо, умно, с чувством, с достоинством и без натяжки, и во всех словах видна любовь к народу так же, как и в обращении черногор- ская простота».

Жаль, не догадывались они тогда, что беседуют не только с духовным лицом, не только с гражданским правителем, господа- рем маленькой горной страны, но и с литератором, которому суж- дено будет стать одним из самых больших поэтов всего славянско- го мира.

Фильм о Негоше

В жарких волнах расплавленного, будто стекло, воздуха автобус мчал нас мимо серо-бурых каменных осыпей, мимо крутолобых холмов, усаженных по самый горизонт бесконечными рядами оливковых деревьев. Ряды эти веерообразно разворачивались, отчего хотелось дремать. Потом снова дыбились с той и с другой стороны шоссе дикие скалы с кое-где уцепившимися за выступы пучками жесткой травы. Время от времени по салону проходил помощник шофера и предлагал пассажирам сполоснуть руки лавандовым лосьоном.

Мой молчаливый сосед, кинооператор из Киева Вилен Калюта, вдруг тронул меня за плечо:

— А знаешь, я иногда совершенно теряю представление о том, где мы находимся. Ну, какая, думаю, Турция? Это же самая настоящая Черногория!.. Моя любимая Черногория... Такие же скалы, растительность, цвет каменных осыпей.

«Вот, наверное, отдыхал человек в Черногории, — подумал я не без легкой зависти, — и, наверное, не знает даже, что в этой земле был написан "Горный венец"».

— А что ты там делал-то, в Черногории, Виля?

— Как что? Снимали заказной фильм. О Петре Петровиче Негоше...

Теперь уже моя очередь была тормошить его за плечо.

— Виля, и ты молчал до сих пор? Ты снимал фильм о Негоше и молчишь! Как? Когда?.. Где этот твой фильм? Разве он у нас шел в прокате?

— Я ж говорю, заказной, — встрепенулся Калюта, пораженный, кажется, тем, что кто-то еще в автобусе, кроме него, знает это имя: Негош. — Мы снимали по заказу черногорцев. С Юрой Ильенко. А в нашем прокате он не пошел.

— Почему?

— Откуда я знаю, почему, — эта тема явно была ему неинтересна. — Ах, если б ты знал, что за страна Черногория! Вся Сербия была под турками, а черногорцы дрались пятьсот лет подряд и не пустили их к себе. Какие люди! Самый свободолюбивый народ на целом свете, самые выносливые воины, самые меткие стрелки... А как они любят петь! Они могут петь сутками... Я уже через неделю понимал все, что они говорят... Помга Бог! Добра ти среча!.. А до чего гостеприимны!.. Еси ли здрав и еси ли рад гостима? — Здрав сам, а гостима увиек рад... Черногорец — воин с головы до

пят. Вазда му е рука на оружью... Вазда, значит, всегда. Шала на страну, значит, шутки в сторону, я се не шалим, ту шале нема. Ах, Черногория!.. Ах, весела ми майка!..

И он еще долго не мог успокоиться; то говорил, что черногорцы ведут свою историю от битвы на Косовом поле, когда войско сербского князя Лазаря было разгромлено турками и только малый отряд уцелел и укрылся на Черной горе, положив начало народу; то вспоминал черногорские приветствия, изречения, какие-то обрывки из разговоров, песен; то вздыхал и как-то пристанывал, жмурился; и вот-вот готов был, кажется, расплакаться, так обуревали его эти воспоминания о блаженном времени, проведенном рядом с черногорцами.

За окнами между тем горы сменились равниной, в остывающих к вечеру полях замелькали цветастые одежды женщин, взмахивающих тятками. Будто кто разбросал по земле пригоршни цветов.

И глядя на эти ухоженные поля, на эту мирно трудящуюся Турцию, невозможно было вообразить, что когда-то сыны этих гор и долин наводили ужас на сербских и болгарских детей, на всю подневольную райю Балкан, где только Черногория оставалась свободной.

Дуэль с учителем

Мальчиком Раде, как и положено, ходил в подпасаках, потом в пастухах. Он знал наизусть все тропы по склонам горы Ловчен, самой высокой в его краю. Здесь состязался со своими сверстниками: кто дальше забросит камень, кто резвее прыгнет с места или с разбегу, кто дольше удержится за гриву злого коня, кто самый меткий в стрельбе из тяжелых отцовских джеверданов. Здесь жадно слушал он рассказы про белых дев — черногорских вил, живущих в пещерах Ловчена. Вилы — суровые вещуньи, обитают при реках, ручьях и в горах, кричат громким голосом, предупреждая своих побратимов-юнаков о грозящей им беде или предрекая гибель тем, кто не считается с их советами.

Сам он, сколько ни бродил мимо пещер, никогда не встречал вилу наяву, да и испугался бы такой встречи. Зато с весны до осени каждый день мог наблюдать летающих туда-сюда вилиных коников — стрекоз.

Отсюда, с Ловчена, видна была ему вся Черногория: солнце каждое утро поднималось со стороны загороженного скалами Ко-

сова поля, а садилось в море, даже за море, туда, где живут латины, и опять сияла над Ловченом звездная псалтырь, испещренная торжественными и вселяющими смятение письменами. Да, Черногория отгорожена от иных земель утесами и морем, но зато ближе всех вознесена к небу, так близко, что голова чуть кружится от созерцания его несметных богатств.

И такова доля любого черногорца — он и нищ и богат сразу. Взять хотя бы Негуши. Жалкое, забытое богом селение — каждый с этим согласится. Но род Негошей, к которому принадлежит Раде, уже больше ста лет держит над Черногорией два скипетра — государственный и церковный. Первым в этой чреде был митрополит Данило, правивший страной в конце XVII в. и очистивший ее от потурченцев, которые крест своих отцов сменили на стамбульскую луну. А последним — нынешний владыка Петр, родной дядя Радивоя. Этого человека земляки при жизни почитают за святого — за его мудрость и доброту, за бесстрашие в войнах против турок и французов.

А вот Раде, несмотря на такое родство, пасет овец своего отца, как и другие мальчишки, потому что черногорцу не пристало стыдиться ни бедности, ни любого труда.

Правда, подошла пора, и дядя отдал его учиться родному языку, а заодно и итальянскому в Боку Которскую. Потом подростку велено было прибыть в Цетинье, и он стал заниматься здесь у дядино секретаря Симу Милутиновича, про которого говорили, что он поэт, но не могли объяснить, что это значит.

Впрочем, подростки сами обо всем быстро догадались. Когда они смотрели на Симу Милутиновича, когда слушали его речи, они буквально задыхались от жара этих речей и поневоле у них приоткрывались рты.

— Какого дьявола завтрашним юнакам сидеть в каменных стенах! — хмурился и сверкал глазами Сима. — Лучшая для них школа — горы и вольная воля! В горы нужно идти только на босу ногу. Что такое? В кровь расцарапаны ступни? Эка беда! Может, вы еще в обморок упадете при виде двух-трех капель крови на острых камнях! И кто поверит, что вам не хватает воздуха при быстрой ходьбе вверх. Вон его, воздуха, сколько вокруг! И шапки незачем нахлобучивать на голову, не басурмане же мы. Или боитесь, что у вас мозги от солнца растопятся, как сало?.. Словом, что касается выносливости, запомним хотя бы вот что. Сократ, призванный на войну, несколько часов шел босой по замерзшему озеру. На севере люди спят, зарывшись в сугробы. Байрон переплывал расстояние

вполовину Ядранского моря. Суворов провел целую армию русских через альпийские льды и одолел Чертов мост, по которому даже кошка боится пробежать... Вы ведь знаете эту поговорку: в горах растут герои, а в долинах — тыквы. Сербия и Черногория — колыбель героев. Лгуну, который скажет противное, пожелаем встретиться на том свете с самим Милошем Обиличем... Даже изнеженный лежанием на восточных диванах Гёте, услышав песни о наших юнаках и гайдуках, пожелал перевести что-нибудь с сербского на немецкий. Сербские песни знают уже и в России. Кто самый большой у них поэт? Конечно, Александр Пушкин. Когда сам я жил в Одессе, Пушкин тоже там жил и тоже навещался часто к Ризничам. Между прочим, Ризнич дал мне тогда деньги на издание поэмы «Сербиада»... Но возвратимся к теме выносливости. Итак, нужно научиться отлично прыгать по горам, лихо скакать верхом, не боясь круч и горных речек, метко стрелять по летящим предметам, например, по этому вот лимону, чтобы от него только брызги на камнях остались. Нужно запомнить как можно больше песен о героях старой и нынешней Черногории, о великих юнаках Сербской земли. И самым толковым учеником будет тот, кто не только сумеет спеть всем известное, но и свое, новое сочинит так, что не отличить будет от старого. Но кто сочинит такое новое, что способно потягаться силой со старыми песнями, про того мы скажем: это — поэт...

Раде оказался способным учеником — и в прыжках, и в стрельбе, и в обращении с лошадьми. Однажды он, правда, свалился с коня на скаку и крепко побился, но верховую езду и после этого случая не забросил (позже многие говорили, что именно это неудачное падение послужило причиной болезни, так неожиданно сведшей молодого владыку в могилу).

Настойчивей других учеников внимал Раде песням гусяров и так усвоил их искусство, что сам сочинил позже несколько песен, которые никто не мог отличить от народных. Наконец, начал он сочинять и свое, совсем новое для черногорского слуха, и при первых же шагах легко обошел учителя. Сима Милутинович пробудил в подростке вулканическую стихию дарования и отошел, смущенный, в сторону, как только эта сила дала о себе знать.

Рассказывают: как-то Сима и Раде заспорили о геройстве. Подросток горячо доказывал, что по всей Сербии теперь не сыскать героев, подобных черногорцам. Вспыхнул и учитель: пусть он и последний из сербов, но готов выйти на поединок с самым храбрым из черногорцев. С этими словами раздраженный Сима хлопнул дверью и покинул комнату. Через несколько минут Раде чуть не силком за-

тащил его обратно, запер дверь на ключ и показал на два пистолета. Милутинович побледнел. Нет, он ни за что не станет стрелять в отпрыска Негошей. Наконец, видя упрямство и гнев Раде, тоже рассердился, стал спиной к стене, распахнул грудь.

— Стреляй в меня!

— А думаешь, не выстрелю?! — Раде схватил пистолет и нажал на курок. Звук был слабый, пуля даже не долетела.

— Бери другой. В этот ты от испуга недосыпал пороху.

Еще выстрел, и снова недолет. Тут Раде, не в силах больше притворяться, бросился к учителю, обнял и расцеловал его.

— Я нарочно так зарядил, чтобы убедиться, что ты до конца сохранишь мужество.

То был век дуэлей, век особых понятий о мужской чести и храбрости. И учитель, и ученик поступили как сыновья своего века.

Мог ли я предположить, что в наши дни в немецкой деревне на юге Саксонии познакомлюсь с одним из, может быть, самых убежденных и последовательных славянофилов двадцатого столетия? Пусть он не немец, а лужицкий серб, сын самого малочисленного из славянских народов.

Старейший лужицкий художник и писатель Мерчин Новак-Нехорнский знаменит не только в своем народе, почитаем не только в Германии, его ценят поляки, чехи, сербы, македонцы, словаки, хорваты. Обо всем этом я знал еще до встречи с ним. Но лишь в его деревенской мастерской, разглядывая библиотеку хозяина, убедился в том, насколько глубоки и прочны его творческие связи со всем славянским миром. Еще между двумя мировыми войнами он перевел на свой язык книжку русских былин, произведения Гоголя, Горького, Пришвина, тогда же совершил многочисленные путешествия по разным славянским землям. Но особенно возлюбил он югославян, о чем свидетельствует его давнишняя книга «В царстве Душана Сильного». Листаю дополненное переиздание этой книги, глаза натыкаются на главу «По следам поэта богатырской страны». Да это же о Петре Петровиче Негоше! Удивительно все же, до чего тесен и един многоликий славянский мир, до чего многочисленны, пусть и мало кому видны со стороны, связующие этот мир культурные скрепы. И вот, читая страницы лужицкого путешественника, поневоле вновь испытываю чувство легкой, родственной восхищению зависти, какое уже испытывал не раз, читая «Путевые письма» Измаила Срезневского, или «Четыре месяца в Черногории» Егора Ковалевского, или «Путешествие в Черногорию» Александра По-

пова. Или до революции вышедшие книги П.А. Лаврова и П.А. Ровинского, в которых видные наши слависты знакомят русского читателя с биографией Петра Негоша. Они там были, они дышали воздухом Ловчена, одни из них еще застали в живых самого поэта-монаха, другие беседовали со стариками, которые помнили своего владыку.

Как волнуют меня книги путешествий и книги встреч! Как бы и я сам хотел когда-нибудь хоть краем глаза увидеть заповедную Черногорию, поглядеть на русские книги из личной библиотеки величайшего югославянского поэта, услышать, как звучат гусли, как поют гусяры в Негушах или Никшиче, поглядеть на легендарное Скадарское озеро, подойти к пещере, которая при резких порывах ветра с моря начинает стенать, будто там и вправду обитает негодующая на кого-то вила...

В Россию

Первое из двух пребываний Петра Петровича Негоша в России относится к лету — осени 1833 г. Тремя годами раньше, по завещанию скоропостижно скончавшегося черногорского владыки Петра, семнадцатилетний Раде при великом стечении народа был провозглашен на цетиньской площади новым гражданским и церковным властелином земли. Юношу постригли в монахи, а вскоре произвели в архимандриты, дали ему новое имя: Петр II Петрович. С этим именем Раде Томов из рода Негошей навсегда войдет в историю.

За посвящением в епископский чин, положенный главе черногорской церкви, ему надлежало прибыть в Россию.

И вот он в Петербурге, в стране, которая еще со времен Петра I неизменно покровительствует маленькой единой славянской земле Черногории. Высокому гостю отводят квартиру в Александро-Невской лавре. На литургии в Казанском соборе во время его рукоположения в епископы соблаговолил присутствовать сам русский государь. Петра Негоша знакомят с виднейшими петербургскими сановниками, дипломатами, деятелями церкви. Помимо государственной субсидии, он получает немало личных денежных пожертвований в пользу Черногории. Этот «высокий, как копье» красавец-монах не догадывается даже, как много его прибытие возбуждало разговоров в салонах столицы, особенно среди падких на все экзотическое великосветских дам. Монтенегро... Черногория... эти слова у всех на устах. Черногорцы не подпустили к себе даже

самого Буонапарте... Не зря о них говорят как о самом храбром народе в мире. И самом жестоком... Разве вы не слышали, что этот восхитительный монах носит под рясой кинжал?..

Впрочем, он и сам то и дело пребывает в восхищении — от обилия и яркости впечатлений. В письме Вуку Караджичу в Вену говорит, что ошеломлен «пространством города, симметрией улиц, величием строений, архитектурным искусством дворцов, храмов, памятников...».

Он много покупает русских книг, много читает. «У меня есть и Гомер, — сообщает тому же Караджичу, — переведенный на русский язык Гнедичем». И добавляет: «А сербский Гомер — в народной поэзии».

Он встречается со здешними сербами, находящимися на русской службе. Узнав о том, что в Петербург прибыл черногорский владыка, его приезжает приветствовать делегация малороссийских сербов — их предки еще в прошлом веке поселились на постоянное жительство в землях Украины.

Нет нужды восстанавливать здесь во всех подробностях картину пребывания Негоша в городе на Неве. Имеет смысл сосредоточиться лишь на одной теме, на сегодняшней день совсем почти неразработанной: Негош и Пушкин.

Известно, что весной 1833 г., незадолго до приезда юного черногорца в Россию, Пушкин с семьей оставил зимнюю свою петербургскую квартиру и переехал на дачу на Черную речку, откуда ежедневно ходил пешком в город, чтобы работать в архиве. А во второй половине августа этого же года он покинет столицу и отправится на Волгу и в Заволжье — собирать материалы для своего исторического исследования о Пугачеве.

Хотя в бумагах Пушкина не сохранилось ни одного упоминания о приезде в Петербург теократического правителя Черногории, невозможно допустить, чтобы в эти месяцы Пушкин совершенно ничего не узнал, не услышал о Петре Петровиче Негоше. Странно, но, кажется, никто из пушкинистов не собрался до сих пор сопоставить два соседствующих события: торжественный акт рукоположения в Петербурге черногорского правителя и начало работы Пушкина осенью того же 1833 г. над «Песнями западных славян», в том числе над стихотворным сюжетом «Бонапарт и черногорцы». (На эту именно дату указывает С.А. Фомичев в своем разыскании о хронологии «Песен западных славян»; см. его книгу «Поэзия Пушкина. Творческая эволюция». — Л., 1986).

Да, у Пушкина, безусловно, было сразу несколько причин, для того чтобы приняться наконец за стихотворный цикл, посвященный сербам и черногорцам. Эти причины хорошо известны: «Гюзла» Проспера Мериме; обстановка творческого состязания с теми, кто уже писал или тоже собирался писать на славянскую тему — с Востоковым, Мицкевичем, Венелиным; наконец, постоянно углубляющееся в течение многих лет знакомство поэта с сербскими и черногорскими народными песнями из сборников Вука Караджича... А тут еще и явление во плоти настоящего черногорца, теократического правителя маленькой неприступной страны, певца, знающего на память десятки эпических сказаний своего народа... Вспомним: так в свое время было и с приездом в Петербург Вука Караджича. Виделся ли с ним Пушкин, было ли их знакомство только заочным, — ни того, ни другого утверждать с достоверностью невозможно. Но безусловно одно: горячий интерес юного Пушкина к сербской народной поэзии вспыхивает именно в пору пребывания Караджича в России и Молдавии, где ссыльный Пушкин будет встречаться с сербскими воеводами-эмигрантами, друзьями и соратниками Вука.

Но вернемся к Негошу. В его бумагах, относящихся к той первой поездке в Россию, кажется, тоже нет ни строчки о Пушкине. Но, покидая берега Невы осенью 1833 г., он увозит с собой сильнейшее впечатление о поэзии Пушкина, впечатление, которое станет пожизненным спутником, частью его поэтического естества.

Поэт

Вторая поездка Петра Негоша в Россию так решительно не походила на первую. Вынужденный покинуть голодную, истерзанную недородом, налогами, турецкими набегами Черногорию тайком, без согласования с русским консулом в Дубровнике, вынужденный затем унижительно долго дожидаться в Вене визы на въезд в Россию, вынужденный, наконец, несколько недель томиться в Пскове, пока официальный Петербург составит свое мнение о наплодившихся вокруг имени черногорского владыки политических сплетнях, Петр Негош, пользуясь первым же удобным случаем, спешит из Пскова в Святогорский монастырь, чтобы отслужить панихиду у могилы любимого поэта.

Он неутешен. Все, что он сделал у себя на родине в память о русском гении, такая малость сравнительно с тем, что ему хотелось бы сделать. Да, он откроет свой сборник народных песен «Зерцало сербское» стихотворным посвящением «Тени Александра Пушки-

на». Да, в цетиньском альманахе «Горлица» будут перепечатаны два пушкинских стихотворения из «Песен западных славян» — «Бонапарт и черногорцы» и «Песня о Георгии Черном». Да, он переведет несколько отрывков из «Слова о полку Игореве» — древнерусской поэмы, которая, знает он, была предметом особой любви Пушкина, его неустанных филологических разысканий.

Но двух поэтов связывает неизмеримо большее: любовь ко всему славянству, к сокровищам народной поэзии; верность героическому началу жизни; взгляды на поэта как на существо, вдохновенное свыше:

...ибо там твой гений зачат
и мирром искусства помазан;
оттуда заря разлилась над природой.
Оттуда ты к нам прилетел,
счастливый певец народа великого...

(«Тени Александра Пушкина»)

Это ли не счастье?! Я наконец в Черногории, в Цетинье! Многолетняя мечта моя все же сбылась, хотя еще несколько дней назад не было ясно, удастся ли выбраться сюда, на родину поэта; но вот я живу в пяти минутах ходьбы от его дома.

Вчера утром мы ездили на Ловчен, поднимались пешком на самую вершину горы, к мавзолею поэта, и спутник мой просил обратить внимание на чуть вогнутую искривленную плиту пешеходной дорожки, ведущей от мавзолея к смотровой площадке на северной кромке горы: это, пояснил он, молния ударила, а вот еще и еще следы ударов; когда над Ловченом бушует гроза, в Цетинье насчитывают до пятидесяти разрядов в минуту...

И я вспомнил старую черногорскую легенду: пролетал над этими местами творец неба и земли, и вот заплечная сума, в которой у него имелись все необходимые материалы для земного устройства, вдруг прохудилась, и просыпалась из нее груда камней; весь запас, необходимый для сооружения гор, сгрудился оттого в одном месте, в том самом, которое и зовется теперь Черногорией... Может быть, свирепые ночные грозы над Ловченом — всего лишь слабый отзвук того допотопного грохота от падающих с неба камней? Или молнии устремляются сюда пучками, чтобы озарить в ночи последнее пристанище поэта, воспевшего чудотворный огненный космос?..

Над Ловченом вчера стояло солнце, уже не очень яркое, лучи его не в силах были разогнать мглу, что с утра заволокла море; но небольшой отрог Которского залива был все же отсюда виден; и видны были далеко внизу игрушечные красные черепицы Негушей, родного села поэта; и в малой котловине справа от Негушей проступали крошечные кварталы и улицы Цетинье; бывшая столица Черногории напоминала добротное слаженное гнездо какой-то горной птицы.

Свежий ветер овевал гору, шевелил пучки трав на ее откосах. Маленькие, подобные букашкам, автомобили изредка сновали вниз, на полузакрытых кустарником серпантинах. Мои цетиньские спутники невозмутимо ждали меня внизу на открытой веранде, и виду не показывая, что у них могут быть сегодня иные, более важные дела, и если бы не они, я бы, конечно, еще остался тут на час, а то и на два-три, чтобы все так же озираться и смотреть — то в сторону Герцеговины, то в противоположную сторону, где при лучшей погоде, может быть, еще удастся разглядеть мне сизую спину моря. И так, пожалуй, не скучал бы и до вечера, а затем и до звезд, при свете которых здесь когда-то вели свои разговоры юнаки «Горного венца».

Но мои спутники оказались, конечно же, мудрее меня. Уж они-то знали, что Ловчен противопоказан новичку в больших количествах и что его нужно открывать постепенно, не покушаясь чересчур на вечный покой поэта, безмолвно беседующего тут с ветром, солнцем, звездами и громами.

Тут и появился маленький, как медвежонок, Джордже Вуйович, поэт и певец. Узнав, что слушать его будет гость из России, он стал метать на своих друзей свирепые взгляды: почему не предупредили заранее, он бы надел, как положено, старинный черногорский костюм, а не заявился сюда в джинсах и рабочей рубашке.

Все же его уговорили петь. Джордже скорбно потупил глаза, его лицо, обрамленное густой шевелюрой, усами и бородой, покрылось испариной. Он побледнел и замкнулся. Змея-гудало принялась терзать тугую струну.

Мы приготовились к долгому, может быть, на полчаса, слушанию черногорской эпической песни. Наконец он запел, громко, едва ли не навзрыд. Но что такое? Вдруг, всего после нескольких строк песни наш Джордже встает с сиденья, невозмутимо откладывает в сторону гусли и смычок и, набрав побольше воздуха в грудь, принимается декламировать по-русски строфы из пушкинских «Песен западных славян»:

Черногорцы? что такое?
— Бонапарте спросил
— Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил...

Мы были все растроганы от неожиданности, но Джордже, кажется, больше всех нас. В глазах его сверкнули слезы, те самые «грозные слезы», о которых поют в своих старых песнях сербы и черногорцы. Он громко приложил ладонь к левой стороне груди:

— Я — русский человек!.. Да-да, я — русский человек... Ты еще жива, моя старушка, жив и я, привѣт тебе, привѣт... Да, я — русский человек!..

— Джордже, ну, какой же ты русский? Ты же наш, черногорец,— попытался кто-то из присутствующих успокоить взволнованного поэта.

— Нет! — отмел он властным жестом этот слабый довод.— Слышите, я русский человек!

— Ну, конечно, Джордже, дорогой,— сказал я, поднимаясь, чтобы обнять поэта.

— Ты — русский человек! Разве можно в этом сомневаться?.. Но теперь остается и вам всем принять меня в черногорцы...

Н.В. Масленникова

г. Москва

Сергиевские и Кирилло-Мефодиевские чтения в Московском государственном университете

Ежегодно в Московском государственном университете проводятся Сергиевские и Кирилло-Мефодиевские чтения, по материалам которых в московском научном издательстве «Древлехранилище» при Государственном архиве Российской Федерации в конце декабря 2005 г. вышел сборник «Сергиевские и Кирилло-Мефодиевские чтения». Издан он попечением Московского комитета по науке и технологиям при Правительстве Москвы, что само по себе замечательно, ибо Комитет с недавнего времени стал поддерживать развитие и гуманитарных отраслей отечественной науки. Книга эта — своего рода приношение на алтарь российского просвещения, ведь выпущена она в год 250-летия Московского государственного

университета имени М.В. Ломоносова и посвящена этой дате. В ней объединены редкие работы русских богословов XX в. и материалы и доклады конференций «Сергиевские чтения», которые уже 16 лет проводятся в Московском университете. Начало чтений памяти преподобного Сергия Радонежского было положено в феврале 1990 г., а идея их проведения принадлежит доценту философского факультета Московского университета Н.В. Масленниковой. Наталья Викторовна Масленникова — многолетний труженик отделения «Религиоведения» Московского университета, автор и руководитель научно-просветительской и учебно-методической программы «Сергиевские чтения», внесшая заметный вклад в развитие современной науки.

В 1995 г. программа получила благословение патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Сегодня на этих конференциях обсуждается широкая проблематика русской и славянских культур, в частности, вопросы церковных взаимоотношений.

Новую книгу можно назвать коллективной монографией, ведь вся она посвящена проблемам православных славянских культур. Главным редактором ее, составителем и автором комментария (в тексте и сносках обозначение — ред.) является Н.В. Масленникова, техническое редактирование выполнил В.В. Богатов; корректура Н.В. Масленниковой и В.В. Богатова, а строгая и вместе с тем нарядная обложка принадлежит директору издательства С.С. Ермолаеву. Среди авторов сборника профессора и преподаватели Московского государственного университета, Российской академии наук, Московской духовной академии, Владимирской духовной семинарии, Белградского университета, лица духовного звания из России и Болгарии. Стоит еще отметить, что книга была подготовлена к печати в 2001 г., однако некоторые обстоятельства, как очевидно не без Промысла, задержали ее выход до юбилейного 2005 года.

Сборник «Сергиевские чтения» составлен из четырех частей: «Доклады и статьи» (в данный раздел включены доклады, прочитанные в 1990—000 гг. на конференциях, и печатается по благословению святейшего патриарха Алексия), «Сербские страницы», раздел «К 120-летию Высокопреосвященнейшего Серафима, архиепископа Богучарского» и «Архив». Все материалы этого серьезного коллективного труда отличаются высоким качеством, строгим научным подходом, свежестью и новизной, а также актуальностью, ибо проблемы православия сегодня привлекают, кажется, всех — как апологетов традиционных славянских культур, так и их противников.

Открывается сборник приветственными словами ректоров Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академика А.А. Логунова (1977—1992), при котором как раз и начала действовать программа «Сергиевские чтения», и академика В.В. Садовниченко, с одобрения которого программа и продолжает свою работу.

Три статьи первого раздела (протоиерея Сергия Правдолюбова «О почитании преп. Сергием Живоначальной Троицы», архимандрита Платона /Игумнова/ «Труды митрополита Московского Платона по благоустройству Троице-Сергиевой Лавры и созданию Вифанского монастыря» и Н.В. Масленниковой «О повести Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»») непосредственно посвящены *сергиевской* проблематике: в них затрагиваются вопросы богословского, историко-культурного и филологического характера.

Предметом размышлений болгарского богослова, архимандрита Бориса /Добрева/ стала малоизвестная широкому кругу читателей «легенда» жития преп. Иоанна Рыльского, сторонники подлинности которой считают, что под именем великого праведника скрывался болгарский царь Симеон. Точка зрения о. Бориса, внимательно рассматривающего различные факты данной гипотезы, тем более интересна, что вопрос этот до сих пор остается дискуссионным среди специалистов по славянскому средневековью.

200-летний юбилей А.С. Пушкина широко отмечался мировой культурной общественностью; программа «Сергиевские чтения» не осталась в стороне от этого события, и специальная XX конференция была посвящена сей великой дате — в сборник же вошла статья профессора В.В. Кускова «А.С. Пушкин и древнерусская литература». Пушкинская тема продолжается и в статье О.А. Давыдовой, члена Союза журналистов России, «Пушкиниана Опекушина», написанной к 120-летию воздвижения памятника Пушкину, этого богозданного творения выдающегося русского скульптора А.М. Опекушина.

Вслед за именем Пушкина хочется произнести имя великого русского филолога XX столетия, академика Олега Николаевича Трубочёва (1930—2003). Труды его в области русско-славянской филологии принадлежат вершинам мировой славистики. Из ученых-славистов прошлого его можно поставить лишь рядом с гениальным Павлом Йозефом Шафариком. Академик Трубочёв неоднократно выступал на Сергиевских чтениях, и всегда это были замечательные, интересные доклады. В сборнике опубликована его статья «Русский — российский. История, динамика, идеология двух

атрибутов нации» (вторая редакция). Проблема неразличения и специального смешения сегодня «двух атрибутов нации» обретает весьма каверзные последствия: негативным явлениям современной российской действительности (то есть принадлежащему по своему происхождению всей России вместе с так называемыми малыми народами, а не только русским) усваиваются в средствах массовой информации атрибуты «русского» — например, русская мафия, преступления русских солдат или армии в Чечне, русская преступность; в то время как русское, явно положительное в массовом сознании атрибутируется как «российское»: российская литература, российский писатель Достоевский или российский поэт Пушкин, российская живопись или музыка (именно когда речь идет о русских художниках или композиторах) или, что еще бессмысленнее, российские обычаи (вместо «русские обычаи»). Такая словесная эквилибристика формирует отрицательное, тенденциозное отношение к русскому народу, искажает правильное представление о национальных культурах, об их пестроте и разнообразии на огромных пространствах России. Трубочёв в своей статье как раз и рассматривает процесс сложения двух атрибутов нации, их семантики и словоупотребления.

Несомненной научной новизной отличаются статьи профессора А.П. Лободанова, декана недавно созданного в Московском университете факультета искусств, «Ранние переводы русских поэтов из лирики Петрарки. Державин и Крылов» и кандидата культурологии А.И. Власенко «Славянофильская мысль Ивана Киреевского как явление русской культуры 30—50-х годов XIX века».

С интересом читаются две взаимодополняющие статьи протоиерея Артемия Владимирова «Из духовной истории Ново-Алексеевского монастыря» и историка архитектуры В.А. Россаль «Градостроительные и архитектурные аспекты истории Ново-Алексеевского монастыря»; тематически к ним примыкает и живая миниатюра «Паломничество в Свято-Спасский Костомаровский монастырь» доцента И.В. Моклецовой — материалы эти — словно затерянные, но драгоценные и вновь обретенные жемчужинки православной русской культуры, которые помогают глубже понять философию бытия русского человека, всем существом своим устремленного к Богу.

Доброй традицией Сергиевских чтений стало празднование памятных дат, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся подвижников православной культуры. Например, XXXIII конфе-

рениция, состоявшаяся 24 ноября 2005 г., была посвящена 400-летию святейшего патриарха всероссийского Никона.

В сборнике же помещены статьи А.В. Торопова и Н.В. Масленниковой «Памяти митрополита Московского и Коломенского Макария /Парвицкого-«Невского»/ (1835—1926)» к 70-летию кончины святителя; Т.В. Богатовой и Н.И. Позднышевой «А.А. Воскресенский: ученый и подвижник. Две школы выдающегося педагога» к 190-летию со дня рождения основателя русской химической школы, профессора и ректора Санкт-Петербургского университета Александра Абрамовича Воскресенского. Любопытно, что митрополит Макарий оставил след не только в православном богословии, но и в русской филологической науке, явившись автором первой «Грамматики алтайского языка», написанной им совместно с профессором Н.И. Ильминским. Кроме того, так же, как и профессор Воскресенский, святитель был выдающимся педагогом и воспитателем, ведь на Алтае, где он провел многие годы своей жизни, владыка вел широчайшую школьную деятельность, в результате которой «весь Алтай буквально покрылся школьной сетью».

Целый раздел (третий) книги посвящен 120-летию со дня рождения высокопреосвященнейшего Серафима /Соболева/, архиепископа Богучарского. Здесь опубликован отредактированный Акафист преп. Иоанну Рыльскому, который хорошо известен православным. Однако мало кто знает, что автором его был архиепископ Серафим, а написана была сия «поэма» владыкой в изгнании, когда после великого русского Исхода он оказался в Болгарии, где в 1921 г. возглавил православные русские приходы. Таинственным образом судьба святителя оказалась связана с сей колыбелью славянского православия. Подобно преп. Иоанну Рыльскому Чудотворцу, архиепископ Серафим стал великим праведником *болгарским* — но только в XX столетии. В 2001 г. он был прославлен в Болгарии, а место упокоения владыки (русский храм св. Николая в самом центре Софии) является настоящей святыней, бережно хранимой болгарским народом. Согревает она и русское сердце, когда поклонник из братской России смиренно преклоняет здесь колена, согревает и сербское, буде ведает оно о святителе, согревает и греческое и православное американское... Сегодня просвещенные русские люди чают канонизации архиепископа Серафима и в России, как кажется, порядочно запоздалой. Статья Н.В. Масленниковой «Вопрос русской интеллигенции в сочинении архиепископа Серафима /Соболева/ "Русская идеология"» носит обзорно-информационный характер, и вместе с тем, автор четко выделяет основную *разрушитель-*

ную характеристику *русской интеллигенции* — ее *богоборчество* и, опираясь на наблюдения богослова, убедительно показывает неоспоримость данной точки зрения. В статье, кроме того, представлены многоценные, практически неизвестные факты и подробности русско-болгарских церковных взаимоотношений на протяжении XX столетия.

В разделе памяти архиепископа Серафима помещен актуальный в наше время и в связи с неразборчивостью современных *богословов-культурологов и общечеловеческих философов*, и в связи с *ненаучным* (ибо, к сожалению сегодня, например, в России во многом утрачены традиции ученого богословия) изданием трудов С.Н. Булгакова доклад владыки «О нравственной основе софианства», произнесенный на Втором Всезарубежном Соборе Русской Православной Церкви за границей, который состоялся в 1938 г. в г. Сремские Карловцы в королевстве Югославия. В России этот материал публикуется впервые. Написанный чрезвычайно доходчиво, четко излагающий суть проблемы доклад архиепископа Серафима просто и ясно обозначает «болевые точки» философии Булгакова, показывая, что основой софианства является гордость, которая, «как еретическая по преимуществу, является богоборчеством, так как направлена к ниспровержению церковного авторитета». Рассуждения владыки по данному вопросу весьма важны, тем более что он представил один из самых серьезных и обстоятельных богословских анализов *софианской ереси* в своей книге «Новое учение о Софии Премудрости Божией» (София, 1935 г.), которая, увы, до сих пор не переиздана в России, где как раз в последние годы большими тиражами издаются *еретические* книги Булгакова, а само распространение ереси идет «под соусом» религиозно-философских достижений «горе-мыслителя» (то же касается и популяризации сочинений священника П. Флоренского, которые также выдаются в среде некомпетентной публики за некие достижения религиозной мысли; между тем как в серьезном труде прот. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» дается более чем критический анализ работ о. Павла).

Тема детального анализа софианской ереси продолжается в статье П.М. Граббе «По поводу лжеучения протоиерея Сергия Булгакова» (раздел «Архив»), которая была специально подготовлена ко Второму Всезарубежному Собору Русской Православной Церкви за границей. В России этот материал также публикуется впервые. В анализе Граббе обнажаются гностические, каббалистические, оккультные корни софиологии, связь этого учения с масонст-

вом и экуменизмом, показывается, что она ересь не имеет отношения не только к русскому православию, но и к христианству вообще, говорится вполне обоснованно о том, что *экуменизм считает «Булгакова за одного из своих столпов»*. Небольшая по объему работа эта окажется безусловно полезной именно в наши дни — дни утрат, но и приобретений для честных богословов и философов, последователей и продолжателей русских традиций русской науки. Отметим, что в сборнике «Булгаков. Pro і contra» вышеозначенные материалы, надо думать, не случайно отсутствуют.

В разделе «Архив» наряду со статьей Граббе помещена и статья С. Рождественского «О задачах средней школы нашего времени»; она перепечатана из журнала «Вера и Церковь» (1907 г.). В тот жаркий год в России собирался съезд учителей, на котором рассматривались важнейшие вопросы школьного образования в Российской империи. Достаточно лишь немного вспомнить о том разброде и шатаниях, которые в начале XX в. подтачивали государство, чтобы понять всю остроту публикуемого фактически впервые в послереволюционной России материала. Нынешняя ситуация в России типологически перекликается с той, что обозначилась в первые годы прошлого столетия, только она значительно труднее и, возможно, еще более неразрешимая. И тогда, как и ныне, многие патриоты видели хотя бы попытку ее улучшения в возвращении к основам национальной нравственности, к традициям почвы, к возрождению исторической памяти. Но и тогда (как и сегодня) раздавались громогласные протесты против преподавания закона Божия в школах и гимназиях. Автор статьи говорит буквально следующее: «Нравственное состояние русского общества, русского юношества удручающее. Оно оторвалось от своей исторической почвы, лишено всякой прочной опоры, безуспешно мучится жаждою правды, извратилось нравственно и умственно. Что же может уврачевать эти язвы? Что может вернуть заблудших на путь истины и правды, утолить их духовное алкание, дать их жизни устойчивость, какое начало — родное или чуждое? И отчего, откуда все упомянутые выше бедствия? Говорят, от «старого режима»! Но ведь при нем создавалась и выросла Россия. С убеждением скажем — и благодаря ему! Другого виновника бед, другой тормоз просвещения видят в вере православной. Но не странно ли, что бедствия последовали тогда, когда и старый государственный строй ослабел, и вера упала? Нет, не ту причину наших бед указывают. Главная причина их — это ослабление того зиждительного начала, которое было заложено во

главу угла русского государства, — православной веры во Христа Спасителя».

Сегодняшнее состояние умов в России, кажется, во сто крат сложнее. В целях упорядочения известной ситуации «брожения умов», в целях возвращения высоких принципов религиозной морали прежде всего народу русскому, пострадавшему в нравственном отношении, быть может, сильнее других народов бывшей империи, православная общественность внесла предложение о введении в программу школьного обучения такого предмета, как «Основы православной культуры», принятого, однако, в штыки под тем предлогом, что-де в государственных школах учатся не только православные. Но как-то коротка память у оппонентов, забывших, что народом-созидателем великой Российской империи явился именно русский православный народ, крепостью веры и прочностью нравственных идеалов, целеустремленностью и государственной волей своей как раз и создавший могучую державу, в которой нашлось место всем другим народам, безболезненно и поступательно развивавшим свои национальные культуры. И как раз стремление не дать русскому человеку вернуться к своим истокам можно расценивать как определенно русофобскую политику, но не только — это вообще политика разрушения государства, политика фобии по отношению ко всем народам и национальностям России, ибо только в братском лоне народа русского, «под сенью дружеских штыков» цвела и приумножалась большая и сильная семья народа российского.

В свете этой полемики, как актуально сегодня звучит, например, такое утверждение Рождественского: «Школы нейтральной, без политики, быть не может, будет ли она религиозная или атеистическая, республиканская или иезуитская. Всего менее политики будет в русской православной школе, потому что православие, царелюбие уже не политика русского человека: это, можно сказать, его натура, и, напротив, восстание против них — несомненная политика. Государство, во всяком случае, может поощрять только ту политику, которая ему полезна, что везде и делается».

Второй раздел сборника «Сербские страницы» посвящен проблемам сербско-русских культурных связей, многие материалы его впервые публикуются и, разумеется, вносят новый вклад в эту обширнейшую тему. Связь России и Сербии уходит в глубину веков, истребить ее из сознания русского и сербского народов практически невозможно, можно лишь изменить само национальное самосознание, тем более при современных мощнейших способах психо-

тронного воздействия. В последние годы как в России, так и в Сербии усиленно пропагандируются «общечеловеческие» стереотипы мышления, созданные за океаном, поглощающие всякую национальную самобытность, *цветение культур*. Перспектива «тоталитарного человечества» более чем мрачна, она просто губительна — «бесперспективная перспектива». Конечно, борьба с этим «тупиковым мышлением» не проста, но возможна. Воспитание чувства почвы, как представляется, есть важнейший способ противостояния демоническому натиску. Именно этими мыслями и напитаны русско-сербские статьи сборника.

Очерк профессора Вермонтского университета (США) П.Н. Пагануцци «Святейший Патриарх Сербский Варнава», написанный к 40-летию кончины святителя в 1977 г., впервые публикуется в России. Пагануцци, хорошо знавший сербского патриарха, бережно доносит до читателя драгоценные не только для сербов, но и особенно для русских черты нравственного и духовного облика этого выдающегося подвижника Православия XX столетия. Церковная канонизация его, думается, дело ближайшего времени, но те, кто знают святейшего Варнаву (или узнают о нем), несомненно, уже давно обращаются к нему в своих молитвах. Голос Варнавы читатель услышит, прочтя его изумительное «Слово о России и русском народе», сказанное в Белграде на Рождество 1930 года. Оно было опубликовано в газете русских беженцев «Царский вестник» и сегодня практически недоступно. Между тем актуальность его несомненна, а потому оно и включено в сборник (первая публикация в России), украшает его и раскрывает еще одну замечательную страничку русско-сербских отношений.

Беседы епископа Николая /Велимировича/ из его книги «Послания сербскому народу из темницы (из лагеря Дахау)» (перевод, добротнo выполненный и прокомментированный Н.В. Масленниковой) открывают русскому читателю существенно яркие черты сербской этнопсихологии. Духовно-нравственный рисунок серба и русского, «сих малых мира сего», победителей в борьбе с мировым злом, весьма схож. На эту черту нашей неистребимой связи обращает внимание владыка Николай. В комментариях к вышеуказанным публикациям дается обширный материал, в том числе практически не известный в России, по истории Сербской Церкви, а также по русско-сербским церковным связям.

Статья крупного сербского русиста современности, профессора Белградского университета Радмило Мароевича «Русь и Срьбли. К реконструкции их взаимной истории» хоть и невелика по объему,

но очень глубока. Она наполнена тонкими наблюдениями талантливого филолога о культурном единстве братских славянских народов, об их общей исторической судьбе, особенно в последние годы трагических разрушительных процессов в славянском мире.

Старший научный сотрудник Института российской истории РАН Е.А. Бондарева в своих размышлениях о Балканском кризисе останавливается на его культурно-цивилизационном аспекте и приходит к единственно правильному выводу: «"Славяно-Византийский цивилизационный свод" должен быть гарантирован от уничтожения, и гарантом должна выступить именно Россия, требуя своего присутствия в регионе для защиты населения и культурного наследия в условиях этно-конфессиональной нестабильности. Это зона нашей культурной и духовной ответственности».

Завершают раздел две миниатюры. Первая принадлежит живописному перу профессора Белградского университета А.В. Тарасьева «Празднование дня памяти святой Матроны Московской в Белграде 2 мая 2000 года», где рассказывается о трогательных сербско-русских церковных связях, о близости русских и сербских понятий святости. Вторая — «Благословение Хиландара»: именно из сербского Введенского монастыря на св. горе Афон в процессе подготовки материалов сборника редактор получила стихотворение русского поэта-баяна Владимира Волкова «С молитвой о России», которое по святогорскому благословению и опубликовано в настоящем издании.

И, наконец, книга снабжена уникальным иллюстративным и изобразительным материалом: это портрет сербского патриарха Варнавы кисти Уроша Предича, редкие фотографии епископа Николая /Велимировича/ и архиепископа Серафима /Соболева/, храма Преображения Господня, ктитория владыки Николая, где покоятся его святые мощи — в родной деревне святителя Лелич, икона св. Николая Сербского, написанная сестрами монастыря Челие, и икона преп. Иоанна Рыльского, работы русского художника-беженца М.М. Малецкого, икона Одигитрии Хиландарской (все эти репродукции впервые публикуются в России), дивный Ангел на Гробе Господнем, знаменитая сербская фреска из монастыря Милешевы, вид монастыря Хиландар, теперь уже, после мартовского пожара 2004 г., имеющий ценность исторического документа.

Читая сборник «Сергиевские чтения», невольно увлекаешься, погружаешься в материал — настолько он интересен и нов, настолько актуален, настолько близок сердцу не только православно-

го человека, но и любого культурного исследователя русско-славянского мира.

Книге предпослан эпиграф из замечательной статьи «Преподобный Сергей и Россия» русского духовного писателя Евгения Поселянина, где есть такие слова: «Русские люди, — хочется сказать теперь, страдая тем, что у нас происходит и вспоминая дела преподобного Сергея и его веру в Русский народ: Русские люди, не падайте духом в годину безвременья... <...> Знайте, что горят еще усердные огни у тихой раки Радонежского игумена. А пока эти огни не погаснут, не погибла еще Русская земля. Так раздувайте же их сильнее, чтоб они ярче горели, поборя надвигающуюся тьму. И, объединяясь вокруг него, как вокруг испытанного знамени, ни разу не бывавшего в руках ни у каких врагов России, идите в бой с древним, творившим некогда чудеса кличем «Сергий, Сергей!» И пусть в этом кличе снизойдет на вас та великая вера в Русское дело, какая вдохновляла и создала его самого, дивного и неизменного игумена Русской земли!» Этим ярким заветом горячего патриота России и хотелось бы закончить обзор материалов сборника «Сергиевские чтения».

РАЗДЕЛ II

Срезневские в истории и культуре России и Рязанской земли

Н.Н. Гришина

г. Рязань

Имя И.И. Срезневского в контексте культурных традиций Рязанского края

Отмечая 195-ю годовщину со дня рождения И.И. Срезневского, мы можем со всей очевидностью констатировать, что имя выдающегося ученого-слависта занимало особое место в общественной, культурной, научной жизни Рязанской области на протяжении последних 15 лет. Факт сам по себе редкий, удивительный. К сожалению, не так много примеров, когда имена ученых-лингвистов, филологов уверенно входят в современную жизнь и становятся заметным событием в жизни региона. Имя Измаила Ивановича Срезневского в этом смысле исключительно.

Имя «рязанца по отцу и деду» И.И. Срезневского объединило ученых, педагогов, студентов, краеведов, школьников, библиотекарей, музейных работников, журналистов, представителей епархии, управленцев — всех, кому дорога история родной земли, отечественной культуры.

Возглавила эту работу, определила основные ее направления наша землячка, продолжатель лексикографических трудов И.И. Срезневского, доктор филологических наук, председатель комиссии по лексикологии и лексикографии Международного комитета славистов Г.А. Богатова. Именно она, выступая в 1988 г. на областной научно-практической краеведческой конференции, предложила исследователям Рязани обратиться к имени Срезневского. В мае 1992 г. в средней школе № 31 г. Рязани был открыт лексикографический музей И.И. Срезневского. Это событие было приурочено к 180-летию со дня рождения ученого. Г.А. Богатова стала его научным

руководителем и куратором. Практическая работа была организована Н.В. Колгушкиной и ее учениками. Музей получил известность далеко за пределами школы — не только в Рязани, области, но и в России, ближнем и дальнем зарубежье. За 10 лет работы в музее прошло 16 научно-практических конференций и семинаров, где было представлено 30 исследовательских работ учащихся. На базе музея проходили Дни памяти академика Срезневского, Дни славянской письменности и культуры. Как руководитель музея Н.В. Колгушкина участвовала в работе XIII съезда славистов в Кракове, где выступила с докладом.

Подготовка к 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского стала заметным этапом в дальнейшей популяризации его имени и вывела эту работу на новый уровень.

Впервые вокруг имени И.И. Срезневского были объединены усилия Администрации области, Рязанской епархии, управления культуры, Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина (в настоящее время — Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), администрации Шиловского района и, конечно, актива музея И.И. Срезневского. Эта совместная работа позволила осуществить многое из того, что долгие годы не находило решения. И связано это прежде всего с мемориализацией комплекса в селе Срезнево Шиловского района. Была осуществлена давняя мечта всех поклонников Срезневского: проложено 5 км асфальтового покрытия к селу Срезнево от федеральной трассы, на месте полуразваленного здания бывшей школы, которая сама является памятником (она была построена после смерти И.И. Срезневского на средства, собранные русскими университетами, и носила его имя) был открыт музей Срезневского, ставший филиалом Шиловского районного краеведческого музея. Рязанским реставрационным управлением были проведены полноценные реставрационные работы на месте захоронения И.И. Срезневского, благоустройство сельского кладбища взяла на себя администрация муниципального образования.

Если в годовщину 175-летия великого ученого на могилу в село Срезнево приезжали почтить его память ученые-лингвисты, историки из МГУ им. М.В. Ломоносова, института славяноведения и балканистики, института языкознания, института русского языка, МГПИ им. В.И. Ленина, МОПИ им. Н.К. Крупской, Рязанского пединститута, из Харькова, Ярославля, из некоторых славянских государств, то в год 190-летия на открытии музея в селе Срезнево у могилы великого ученого собрались тысячи благодарных рязанцев,

ученых, гостей из ближнего и дальнего зарубежья. В Рязани, в театре на Соборной, прошел торжественный вечер, посвященный И.И. Срезневскому, был дан праздничный концерт и устроен торжественный прием по случаю этой памятной даты. Юбилей стал одним из памятных событий в общественной и культурной жизни области последних лет. В рамках празднования Дней славянской письменности и культуры, столицей для проведения которых впервые в 2002 г. была избрана Рязань, 27—29 мая прошла Международная научно-практическая конференция, посвященная 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского, учредителями которой выступили Министерство образования Российской Федерации, Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина, Комиссия по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов. По материалам конференции впервые был подготовлен сборник научных трудов «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование».

В 2003 г. Администрацией Рязанской области и Рязанской областной думой было принято решение об учреждении Премии имени И.И. Срезневского, и каждый год вручается 6 премий представителям науки, образования, культуры, внесшим большой вклад в изучение наследия выдающегося ученого.

Дальнейшее развитие получил и музей Срезневского. Сегодня в РГУ им. С.А. Есенина действует Культурно-образовательный и научно-просветительский центр по изучению наследия академика Срезневского.

В этом году юбилей И.И. Срезневского совпал с проведением в России Года русского языка, что по-особому освящает все праздничные мероприятия в честь этой знаменательной даты.

Опыт, традиции, которые были заложены и приобрели развитие за все эти годы, послужили хорошим, наглядным примером и были неоднократно использованы при организации работ по увековечиванию памяти наших знатных земляков, памятных дат в истории Рязанской земли. Об этом свидетельствуют и юбилейные мероприятия, посвященные М.Д. Скобелеву, К.Э. Циолковскому, А.В. Александрову, А.П. Аверкину, А.Г. Новикову и другим выдающимся людям. Все эти и многие другие даты и события послужили созданию новых музеев, мемориальных комплексов, появлению новых научных исследований, публикаций, книг.

Новое развитие получают целые территории области: в Новодеревенском районе — усадьба Скобелевых, в Милославском районе — усадьба П.П. Семенова-Тань-Шанского, в Сасовском рай-

оне — дом-музей А.С. Новикова-Прибоя, в Кораблинском районе — имение С.Н. Худекова.

Эти новые культурные традиции появились благодаря многим благоприятным факторам последнего времени. А начинали они закладываться по предложениям рязанской интеллигенции еще в 1988 г., с памятной многим областной научно-практической конференции по подготовке к историческому событию — 900-летию Рязани.

Приобретенные традиции позволяют надеяться, что жизнь, научное и творческое наследие знатных рязанцев будут сохранены для потомков и в новых исследованиях, книгах, музейных экспозициях и памятниках. Они послужат развитию прежних и появлению новых культурных традиций земли Рязанской.

Список использованной литературы

1. И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование : сб. науч. тр. (по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского «Славянские языки, письменность и культура»). — Рязань, 2002.
2. Рязанская энциклопедия. — Рязань: Пресса, 2000. — Т. 2.

А.А. Севастьянова

г. Рязань

И.И. Срезневский как историограф своего времени *

Измаил Иванович Срезневский, выдающийся славист и подвижник русского языка, своими родовыми корнями неразрывно связанный с рязанской землей [1. С. 254—272], был, несомненно, еще и историком современной ему исторической науки. Несколько наблюдений по этому поводу и составят предмет настоящей работы.

Русская историография второй и третьей четверти XIX в. была исключительно важным периодом, сочетавшим внимание к историзму научных источников и поворот к культурно-исторической проблематике национального языка и культуры местностей [2].

* Работа подготовлена в рамках проекта по гранту РГНФ № 0701-53001 а/ц.

И.И. Срезневский оставил в своем творческом наследии множество работ, посвященных разборам, критике, рецензированию и «писем по поводу» книг и статей его современников. Первым опытом Срезневского в этом отношении стоит считать его Письмо к профессору И.М. Снегиреву, опубликованное в ученых записках Московского университета еще в 1834 г. и посвященное изучению памятников украинской народной словесности. Хотя, несомненно, более значительными являются работы Срезневского 1840-х гг. в «Отечественных записках», где он активно участвует в разделе «Новости литератур славянских», и особенно его разбор сочинения крупнейшего слависта П.И. Шафарика [3]. Серьезному разбору Срезневский подверг в 1843 г. магистерскую работу своего, в известном смысле, ученика, будущего видного историка Н.И. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии». Труд Костомарова как и усилия самого Срезневского, прокладывали в это время в историографии дорогу за пределы исключительно политической и политико-социальной истории, привлекая внимание ученых к темам «народного быта» и творчества.

Тогда же Срезневский обращает внимание своих русских коллег на творчество ставшего затем популярным и известным Вука Караджича и в целом на состояние литературы западных славян [4].

Чрезвычайно важным для развития исторической науки следует считать рецензирование Срезневским издания «Актов исторических, относящихся к России», своеобразного «первенца» источниковедения русских материалов за рубежом. На примере этого издания отечественная научная археография и источниковедение проходили становление в публикации памятников письменности академическими средствами, и внимание, критика и замечания слависта Срезневского были далеко не лишними для историков-профессионалов середины XIX в.

Отдельно скажем о «разборах», как он их сам называл, разнообразных и разноязычных словарных изданий, начатых им в 1850-е гг. и продолжавшихся до конца жизни на страницах «Отчетов» и «Известий» Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

Перу Срезневского принадлежат заметки, отзывы и развернутые рецензии на самые значительные труды таких его современников, как А.Х. Востоков, К.А. Неволин, Ф.И. Буслаев, А.Н. Пыпин, П.А. Безсонов, П.П. Пекарский, К.И. Невоструев. Персоналии видных деятелей науки становятся традиционным жанром в отечест-

венной историографии 50—70-х гг. XIX в. во многом благодаря юбилейным статьям и некрологам, написанным Срезневским.

Уже на закате своей жизни, в 1878 г., И.И. Срезневский издает свои «Замечания о книге С.А. Гедеонова "Варяги и Русь"». В этой миниатюрной брошюре Срезневский на 35 страничках дает исчерпывающий и тщательный анализ многих положений одной из наиболее значительных исторических монографий последней трети века, и ныне популярной в исторических исследованиях.

Таким образом, многочисленные работы И.И. Срезневского, посвященные критике и разбору современной ему литературы, были частью не только его многогранного творческого наследия, но и бесценным вкладом ученого в развитие важного периода отечественной историографии.

Список использованной литературы

1. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии / сост. И.В. Добролюбовым и доп. С.Д. Яхонтовым. — Рязань, 1910. Репринт. изд. — Рязань : РГПУ, 1995.
2. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография. — М., 1941; Боярченков, В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20-х — 70-х годов XIX века. — Спб.
3. Отечественные записки. 1840. — Т X, XII; Журнал мин-ва нар. просвещения. — 1843. — Ч. XXXVIII.
4. Московский Литературный и ученый Сборник на 1846. — С. 339—369; То же на 1847. — С. 667—668; Журнал мин-ва нар. просвещения. — Ч. LVII. — С. 139—157.

Л.В. Чекурин

г. Рязань

И.И. Срезневский на I Археологическом съезде

Российские археологические съезды родилась в эпоху реформ Александра II по инициативе научной общественности, прежде всего, Московского археологического общества и его руководителя — графа А.С. Уварова. Первый съезд привлек внимание ученых обеих столиц, любителей и профессионалов многих русских провинций и зарубежных ученых. Это была действенная и оригинальная форма русской ученой соборности. На первом Московском съезде присут-

ствовало 130 делегатов. Среди них самые известные российские историки, археологи, лингвисты, издатели, известные литераторы: А.И. Артемьев, Н.А. Афанасьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.А. Бильбасов, Ф.И. Буслаев, В.В. Вильяминов-Зернов, А.Н. Веселовский, П.П. Вяземский, А.А. Гатцуг, А.С. Гацисский, В.И. Герье, В.И. Даль, Л.В. Даль, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, Н.В. Калачав, П.М. Леонтьев, Н.А. Попов, М.П. Погодин, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, В.И. Срезневский, С.М. Соловьев, В.И. Сергеевич, В.Е. Тизенгаузен, Н.С. Тихонравов и др. Начиная с III съезда эти всероссийские собрания ученых и энтузиастов-любителей носили региональную ориентацию и сыграли большую роль в локальной историографии. До 1916 г. прошло 15 съездов в Киеве, Владимире, Костроме, Тифлисе, Новгороде и других городах. Намечался такой съезд и в Рязани [1].

Основоположник славяноведения, академик И.И. Срезневский принимал активное участие в подготовке и проведении I Археологического съезда. Он был в составе первого подготовительного комитета съезда, на котором разрабатывались правила и принципы работы будущей организации. В марте 1869 г. на I Археологическом съезде И.И. Срезневский выступил не менее восемнадцати раз. По существу, если пропустить официальное приветствие Министерства народного просвещения, съезд был открыт «Словом о значении съезда» депутата Императорской Академии наук И.И. Срезневского:

«Съезды у нас — новость, и потому не мудрено, что они у нас не легко могут быть устраиваемы, не единодушно принимаются, как предприятия бесспорно полезные, и через это, хотя отчасти, могут терять силу своего благотворного значения. Они у нас — более попытки на добро, чем само добро, всеми за добро признаваемое. Такою попыткой на добро в отношении к археологии должен быть и наш нынешний съезд» [2].

Это была реальная попытка объединить для изучения российских древностей все имеющиеся в стране силы. Академия наук и университеты и научная общественность поддержали инициативу Московского археологического общества, что было общим выражением потребности времени. Для сохранения всевозможных исторических источников это была не менее важная общественная инициатива, чем организация в 1880-е гг. архивных комиссий. В источниках прослеживается их взаимное влияние [3].

Оба начинания слились и за полвека помогли создать мощную источниковую основу исторического постижения России. Первоначально обе организации смогли быстро остановить разрушение

«важных памятников старины, которые пополняли пробелы наших летописей или разъясняли все то, что в них недописано и недосказано» [2].

Съезд закрепил новые принципы научной этики. В правилах съезда значилось право излагать свободно свои мнения, не выходя за пределы науки. Другими словами: в рамках науки утверждай что угодно, но мотивируй. Это было правилом, обязанностью участников съезда, благодаря чему было высказано немало гипотез, смелых предложений. В их числе и противоречащая господствующему взгляду норманистов теория южного происхождения Руси, более ранняя хронология происхождения славянской письменности, более сложная картина истоков древнерусской архитектуры.

На съезд было вынесено 8 общих и около 120 частных вопросов, разделенных на доисторическую археологию (26 вопросов), археологию русскую (74 вопроса), археологию классическую и византийскую (12 вопросов), археологию восточную (4 вопроса). Среди них были такие серьезные вопросы, как «Засеки древней Руси», «Русские юридические древности», «Русская архитектура XII века» и т.д. Работа съезда была организована в шести отделениях. Отделение «Русские древности» разделилось на три части: 1. Насыпи и постройки. Древнерусское искусство: ваяние, живопись, музыка, пение; 2. Памятники языка и письма, древний быт; 3. Юридические древности. Отдельно обсуждались «Первобытные древности», «Восточные древности» и «Классические византийские древности». Историк книгопечатанья В.Е. Румянцев представил на Первом съезде выставку печатных станков и образцов западнославянского и древнерусского книгопечатанья и гравирования. Съезд проходил во дворце С.М. Голицына, где разместилась археологическая выставка.

Первым общим вопросом был вопрос о состоянии археологической науки в России. Главная задача съезда заключалась в том, как практически организовать науку археологию и включить ее в число преподаваемых предметов в различных учебных заведениях. По этому вопросу И.И. Срезневский выступал трижды, полемизируя или поддерживая Ф.И. Буслаева, Д.П. Солнцева, Н.А. Попова, графа Уварова, графа М.В. Толстого, К.Л. Бестужева-Рюмина, П.И. Мельникова. Попробуем суммировать мысли Срезневского. Он считал: для того чтобы превратить археологию в учебный предмет, необходимо очертить круг проблем этой науки. Он возражал Буслаеву, который пытался выделить древнехристианскую археологию и иконопись. Это только одна сторона вопроса, важная для

учебных заведений духовного ведомства. Вопрос о предмете науки имеет более общий смысл, нужно уравнивать все части археологической науки. «Народ, проживший несколько веков, оставляет после себя многие памятники жизни религиозной, общественной и частной». Исследователи должны «собрать все эти остатки прошлых веков, и собрать их с тем большею тщательностью, чем яснее они выражают жизнь народа» [2].

Далее он развивает мысль, что археология включает не только одни вещественные памятники. «Съезд составил три отдела: археологии искусства, археологии языка, письма и быта и археологии юридической, этим самым отметил три главные стороны отечественной археологии и вместе с тем выразил, что под археологией нельзя понимать одни вещественные памятники. Археология в том объеме, в котором излагает ее кафедра римских и греческих древностей, возбуждает, во-первых, следующий вопрос: должна ли быть уравнена будущая кафедра русской археологии в отношении своего содержания с кафедрой греческих и римских древностей, или же она должна ограничиться одними вещественными памятниками?» [2].

Для нашего времени мысль ясная. Трудно представить себе археологию без Гнездовской надписи на корчаге «Гарухща» или без знаменитой надписи на Тмутараканском камне: «Князь Глеб мерил море по леду».

Для 1869 г. мнение И.И. Срезневского, что преподавание археологии не должно ограничиваться одними вещественными памятниками, было чрезвычайно перспективно. Нужно учесть, считал он, все отделы вещественных памятников, их отношение к общей жизни народа. Можно разделить вещественные памятники на художественные и памятники быта. Вот два главных отдела археологии в тесном смысле этого слова. Но для того, чтобы излагать их с кафедры, нужно знать всю общую археологию, то есть оценить отношение того или другого памятника к жизни народа. Затем нужно выбрать главные выводы из материалов, имеющихя налицо, систематизировать их и представить главные основания науки. Слово, имя, надпись, пришедшие к нам из глубины веков являются такими же памятниками древности, как вещественные остатки. Далее Срезневский говорит о принципах и методах преподавания.

Специалист по истории славян Н.А. Попов возражает против единства русской археологии. Он считает, что сначала нужно изучить три влияния на русскую историю: византийскую, скандинавскую и славянскую, изучить влияние разных восточных народов и,

наконец, те многие частные влияния, которые русский народ испытал, прежде чем войти в общую европейскую жизнь, например, польское, шведское и т.д... На этот раз Срезневский был краток в своей реплике. Преподавание русской археологии в таком масштабе и ракурсе, по его мнению, вообще делается невозможным. Из мнения Н.А. Попова можно заключить, заметил Срезневский, что возможное и исполнимое для Греции и Рима, для нас русских невозможно. Этого было достаточно. Поле поединка осталось за ним.

Третье возражение И.И. Срезневского было адресовано самому С.М. Соловьеву. Речь шла об организации научных археологических учреждений. Сохранением памятников старины во всем мире заведует правительство и общество. Общество с ранних пор идет на помощь правительству: сначала частные лица, а потом, при высшем развитии, и целые научные общества. Соловьев полагал, что мы достигли этой высшей ступени, а между тем некоторые хотят идти назад и обратиться к правительству с просьбой об учреждении кафедры для такой науки, границы которой еще не определены: почему же не обратиться к существующим уже археологическим обществам и не открыть при них курс (преподавание) археологии.

Первым возражал С.М. Соловьеву граф Уваров, ссылаясь на открытие кафедр славянских наречий 25 лет тому назад, когда «предмет славянских филологических изучений гораздо менее точно был определен, чем археология в наше время». На Западе археология, как стройная наука, пользуется уже давно правом гражданства, и одинаковое право гражданства желает он получить и для русской археологии в русских университетах. Пока археология не войдет в число наук, преподаваемых в университете, до тех пор она сохранит характер шаткий. Ее будут изучать отдельные лица; но общая масса не будет сознавать пользы археологии. Полемика разгоралась. С.М. Соловьев с огромным авторитетом главы русской историографии, практическим опытом преподавания, бывший ректор и декан исторического факультета, возражает: «Науку не следует запира́ть в стенах университетов». Правительство не откажет в помощи университетам, и они (правительство и университеты) примут во внимание предложения съезда. «Но университеты могут принять науку только в полном вооружении, а развиваться она должна в курсах при археологических обществах» [2].

Срезневский резонно заметил: «Оба мнения можно примирить: и при существовании университетских курсов, желательны также курсы и при археологических обществах, которыми двигалась наука

вперед». Тем и разрешил спор двух несомненных авторитетов в этой области Уварова и Соловьева. Съезд остановился на мнении Срезневского и решил, что пора браться за составление программы и учебников для преподавателей и учащихся [2].

На четвертом заседании М.П. Погодин закончил чтение своего доклада «О судьбах археологии в России» и делегаты приступили еще к одному общему вопросу «О пользе периодичности археологических съездов в разных годах России». Высказались А.С. Уваров, И.И. Срезневский и М. Погодин, Н. Симентовский и А. Киркор. В их позициях больших расхождений не было. Пришли к выводу, что съезды должны проходить в разных городах. При этом Погодин местом следующего съезда предложил Киев. Срезневский считал, что сначала нужно определить периодичность съездов, а в зависимости от этого определить и место будущего съезда. Сам он предложил собирать съезды через 2 или 3 года. Большинство согласилось с периодичностью в три года. Выбор города для проведения следующего съезда решили поручить комитету, который будет заниматься подготовкой к печати материалов I Археологического съезда. Пытались определить, какие организации смогут в губерниях организовать археологические работы. По общему мнению, таковыми могут быть губернские статистические комитеты и немногочисленные местные общественные археологические организации.

На заседании первого отделения съезда «Древности первобытные» Н.А. Попов прочел перевод с чешского обширного письма профессора Пражского университета Воцеля. В письме были некоторые наблюдения о связях чешских древностей с древними памятниками Руси. При этом ученый посчитал, что для славянского археолога наиважнейшим предметом должен быть славянский язык. Названия предметов, звучащие одинаково на всех славянских языках ведут свое происхождение из той отдаленной эпохи, когда славянские племена жили на своей прародине — между Балтийским и Черным морями. Такие названия были принесены славянскими племенами, живущими в настоящее время по берегам Лабы, Дуная, на Балканах. Железо и многие вещи, сделанные из него, имеют одно и тоже названия на всех славянских языках. Рало — по-чешски и польски *radlo*; по-болгарски — *орало, рало*; по-словенски и сербохорватски — *рало*. Одинаково звучат лемех, долото, коса, клещи и т.д. Ученый очень жалел, что не смог посетить русскую землю и осмотреть богатые собрания древностей в Москве и Петербурге, что помогло бы ему многое уточнить или исправить, в частности, в

описании славянского одеяния. Мысли пражского ученого оказались близкими участникам съезда. И.И. Срезневский предложил датскому археологу Ворсо рассмотреть рисунки вещей, находимых в курганах, которые Воцель считает славянскими. И высказать свое предложение: не находятся ли такие предметы и в могилах скандинавских.

Срезневский и Уваров посчитали вопрос о славянской одежде очень важным. По просьбе Уварова, отложили окончательное резюме об общих признаках славянской одежды для всех славянских племен до конца прослушивания всех исследований и сведений о славянских курганах.

На этой же секции И.И. Срезневский познакомил съезд с заинтересовавшим его самого письмом Кусцинского о применении фотографического искусства как важного вспомогательного средства археологии [2].

Самые значительные выступления у Срезневского были на заседаниях третьего отделения съезда: «Памятники языка, письма и быта». Свою первую проблему он сформулировал следующим образом: «Имеются ли определенные доказательства того, что славяно-кирилловское письмо по рисунку букв должно быть относимо к IX веку или ко времени, более отдаленному». Подавляющее большинство именно первой половиной IX в. датируют Кириллицу, то есть временем, когда жил Константин Философ. Срезневский обратил внимание на употребление Константином греческих букв более раннего времени. «Теперь никто не станет писать почерком времени Екатерины II, не говоря уже о почерке Петра Великого, Алексея Михайловича и т.д. Была ли или могла бы быть взята Константином Философом греческая азбука не своего времени с присоединением еще 14 букв новых, которые в греческой азбуке никогда не существовали, для выражения всех звуков славянского языка?» Была ли у него возможность употреблять несовременный рисунок букв? Могли ли он принести буквы для славян, не обращая внимания на то, в каком положении находились славяне, для которых была его азбука составлена. В результате наблюдений над рисунком букв Срезневский полагал, что если не в VI, то в VII столетии образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX в. Когда Константин Философ принялся за свою Кириллицу, то есть за основную постановку греческих букв вместе с новыми буквами для славянского языка, то он взял то письмо, которое господствовало

у славян. Начались оживленные прения, в которых приняли участие М.П. Погодин, Н.А. Попов, М.Н. Сухомлинов, А.Ф. Бычков, А.Г. Викторов. В качестве аргументов Срезневский в полемике привлек Сказание монаха Храбра и Житие Константина Философа. Известие жития, что Константин услышал русского, говорившего с ним, который мог читать и объяснять на собственном языке, Срезневский считал «светлым указанием», которое очень важно для разъяснения начала славянской азбуки.

Закончив с вопросом возникновения Кириллицы, Срезневский посвятил довольно пространное рассуждение о соотношении Кириллицы и Глаголицы, а также высказался по поводу Пермской азбуки [2].

Выступление И.И. Срезневского заключало обширнейшее отделение съезда, посвященное памятникам языка, письма и быта. Он говорил о будущем словаре древнерусского языка как книжного, так и народного.

Он обратился к членам съезда за советом в этом огромном созидательном предприятии. По количеству слов, говорил Срезневский, можно судить о степени образованности и о характере народа. Всякое слово есть представитель вещи или осязаемой, или вещи умом представляемой, умственного предмета. Не менее важны народные обычаи и понятия. Памятники народной мысли языческого и христианского времени и слова о Боге дают представления философии народа в хронологическом порядке. Он пояснил, что с археологией связаны слова вещественного смысла. Срезневский познакомил съезд с принципами работы над словарем и дал несколько образцов из своего: Биричь, Богомилы, Бармы, Крест. Ученый перечислил разного рода памятники письменности, которые должны были дать лексический материал для словаря: церковнославянские памятники южных славян, летописи, сказания, грамоты, переводы с греческого [1. С. 76—78; 2].

Влияние И.И. Срезневского на развитие и решение основных вопросов истории Древней Руси прослеживается в русской историографии.

Историки обратили внимание на подробности выступления И.И. Срезневского о начертании букв в древнейших славянских рукописях, которые не соответствовали греческим рукописям IX—X вв., то есть эпохе Кирилла и Мефодия. В их времена в греческих рукописях преобладала скоропись. Следовательно, буквы, вошедшие

в славянские азбуки, взяты из греческого письма, которое господствовало в более раннее время — VI—VII вв. Это утверждение — ответ на многие вопросы о хронологии цивилизации славянского мира, но, пожалуй, в большей степени начало многих проблем и новых вопросов. Как быть с норманнами, если за века до них существовали и славянская письменность, боспорский город Русия, в греческой библии упомянут князь Рос, в документах есть русский каган и понтийские Росы, совершавшие набеги на Византию, есть Русское море есть южная славянская надпись на Тмутараканском камне 1068 г., славянские реки, впадающие в Русское море.

На III Археологическом съезде в Киеве (1874) Д.И. Иловайский вернулся к идеям И.И. Срезневского по одной из сложных тем славянской цивилизации — происхождение славянской письменности. Есть события в истории народа, которые определяют его судьбу. К ним относятся: принятие христианства, обретение письменности, обретение государственности, «тиснение книг» — книгопечатание. Позднее Д.И. Иловайский включил материал славянской письменности в монографию «Болгаре и Русь на Азовском море». Это стало одним из главных положений обширного сборника «Разыскания о начале Руси». Иловайский утверждал, что, только *решив вопрос о «третьей Руси» — Азово-Черноморской, можно подойти к началу русской письменности*. Многие годы, сражаясь с «норманистами», Иловайский считал колыбелью русской государственности не варяжский север, а Южную Русь. Именно с Юга пришли христианство и славянская письменность. При этом он ссылаясь на авторитетное мнение слависта: «И.И. Срезневский... на I Археологическом съезде предложил некоторые новые соображения о начале славянской азбуки, связав их с известием жития о русских письменах, найденных в Корсуне» [4. С. 266; 2].

Историки тогда даже не подозревали о существовании славян «на Таврическом полуострове в соседстве с Корсунской областью, а Русь IX века считали народом норманским» [2].

Только И.И. Срезневский мог и соединил житийные известия братьев о русских письменах с палеографическими наблюдениями. В IX в. в греческом письме есть надстрочные знаки и знаки препинания, чего нет в славянских письменах. И еще на одно утверждение он обратил внимание. Константин, услышав Русского (человека, говорящего по-русски), вскоре «начал чести и сказати», то есть «читать и объяснять». По мнению Иловайского, это замечание Срезневского очень важно, «его не следует упускать из виду» [2].

Историку-профессионалу доступен мыслительный эксперимент. При этом он действует в поле культуры своего времени, вступает с ней в диалог. Историческая наука и лингвистика как часть культуры отражают ее уровень и особенности. И.И. Срезневский и историк Д.И. Иловайский в затронутых вопросах на съезде были вполне на уровне своего времени.

Материалы I Археологического съезда свидетельствуют об огромной роли И.И. Срезневского при выработке общей концепции лингвистических, исторических и археологических наук в России. Он выступал на съезде по самым разнообразным вопросам, но главной была проблема древнерусского языка. Тремя докладами по конкретным вопросам, с репликами, замечаниями, с предложениями во время обсуждений основных вопросов съезда он активно влиял на развитие русской гуманитарной науки. Наглядно показал, насколько археология связана со словом.

Высказался он и по некоторым частным, но важным вопросам: проблеме русской письменности, славянской одежды, древней русской архитектуре и живописи, современной ему практике поновления фресок в Киевских соборах, которую он не разделял. Ученый высказал ряд гипотез и предположений, в том числе, о судьбе библиотеки Мусина-Пушкина в связи с обнаружением у наследников пергаментной рукописи XIV в. новгородского письма.

Современной науке и лингвистическим открытиям XX в. созвучны идеи, высказанные на I Археологическом съезде, о южном происхождении Руси и многим другим вопросам изучения русского языка. Для современности интересна сама форма и полувековая практика проведения Всероссийских археологических съездов.

Список использованной литературы

1. Богатова, Г.А. И.И. Срезневский. — М., 1985; Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия. — М., 1994. — Т. 1.
2. Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. — М., 1871. — Т. 1.
3. Бржостовская, Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911): АЕ за 1971. — М., 1972; Чекурин, Л.В. А.И. Черепнин — руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в Центральных губерниях России во 2-ой половине XX — начале XX в. — Рязань, 1981; Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. — Нижний Новгород, 1991; Толстов, В.А. Рязанская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды, и коллекции: автореф. дис. — Саратов, 2003.
4. Иловайский, Д.И. Разыскания о начале Руси. — М., 1996.

В.М. Касаткин

г. Рязань

Вклад академика И.И. Срезневского в изучение русского летописания

Русские летописи являются ценными памятниками истории и культуры нашего Отечества. Их непреходящая ценность и значение состоят в том, что они фактически выступают в нескольких ипостасях, или аспектах.

Во-первых, они являются ценными первоисточниками исторической информации не только хронологически-событийной, но и географических и этнографических сведений. По мнению академика М.Н. Тихомирова, без летописей невозможно было бы осветить ранние периоды истории Древней Руси IX—XIV вв., так как первоисточников той поры крайне мало [1. С. 342—343].

Во-вторых, русские летописи выступают как памятники древнерусской письменности и культуры.

В-третьих, летописи — подлинный кладезь древнерусского языка разных веков, своеобразный «лексикографический заповедник».

Отсюда вытекает необходимость научного анализа летописей в трех аспектах: историческом, филологическом и лингвистическом.

Подобный многосторонний, системный подход к изучению русских летописей мы находим у таких ученых-филологов и лингвистов, как академик И.И. Срезневский (1812—1880) и академик А.А. Шахматов (1864—1920) [2].

Интерес И.И. Срезневского к русскому летописанию относится к началу 1850-х гг., когда были опубликованы очередные 3—4-й тома Полного собрания русских летописей (ПСРЛ), в которых помещены тексты так называемых «северных» летописей — I, II, III, IV Новгородские летописи, Псковская, I и II Софийские летописи. Публикатором и комментатором их был Я.И. Березников — «трудолюбивый и научный сочлен».

Эти летописи стали предметом глубокого их изучения И.И. Срезневским. Его работы по русскому летописанию публиковались в «Известиях Академии наук по отделению русского языка и словесности» (1853—1854), в «Исторических чтениях о языке и словесности в заседаниях II отделения ИАН» (1854—1855), в сборнике «Из библиографических статей» (1852—1855) И.И. Срезнев-

ского (СПб., 1899) и других изданиях. В 1903 г. «по распоряжению Императорской Академии наук» был издан сборник работ И.И. Срезневского по летописанию как опубликованных, так и неопубликованных — «Статьи о древних русских летописях» [3]. Этот сборник состоит из двух основных разделов:

1. Исследования о летописях Новгородских.
2. Чтения о древних русских летописях (чтения 1—7).

При изучении Новгородских летописей И.И. Срезневского особенно заинтересовали два вопроса: о древности сих летописей и о древнем летописном языке новгородском.

Тщательно сопоставив тексты разных Новгородских летописей и летописи Нестора («Повесть временных лет»), даты, события, факты (или их отсутствие), полноту изложения материала и различия, И.И. Срезневский приходит к выводу, что первоначальные записи этих летописей относятся к периоду ранее X в.: «А так как из числа Новгородских событий, замеченных в летописях, есть несколько не только из X века, но до X-го, то нельзя не заключить, что летописи Новгородские начинались годами этого отдаленного времени и заключали в себе не только краткие указания, но в некоторых случаях и кое-какие подробности.

... События X—XII веков обозначены в летописях Новгородских большею частью кратко, как будто для памяти того, кто их знал подробно, без объяснений, кто именно были те или другие из лиц в них участвовавших...» [3. С. 9].

А по второму вопросу исследователь приходит к следующему интересному выводу о стилевом различии между «суровым» северным и «цветистом» южнорусском летописаниями: «Нельзя тут не вспомнить об одной особенности летописцев Новгородских. Хотя они и свободно пользовались трудами своих предшественников, но строже держались древнего состава летописи, чем летописцы южные, по крайней мере, до XV века. В их летописях находим сухой официальный рассказ о событиях, только иногда случайно оживляемый или вставкой сказания современника, или пересказом предания, или, наконец, минутным порывом чувства самого летописца; напротив того, в летописях южных встречаем многочисленные выписки всякого рода: из книг церковных, из переводов отцов церкви, из житий святых, из Греческих хронографов, и вместе с тем, размышления, нравоучения, молитвы и т.д. Только с XV века начинается и в Новгороде этот обычай оцветать летописи искрами ума, чувства и знания» [3. С. 14—15].

Составители более поздних летописных сводов, как правило, использовали летописные источники разных веков и княжеств, которые отличались как по историческому содержанию, так и по особенностям языка и «летописному слогу» (стилистике). Это важное заключение сделал И.И. Срезневский, изучая Новгородские летописи и сравнивая их с поздними летописными сводами XIV—XVI столетий: «Конечно, вследствие навыка описывать события, должны бы образоваться особые условия летописного слога; но эти условия не могли мешать свободе употребления форм народного языка, а только сдерживали его в определенных границах. Тем не менее и в летописях Новгородских, в том виде, как они известны, как в сводах разного времени, в которые заносились заметки из других и дословно, и с переменами в изложении, нельзя не обращать внимания на разнообразие языка. Это разнообразие, может, до некоторой степени, со своей стороны, служит доказательством положения, здесь рассматриваемого, разнообразия составных частей летописей» [3. С. 25]. Иными словами, языковой, стилистический анализ летописей может быть серьезным дополнением к историко-сравнительному изучению генезиса русского летописания.

Очень интересно и наблюдение ученого за особенностями русского летописания по сравнению с европейскими историческими памятниками письменности и истоки летописания: «...все Русские летописи самим названием «летописей», «летописцев», «временников», «повестей временных лет» изобличают свою первоначальную форму: ни одно из этих названий не было бы им прилично, если бы в них не было обозначено время каждого события, если бы лета, годы не занимали в них такого же важного места, как и самые события. В этом отношении, как и во многих других, наши летописи сходны не столько с писателями Византийскими, сколько с теми современниками (*annales*), которые ведены были издавна с VIII в. в монастырях Германии, Европы — независимо от исторических образцов классической древности. Первоначальной основой этих анналов были пасхальные таблицы, приготовленные сначала аббатами Дионисием и Феликсом и епископом Исидором и переработанные Бедой.

Перечень лет из года в год в этих таблицах давал легкую возможность охотникам делать заметки о событиях на их полях. Впоследствии стали отделять исторические заметки от записок пасхальных: их переписывали в особенных тетрадах, но держась прежнего строгого порядка лет из года в год» [3. С. 14—15].

Вторая часть сборника И.И. Срезневского состоит из семи «чтений» — статей. В первых трех чтениях ученый рассматривает следующие вопросы:

были или нет на Руси летописи в X веке;

содержание русских летописей X века;

черты русского народа по летописным сказаниям X века.

«Со времени крещения Владимира Святого и его Руси, южной и северной, слово Русское, оживляемое духом христианства, стало все более обогащаться дарами просвещения. Книги Слова Божия и творения отцов церкви, излияния убеждений наших домашних наставников, духовные песни, церковные правила и сказания, жизнеописания, повести о делах минувших — давали пищу уму и чувству русского читателя, обильную и разнообразную. Так было с XI века. А до этого времени — ужели не было ничего?» [3. С. 29] — вопрошает Срезневский и далее продолжает, что ответ надо искать в самих летописях. Не может быть, чтобы летописцы христианской поры не опирались на более древние летописные известия, так как устные предания о былом вряд ли смогли быть основным источником исторических сведений. Анализ летописей и свидетельство Философа Константина (Кирилла) о том, что он видел в Херсоне русский перевод Евангелия и Псалтыри до начала своего подвига просвещения славян, позволило Срезневскому положительно ответить на этот вопрос: «Итак, в X веке, даже до Владимира Святого и во время его, были у нас летописи и летописцы; была, следовательно, нужда иметь их, и был обычай сберегать эти летописи, иначе бы они не сбереглись; была письменность хоть в тесном кругу...» [3. С. 48].

По вопросу о содержании древних летописей Срезневский отмечает сложный их источниковедческий состав: а) выписки из византийских летописей и других книг исторического содержания; б) акты; в) тексты Священного писания; г) соображения хронологические, этнографические и географические; д) собственно летописные показания; е) предания [3. С. 49].

Наконец, изучение летописей X в. дает возможность извлечь ценные сведения о языке, быте и обычаях того времени: народ, его оседлый быт, города, села, погосты, места; занятия: хлебопашество и звериная ловля; семья: роды, муж и жена, порученье сына, положение женщины; власти: князь, каган, мужи, люди, рабы, дань; военные обычаи, торговля, деньги, пути и судоходство; понятие о мире, вера; постановления о рядах и о наследстве — таковы разнообразные летописные сведения этнографического характера [3. С. 61].

Чтения четвертые — седьмые посвящены одному из важных памятников древнерусской письменности и культуры — летописи легендарного Нестора «Повесть временных лет», изучению которой Срезневский посвятил много лет. Сравнительное изучение текстов летописей разных веков, каковыми являются Киево-Галицкая Ипатьевская летопись, а также Суздальская Лаврентьевская, Троицкая летописи и более позднего времени — Софийский временник, Воскресенская, Никоновская летописи показало, что они повторяют дословно или с изменениями в виде пропусков и добавлений в текст более древней летописи, которая начинается словами: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля». Срезневский датирует ее написание между 1113—1115 гг. [З. С. 78, 79, 105].

Относительно авторства «Повести временных лет» Срезневский считает, что в летописи два разноименных летописца: один — монах Киево-Печерского монастыря, по Патерику Нестор, другой — Василий, а в списке «Повести» 1116 г. — игумен Киевского Михайловского монастыря Сильвестр. «Повесть», по его мнению, есть свод записей разных лет, как и другие летописи, потому трудно узнать имя подлинного автора [З. С. 111—112].

Срезневский отмечает убеждения летописца и его образ: нравственность по отношению к людям, христианскую любовь, особенно к родным. Летописец считает, что все происходит по воле и милости Божьей, что по Божьей воле (строю) возвеличилась Русь. Любовь автора «Повести» к отчизне «заставляет его часто говорить о земле Русской» [З. С. 116—119].

Исследование Срезневским «Повести» завершается главой об особенностях языка этой летописи: «Рассматривая «Повесть временных лет» в отношении к языку, видим постоянное смешение двух наречий — Церковно-славянского и Русского, как будто бы это был один язык...» [З. С. 124]. На летописца оказывала влияние сила книжного языка — старославянского, что отражало стремление к образованности. И в то же время он использовал современный ему русский язык.

Таковы, коротко, основные положения исследований ученого по русскому летописанию.

Целью настоящего сообщения является привлечение внимания специалистов для углубленного изучения этого раздела научно-го наследия академика И.И. Срезневского.

Список использованной литературы

1. Тихомиров, М.Н. Русское летописание. — М., 1979.
2. Шахматов, А.А. Обзорение русских летописных сводов. — М. ; Л., 1938.
3. Срезневский, И.И. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). — СПб.: ИАН, 1903.

Н.В. Колгушкина

г. Рязань

Из родословной Срезневских

Судьба выдающихся личностей всегда привлекает особое, трепетное внимание их почитателей и исследователей. Большой и талантливый род Срезневских — не исключение. Архивные материалы, воспоминания современников позволяют проследить историю жизни, научное, творческое наследие Срезневских в трех поколениях.

Родословная, составленная руководителем и активистами музея академика И.И. Срезневского (сначала в рязанской средней школе № 31, затем в РГУ имени С.А. Есенина), насчитывает более 40 персоналий начиная с упоминания о предках 1681 года и заканчивая одним из самых юных Срезневских, рожденным в 2003 году.

Основатель рода ученых — профессор красноречия Иван Евсеевич Срезневский сумел передать любовь к словесности старшему сыну Измаилу и заложить взгляды на его будущие семейные устои. Измаил вырос честным, добрым, внимательным к своей матери, которая до конца своих дней жила в его большой и дружной семье.

Атмосферой добра, взаимовыручки, заботы друг о друге отличалась семья Измаила Ивановича и Екатерины Федоровны — дочери преподавателя Харьковского университета Федора Леонтьевича Тюрина. Четырех сыновей и четырех дочерей воспитали они, живя в любви и согласии. Широта интересов и занятий отца (наука, литература, искусство, ремесла и даже физическая культура), разнообразный круг общения, созданные в семье, позволили дать домашнее образование всем своим детям. В 14 лет они, как и их отец, поступили в университеты, получили блестящее образование и стали достойными своего Отечества людьми. О каждом из них можно смело сказать: «сумел», «добился», «создал», «открыл», «изобрел», «издал».

Ольга Измайловна Срезневская (1845—1931), старшая дочь — переводчица древних словарей, взяла на себя подготовку и издание незаконченного отцом «Словаря древнерусского языка». За это получила редкое для женщин звание члена-корреспондента Академии Наук СССР.

Владимир Измайлович Срезневский (1848—1920), старший сын — юрист, был управляющим Статистическим отделением Министерства юстиции, основателем «Сборника статистических сведений Министерства юстиции», секретарем Русского Императорского географического общества, редактором журнала «Известия».

Людмила Измайловна Срезневская (1852—1931) — художница, занимавшаяся гравировкой по дереву, издала посмертный труд отца «Славяно-русская палеография».

Надежда Измайловна Алмазова (Срезневская) (1854—1935) — поэтесса, художница. Для Покровского храма в селе Срезнево ею написана икона Казанской Божьей Матери.

Борис Измайлович Срезневский (1857—1934) — метеоролог, академик АН УССР, был профессором физической обсерватории Тартуского университета, директором Киевской метеорологической обсерватории. Он изобрел ряд метеорологических приборов, его считают одним из основателей синоптической метеорологии, гидрографии, сельскохозяйственной метеорологии. Увлекался музыкой, был замечательным пианистом.

Вера Измайловна Форш (Срезневская) (1861—1934) — певица, исполнительница романсов, объездила всю Россию с концертами. Будучи профессором Петербургской Народной консерватории, внесла немалый вклад в образование и культуру Петербурга.

Всеволод Измайлович Срезневский (1867—1936) — член-корреспондент АН СССР, историк литературы, археограф, палеограф. Он продолжил дело отца: издавал памятники древности, преподавал словесность. Был Ученым хранителем Рукописного отделения Библиотеки Академии наук в Петербурге. Стал видным библиографом, автором биографических материалов, посвященных отцу. Он первым подготовил к изданию библиографию и полное собрание сочинений Л.Н. Толстого, основал музей Л.Н. Толстого в Петрограде.

Необходимо упомянуть, что имена Срезневских можно встретить в различных библиографических изданиях, словарях, энциклопедиях и специальной научной литературе.

В процессе исследования родословной особое внимание привлек второй сын Измаила Ивановича — Вячеслав. Благодаря разно-

плановой деятельности в Петербурге его имя широко известно историкам-краеоведам. Отсюда и ведутся поиски потомков. Вячеслав Измайлович Срезневский (1849—1935) родился в Петербурге. С детства он привык помогать родителям во всем: в занятиях с младшими детьми, в заботах по дому. Но самое главное — был первым помощником отца в его кропотливой работе по изучению и сохранению памятников письменности. Он терпеливо переписывал их, снимал копии посредством кальки и прочими способами.

Первое увлечение историей родного языка позволило ему закончить историко-филологический факультет Петербургского университета. В этом научном направлении Вячеслав Измайлович добился немалых успехов. Он защитил диссертацию «Древний славянский перевод Псалтири» на степень магистра славянской филологии. В 1874 г. за историко-этнографическое исследование «Северный резной календарь» он получил Уваровскую премию. Заведовал изданием общества древней письменности «Буквицы Славянского языка». В качестве приват-доцента читал в С.-Петербургском университете лекции по истории русского языка, истории научного языкознания и грамматике церковнославянского языка. Был преподавателем русского языка и словесности во 2-м реальном училище и в Императорском Александровском лицее.

В конце 1860-х гг. Вячеслав, помогая отцу, увлекся фотографированием древних памятников письменности. С этого времени фотография навсегда вошла в его жизнь: в 1870 г. он сделал 300 снимков по рукописи XVI в., присланной в Петербург из Болоньи. В 1873 г. способом фототипии воспроизвел рукопись XVIII в. «Славянская буквица», которая впоследствии была издана.

С 1878 г. В.И. Срезневский принимал участие в Императорском русском техническом обществе (РТО). Он был учредителем V отдела по светописи и ее применению, его бессменным руководителем до 1916 г.; основал и редактировал журнал «Фотограф», издал в 1883 г. «Справочную книжку фотографа». Он изобрел ряд специальных фотоаппаратов: портативную походную аппарат-лабораторию, устойчивый против внешних действий фотоаппарат для экспедиции Н.М. Пржевальского, первый аэрофотоаппарат и водонепроницаемую камеру для морских съемок, камеру для регистрации фаз солнечного затмения, разработал и впервые изготовил специальные фотопластинки для аэрофотографии.

В.И. Срезневский внес большой вклад в дело технического образования в России. Под его редакцией появились «Труды Организационного Комитета и Труды 1-го съезда по техническому и

профессиональному образованию в России». Он был одним из организаторов 1-го съезда деятелей печатного дела, читал лекции по применению светописи в институте инженеров путей сообщения и в минных офицерских классах инженерного ведомства. Кроме того, им были организованы курсы светописи при Императорском русском техническом обществе. А в 1918 г. ему было предложено основать Институт фотографии и фототехники (ныне это Институт кинематографии).

Вячеслав Измайлович был активным деятелем науки, образования, культуры, имел большой авторитет в обществе. Долгие годы назначался смотрителем учебных заведений. Под покровительством Николая II В.И. Срезневский как помощник Главного наблюдающего за физическим развитием народонаселения России занимался организацией подготовки русской команды к Олимпийским играм и проведением спартакиад в крупных городах с целью развития спорта и привлечения к этому талантливых спортсменов из разных уголков России. В 1911 г. он был назначен Председателем только что созданного Российского олимпийского комитета для подготовки российских спортсменов к участию в V и VI Олимпийских играх. Сам увлекался фигурным катанием, был известным спортсменом и организатором соревнований по конькобежному спорту в Петербурге. Разносторонняя деятельность помогала ученому находиться в хорошей умственной и физической форме до конца своих дней.

Дальнейшее продолжение рода Срезневских пришлось на трудные времена становления советской России, далее — Великой Отечественной войны. Судьба семьи оказалась непростой.

Вместе с женой Ольгой Андреевной, урожденной Фидлер, окончившей Мариинскую женскую гимназию, Вячеслав Измайлович (1841—1935) воспитал четверых детей. Родословная восстановлена по линии сыновей — Бориса, Вячеслава и дочери Ксении. Отыскивались родственники, записаны воспоминания, использован семейный архив. Часть материалов передана в музей.

Старший сын Борис, окончив юридический факультет Петербургского университета, после революции перебрался в Москву, занимался разного рода финансовой деятельностью и бухгалтерской работой. Женился на дочери врача Ольге Константиновне Павловой. Оба умерли во время Великой Отечественной войны в 1943 г.

Известна судьба потомков по линии их сына — Юрия Борисовича, 1904 года рождения, по профессии экономиста. В 1927 г. он женился на Анне Яковлевне Рыковой, с которой вместе учился на

экономическом факультете одного из московских вузов. У них родилось двое детей: дочь Наталья, по мужу (геологу и писателю) Гусельникова, и старший сын Владимир. Юность Владимира Срезневского пришлась на войну, образования получить не смог, проработал всю жизнь электриком на одном из московских заводов. Вместе с женой Надеждой Григорьевной, учителем биологии, воспитали дочь и сына.

Ольга Владимировна, экономист по образованию, сохранила родовую фамилию Срезневских и гордится ею. Борис Владимирович, тоже занимающийся экономической деятельностью в одной из московских фирм, имеет сына Женю, самого младшего по московской линии.

Младший сын Юрия Борисовича, Вячеслав Юрьевич Срезневский, родился после войны. Имеет высшее техническое образование, работает инженером-программистом. Собирает и хранит семейные реликвии и предания.

Есть такие реликвии и в музее. Листок, написанный рукой Вячеслава Измайловича правнуку Измаила Ивановича Юрию, недавно был обнаружен в РГАЛИ (Ф. 436). Именно он проливает свет на далекие годы жизни большого семейства Срезневских, волею обстоятельств разбросанных в разные места, но поддерживавших родственные связи до последних дней жизни. Это письмо, которое помогает связать давние поколения с нынешними, не нуждается в комментарии.

Милый мой внучек Юрий,

13 февраля 1924 г.

Очень рад полученному от тебя письму с сообщением о важном предстоящем в Среде, 16-го февраля, событии, как в твоей жизни, так и в жизни твоей невесты и ее родителей. Очень рад, что наконец осуществляется давно зародившаяся мечта, но хотелось бы, чтобы эта перемена не помешала окончанию высшего учебного заведения, которое так необходимо в настоящее время в жизни нашего государства, когда от обилия слов и речей создана необходимость перейти к делу, к хозяйственности, ко всякого рода индустрии, а для всего этого нужна наука — сокровищница знаний. Живо вспоминаю пережитое мною время 58 лет тому назад, когда мне пришлось быть негласным женихом, по настоянию твоего прадедушки, думать о свадьбе только после окончания магистерского экзамена, что и было сделано в 1874 году. Ты непременно должен дать себе слово получить высшее образование, несмотря на все помехи, связанные с семейной жизнью. Надо всегда смот-

реть вперед на будущее... в твои годы твой папа был полон стремления к осуществлению новых планов...

О твоём будущем мы много вчера беседовали с сестрами и с братом. Те мысли не высказаны в крохотном поздравлении, подписанном всеми нами. А мысли были вот какие.

Мы хотели бы верить, что и ты, и твоя молодая жена проникнитесь заветами первых начинателей фамилии Срезневских, твоего прапрадеда Ивана Евсеевича и прадеда Измаила Ивановича. Их заветы до сих пор хранятся и передаются из рода в род всеми носящими это имя. Заветы эти: честность в мыслях и в делах; глубокое понимание и выполнение своего долга как в своей семейной жизни, так и в общественной; добросовестность во всяком труде, каков бы он ни был; любовь к труду не ради личных своих выгод, а для успеха дела, которому служишь; уважение к труду других людей, к их заботам, к их убеждениям. Только при отсутствии узкого эгоизма и при привычке себя дисциплинировать в жизни возможно истинное и полное счастье. Вот такого-то счастья от всей души мы, старейшие члены семьи Срезневских, желали бы тебе и твоей жене в Вашей совместной жизни.

Как бы мы хотели, чтобы твоя молодая жена, Аничка, познакомилась с жизнью и делами Измаила Ивановича, узнала бы из его писем... об отношении его к его матери, удивительной женщине, и чтобы Анничка хотя немного унаследовала неоценимые качества нашей матери, твоей прабабушки: горячую, преданную любовь к мужу, к его труду, к семье; самозабвение, которое сделало такую чистой, полной счастья и любви жизнь ее мужа и детей их.

Мы, дети их, воспитанные в условиях взаимной любви и в постоянном труде и в заботах, гордимся нашими родителями и предками и искренно желали бы, чтобы эти предания семьи не ослабели, а переходили к будущим поколениям как основа семейного счастья. Всем этим объясняется дружественное единение всех Срезневских в разных и далеких странах, поддерживаемое постоянною перепискою и общением. Мы очень хотели бы, чтобы твоя жена примкнула бы к нашей крепкой своими заветами семье, как наша родная.

Желаю Вам обоим полного и долгого счастья и взаимной любви и уважения. Твой любящий дед.

К письму приложен текст поздравительной телеграммы:

«Милым юным новобрачным Срезневским и их родителям шлем искреннее поздравление. Сердечно желаем молодым, всту-

пающим в новую, совместную жизнь, полного и долголетнего счастья. Желаем, чтобы Ваша связь была крепка взаимной любовью и уважением и соединяла бы Вас в душевных заботах друг о друге и о Ваших дорогих близких.

Телеграмму подписали: Ольга Срезневская, Вячеслав Срезневский, Людмила Срезневская, Вера Форш, Эдуард Форш, тетя Надя Алмазова, Всеволод Срезневский.

Интересной оказалась петербургская линия родословной Вячеслава Измайловича. К большому сожалению, не найдено сведений о младшей дочери Нине. Другая дочь, Ксения, вышла замуж за врача, вместе с ним воспитала приемную дочь Тасю Антоневиц, которая окончила Ленинградский государственный библиотечный институт и до 1975 г. работала в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, где ее помнят и поныне. Имеет правительственные награды за самоотверженный труд по спасению книжного фонда города в период блокады. Ксения Вячеславовна, как и многие ленинградцы, умерла от голода.

Второй сын, Вячеслав Вячеславович, доктор медицинских наук, профессор, окончил в 1903 г. Военно-Медицинскую академию, 4 года стажировался в Германии. Был консультантом в психиатрической клинике им. Скворцова-Степанова, которой руководил академик Бехтерев, затем главным врачом Сестрорецкого курорта. Вячеслав Вячеславович венчался с Валерией Сергеевной — дочерью юрисконсульта Тюльпанова и польки Робеки Клещинской. Валерия училась на Бестужевских курсах, получила хорошее домашнее воспитание. Жила в Царском Селе, с детства дружила с Анной Ахматовой. Валерия познакомила ее с Николаем Гумилевым. В 1917 г. после развода с мужем А. Ахматова жила в доме Срезневских, дружба Валерии и Вячеслава Срезневских с поэтессой продолжалась всю жизнь.

Вячеслав Вячеславович и Валерия Сергеевна воспитывали дочь Ольгу и сына Андрея. На их долю выпали тяжелые испытания. Во время блокады, отказавшись эвакуироваться, умер от голода Вячеслав Вячеславович. В семье рассказывают, как он не имел сил приходить домой из госпиталя, так как отдавал свои пайки больным. А в 1945 г. арестовали по статье «организация контрреволюционного заговора» Валерию Сергеевну. Передачу в Кресты дети носили сами, тетя Аня (А. Ахматова) регулярно давала деньги, сама туда ходить не могла из-за тяжелых воспоминаний, связанных с расстрелом Николая Гумилева. А когда Валерию Сергеевну сослали на 7 лет на станцию Известковая под Читой, Оля и Андрюша остались

одни, были выселены из квартиры, выживали самостоятельно. В 1954 г. мать вернулась из ссылки без права проживания в Ленинграде, 4 года дети ездили навещать ее в Лугу. Последние 10 лет Валерия Сергеевна прожила в семье дочери. Умерла она в 1964 году, похоронена на Выборгском кладбище. Ольга Вячеславовна хранит семейные реликвии: фотографии, книги, журналы, в том числе подаренные А.А. Ахматовой, которая посвятила Валерии Сергеевне стихотворение 1913 года с посвящением и пожеланиями «милому другу». День ее смерти она отметила прощальными строками нового стихотворения, написанного в Комарове:

*Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось все, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, — в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! Попробую.*

Впервые это стихотворение напечатано было в первом номере журнала «Новый мир» за 1965 год.

Дочь Валерии Сергеевны и Вячеслава Вячеславовича, Ольга, в 1946 г. вышла замуж за Владимира, инвалида Великой Отечественной войны, горевшего в танке. Он рано умер. Сама поднимала двух дочерей, Елену и Ольгу, помогала растить внуков — Андрея и Ольгу. Елена живет в Мурманске, приезжает с дочерью и внучкой Ксенией, правнучкой Ольги Вячеславовны, в свой родной город, к близким. Все обожают и берегут дорогого человека — Ольгу Вячеславовну. Она родилась в 1924 г. и помнит многое: старого-старого дедушку Вячеслава Измайловича, Анну Андреевну Ахматову (тетю Аню) и еще много всего о далеких предках. К сожалению, долгие годы дочь репрессированной старалась не рассказывать о прошлом, боялась за своих детей и внуков. И даже о том, как пригласили в 1946 г. в Академию наук на 100-летие фотографии ее, внучку основателя фотодела в России, а она не пошла: кроме ватника, нечего было надеть, а «тетя Аня» до конца жизни жалела об этом.

Сын Вячеслава Вячеславовича, Андрей Срезневский (1929—2002), сумел выучиться после войны на инженера, работал на од-

ном из ленинградских заводов. У него есть сын, которого назвал тоже Вячеславом. Подрастает внук Андрюша, названный в честь своего деда, — самый младший из потомков Вячеслава Измайловича Срезневского. Ему всего 3 года, и скоро ему предстоит узнать много интересного о далеких предках, имена которых упорно повторяются из поколения в поколение и фамилия которых известна всему миру — ее подарил роду своему наш земляк из села Срезнево.

В родословной Срезневских еще много белых пятен, но благородное дело ее восстановления непременно пойдет на пользу воспитания тех, кто этим занимается — школьников и студентов.

Список использованной литературы

1. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон. — СПб. : Издательское Дело, Брокгауз-Ефрон, 1900. — Т. XXXI.
2. Русский биографический словарь; Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. — СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», Б. Подъяческая, 39. 1909.
3. Богатова, Г.А. И.И. Срезневский : книга для учащихся. Люди науки. — М. : Просвещение, 1985.
4. Твой олимпийский учебник. — М. : Советский спорт, 1956. — С. 99.
5. Из воспоминаний В.С. Срезневской // Н.С. Гумилев. Неизданное и несобранное / сост. проф. М. Баскер и Ш. Грехем. — Париж : YMCA-PRESS. 1986.
6. РГАЛИ. — Ф. 436. — Оп. 1, 2.

З.К. Шанова

г. Санкт-Петербург

И.И. Срезневский и Санкт-Петербургский университет

И.И. Срезневский тридцать три года (1847—1880) возглавлял в Санкт-Петербургском университете кафедру по истории и литературе славянских наречий. В конце 1846 г. он был вызван из Харькова в Петербургский университет для замещения скончавшегося в мае 1846 г. П.И. Прейса (1810—1846) — сначала только на время, но затем работал там до последних дней своей жизни. 27 января

1847 г. И.И. Срезневский был допущен к чтению лекций в Петербургском университете и 28 января 1847 г. прочел свою первую лекцию «О пользе изучения славянской филологии», начав ее с обзора заслуг П.И. Прейса. Они вместе, будучи направленными в славянские земли, провели несколько месяцев в Праге, путешествовали по Истрии, Далмации, Черногории, Хорватии. И.И. Срезневский очень высоко ценил П.И. Прейса как ученого.

И.И. Срезневский был утвержден профессором Санкт-Петербургского университета 5 июня 1847 г. По словам его сына В.И. Срезневского, «это было время страха перед идеей славянства и гонения как на славянофилов, так и на всех лиц, у которых мелькали общеславянские мечты и вне политики» [1. С. 24]. Программа, составленная И.И. Срезневским по поручению министерства, «своей точностью и ясностью отстранила от славянских кафедр грозу, которая была готова разразиться над ними» [1. С. 24].

8 февраля 1849 г. И.И. Срезневский выступил с речью на годовичном торжественном собрании Петербургского университета. Речь имела огромный успех и неоднократно издавалась под названием «Мысли об истории русского языка» или «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий».

И.И. Срезневский считал, что славянская филология должна изучать языки, народную словесность, литературу, историю и древности. В соответствии с этим в Петербургском университете он читал курсы лекций «Введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «Историю и литературу западнославянских наречий», вел практические занятия по славянским языкам. После прихода в 1865 г. на кафедру В.И. Ламанского, взявшего на себя чтение курсов по истории славянских литератур и истории славян, И.И. Срезневский читал «Грамматику наречия старославянского сравнительно с другими наречиями», «Чтение замечательных памятников западнославянских наречий, особенно сербского, польского, чешского» и другие филологические и исторические дисциплины. «От широкого понимания предмета славистики, включавшего в себя филологические и исторические дисциплины, он перешел к ограничению его понятием «славянская филология», что отражало общую тенденцию развития славистики к обособлению ее отдельных дисциплин» [2. С. 67].

И.И. Срезневский, по словам И.В. Ягича, усердно готовился к лекциям, «по 10 часов уходило на одну лекцию» [3. С. 467]. Его учениками были: В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, А.С. Будилович, Н.А. Лавровский, Н.Г. Чернышевский, И.В. Цветаев и др. А.Н. Пыпин вспоминает, что лекции И.И. Срезневского в Петербургском

университете «производили большое впечатление на слушателей», «были едва ли не самые оживленные во всем филологическом факультете тех годов. Его речь была, при всей научной серьезности изложения, легкая, живая, остроумная, ...не без лукавой критики ученых авторитетов; чтение старых памятников иллюстрировалось любопытными комментариями, сличениями архаического языка с живыми наречиями, старого бытового обряда с ...наглядными эпизодами из современных славянских обычаев, воспоминаниями из своих путешествий» [4. С. 451].

Руководя кафедрой, И.И. Срезневский был и деканом историко-филологического факультета, председателем ученого совета, с мая по октябрь 1861 г. исполнял должность ректора, в 1862—1863 гг. состоял членом комиссии по управлению делами университета. В годы, когда И.И. Срезневский занимал кафедру, в университете произошли структурные изменения, и в 1850 г. кафедра по истории и литературе славянских наречий получила название — кафедра истории и литературы славянских народов, а с 1863 г. кафедра носит название славянской филологии.

Параллельно с работой в Петербургском университете И.И. Срезневский возглавлял кафедру славянских наречий в Главном педагогическом институте с 1848 г. и до его закрытия в 1859 г. В 1849 г. он был избран во 2-е отделение Академии наук, то есть отделение русского языка и словесности (ОРЯС), образованное за 10 лет до этого из Российской академии. Издавал «Известия ОРЯС» (10 томов) и «Ученые записки ОРЯС» (7 томов).

Собранная И.И. Срезневским библиотека (2 029 названий книг, брошюр, журналов, отписок и вырезок) [5. С. 3], служившая основой для серьезных научных исследований ученого и для подготовки лекционных курсов, была приобретена в 1903 г. у его наследников и составила основную часть Славянского фонда Библиотеки Академии наук.

Педагогическая деятельность И.И. Срезневского, возглавлявшего славистическую кафедру в Санкт-Петербургском университете, неотделима от его научной деятельности, является огромным вкладом в развитие отечественной университетской славистики.

Список использованной литературы

1. Срезневский, В.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И.Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. — Петроград, 1916. — Кн. 1.
2. Досталь, М.Ю. И.И. Срезневский и его вклад в развитие отечественного славяноведения // И.И.Срезневский и современная славистика; наука и образование. — Рязань, 2002.

3. Ягич, И.В. История славянской филологии. — М., 2003.
4. Пыпин, А.Н. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). Некролог // Вестник Европы. — Март, 1880.
5. Гусева, О.В. Богемика в библиотеке И.И. Срезневского. Каталог книжного фонда Библиотеки РАН. — СПб., 2004.

А.А. Никольский

г. Рязань

И.И. Срезневский и Д.И. Писарев

В 1863 г., два года спустя после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета, Д.И. Писарев, находясь в заключении в Петропавловской крепости, написал статью «Наша университетская наука». В первой части статьи он вспоминает студенческие годы и дает оценку своим университетским наставникам: М.И. Касторскому, Н.Д. Астафьеву, М.М. Стасюлевичу, М.И. Сухомлинову, И.И. Срезневскому, которые выведены под такими вымышленными фамилиями-характеристиками, как Креозотов, Кавыляев, Иронианский, Телицын, Сварожич.

Писаревым отмечается крайняя научная отсталость профессора М.И. Касторского, который читал свои лекции по запискам, составленным лет двадцать тому назад и представлявшим собой «палеонтологическую диковинку» [5. С. 143]. В данной ему фамилии Креозотов видна связь с термином *креозот*. Современный Писареву «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля содержит следующие сведения: «Креозот м. вещество, образующееся в пригарном дереве, оно есть в дыме и в дегте, в древесной кислоте, и противится разложению или гнилости, почему копченье и сберегает мясо» [3. С. 190]. Вымышленная фамилия Креозотов указывает на то, что профессор в научном плане изменялся так же мало, как предмет, обработанный креозотом.

Приват-доцент Н.Д. Астафьев, далеко превосходивший, по словам Писарева, Креозотова «утомительностью лекций» [5. С. 143], получил в статье фамилию Кавыляев. А.М. Скабичевский в своих мемуарах отмечает, что Астафьев был хромым и данная ему Писаревым фамилия намекает на это обстоятельство [8. С. 82]. Однако, видимо, эта фамилия подчеркивает также явную несостоятельность Астафьева как ученого.

Под фамилией Иронианский выводится экстраординарный профессор М.М. Стасюлевич. Эта фамилия соотносительна со словом *ирония*, греческий этимон которого *eironia* имеет значение «притворство». «Зиждущий талант Иронианского, — пишет Писарев, — оказывается чужим талантом ...; павлиньи перья взяты напрокат, да еще без спросу; блестящая лекция не что иное, как тайный перевод с французского» [5. С. 147].

Профессору М.И. Сухомлинову была дана фамилия Телицын. «Переварить и переработать массу материала в своем мозгу и затем передать слушателям продукты своего мышления — этого от Телицына смешно было бы и требовать», — отмечает Писарев [5. С. 149]. Мотивы выбора фамилии Телицын становятся понятными из следующего места статьи: «Проговорив на кафедре в продолжение полутора часа, Телицын всегда приходил в восторженное состояние, и тогда рулада вырывалась из груди его с неудержимой силой...» [5. С. 148]. Для обозначения подобного состояния существует выражение телячий восторг; сам Писарев употребляет его в статье «Реалисты»: «На Гейне очень часто находит блажь: он вдруг воображает себе, что может забыть все, что мешает мыслящему человеку предаваться телячьим восторгам; начинается бегание и прыгание на одной ножке; — ах, боже мой, какое благополучие! воздух тепел, птички поют, роза цветет, барышня улыбается...» [6. С. 101]. За подобную склонность к «телячьим восторгам» Сухомлинов и получил фамилию Телицын. Именно так воспринимали ее современники Писарева. Д.М. Аверкиев в статье «Университетские отцы и дети», в которой он полемизирует с Писаревым, отмечает: «Я удивился бедности сведений, которые ... передавал своим слушателям восторженный Телицын о древней русской литературе, когда зашел как-то к нему на лекцию» [1. С. 329].

Писарев пишет о своих университетских наставниках в беспощадных, почти памфлетных тонах. Резкость его суждений не всегда оправданна и справедлива. М.М. Стасюлевич и М.И. Сухомлинов оставили свой след в истории русской культуры. Стасюлевич после ухода в 1861 г. из университета был с 1866 г. редактором-издателем «Вестника Европы» — одного из самых популярных журналов того времени. Сухомлинов со временем стал академиком. Ссылки на его труды, которые отличаются богатством фактического материала и тщательностью его обработки, встречаются и в работах современных исследователей.

Совсем в других тонах Писарев характеризует академика, профессора И.И. Срезневского, занимавшего в университете кафед-

ру славянских наречий. Он получил в статье фамилию Сварожич, образованную «от названия божества в славянской языческой мифологии — сына Сварога» [5. С. 416]. Возможно, выбор фамилии произошел не без влияния статьи Ф.И. Буслаева «Древнейшие эпические предания славянских племен», опубликованной в «Русском слове» в 1860 г. и содержащей замечания о названиях древних славянских божеств: Сварога, Велеса, Даждьбога и др. [2. С. 252—258].

Фамилия Сварожич подчеркивает незаурядность личности Срезневского. «И Креозотов, и Телицын, и Иронианский, — пишет Писарев, — смешные лилипуты в сравнении со Сварожичем» [5. С. 172]. Вместе с тем, он оценивает научную деятельность Срезневского с точки зрения своих взглядов и представлений.

В середине XIX в. в Европе отмечается бурное развитие естественных наук и усиление общественного интереса к этим наукам. У Писарева пиетет по отношению к ним получает гипертрофированное выражение. Это было связано с тем, что он и его единомышленники по журналу «Русское слово» усматривали в развитии естественных наук своего рода панацею от всех российских бед. «Развитие естествознания, по их мнению, — подчеркивает Ф.Ф. Кузнецов, — приводит к открытию новых закономерностей развития природы, к новым изобретениям, а это все ведет к появлению новых машин, новых технических приспособлений, вызывает бурный технический прогресс, повышает производительность народного труда» [4. С. 351]. Историко-филологические исследования в представлении Писарева не имеют подобной практической пользы. По его мнению, в области истории развинчивается и разбирается «механизм прошедшей жизни», в области филологии «язык так же развинчивается на звуки и части речи» [5. С. 170—171]. «Таким образом, — делает вывод Писарев, — посвящая себя историко-филологической деятельности, сильный критический ум добровольно обрекает себя на ту черную работу, которая называется в ученом мире заготовлением материалов. Черная работа полезна, но если мы возьмем в расчет, что чернорабочий филолог мог бы быть первоклассным химиком или анатомом, то мы невольно пожалеем об его участи и заметим про себя, что большое дарование тратиться на малые дела» [5. С. 171].

Писарев исходит из умозрительной, заранее заданной предпосылки, что ученый с талантом и умом Срезневского не может получать удовлетворение от занятий филологической наукой. «Я уверен, — утверждает Писарев, — что сам Сварожич, как человек умный, понимал неестественность своего положения, но, по всей ве-

роятности, он начал понимать ее уже тогда, когда дорога была выбрана, когда первые и самые трудные шаги были пройдены и когда, следовательно, повернуть назад и пойти по другой дороге было уже неудобно и тяжело» [5. С. 171].

Писарев отмечает, что обращение Срезневского с ним как со студентом «было чрезвычайно деликатно, ласково и даже задушевно» [5. С. 170]. Вместе с тем, слова профессора всегда усиливали его умственные страдания. «Умному скептику, — пишет Писарев, — было смешно видеть мои добросовестные и напрасные усилия влюбиться в науку, а даровитому и опытному критику стоило только сказать несколько слов, чтобы разбить в прах методы моих занятий. Как я ни приступал к делу, как ни изловчался, Сварожич, на суд которого я приносил свои попытки и планы, сию же минуту находил их слабую сторону и доказывал мне ..., что ничего из моих планов и занятий не выйдет» [5. С. 174]. Объективная научная оценка Срезневским его незрелых студенческих суждений была воспринята Писаревым как проявление скептического отношения ученого к филологии вообще. По мнению Писарева, «всякий мало-мальский внимательный наблюдатель мог легко заметить, что Сварожич глубоко равнодушен к своей науке и даже невольно относится к ней с легким оттенком скептического презрения» [5. С. 171]. Данное утверждение Писарева носит пристрастный и необъективный характер. Оно противоречит свидетельствам других учеников Срезневского, характеризующих его как ученого-педагога, влюбленного в свою науку. Так, в воспоминаниях историка литературы П.Н. Полевого находим такое описание Срезневского-лектора: «Его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большие глаза горели таким огнем, так превосходно дополняли его речь, так привлекали к нему все наше юношеское внимание, что им нельзя было не увлечься...» [7. С. 85].

С момента публикации статьи Писарева «Наша университетская наука» прошло почти полтора столетия. Неугасающий интерес к научному наследию Срезневского, актуальность его трудов и в наши дни — все это является свидетельством важности и необходимости той науки, которой он посвятил свою жизнь.

Список использованной литературы

1. Аверкиев, Д.М. Университетские отцы и дети // Эпоха. — 1864. — Январь, февраль.
2. Буслаев, Ф.И. Древнейшие эпические предания славянских племен // Русское слово. — 1860. — № 10. — Отд. 1.

3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1979. — Т. 2.
4. Кузнецов, Ф. Нигилисты? Д.И. Писарев и журнал «Русское слово». — М., 1983.
5. Писарев, Д.И. Сочинения: в 4-х т. — М., 1955. — Т. 2.
6. Писарев, Д.И. Сочинения: в 4-х т. — М., 1956. — Т. 3.
7. Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). — Л., 1980.
8. Скабичевский, А.М. Литературные воспоминания. — М. ; Л., 1928.

Л.П. Лаптева

г. Москва

И.И. Срезневский и отношение к нему его учеников (по данным писем В.В. Макушева)

С 1847 по 1880 г. И.И. Срезневский преподавал славистические дисциплины в Петербургском университете. За свою продолжительную профессорскую деятельность он обрел большое число учеников. Практически каждый, кто проходил курс обучения на историко-филологическом факультете названного университета, являлся учеником Срезневского. Большинство ограничивалось знакомством со славянскими языками и литературами, но на некоторых слушателей профессор имел и более глубокое влияние. В числе проходивших курс обучения у Срезневского были и Н.Г. Чернышевский, и будущий автор первого обобщающего труда по истории славянских литератур А.Н. Пыпин.

Но были среди учеников и такие, кто воспринял его взгляды на славянство, на методы работы и в известной мере его способ мышления. Среди прочих можно к таковым отнести В.В. Макушева¹ (1837—1883), ставшего крупным историком славянских народов.

¹ В настоящее время о Макушеве имеется ряд работ. Упомянем главные: Лаптева, Л.П. Макушев как исследователь средневековой Албании // Общественное сознание на Балканах в средние века: Межвузовский тематический сборник. — Калинин, 1982. — С. 155—173; Владыко, Н.Н. В.В. Макушев как историк Черногории // Вопросы истории славян. — Вып. 8. — Воронеж, 1985. — С. 87—94; Лаптева, Л.П. Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. — Вып. 1. — Самара, 1996. — С. 156—167; Она же. Контакты русских славистов с немецкой наукой в 20—60-е годы XIX века // Россия и Германия. — Вып. 2. — М., 2001. — С. 71—91.

Он проходил курс обучения в университете в 60-е гг. Как известно, в XIX в. славяноведение в российских университетах преподавалось одним профессором, читавшим все теоретические и исторические курсы и практически обучавшим слушателей славянским языкам, поэтому и Макушев познакомился у Срезневского с преподаваемыми предметами в полном объеме, получив и хорошую лингвистическую подготовку, хотя стал в конечном итоге преимущественно историком славянства, добившись наибольших успехов именно на этом поприще. В течение нескольких лет он исследовал документы в итальянских и южнославянских архивах, где обнаружил много неизвестных до этого науке материалов. На их основе Макушев написал ряд важнейших исторических работ, явившихся первыми в историографии соответствующих тем. К ним принадлежат монографии по истории Дубровника, Болгарии, Сербии и др. Макушев стал для России основателем изучения истории Албании. Большое значение для изучения истории славян приобрели его публикации документов, извлеченных из дубровницких и итальянских архивов и создавших источниковую базу для дальнейших исследований.

Макушев был талантливой, неординарной натурой. За свою короткую жизнь он внес большой вклад в славяноведение, а в качестве профессора-слависта Варшавского университета воспитал много учеников.

Со Срезневским Макушев находился в личном контакте, видимо, с 1860 по 1879 гг.; во всяком случае, корреспонденция между ними сохранилась именно за этот период времени. Письма Макушева извлечены нами из архивного фонда И.И. Срезневского в РГАЛИ. В них и отражаются отношения между учителем и учеником. Срезневский оказывал Макушеву всяческую помощь. Уже студенческое сочинение последнего было представлено Срезневским к награде золотой медалью и опубликовано по его же инициативе за счет университета [1]. Со Срезневским Макушев советовался по теме магистерской диссертации и ее публикации. Срезневский хлопотал о командировке Макушева в итальянские архивы. А присылавшиеся Макушевым отчеты о проделанной работе и статьи на темы о найденных в архивах документах Срезневский публиковал в изданиях Академии наук. По отзыву Срезневского о книге Макушева «Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» (1867) автору была выдана премия графа Уварова, присуждавшаяся Российской Академией наук.

В письмах Макушева много сообщений о доставке Срезневскому из-за границы книг, которых русский академик до этого не имел. Уже будучи профессором Варшавского университета, Макушев дорожит трудами Срезневского и его мнением о собственных работах. 3 апреля 1878 г. он пишет учителю из Варшавы: «На ваше любезное предложение украсить мою библиотеку Вашими драгоценнейшими изданиями могу ответить только глубокою благодарностью и пожеланием иметь, буде возможно, следующие ваши труды: 1. Памятники юсового письма; 2. Глагольского; 3. Биографию Караджича (из «Братской помочи»). Не желая злоупотреблять Вашей любезностью, ограничиваюсь этими тремя трудами, которых у меня нет, и которыми я пользуюсь в моих лекциях. «Памятники глагольского письма» особенно мне нужны: их нет даже в нашей университетской библиотеке, хотя я несколько раз заказывал».

Далее Макушев пишет: «Я весьма желал бы знать Ваше мнение о лекциях моих о старочешской письменности, печатавшихся в «филологических записках». Приступаю теперь к обработке лекций о Зеленогорской рукописи; затем последует ряд лекций о Краледворской рукописи и о глоссах *Mater verborum*. Когда печатание окончится, все эти лекции выйдут отдельною книгою, которую я желал бы посвятить Вам, «незабвенному моему учителю», если только Вы позволите украсить Вашим именем мой слабый труд» [2].

Следует подчеркнуть, что, выражая Срезневскому высшую степень почтения, Макушев не всегда и не во всем соглашался с учителем. В 70-е гг. XIX в. в литературе, особенно чешской и немецкой, шла ожесточенная полемика относительно подлинности известных чешских памятников письменности — Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ). Подавляющее большинство деятелей чешской культуры отстаивали тогда, не считаясь со средствами, подлинность «древних сокровищ» языка и литературы. Поддерживали их и многие славянские деятели других стран. В России практически все слависты верили тогда в подлинность РКЗ, Срезневский же не просто поддерживал эту веру, но и использовал РКЗ в своих работах в качестве источников и защищал их подлинность в своих публикациях. Макушев едва ли не первым в России оказался на стороне противников этого взгляда, он филологическими документами доказывал подложность РКЗ. Позиция Срезневского в этой сфере была для Макушева неприемлема, и свое мнение он открыто высказал в письме к учителю в весьма академической форме. 6 мая 1878 г. Макушев сообщал: «Вчера, наконец, отправил к А.А. Хо-

ванскому третье чтение (о Любушином суде) (то есть Зеленогорской рукописи — Л.Л.) и вздохнул посвободнее. Не знаю, будете ли вы согласны с моими доводами, которые оказались неожиданными для меня самого. Год тому назад, когда я читал лекции о Любушином суде, я был иного мнения. Хотя кое-что и казалось мне сомнительным, я не решился заподозрить так называемой Зеленогорской рукописи и относил ее по языку, правописанию и некоторым археологическим признакам ко второй половине XIII века. Теперь же, обрабатывая свою лекцию для печати, я рассмотрел более обстоятельно все признаки и пришел к убеждению, что эта рукопись относится к началу нашего столетия. Кто *falsarius* — не решаю, но подделка для меня несомненна».

Посылая Срезневскому выпуск своих «Чтений о старочешской письменности» [3], Макушев говорит о том, что посвящает свое произведение именно ему: «В знак моего глубокого уважения к Вашим трудам и с искреннейшей благодарностью за то, что Вы не только научили меня работать, но также постоянно меня поддерживали в моих занятиях и поощряли меня не только словом, но и делом». И далее в письме читаем следующие проникновенные слова: «Сознавая все мое ничтожество перед Вами, я горжусь тем, что принадлежу к Вашим ученикам. Я был бы счастлив, если бы мои ученики вспомнили обо мне когда-нибудь с таким чувством благодарности, с каким я вспоминаю и всегда буду вспоминать о Вас. Вы были для меня образцом не только ученого, но и профессора, и благодаря вам я не стал профессором-ремесленником, а вложил в свои лекции всю душу, положил на них всю свою жизнь. Работать своим умом по вашему примеру стало для меня не переменным правилом, неизменной потребностью. Такой самостоятельный труд представляют изданные мной теперь чтения — это единственное их достоинство. О недостатках прошу Вас, по прекрасному Вашему выражению, судить строго снисходительно» [2].

Самостоятельное, хотя и противоположное мнению учителя, суждение Макушева о происхождении РЗ корифей российской науки принял, видимо, спокойно. Во всяком случае, о какой-либо отрицательной реакции у нас суждений нет. Более того, поздравляя Срезневского с праздником Пасхи 30 марта 1879 г., Макушев писал: «Не могу пропустить этого случая, чтобы не принести Вам искреннюю благодарность за письмо Ваше от 24 февраля (1879 г. — Л.Л.). В этом письме так превосходно изображается (то есть выражается, отображается — Л.Л.). Ваша прекрасная душа, Ваше благородство характера, Ваш глубокий ум, Ваше истинное образование.

Не многие могут так говорить и писать, как Вы: для этого нужно стать выше других, для этого нужно обладать тою нравственною и умственною силою, которая заставляет быть строгим к себе. Получая такие письма, как Ваше, возвышаешься в собственных глазах и в глазах товарищей. Не буду таиться: я с гордостью давал читать Ваше письмо тем, которые стоили этого — и не только товарищам, но и ученикам своим... Посвящая вам мои чтения, я исполнил долг совести перед Вами: я хотел принести хотя ничтожную дань глубокого моего уважения к Вашим заслугам и искреннейшей благодарности за все доброе, которое получил от Вас. Я посвятил Вам этот труд, а не какой другой, потому что каждая страница его напоминает мне Вас как ученого и профессора... С нетерпением жду новых доказательств некоторых из Ваших прежних домыслов (то есть соображений, предположений — Л.Л.). Воспользуюсь ими для будущих моих чтений».

Приведенные строки показывают, что несмотря на разногласия в трактовке тех или иных научных проблем, между Срезневским и Макушевым существовало полное взаимопонимание в подходе к задачам науки. Это естественно. Ведь ученики нередко превосходят своих учителей в разработке тех или иных вопросов, подчас приходя к выводам, противоположным тем, которые были усвоены во время ученичества. Без такого закономерного процесса развитие науки могло бы остановиться. Но столь же закономерна и преемственность между поколениями. Макушев жил и воспитывался в иных исторических условиях, нежели Срезневский. Он уже не разделял романтических убеждений в отношении славян (что еще было характерно для Срезневского), не был лично связан со славянскими корифеями, среди которых жил и работал создатель фальсификатов В. Ганка, друг Срезневского. Макушев не только более трезво и рационалистично относился к славянам, но и имел право их критиковать, чего волею обстоятельств был лишен Срезневский. Не случайным кажется тот факт, что никто из представителей первого поколения русских славистов не выступал в разогревшейся полемике по поводу подлинности РКЗ на стороне критиков. Можно полагать, что этот факт объясняется не только романтическим отношением к славянству, но и моральным долгом по отношению к тем чешским корифеям, которые на заре славистической подготовки русских ученых помогли последним овладеть азами славяноведения и поделились с ними своими знаниями. И хотя первое поколение русских славистов в результате своих заграничных студий славянства получило материал, дополнявший, а подчас и опровер-

гавший заключения, например, Й. Добровского о времени возникновения Глаголицы (В.И. Григорович) или П.Й. Шафарика о границах славянских языков (П.И. Прейс), — они посчитали себя вправе осуждать ошибки своих предшественников во имя самоутверждения. Элементарные нормы общечеловеческой морали и нравственности в русском славяноведении также имели преемственность — наряду с преемственностью идей, знаний и методов, что, несомненно, относится и к Макушеву.

Список использованной литературы

1. Макушев, В.В. Сказания иностранцев VI—X вв. о быте и нраве славян.
2. РГАЛИ. — Ф. 436 (И.И. Срезневский). — Д. 1282. — Оп. 1. — Все цитируемые письма из этого фонда.
3. Макушев, В.В. Из чтений о старочешской письменности. I—IV. — Вып. 1. — Воронеж, 1879.

Л.Я. Костючук

г. Псков

Одна из страниц научной биографии И.И. Срезневского (к переписке А.Н. Афанасьева и И.И. Срезневского)

Измаил Иванович Срезневский, выдающийся лингвист, лексикограф XIX века, известен прежде всего как автор знаменитого исторического труда [1], объяснившего многие древнерусские слова из памятников письменности преимущественно XI—XIV вв. Этот труд в научном обиходе обычно называют не Материалами к словарю древнерусского языка (как скромно назвал его сам автор), а именно Словарем, так как долгое время это было самое авторитетное и полное справочное пособие, помогающее понимать древние тексты.

Специалистам вузовской науки — филологам — И.И. Срезневский известен как прекрасный лектор Санкт-Петербургского университета с 1847 г., у которого учился и способный студент Н.Г. Чернышевский. Со знаменитой лекции И.И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» [2], прочитанной им 8 февраля 1849 г. в Петербургском университете, с этой «первой научной программы по изучению русского языка» [3. С. 3], в которой был пред-

ставлен «первый в России опыт методически последовательного изложения того исторического пути, который был пройден русским языком и намечены пути дальнейшего изучения русского языка» [4. С. 5], ведет свое начало известная кафедра русского языка университета.

И.И. Срезневский развивал тезисы о связи народа и его языка («...изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке» [2. С. 17]); о том, что «история языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку как ее необходимая часть» [2]; о связи истории языка, этнографии, фактически диалектологии; о том, что «местные наречия суть видоизменения языка одного народа» [2].

Лексикографический труд И.И. Срезневского не мог бы появиться, если бы ученый не имел цели не только «составить словари к каждому письменному памятнику», но и составить словари «каждому говору» [4. С. 5]. Лексикография с выходом словарей — тот результат исследовательского пути, который в наиболее ярком виде демонстрирует своеобразие языка в прошлом и настоящем. Зnamenательно, что И.И. Срезневский намечал «изучать современный русский литературный язык, а также подвергнуть систематическому научному описанию язык писателей нового времени» [4].

Внимательно перечитывая «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского, вдруг обнаруживаешь такие значимые, не потерявшие своей актуальности и в начале XXI в. высказывания, поэтому соглашаешься с В.В. Колесовым, что торжество 2004 г. в С.-Петербургском университете на филологическом факультете, посвященное 155-летию (1849—2004 гг.) кафедры русского языка, представляет «дату, которая в принципе может быть растянута на несколько столетий» [4].

И дела, и личность самого И.И. Срезневского уникальны. Оказывается, интересуясь национальным русским языком в его истории и в современном народном состоянии, И.И. Срезневский не мог быть равнодушным к устному творению народа — фольклору, как и к прошлым и современным памятникам письменности.

Знакомство с опубликованными в 1986 г. восемью письмами известного «археолога славянских древностей» [5. С. 3]. Александра Николаевича Афанасьева к И.И. Срезневскому [6. С. 333—337] позволило познакомиться с серьезным, профессиональным интересом историка русского языка к народному творчеству.

Еще первый биограф А.Н. Афанасьева — А.Е. Грузинский — опубликовал письмо И.И. Срезневского к собирателю и исследова-

телю русского фольклора с идеей — советом 1855 года публиковать народные сказки специально для детей, а не только «для ученых»: «...голый текст, (с — Л.К.) литературным правописанием, с переводом слов, не общепонятных (под строкою) и с выпуском тех сказок, которые детям читать некстати» [5. С. 3].

Это было письмо И.И. Срезневского в ответ на знакомство его с вышедшим из печати первым выпуском «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева. Письмом № 6 от А.Н. Афанасьева И.И. Срезневскому устанавливается дата выхода сказок из печати — 26 октября 1855 г. [б. № 6. С. 335, 362]. Как «выражения искреннего уважения» со стороны А.Н. Афанасьева «к...ученым заслугам» И.И. Срезневского [б. С. 335] следует подарок — томик сказок. А.Н. Афанасьев пишет, что замечания в связи с публикацией «встретил бы с особенным удовольствием» от И.И. Срезневского [б].

В письме А.Н. Афанасьева № 7 от 18 ноября 1855 г. как ответе на письмо И.И. Срезневского (в свою очередь в ответ на письмо А.Н. Афанасьева № 6), в котором И.И. Срезневский высказывал мнение об особом выпуске народных сказок для детей, А.Н. Афанасьев благодарит И.И. Срезневского и за внимание к своему труду, и за то, что историк языка обещает прислать фольклористу сказки, записанные, может быть, самим И.И. Срезневским, и за совет об издании сказок для детей. Соглашаясь с необходимостью такого издания («Мысль Ваша о том, что при издании сказок иметь в виду и маленьких читателей, представлялась и мне» [б. № 7. С. 336]), А.Н. Афанасьев понимает, что сделать это необходимо, «не удерживая областных особенностей говора, не обременяя книги примечаниями»: следует постоянно учитывать различия изданий «для детей» и «и для литераторов и любителей народности» [б. № 7]. Однако, желая прежде «собрать поболее сказок и тщательнее их сравнить с сказками других народов» [б. № 7], А.Н. Афанасьев надеется получить и одобрение И.И. Срезневского.

Из высказанной А.Н. Афанасьевым благодарности «за прекрасный 45 сборник «Великорусских песен» и за повесть о Царьграде» [б. № 7] узнаем, что И.И. Срезневский перед этим прислал А.Н. Афанасьеву оттиск из «Ученых записок, издаваемых вторым отделением Академии наук» со своим трудом «Повесть о Царьграде. Чтение академика И.И. Срезневского» (СПб., 1855) с ярким посвящением-пожеланием в письме успеха в титаническом труде А.Н. Афанасьева по сбору, обработке и публикации произведений фольклора, прежде всего сказок: «В это широкое море пустились Вы в добрый час и в доброй ладье, запасшись, как для Цареграда, и

снастями и брашном, и верно вывезете из-за него не одну дорогую багряницу. Дай бог Вам всего хорошего на всем Вашем пути» [б. С. 362].

В 1858 г., через три года после первого совета, при выражении благодарности за третий и четвертый выпуски «Русских народных сказок» (другие выпуски в это время готовятся к изданию), И.И. Срезневский опять высказывает пожелание: «Заслуга Ваша, повторяю старую песню мою, была бы еще более, если бы Вы не забыли и деток наших» [б. С. 3]. Об этом И.И. Срезневский пишет и как ученый, понимающий специфику разных текстов, и как отец детей, интересующихся чтением. И, может быть, некоторым укором А.Н. Афанасьеву звучит следующая фраза в связи с задержкой издания сказок для детей: «...но ученые — народ самовольный, пути им ведомы, яруги им знаемы — и потому будьте сами себе судьей» [б. С. 3].

По письмам А.Н. Афанасьева видно, что он не забывал о совете-просьбе И.И. Срезневского, поэтому и звучит постоянное пока как бы оправдание: «...материалов у меня теперь так много, что труд издания делается нелегким: надо долго возиться с вариантами, мне бы не хотелось ничего опустить» (письмо № 6 от 9 января 1858 г.) [б. № 8. С. 336]. В этих словах виден А.Н. Афанасьев-ученый, исследователь, ответственно относящийся к материалу — творчеству народа и к народному языку.

И хотя только в 1870 г. появились «Русские детские сказки», но свершилось главное — издание состоялось, принеся А.Н. Афанасьеву неувядающую известность, славу (жаль, что в расцвете сил и творчества через год Александра Николаевича Афанасьева не стало...).

Сохранившиеся в архиве И.И. Срезневского восемь писем А.Н. Афанасьева к нему свидетельствуют об интересах и самого А.Н. Афанасьева и о всесторонности знаний, деятельности И.И. Срезневского.

Будучи редактором Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности (1852—1863 гг.), где публиковались и древние народные песни (письмо № 1 от 20 октября 1852 г.), и другие народные произведения, И.И. Срезневский хотел, чтобы А.Н. Афанасьев «помогал собиранию народных памятников» [б. № 1. С. 333, 361], а А.Н. Афанасьев посылает И.И. Срезневскому пять народных песен из Воронежской и Московской губерний и «два листа белорусских речений, записанных в Могилевской губернии» [б. № 1. С. 333]. Интересовали И.И. Срезневского и исследо-

вания по фольклору, поэтому он и просит от А.Н. Афанасьева в «Известия» статью о старинных песнях (но этот замысел А.Н. Афанасьев не осуществил) (обо всем этом узнаем из письма № 2 от 10 декабря 1852 г.) [б. № 2. С. 333, 361]. А.Н. Афанасьев в письме № 2 сообщает И.И. Срезневскому, что собирается «в скором времени прислать для «Известий» несколько заметок о влиянии языка на народные поверья и наоборот» [б. № 2. С. 333]; в письме № 3 от 23 июня 1853 г. А.Н. Афанасьев пишет о препровождении готового труда в редакцию [б. № 3. С. 334] (статья вышла в 1853 г. под названием «Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями» [б. № 2. С. 361]).

Позже И.И. Срезневский посылает А.Н. Афанасьеву письмо и оттиски опубликованной статьи фольклориста, а А.Н. Афанасьев собирается сообщить И.И. Срезневскому «несколько заметок о некоторых загадочных народных преданиях» [б. № 4. С. 334, 361], что тоже интересовало И.И. Срезневского (об этом узнаем из письма № 4 от 20 февраля 1954 г.). Судя по этому письму, И.И. Срезневский обращался к А.Н. Афанасьеву с просьбой принять участие в создании картотеки для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам [б. № 4. С. 334]. Ученый понимал, что знаток народного языка, народных текстов мог бы оказать неоценимую помощь историкам языка. Но А.Н. Афанасьев, видимо, отказался: «...я бы охотно принял на себя предлагаемую Вами работу, но не знаю — успею ли окончить ее ко времени; теперь меня занимают сказки...» [б. № 4. С. 334, 361].

И в письме через полгода (№ 5 от 27 августа 1855 г.) сообщает об отправке в «Академические известия» обещанные сказки — «три народные легенды», записанные самим А.Н. Афанасьевым в Воронежской губернии [б. № 5. С. 335].

Тон писем двух преданных народу и его языку людей глубоко уважительный, доверительный и свидетельствующий о духовной близости и об «отличном почтении» и «совершеннейшей преданности» друг другу.

Архив И.И. Срезневского сохранил несколько писем А.Н. Афанасьева. В них приоткрылись не очень известные стороны интересов прежде всего И.И. Срезневского и как ученого, и как в известной степени организатора науки.

ПАМЯТЬ — великое достояние человека; благодаря памяти не умирает дело, душа, личность человека и история народа.

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1893—1903. — Т. I—III. [Воспроизведены фотомеханическим способом в 1958 г.]
2. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка. — М., 1959.
3. Колесов, В.В. Вступительное слово // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей к 155-летию кафедры русского языка (1849—2004). — СПб., 2005.
4. Лутовинаова, И.С. К истории кафедры русского языка // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей к 155-летию кафедры русского языка (1849—2004). — СПб., 2005.
5. Налепин, А.Л. Археолог славянских древностей // А.Н. Афанасьев Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Налепина. — М., 1986.
6. Афанасьев, А.Н. Письма И.И. Срезневскому // А.Н. Афанасьев Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Налепина. — М., 1986.

О.В. Никитин

г. Москва

«Мысли об истории русского языка» как научный подвиг И.И. Срезневского

В истории отечественной культуры есть такие события, которые стали определенными вехами в историческом развитии национального самосознания. Таким событием явилось выступление И.И. Срезневского 8 февраля 1849 г. на годовичном торжественном собрании Санкт-Петербургского университета с речью, имевшей очень скромное, не претендующее на «эпохальность» заглавие — «Мысли об истории русского языка». В чем же заключалась эта событийность? Прежде всего в том, что И.И. Срезневский едва ли не первый отчетливо провозгласил и утвердил своей речью великую роль, которую должна сыграть в общечеловеческом знании национальная *русская наука*, идущая часто вразрез с прогрессивной в то время европейской цивилизацией. Ученый ясно выразился, что наша наука берет свои истоки из национальной самобытности и гражданственности, что это *народная наука*, которая призвана решать не отвлеченно-логические и философские, а конкретные лингвистические задачи — изучать дух, историю, культуру и этнографию род-

ного народа посредством его коренного языка (будь то далекое прошлое или настоящее для Срезневского время). Именно с этих слов и начал ученый свое выступление: «Она есть, эта русская наука. На нее, как на частную долю науки общечеловеческой, имеет русский народ право столь же исключительное... Чем народ сильнее духом, своебытностью, любовью к знаниям, образованностью, тем его доля в науке более... Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может» [1. С. 16].

И.И. Срезневский в своих многочисленных разысканиях опирался и на опыт русских ученых. Так, он с успехом продолжил традиции научной школы А.Х. Востокова. Кстати, именно им была написана программа по собиранию материалов для «Опыта областного великорусского словаря», предложены и дополнены сведения по вологодским, воронежским областным словам, диалектам северо-восточной Сибири. Но программный труд ученого во многом превзошел чаяния его великого предшественника. Срезневский писал: «История языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку, как ее необходимая часть» [1. С. 17]. Следовательно, он первый предлагал осуществить объемную задачу изучения родного языка в историческом аспекте, а это означало исследование не только грамматических норм, но и лексики, культуры, этнографии народной речи в целом. В таком масштабе данный тезис прозвучал впервые.

Основное же достижение И.И. Срезневского состояло в том, что он ввел русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков «и таким образом определил тот главный фундамент, на котором должно строиться здание исторической грамматики русского языка...» [2. С. 449].

Еще несколько тезисов Срезневского заслуживают внимания: в своей речи ученый изложил взгляд на соотношение и различия языка народного и языка книжного [1. С. 36—38], указывал на необходимость всестороннего разбора старых памятников «отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном» [1. С. 80], он дал четкую картину развития русского языка и его становления как *самостоятельного* феномена культуры. Вместе с тем, ученый говорил, что «русский язык не может быть рассматриваем исторически отдельно от других соплеменных наречий и сродных языков...» [1. С. 81].

Живой человеческой любовью, большим патриотизмом и верой в исключительные духовные силы Родины была проникнута

вся жизнь и деятельность ученого, каждый его труд. А знаменитые «Мысли...» и сейчас остаются программой для современных филологов, историков и этнографов. Наследие легендарного ученого продолжает жить и в XXI веке.

В этом и состоял главный научный подвиг И. И. Срезневского.

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка. — М., 1959.
2. Шахматов, А.А. Курс истории русского языка. 1908—1909 учебный год. — Ч. 1. — СПб., [1909] [Литографированное издание].

Н.П. Ословская

г. Рязань

И.И. Срезневский и Н.А. Некрасов (по письмам Некрасова к Срезневскому)

Широта и разнообразие научных интересов И.И. Срезневского удивляют исследователей его жизни и наследия. С каждым новым фактом, основанным на архивных или библиотечных материалах, подробнее открываются различные стороны его деятельности. Остановимся на одной из них, менее всего известной. Поводом для этого оказалось знакомство с письмами Н.А. Некрасова к И.И. Срезневскому, хранящимися в РГАЛИ.

Работа Измаила Ивановича в Санкт-Петербургском цензурном комитете пришлась на первые годы жизни его в Петербурге. Исполненный огромными надеждами на успех развития славяноведения как науки (после трехлетней командировки по славянским странам), он окунулся не только в научную, но и общественную жизнь Петербурга. Работа цензором в журнале «Современник» дала ему не только заработок, но и возможность быть причастным к литературе, журналистике, расширить круг деловых и дружеских знакомств. В год, когда Срезневский с семьей приехал в Петербург, Н.А. Некрасов задумал издавать свой собственный журнал, который должен был стать, по его мнению, оплотом передовой русской мысли. По замыслу Некрасова, журнал должен был вести войну с крепостничеством и реакционной литературой. С помощью друзей поэт вместе с писателем И.И. Панаевым в конце 1846 г. арендовал

журнал «Современник», основанный еще в 1836 г. А.С. Пушкиным. Когда-то это был один из лучших русских журналов, но теперь под редакцией П.А. Плетнева влачил жалкое существование. Некрасов произвел полную реорганизацию журнала. Ведущими сотрудниками стали В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и другие писатели и поэты.

Первый номер обновленного «Современника» вышел из печати в январе 1847 г. Это было событие огромного общественного и литературного значения. В России появился журнал, открыто выступавший за освобождение крестьян и возглавивший борьбу лучших сил передовой русской интеллигенции против мерзостей «гноусной расейской действительности» (В.Г. Белинский). Направление «Современника» было охарактеризовано Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», опубликованной в первом номере журнала. В ней говорилось: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью». Уже в первые полтора года на страницах журнала были напечатаны выдающиеся произведения русской литературы, такие, как «Кто виноват?», «Сорока-воровка» А.И. Герцена, «Обыкновенная история» И.А. Гончарова, первые рассказы И.С. Тургенева, стихи Н.А. Некрасова и Н.П. Огарева.

С 1848 г. для журнала наступило трудное время. После революций во Франции, Германии, Австрии усилились царские репрессии. О назначении цензуры этого периода так пишет историк А.М. Скабичевский: «В 1848 году под впечатлением Февральской революции начался период крайней реакции, продолжавшийся вплоть до вступления на престол императора Александра II. Во время управления графа Уварова Министерством народного просвещения усилена бдительность за журналами из-за постоянных доносов на их зловерное направление. Циркуляром 1847 г. Санкт-Петербургскому цензурному комитету предписывалось обратить внимание на журналы и статьи отечественных историков для предотвращения рассуждений «о вопросах государственных и политических, которых изложение должно быть допускаемо с особенною осторожностью и только в пределах самой строгой уверенности». А.М. Скабичевский приводит цитаты из «Сборника постановлений по цензуре от 12 марта 1848 года»: «Особливой внимательности требует путь стремления некоторых историков к возбуждению читающей публики необузданных порывов патриотизма общего, провинциального, стремления, становящиеся иногда если не опасными, то, по крайней мере, неблагоприятными по тем последствиям, какие

оно может иметь» [1]. В этом же постановлении говорится об особом подходе к печатанию иностранных произведений в журналах.

Надо учесть, что свою деятельность в Петербурге И.И. Срезневский начал в эти трудные годы. Его первая лекция по славянской филологии состоялась в университете 28 января 1847 г. Уже в марте этого года в Киеве было разгромлено общество, которое ставило своей целью союз всех славян Европы на демократических началах. Там были его друзья — Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко и др. В тут же вышедшем циркуляре министра народного просвещения объявлялись вредными не только идеи политического, но и культурного объединения славян. «Это было время страха перед идеей славянства и гонения на всех лиц, у которых мелькали общеславянские мечты вне политики. Естественно, подвергались гонениям и кафедры славяноведения — науки, касающейся всей совокупности славян как единого целого» [1].

В этих условиях молодой ученый пытался делать все, чтобы отвести грозу от новой науки. Он сумел переделать программу по славяноведению, перенеся акценты с истории на языкознание. Тем самым не только спас кафедру славяноведения, но и сделал уникальный шаг в развитии славянской филологии.

Известен широкий круг его общения того периода, в который входили не только ученые разных направлений, но и писатели, поэты, художники. В 1847 г. Срезневский был назначен цензором Санкт-Петербургского комитета и оставался в нем три года.

Вопреки сложившимся стереотипам мнений о якобы грубой и жестокой цензуре захотелось найти иные доказательства, показать и другие взгляды на цензуру тех лет.

Ученые-историки всего мира до сих пор изучают эту проблему. «В царской России цензура над местными и зарубежными изданиями была признана частью правительственной системы. Как и в других странах, власти были обеспокоены книгами, содержащими опасные идеи, которые могли заставить читателей размышлять», — высказывался американец Мариам Токе Голдин на Международной конференции «Цензура в царской России и Советском Союзе», которая проходила в Москве в дни Славянской письменности и культуры 24 мая 2003 г. [1].

Другую точку зрения там же высказал австриец Морис Фридберг: «Государственная цензура перестанет существовать, однако появится другая цензура. Людей, которые станут заявлять о том, что издаваемые книги оскорбляют, например, национальные достоинства той или иной группы... Специфическая функция цензуры: защита морали, нравственных основ общества. Политические дела

в цензуре русской литературы составляли минимальный процент. Цензура уничтожала то, что на данный момент в обществе было безнравственно».

Срезневский стал цензором журнала «Современник» с сентября 1847 г. и проработал там по апрель 1850 г. По Петербургу упорно ходили слухи, что власти намереваются закрыть журнал. Управляющий делами III Отделения генерал Дубельт писал: «Шеф жандармов имеет неблагоприятные сведения на счет образа мыслей редактора «Современника» г. Некрасова. Должно наблюдать за ним» [2]. За квартирой поэта, где находилась редакция, был установлен тайный надзор.

Пять писем главного редактора Н.А. Некрасова к своему цензору И.И. Срезневскому являются свидетельством сотрудничества и добрых отношений двух замечательных людей.

Эти короткие служебные письма дают представление о работе молодого ученого И.И. Срезневского в Петербургском цензурном комитете, о проблемах редакции передового журнала.

Письмо первое:

«Милостивый государь Измаил Иванович! Вот каким образом изменил Александр Васильевич статейку об итальянской опере. Он говорит, что теперь это не есть музыкальная критика, и на этом основании просит Вас покорнейше подписать эту статейку в измененном виде. Решаюсь присоединить и мою покорнейшую просьбу о том же. Теперь посылать в театр на цензуру некогда и статейку придется бросить, если Вы не сядете над ней. Во всяком случае, сделайте одолжение, не замедлите с ответом. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою. Некрасов. 29 января 1948 г.»

Двумя днями раньше Некрасов послал письмо А.В. Никитенко:

«Почтеннейший Александр Васильевич! Вы, вероятно, уже прочли невинную статейку об опере. Ее написал Боткин, знающий толк в музыке, и она очень скромна, брани в ней нет, а все хвалы. Между тем Срезневский ее задержал и уведомил Праца, чтоб ее отослали в театральную цензуру. Таким образом, она должна пропасть, а теперь бы она кстати. Мне кажется, что Срезневский трусит в этом деле по неопытности. Если вы найдете, что это так, то не потрудитесь ли написать Срезневскому об этом? Сделайте одолжение, а в театральную цензуру посылать теперь некогда. Весь Ваш. Н. Некрасов».

Между тем Никитенко писать Срезневскому не стал. Он знал, что Срезневский слыл музыкально одаренным человеком, посещавшим оперу, ко всему относившимся серьезно. Его желание дать статью на прочтение специалистам оправданно. Никитенко из-за отсутствия времени рискнул сам ее поправить, не претендуя на жанр критики. Срезневский не подвел Некрасова, подписал ее. Статья об опере В.П. Боткина напечатана в № 2 за 1848 г. в отделе «Современные заметки».

Некрасов продолжал рубрику об опере. В статье № 1 «Обозрения русской литературы за 1849 год» (С. 1—56) он пишет: «Мы еще в прошлогодних заметках об опере очень многое проходили молчанием, ...останавливая внимание читателей только на том, что для нас казалось более важным, более вызывающим на размышление».

Во втором письме Некрасов при посылке корректур драмы В.А. Сологуба «Местничество» пишет: *«Милостивый государь Измаил Иванович! По желанию Вашему имею честь представить Вам корректуры начала драмы г. Сологуба (и с оригиналами). Вместе с этим считаю нужным довести до сведения Вашего, что первые четыре листа этой драмы уже отпечатаны начисто в числе 4-х тысяч экземпляров — еще на прошлой неделе. Дальнейшие листы будут к Вам доставляться по мере набора. Если Вы вздумаете что-нибудь в них вымарать, то всепокорнейше Вас прошу делать это скорее, чтобы не остановить работы в типографии. В надежде на Вашу снисходительность, имею честь быть с глубоким к Вам почтением Вашим покорнейшим слугою Н. Некрасов. 24 февраля 1849 г.»*

Драма В.А. Сологуба «Местничество» напечатана в Литературном сборнике, изданном редакцией «Современника». Цензура разрешена 22 марта 1849 г.

Письмо третье с просьбой Некрасова ускорить просмотр корректур для «Современника» № 10: *«Милостивый государь Измаил Иванович! Извините, что решаюсь побеспокоить Вас. Сегодня 19 число, а 10-й книжки «Современника» отпечатано только один лист, выданный цензурою. Час тому назад г. Крылов возвратил еще 10 форм слов, которые Вам и препровождаются. Сделайте милость, войдите в наше положение: дело идет к подписке, а выпустить книжку в срок при таком промедлении уже не видится возможности и теперь.*

Но если Вы будете так добры, что хоть с этого дня ускорите выдачу корректур, так, по крайней мере, мы не виноваты в этом да и не будем обижать автора, и прошу Вас покорнейше, ес-

ли Вы потрудитесь выдать завтра хоть те 10 форм, которые уже выданы г. Крыловым, то крайне меня обяжете. С искренним к Вам почтением и совершенной преданностью, какая только бывает, милостивый Государь Ваш и покорнейший слуга Н. Некрасов. 19 сентября 1849 г.».

Цензура разрешена 30 сентября 1849 г. Журнал вышел вовремя. Измаил Иванович, глубоко уважая Некрасова и хорошо понимая его беспокойство о своевременном выходе в свет «Современника», делал все возможное, чтобы не задерживать выпусков.

Некрасов видел в Срезневском не столько цензора, сколько сотрудника, доверял ему сложные материалы, предлагал подавать в редакцию свои произведения. Срезневский, плодотворно работая в области исследования русских летописей, считая журнал серьезным русским изданием, принимал предложения Некрасова. Так, в «Современнике» № 4 за 1848 г. опубликована его статья «Исследование о языческом богослужении древних славян», а в № 11 за 1849 г. — «Повесть о Царьграде».

Письмо четвертое с просьбой к Срезневскому просмотреть статью А.Н. Афанасьева о книге Д.О. Шеппинга: *«Милостивый Государь Измаил Иванович! Мне прислал из Москвы Афанасьев разбор книги Шеппинга, я послал его к Вам. Если Вы уже написали разбор этой книги, то в таком случае этот можно бросить. Если нет, то потрудитесь поправить этот: Вы можете вымарывать и прибавлять что угодно. Если он Вам вовсе не понравится, в таком случае позвольте надеяться, что Вы напишете обещанный Вами. Во всяком случае, Вам есть над чем потрудиться. Присылайте поскорее в нашу типографию при случае. Извините, что беспокою Вас этим делом, но Ваше обещание дало мне на это некоторое право. Осмеливаюсь напомнить Вам другое Ваше обещание — написать нам статью об известном Вам предмете: этим Вы глубоко обязали бы нас и помогли Современнику, нуждающемуся в хороших ученых авторах. Имею честь быть душевно Вас любящий, уважающий Н. Некрасов. 27 декабря 1849 г.».*

В первом номере «Современника» за 1850 г. напечатана рецензия А.Н. Афанасьева на книгу О.Д. Шеппинга «Мифы славянского язычества» (М., 1849 г.). Остается неизвестным, о каких обещаниях Срезневского идет речь. Из письма понятна забота редактора о научном уровне журнала.

Последнее, пятое сохранившееся письмо при посылке корректуры повести «Случайность», совсем короткое:

«Милостивый Государь Измаил Иванович! Препровождаю при сем повесть «Случайность». Г-ну Крылову она не понравилась в первобытном виде, он доложил о ней председателю — и решили они, что ее надо переделать! Посылаемый оттиск есть уже переделанный — в этом новом виде г. Крылов подписал. Все же считаю не лишним довести до Вашего сведения и вместе с тем всепокорнейше Вас прошу выдать поскорее эту повесть, чем глубоко обяжете душевно Вам преданного Н. Некрасова. 2 января 1850 г.»

В журнале «Современник» 1850 г. под таким названием повесть не появилась. Вячеслав Измаилович Срезневский в журнале «Звенья» (№ 5. С. 502) высказывает предположение, что здесь речь идет о рассказе Н. Станицкого (псевдоним А.Я. Панаевой) «Необдуманный шаг» («Современник». № 1. 1851 год).

Итак, по нескольким деловым письмам Некрасова к Срезневскому можно сделать вывод об уважительном и серьезном отношении автора.

В заключение нужно сказать, что работа с документированными источниками дает возможность определить свою точку зрения, делать свои выводы о влиянии окружения на становление молодого ученого, окунувшегося в литературную и общественную жизнь. А письма, написанные рукой Н.А. Некрасова, несомненно, дополняют наши представления о XIX веке и людях. Для музея найден новый экспозиционный материал (копии писем), рассказывающий о взаимоотношениях Срезневского с одним из лучших русских писателей, об участии ученого в литературной жизни Петербурга.

Особое внимание нужно уделить такому деликатному понятию, как цензура, оценить которую однозначно нельзя. Современные ученые-исследователи считают, что в эпистолярном наследии русских писателей и ученых еще много белых пятен. При встрече с научными сотрудниками музея Н.А. Некрасова в Петербурге (на Литейной улице) мы узнали, что вышло последнее «Полное собрание сочинений и писем Н.А. Некрасова» под редакцией руководителя некрасовской группы Института Русской литературы (ИРЛИ) РАН Бориса Владимировича Мильгунова. Комментарии к письмам значительно расширены и обновлены. Под руководством хранителя фотофондов Некрасова обновлено сопровождение фотоматериалами. Можно надеяться, что данные изыскания будут выверены по новому изданию, чтобы ярче представить личность Срезневского и его современников.

Список использованной литературы

1. Письма Н.А. Некрасова к И.И. Срезневскому. 1848—1850 гг. Рукопись / РГАЛИ. — Ф. 436. — Оп. 1. — Ед. хр. № 1312, 7 л.
2. Цензура в царской России и Советском Союзе : материалы научно-практической конференции. 24—27 мая 1993. — М. : Рудомино, 1995.
3. Скабичевский, А.М. Очерки истории русской цензуры (1700—1867). — СПб. : Общественная польза, 1892.
4. Энциклопедический словарь : Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890 года. «Терра», 1990—1993.
5. Журналы в дореволюционной России // БСЭ. — Т. 16. — Изд. 2.
6. Полное собрание сочинений и писем. 1943—1953 гг. — М. : Художественная литература, 1952. — Т. 10.
7. Богорад, В. Журнал «Современник». 1847—1866 гг. : Указатель содержания. — М. ; Л., 1958.
8. Неизданные письма Н.А. Некрасова : сборник. — Петроград, 1918.
9. Евгеньев-Максимов, В. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. — М. ; Л., 1950. — Т. 2.
10. Ашукин, Н.С. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. — М. : Академия, 1935.
11. Якушин, Н. Жизнь и творчество Н.А. Некрасова. — М. : Детская литература, 1981.
12. Котович, А. Духовная цензура в России. (1794—1855). — СПб. : Родник, 1909.
13. «Энциклопедический словарь», начатый проф. И.Е. Андреевским, продолж. под ред. К.К. Арсеньева и засл. проф. Е.Е. Петрушевского. — СПб. : Акц. общ. «Изд. дело». — Брокгауз-Ефрон, 1900.

П.В. Акульшин

г. Рязань

Теория «официальной народности» как отражение реформаторских тенденций в политической мысли России первой трети XIX века

Традиционно создателем теории «официальной народности» считается С.С. Уваров. Но он не являлся ее единственным творцом. Она стала итогом длительного осмысления правящей элиты Российской империи как идей крупнейших отечественных и европейских мыслителей, так и опыта правительственной практики первых десятилетий XIX в.

Непосредственное появление теории «официальной народности» связано с группой литераторов, создавших в 1815 г. литера-

турный кружок «Арзамас». В его состав входили такие заметные деятели, как Д.Н. Блудов, князь П.А. Вяземский, Д.В. Дашков, С.С. Уваров, ставшие крупными государственными деятелями второй трети XIX в. Можно вполне согласиться с мнением историка начала XX в. Е.И. Тарасова: «Этот кружок (членов «Арзамаса» — П.А.) несколько позже — в 30-х гг. — сыграл в истории русской общественности важную роль: он вдохновил своей идеологией императора Николая I, он же создавал его правительственную идеологию, так называемую «систему официальной народности», и он же, то есть люди, вышедшие из этого кружка, воспитали будущих славнофилов»¹.

Сформулированные участниками «Арзамаса» принципы стали основополагающим выражением теории «официальной народности». Наиболее полным изложением основ этой доктрины являются три документа, связанные со служебной деятельностью С.С. Уварова в Министерстве народного просвещения в 1830-е гг.: меморандум на имя императора, датированный весной 1832 г., отчет о ревизии в Московском университете 4 декабря 1832 г. и доклад о десятилетии пребывания на посту министра народного просвещения².

Одним из принципов теории «официальной народности» являлось православие, которое отличало Россию как от остальных стран Европы — католических и протестантских, так и от мусульманского Востока. «Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь на похищение одного перла из венца Мономахова», — писал С.С. Уваров³. Второй принцип, воплощающий российское своеобразие, заключался в том, что «самодержавие составляет главное условие существования России. Русский колосс упирается на нем как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных вашего величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных ступенях гражданской жизни, и различествуют в просвещении и в отношении к правительству...»⁴.

К традиционным представлениям о религии и монархии С.С. Уваров добавил еще один пункт, появление которого свидетельствовало о том, что изложенная им доктрина явилась новым этапом в развитии отечественной общественно-политической мысли. «Наряду с этими двумя национальными началами находится и третья, не менее важное и не менее сильное: народность...», — пи-

сал С.С. Уваров. По его мнению, «относительно к народности все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста; члены изменяются по летам, но физиономия меняться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, в особенности к отеческому воспитанию»⁵.

Таким образом, принципы «православие, самодержавие, народность» в трактовке С.С. Уварова подразумевали не только признание отличия России от других стран Европы, но и необходимость постепенного изменения отечественной действительности. Принцип «народности» и являлся воплощением потребности в изменениях, которых неизбежно требует развитие «народного духа».

Создатели теории «официальной народности» выражали растущее национальное самосознание России в идеологических формах, которые были характерны для большинства стран европейского континента. Теория «официальной народности» стала отечественным вариантом новой идеологической парадигмы, которая сменила в первой трети XIX в. ранее господствующие доктрины эпохи Просвещения. Эта система взглядов, получившая название «романтизма», нашла наиболее полное выражение в таких сферах духовной жизни европейских народов, как литература и историческое самосознание. Она же явилась и новым шагом в развитии общественной мысли и политической практики. «Разумности» как господствующему принципу оценок и суждений был противопоставлен другой критерий — соответствие «народному духу».

На формирование взглядов сторонников теории «официальной народности» второй четверти XIX в. значительное влияние оказал ранний немецкий романтизм. Умозрительный рационализм и прагматизм предшествующей эпохи в политической практике эпохи «наполеоновских войн» вырождались в конформизм и откровенный сервилизм многих представителей европейской элиты. Это не могло не породить среди нового поколения реакции, прежде всего, в этической и эстетической форме. Такая тенденция особенно отчетливо проявилась в Пруссии и других германских государствах, переживших в эти годы полосу национального унижения. Власть Наполеона, проводившая вполне прагматичный политический курс, как и деятельность большинства местных правителей, вызывала в интеллектуальной жизни стремление к иррациональному постиже-

нию «духа эпохи и нации», обращению к традиции, которая противостоит бы беспринципному прагматизму⁶.

При всей важности влияния немецкой интеллектуальной традиции на теоретические взгляды «арзамасцев» распространение «романтического» мировоззрения в России не сводилось только к усвоению выработанных германскими мыслителями теоретических представлений. Выдающуюся роль в их формировании на отечественной почве сыграл Н.М. Карамзин, личность и идеи которого оказали решающее влияние на это новое поколение «просвещенной» бюрократии, считающей себя его учениками и последователями. Само по себе появление его грандиозного исторического труда стало важным фактором в определении его современниками своих общественно-политических позиций⁷.

Идеи, которые сформулировали Н.М. Карамзин и ряд немецких мыслителей, получили дальнейшее развитие и осмысление в кругу «арзамасцев». В ходе устного общения и дружеской переписки еще в период существования общества «Арзамас» и были сформулированы непосредственные идеологические основы теории «официальной народности». Свидетельством этого является оценка исторического труда Н.М. Карамзина, сделанная А.И. Тургеневым в феврале 1816 г. в письме к брату Сергею. «Его историю ни с какою сравнить нельзя, потому что он приноровил ее к России, то есть она изымалась из материалов исторических, совершенно свой особенный национальный характер имеющих. Не только это будет истинной начала нашей литературы, но история его *послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического правления и, бог даст, русской возможной конституции* (выделено нами — П.А.). Она объяснит нам понятие о России или, лучше, даст нам оных. Мы узнаем, что мы были, как проходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям»⁸.

Создатели и сторонники теории «официальной народности» из числа «арзамасцев» не призывали остановить преобразования в России и отгородиться от остального мира. Наоборот, они считали реформы и обращение к опыту народов Европы само собой разумеющимся, поскольку это и позволяло раскрыть ее самобытность. Практическая реализация, в их понимании, положений теории «официальной народности» была рассчитана на то, чтобы подготовить Россию к необходимым изменениям и избежать потрясений, подобных европейским событиям конца XVIII — первой половины XIX в. «Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Рос-

сия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере, теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. ... Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория; я надеюсь, что это исполню. Я имею на то добрую волю и политические средства», — заявлял С.С. Уваров ⁹.

Призывая идти в ногу с Европой и общеевропейским просвещением, С.С. Уваров и другие «арзамасцы» выступали против притязаний любой силы на общеевропейскую гегемонию, которая могла бы представить угрозу для самобытного развития России. В свое время такой вызов со стороны военной мощи Наполеоновской империи привел к массовому патриотическому подъему в русском обществе в 1812 г., который, несомненно, повлиял и на формирование теории «официальной народности».

Процесс развития национального самосознания в России не сводился только к тем тенденциям, которые выразила теория «официальной народности». Ощущая себя защитниками «народного духа» России, ее сторонники стремились оградить этот дух от «нравственных» угроз. В этом отношении одной из сложных политических и идеологических проблем, которую непосредственно пришлось решать «просвещенным бюрократам» второй четверти XIX в., было противостояние влиянию польского национального движения и католической церкви в западных районах Российской империи. Сторонниками «теории официальной народности» оно воспринималось как духовная и идеологическая экспансия «полонизма» и «католицизма», которая могла угрожать «народному духу» России, а возможность отпадения части территории поставила бы под угрозу возможность любых преобразований. «Коллективное бессознательное» правящей элиты Российской империи восходило к многовековым традициям российской государственности. Объединение земель вокруг Москвы совпало с падением Константинополя, и на протяжении последующих почти четырех столетий Россия, являясь единственным государством, где господствующей религией было православие, не могла не ощущать свое отличие от западных соседей по конфессиональному принципу ¹⁰.

Основания для опасений за судьбу русской «народности» существовали в виде униатской церкви на территориях, присоединенных по польским разделам губерний, которые воспринимались как исконные русские земли, и проживающего на них польского дворянства, которое рассматривалось как потомки древнерусских кня-

зей и бояр, утративших религию и «народность» предков. Научным обоснованием такого взгляда стали труды одного из сторонников С.С. Уварова, профессора столичного университета Н.Г. Устрялова, до которого Великое княжество Литовское «большинство русских историков рассматривало ... просто как часть исторической Польши»¹¹. В его же исследовании оно представлялось как «западно-русское» государство, которое погибло в силу отсутствия сильной монархической власти и сопротивления экспансии чуждых «народному духу» идей. Свидетельством обоснованности подобных опасений служили попытки католического прозелитизма среди представителей российской аристократии, который был хотя не массовой, но устойчивой тенденцией¹².

Подобный взгляд был подкреплен вспыхнувшим польским восстанием 1830—1831 гг., которое повлекло уничтожение плодов реформаторских усилий эпохи правления Александра I. Помимо конституции и автономии царства Польского, был ликвидирован и Виленский университет, который расценивался как один из главных рассадников оппозиционных идей. То, что было сделано на протяжении трех десятилетий в западных губерниях в области народного просвещения, стало восприниматься как насильственное «ополячивание» этих земель. Оплотом русской «народности» на землях, которые подверглись «польско-католической» экспансии, должен был стать открытый в Киеве в 1834 г. университет Святого Владимира. По замыслу С.С. Уварова «новый университет должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сблизать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа»¹³.

Эти меры сопровождались рядом ограничений и в отношении католического духовенства. Противодействуя этому, римский папа Григорий XVI в 1832 г. публично обвинял российские власти в преследовании католической церкви. Противоречия между российским правительством и папской курией еще более обострились после начала в 1839 г. кампании присоединения униатов к православной церкви. В разрешении этой сложной проблемы активное участие принял Д.Н. Блудов, который был назначен одним из членов «Комитета для рассмотрения дел и предложений, относящихся к отношениям России с Римским двором по духовной части». Итогом деятельности по разрешению конфессиональных противоречий стал договор, определявший отношения между Российской империей и папским престолом, именуемый обычно «конкордат 1847 г.», за-

крепивший признание папы Римского главой российских католиков. Переговоры о его заключении вел на протяжении полугода Д.Н. Блудов при содействии посланника в Риме А.П. Бутенева¹⁴.

В то же время Д.Н. Блудов и С.С. Уваров были достаточно осторожны и пытались найти разумный компромисс между государственными интересами и правом одного из «племен» России на сохранение своей самобытности, которую они в принципе не отрицали. «Этот путь лежит между двумя крайностями: между ультра-русскими, понятными, но бесплодным и бесполезным чувством явного признания к народу, имевшему мало прав на наше сочувствие, и между ультра-европейскою склонностью сделаться в глазах этого народа предметом его слепого энтузиазма. Тут, как и во всех почти действиях государственных, средняя стезя одна являла твердость и обеспечивала успех», — писал С.С. Уваров¹⁵.

Понимание сложности процессов, связанных с пробуждением национального самосознания, было у С.С. Уварова глубже, чем у многих других сановников той эпохи. В этом отношении примечательна его записка «О славянах», представленная императору 8 мая 1847 г. Поводом для составления послужило получение от шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова сообщения о деятельности Кирилло-Мефодиевского общества. Начальник III Отделения трактовал его как относительно безобидный кружок, члены которого стремились лишь распространить кириллицу между всеми славянскими народами и объединить их вокруг престола Российского императора. Министр народного просвещения, однако, считал его более опасным для существующих порядков. Он выделял две трактовки «славянства». «Одно русское, другое нам неприятное... В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и самодержавию»¹⁶. Ко второй, «неприятной», трактовке С.С. Уваров и отнес деятельность членов Кирилло-Мефодиевского общества, для которого «славянство служило только недобросовестною завесою, под коей скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие славянскую, как сильно действующую на сокровенную струну русского сердца»¹⁷.

Эти противопоставления двум крайностям — как полному отказу от преобразований, так и новым тенденциям, которые могут низвергнуть существующие порядки, — определяли позицию государственных деятелей из числа «арзамасцев» в конкретно-политических вопросах. На протяжении второй четверти XIX в. политическая ситуация на континенте все более усложнялась. Важным рубежом и для стран Европы, и для наблюдающих их русских

людей стали революционные события 1848—1849 гг. Новые социальные и политические бури, которые разразились на континенте, вызвали у бывших «арзамасцев» тревогу как за будущее России, так и за судьбу той Европы, которая была им понятна и близка. Их опасения наиболее полно выразил В.А. Жуковский, который являлся свидетелем событий 1848 г. в Германии. В письме к князю П.А. Вяземскому он так излагал свои опасения: «Реформация взбунтовала против ея непосудности (авторитет церкви — П.А.) демократически ум, дав право проверять Откровение, она поколебала веру, а с нею и вся святое. Это святое заменилось языческой мудростью древних: родился дух противоречия: начался мятеж против всякой власти как божественной, так и человеческой»¹⁸. Перспективы дальнейшего развития стран Европы автору письма казались катастрофическими. «Этот мятеж пошел двумя дорогами; на первой уничтожение авторитета церкви произвело рационализм (отвержение божественности Христа), отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога), в заключение атеизм (отвержение бытия Божия); на другой понятия о власти державной, происходящей от Бога, уступило понятию о договоре общественном, из него самодержавие народа, которого первая ступень представительная монархия, вторая ступень демократия, третья ступень социализм и коммунизм, может быть, и четвертая, последняя ступень; уничтожение семейства, а, в следствие того, низведение человечества, освобожденного от всякой обязанности, ограничивающей чем-либо его личную независимость, в достоинство совершенно свободного скотства. Итак, два пункта, к которому ведут и отчасти уже привели сии две дороги: с одной стороны, самодержавие ума человеческого и уничтожение царства Божия, с другой — владычество всех и каждого и уничтожение общества. Между сими двумя крайностями бытия теперь и выбивается из сил образованность западной Европы»¹⁹.

Эти опасения не означали отказа от необходимости преобразований в самой России, которая признавалась авторами и сторонниками теории «официальной народности» в эпоху правления Николая I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тарасов, Е.И. Декабрист Н.И. Тургенев в александровскую эпоху. — Самара, 1923. — С. 228—229. Об литературном обществе «Арзамас» и его членах см.: Сидоров, Е.А. Литературное общество «Арзамас» // Министерство народного просвещения. — 1901. — № 6, 7; Арзамас и арзамасские протоколы. — Л.,

- 1934; Гиллельсон, М.И. Материалы по истории арзамасского братства // Пушкин. Исследования и материалы. — М.; Л., 1962. — Т. IV.; Гиллельсон, М.И. Пушкин и арзамасское братство. — Л., 1974; Гиллельсон, М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. — Л., 1977; Арзамас : сборник. — М., 1994. — Т. 1—2.; Акульшин, П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. — М., 2001.
- ² Акульшин, П.В. Д.В. Дашков в первой четверти XIX в. Формирование общественных взглядов бюрократа эпохи Николая I // Из истории Рязанского края. — Рязань. 1992; Долгих, Е.В. Д.В. Блудов; М.А. Корф (К проблеме ментальности рос. бюрократии первой половины XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1995.
- ³ Уваров, С.С. Меморандум на имя императора, датированный весной 1832 г. // Река времени. — М., 1995. — Кн. 1. — С. 70—72; Уваров, С.С. Отчет о ревизии Московского университета 4 декабря 1832 г...; Уваров, С.С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал Министерства народного просвещения. — 1839. — № 1. — С. 1—36; Уваров, С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. — СПб., 1843; Доклад о десятилетии пребывания на посту министра народного просвещения. Существует мнение, с которым вряд ли можно согласиться, что вообще вся формула «православие, самодержавие, народность» предназначалась для употребления только в рамках ведомства Министерства народного просвещения. См.: Казаков, Н.И. Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст. — М., 1989. — С. 5—37; Уваров, С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. — СПб., 1843. — С. 2.
- ⁴ Там же. — С. 3.
- ⁵ Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. — СПб., 1843. — С. 4.
- ⁶ О влиянии раннего немецкого романтизма на формирование теории «официальной народности» см.: Зорин, А.Л. Идеология «православия—самодержавия—народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России. — М., 1996. — С. 105—126. О пребывании С.С. Уварова в Австрии и Германии, его контактах с интеллектуальными кругами см.: Дурылин, С.Г. Г-жа де Сталь и ее русские отношения ...; Заборов, П.Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX в. // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. — Л., 1972. — С. 168—221. Сходную характеристику развития взглядов С.С. Уварова, хотя преувеличивая, на наш взгляд, степень преклонения перед чужеземными «образцами», дает и американская исследовательница Ц. Виттекер. «Его почти безоговорочное и типично русское преклонение перед иноземными образцами и обычаями сменилось сначала грустным разочарованием, а потом уверенностью, что старый мир, старый режим умирает». (Виттакер, Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. — СПб., 1999. — С. 28). О влиянии идей братьев Шлегелей на отечественную политическую мысль (см. Гросул, В.Я. Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. — М., 2000. — С. 63.
- ⁷ О спорах вокруг этого труда см.: Козлов, В.П. «История государства Российского» Карамзина в оценке современников. — М., 1989.

- ⁸ Тургенев, А.И. Письмо С. И. Тургеневу. 2 марта 1816 г. // Н.И. Тургенев. Письмо к брату С.И. Тургеневу. — М. ; Л., 1936. — С. 12.
- ⁹ Никитенко, А.В. Дневник. — М., 1955. — Т. 1. — С. 43—44.
- ¹⁰ О сложном процессе поиска государственной и национальной идентичности в России и странах Восточной Европы см.: Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. — СПб., 1996; Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII в. — СПб., 1999; Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в). — М., 1999; Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — СПб., 2000.
- ¹¹ Бушкович, П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716—1718) и Н.Г. Устрялов (1845—1859) // Американская русистика. — Самара, 2000. — С. 104. О Н.Г. Устрялове см: Список сочинений покойного академика Н.Г. Устрялова // Записки императорской АН. 1871. — С. 134—138; Устрялов, Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. — № 8. — С. 603—686.
- ¹² Моршкин, И. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. — СПб., 1867—1870. — Ч. 1—2; Спичаков, Л.А. Православие и римское католичество на западной окраине России. — М., 1872; Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. — СПб., 1876. — Т. 1—2; Винтер, Е. Папство и царизм. — М., 1964.
- ¹³ Уваров, С.С. Десятилетие министерства народного просвещения.... — С. 37.
- ¹⁴ Акты и грамоты об устройстве и управлении Римско-католической церкви в империи Российской и Царстве Польском. — СПб., 1849. В литературе договор 1847 г. вошел под названием «конкордат», хотя по церковной терминологии договор римской курии с некатолическим государством должен именоваться «конвенцией». О заключении «конкордата» 1847 г. см.: История русского конкордата // Русский вестник. — 1871. — № 4; Попов, А. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1867 // Вестник Европы. — Т. 1. — С. 23—119, 522—590; Его же. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 // Журнал Министерства народного просвещения. — 1870. — № 1—3, 5—7, 12.
- ¹⁵ Уваров, С.С. Десятилетие ... — С. 41.
- ¹⁶ Уваров, С.С. О славянах // Российский государственный исторический архив. — Ф. 735, канцелярии министра народного просвещения. — Оп. 10. — Д. 193. — Л. 20—21. О трактовке замыслов членов действий членов Кирилло-Мефодиевского общества шефом жандармов и причинах побудивших его считать его политически «безвредным» см.: Зайончковский, П.А. Кирилло-Мефодиевское общество. — М., 1959. — С. 125—130.
- ¹⁷ Там же. — Л. 21.
- ¹⁸ Жуковский, В.А. Письмо князю П.А. Вяземскому, 1848 г. // В.А. Жуковский : собр. соч. ; изд. 7-е. — СПб., 1878. — Т. 6. — С. 165. Впервые опубликовано в: Русском инвалиде. 1848. 21 сентября.
- ¹⁹ Жуковский, В.А. Там же. — С. 165—166.

РАЗДЕЛ III

И.И. Срезневский и историческая лексикография и лексикология

Г.А. Богатова

г. Москва

Заметки о славянской лексикографии. Диалог идей XIX—XX вв. (И.И. Срезневский и О.Н. Трубачёв)

Среди приоритетов национальной культуры есть особая область — создание словарей. Словари — не только хранилища слов. Это тип культурно-исторического творчества народа, отражающий его языковые искания при распространении письменности, контактах с другими языками, культурами, конфессиональными традициями.

Создавая азбуку, Кирилл и Мефодий стремились к тому, чтобы славянские народы могли славить Бога по-славянски. Они проложили путь от буквы к слову: перевели по-славянски Евангелие, богослужебные книги, тщательно отбирая лексику понятную, общую для всех славян, то есть создали наднациональный вариант азбуки и языка, полагая, что общность возьмет верх. В дальнейшем общность и разнообразие славянского мира привели к появлению «редакций», «изводов» старославянского языка, так как шло одновременно формирование языковых особенностей южных, западных и восточных славян. Но и в старославянских текстах уже были различия, отражающие диалектное членение праславянского периода. Так, *пастырь* в восточно-болгарской редакции евангельских сюжетов неизменно записывался как *пастухъ* [6. С. 206], в одних случаях в старославянском тексте была *поневица*, в других — *плащеница* [6. С. 202], *кръчагъ* — *чъванъ* [8. С. 62]. Во всяком случае, распространение христианства вызвало оживление деятельности монастырских скрипториев разных земель. Переписчик мог над от-

дельными неясными для него словами надписать *глоссу* или опустить ее в строку, пометив: сии речь (то есть тоже *слово*): «Жена нача прѣрати кошулю: сии речь рубаху (или ризу)». И *прѣрати* (откуда наше *прачка*) в иных землях заменялось на *мыти, терети, стира-ти*. Так появились первые притекстовые словарики: *глоссарии* или *речники*, «толкования неудобъ познаваемым речем».

При переводе с греческого многозначность слова могла давать параллельные лексемы, предпочитаемые в том или ином случае переводов или глосс: *òikía, òikos* — дом и храм, *ζωή* — живот, жизнь, житие [6. С. 209]. В ранних заимствованиях из германского типа **buku* — *буковь** могли быть морфологические (*църкы* — *церковь*) и иные варианты: *хоруговь* почти всегда заменялось на *знамя, стяг* [8. С. 9]. Стали появляться все более похожие на словари алфавитным расположением слов «*алфавиты иностранным речем*», *вокабуларии* и *азбуковники* (где речь могла идти и о местных, диалектных словах): *покрутарь, хлебникъ; хитонъ* — нешвенная риза, хсва рекше срачица) [1. С. 273] (прототипы нынешних двуязычных словарей), *беседныкы, лексисы и лексиконы, толковники, словотолковники* и, наконец, *словари* (с конца XVII в.).

История становления словарного дела хорошо описана в ряде книг Л.С. Ковтун [1], В.В. Нимчука [2], А.И. Журавского [3] и автора этой статьи, а также в книгах по лексикологии Ф.П. Филина, А.С. Львова, Р.М. Цейтлин, которая взяла эпиграфом к книге слова И.И. Срезневского «Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа».

Словари этого времени преследовали коммуникативные цели. Они содействовали библеизации христианского мира славян, распространению книжно-письменной конфессиональной культуры. Однако вглядываясь в каждое слово, выбирая более близкое и знакомое его народу, его земле, переписчик содействовал также формированию и отражению в письменности народной языковой стилистики, народного языка, народной культуры.

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) высоко оценивал культурную миссию словарей: «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг образованного человека».

...Словари содействуют просвещению всюду так же, как типографии, театры, журналы». Так писал 35-летний Срезневский, первый доктор славянорусской филологии (ЖМНП, 1847 г.) в рецензии на «Словарь русского и церковнославянского языка» 1847 г., принимая лексикографический жезл от Востокова, уже про-

славившегося к тому времени знаменитым «Этимологическим словарасписанием».

Свои наблюдения по закономерностям этимологии Востоков сделал на материале Словаря Академии Российской (САР) 1789 г. в словаре гнездовом (а это, как тогда полагали, приближает к разгадке этимологии корня).

Е.Р. Дашкова считала, что «каждый первый словарь национального языка должен быть этимологическим», но сам объем понятия этимологии во времена Е.Р. Дашковой да и Н.С. Шишкова, много занимавшегося «корнесловием», был неопределен. Этимология (как в греческом «истиннословие») нуждалась в установлении закономерностей фонетического, семантического развития слова не в одном языке, а в сравнении с родственными языками, хотя бы со славянскими. Да и сам И.И. Срезневский, в 1839 г. выезжая в славянские земли, имел в будущих планах создание *этимолого-этнографического общеславянского словаря*, «столь необходимого для успехов в славянском языкознании вообще» [11]. За время путешествия по славянским землям И.И. Срезневский накопил наблюдения за историей славянских языков и диалектов, за работой по составлению словарей, сборников песен, сказок. Он мог сопоставлять и этнографические особенности, литературу славян.

Во вступительной лекции в курс истории и литературы славянских наречий 16 октября 1942 г. Срезневский высказал свое кредо по славянскому вопросу, он отметил: «Еще недавно о славянах или вовсе молчали или говорили будто о племени далеком и недостойном внимания, не связанным никакими узами жизни общественной с другими сильными народами Европы, говорили о них ложь и напраслину, одни их не зная, другие не зная и знать не хотая». Он осмысливал положение и место славян в Европе, разбуженной Отечественной войной 1812 г., когда решалась «судьба целых племен»: «русские утверждали славянский мир Европы, — мир, давший новое направление отношений между кабинетами и народами Европы».

Срезневский показал современное положение славян, не имевших тогда государственной самостоятельности. Они чаще всего «под чужим плащом принимали участие в делах Европы», составляя главную часть народа населения Турции, Австрийской империи и восточной части королевства Прусского с Саксонией. «Император Иосиф мог с минуту колебаться, какому языку — немецкому или славянскому — дать в своей империи перевес, и, однако, все-таки мог решиться оставить его за немцами — за одну десятую

своих подданных... Славяне «мадьярились», «туречились», «итальянились» [11. С. 316].

И вот Россия «доказала Западу, что она может и одна поддерживать равновесие» между Западом и Востоком Европы. Именно сознание величия России разбудило, по мнению И.И. Срезневского, в славянах чувство славянской солидарности: «Все, что могло глубже сочувствовать родству славян западных с русскими, все вздрогнуло и задумалось: русские такие же, как и мы, и сильны своей народностью, нашей общей народностью, а мы, их братья, только в сельской глуши можем говорить нашим языком, и нет у нас литературы, нет голоса между народами Европы» [11. С. 319].

В движении славянского возрождения в 40—50-х гг. XIX в. множились славянские будители и просветители. Чех В. Ганка и серб В. Караджич ознакомили мир с сокровищами песен, сказок, письменных свидетельств, краинец И. Капитар, серболужичанин Ян Смолер, словак П. Шафарик занимались словарной работой, исследовали славянские древности. Я. Колар, Л. Штур, Д. Обрадович, А. Бернолак и другие поэты, общественные деятели много сделали для утверждения славянской взаимности. «Прошли годы, и вопрос о славянстве стал вопросом европейским, славянское дело началось силами самих славян...». В российских университетах открылись кафедры славянской филологии и стали «изучать славянство ученым образом, как один из предметов науки», скреплять чувства мыслью. «Славяне — племя по крайней мере столько же древнее в Европе, как и романское, и германское», изучать славянство — это «долг, налагаемый не только славянским чувством, но и современной образованностью». Такими словами завершил И.И. Срезневский свою вступительную лекцию о славянах в 1842 г.

В Санкт-Петербурге он начал свою марафонскую дистанцию сразу в двух направлениях: обозрении и приведении в известность древнерусских памятников и подготовке древнерусского словаря по письменным источникам. Более 30 лет он посвятил этой работе, полагая, что словарь больше расскажет не только о языке, но и о самом народе. Уже пришло понимание, что словари несут этническую информацию. Они сплывают этнос. Ведь за историей каждого слова начинается история его культуры. Словарь исторически документирует идентификацию нации. Более 30 лет отдал И.И. Срезневский описанию памятников письменности (их более 800) и созданию словаря исторического жанра. В статьях на первые буквы древнерусского словаря он приводит много этимологических и сравнительно-сопоставительных помет не только со сла-

вянскими языками, например, **багръ = багъръ = багръ = багоръ** — червлёный цвет, *purpura*, *πορφύρα*. — ср. перс. *behgâta* — *rubinus*, *carbunculus*, *salix rubra*, гот. *fagrs* — красивый (красный).

В период создания древнерусского словаря он выступает и как теоретик, размышляющий над эшелонированием словарных работ в славянском мире, чтобы можно было в одном словаре («этимолого-этнографическом общеславянском»?) опереться на данные всех славянских языков.

Сегодня исполняется 140 лет со дня публикации работы И.И. Срезневского «*Slavische Lexikographie*» в Баутцене у Я. Смолера в его «*Zentrallblatt Aur Slavische Literatur und Bibliographie*». «Тот, кто намерен издать такой словарь, — писал он — должен иметь под рукой более полное собрание чистых старославянских слов, почерпнутых исключительно из старославянских источников»¹.

Далее Срезневский говорил о важности создания польского, чешского, словацкого словарей, словаря ниже- и верхне-лужицкого наречий, сербского и хорватского языков и древнерусского по письменным источникам, чтобы иметь материал для общеславянского словаря.

Подводя итоги 50-летней деятельности И.И. Срезневского П.В. Васильев, составитель его библиографии, написал: «И.И. Срезневским так много сделано, что смело можно сказать — это одна из звезд первой величины на небосклоне славистики».

«Этимологический словарь русского языка» был завершён блистательным учёным М.Р. Фасмером к 1958 г. к первому послевоенному Московскому съезду славистов. Именно с этого съезда, стрелки часов были переведены на лексику, а через нее — на словари.

¹ С этого его замечания как будто началось наполнение термина «общеславянский» новым смыслом. В XX в. издали капитальный словарь на старославянской, греческо-старославянской и латинско-старославянской карточках: Словарь старославянского языка, напечатанный под ред. И. Курца и З. Гауптовой (Прага). По окончании издания начали печатать Этимологический словарь старославянского языка на этом же словнике. В 1996 г. издан «Старославянский словарь» Р.М. Цейтлин, И. Вечерки и Э. Благовой. Было принято решение Комиссии Международного Комитета славистов о создании Лексикографического описания *общеславянского* литературного (церковнославянского) языка. Название это имеет варианты: *древний общеславянский*, *общеславянский книжный* и др. Можно сказать, что из разных начинаний под этими названиями возник жанр *палеославянской* лексикографии, как пишет А.М. Молдован, ныне председатель Национального Комитета славистов РФ, в сборнике обзоров по исторической и этимологической лексикографии (1970—1980), изданном в Москве в 1986 г. Г.А. Богатовой и О.Н. Трубочёвым по поручению Комиссии по лексикографии МКС.

Небосклон славистики XX в. украшают созвездия лексикографов, выполнивших многотомные работы по историческому и историко-этимологическому описанию отдельных языков, продвигаясь по пути, начертанному И.И. Срезневским, к созданию общеславянского словаря с его особыми задачами. Словари этимологические сыграли тут главную роль: польский — А. Брюкнера, сербский — Скока, нижне- и верхнелужицкий Х. Шустера-Шевца, русского языка М. Фасмера. Делая перевод Фасмера с немецкого на русский, О.Н. Трубочёв выдвинул тип словаря нового поколения, построенного тоже на данных всех славянских языков, открывших жанр «Праславянской лексикографии». Это прорыв в мировой лексикографии, ибо славяне вышли к этому рубежу раньше других языковых групп.

Этот прорыв, это лидерство в XX в. связано с именем академика Олега Николаевича Трубочёва. Главное творение его жизни — «Этимологический словарь славянских языков», исполняемый на данных всех пятнадцати славянских языков в их старом и современном состоянии. Словарь этот выходит с 1974 г. Он реконструирует праславянский лексический фонд (IV—V вв.), чтобы современная наука могла дать ответ на вопрос о прародине славян, об этногенезе славянских народов, их диалектном членении в праславянское время и о праславянском как диалекте индоевропейского языкового состояния. О.Н. Трубочёв издал 30 томов словаря и параллельно на данных словаря написал ряд монографий: «История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя», «Ремесленная терминология древнейших славян», «Этногенез славян». Обветшавшая норманская теория происхождения Руси была просто опрокинута рассмотрением цивилизационных и этногенетических процессов юга (Скифского Причерноморья и Балканского узла, где формировалось индоевропейское пространство) в его труде «Индоарика в Северном Причерноморье». Один перечень трудов и направлений в его лингвоисторических исследованиях заставляет повторить его слова: «Словарь — критерий науки о языке, он дает базу для создания общей теории языкового развития». Этот масштаб деятельности обеспечивала и его специализация этимолога и его личностные данные полиглота.

В статьях последнего десятилетия его жизни имеются ссылки на труды на 53 языках. Его соратники писали о нем как о «целой эпохе в языкознании... в сфере гуманитарного знания второй половины XX века». «Как творческая личность О.Н. Трубочёв представ-

ляет собой поистине целый континент в отечественной науке и культуре. Это один из самых крупных и высоких интеллектов в мировой славистике и смежных проблемах индоевропеистики», — писал доктор филологических наук Л.А. Гиндин в статье, посвященной 50-летию О.Н. Трубачёва.

В этимологической лексикографии славянских стран ныне работают ученые, имена которых должны быть тоже названы, так как они заняты и в журналах, и в мантицах, и других общественных славянских организациях, то есть в славянском движении. Как ученые они создают словари в институтах и академиях, участвуют в дискуссиях на съездах славистов: это В.В. Дубичинский из Харькова, О.В. Прискока из Киева, В.К. Щербин из Минска, И. Немец из Праги (продолжающий исторический словарь чешского языка Яна Гебауера), Винсент Бланар и Ян Доруля из Братиславы, Илона Янышкова из Брно, Желька Финк из Загреба, Александр Лома, Любинко Раденкович, Радмило Мароевич из Белграда, А. Шивиц-Дулар из Любляны и другие ныне маститые слависты. Половина их уже посетила мемориал Измаила Ивановича в селе Срезневе.

Список использованной литературы

1. Ковтун, Л.С. Азбуковники XVI—XVII вв. Старшая разновидность. — Л. : Наука, 1989.
2. Німчук, В.В. Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. — Київ : Наукова думка, 1980.
3. Жураўскі, А.Ў. Тыпы і асаблівасці глосс у «Евангеллі» В.Цяпінскага. — Працы Ін-та мовознаўства АН БССР, 1960. — Вып.7.
4. Богатова, Г.А. Предисловие к изданию «И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка». — М., 1988. — Т. 1: История слова как объект русской исторической лексикографии. — 1 изд. — М., 1984; 2 изд. — М., 2007.
5. Филлин, Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. — М. : Наука, 1972 ; — М. : Комкнига, 2006.
6. Львов, А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. — М., 1966.
7. Цейтлин, Р.М. Старославянский словарь. — М., 1998; Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. — София, 1986.
8. Шаймерденова, Н.Ж. Глоссы как феномен текста. — Алматы, 1977.
9. Срезневский, В.И. Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского (1831—1839). — СПб., 1898.
10. Срезневский, И.И. Литературное оживление западных славян // Современник. — СПб., 1846. — Ч. 42. — № 6.

11. Славянское движение / ред. Г.А. Богатова, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. — М., 1998.
12. Словарь Академии Российской. — СПб., 1789—1794; изд. 2. — М., 2001—2006.

О.В. Фельде

г. Красноярск

Типология историко-терминологических словарей русского языка

К числу актуальных задач отечественной лексикографии относится типология историко-терминологических словарей русского языка, которые мало востребованы читателями и недостаточно известны даже специалистам из-за их труднодоступности и небольших тиражей. Решение этой задачи имеет важное практическое значение, так как, во-первых, позволяет осмыслить путь, пройденный исторической терминологией, во-вторых, прогнозировать ее дальнейшее развитие.

Первый отечественный историко-терминологический словарь «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России» был опубликован во втором издании «Древней российской вивлиотики» в 1791 г. Он положил начало серии исторических отраслевых словарей, в которых было дано толкование древнерусских и старорусских терминов права, судопроизводства, нотной грамоты и т.п. (см.: словари В.М. Ундольского, 1846; Е.П. Карповича, 1874; Н.П. Загоскина, 1875—1876; Я.Г. Северского, 1893 и др.).

Важнейшими признаками словарей историко-терминологического жанра являются их инвентаризационный характер, выраженная культурно-историческая направленность, фиксация специальной лексики минувших эпох в ее развитии (в том числе в пределах одного века), перевод «с русского на русский», то есть толкование средствами современного языка специальных наименований прошлого. В качестве источников таких словарей выступают рукописные и печатные письменные памятники, отражающие становление и развитие науки, культуры, техники, производств и промыслов.

Отечественная историческая терминология представлена относительно небольшим, но разнообразным кругом словарей специальной лексики прошлых эпох.

1. По цели и назначению историко-терминологические словари подразделяются на *лингвистические* (например, «Словарь золотого промысла Российской империи» О.В. Борхвальдт, 1998) и *комбинированные толково-энциклопедические* (например, «Словарь-справочник железнодорожной лексики русского языка XIX в.» С.Д. Ледяевой, 1973).

2. По хронологическому охвату они подразделяются на *диакронические* (например, «Словарь русских исторических терминов от XI в. до 1917 г.» С.Г. Пушкарева, 1970) и *словари специальной лексики одного исторического периода* (например, «Словарь названий мастеровых и служилых людей Уральских горных заводов XVIII в.» Л.А. Шкатовой, 1987).

3. По ареальному признаку различают *региональные историко-терминологические словари* (например, «Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в.» Е.Н. Поляковой, 1972 и др.) и *общерусские историко-терминологические словари* («Терминология русской иконописи» Н.А. Замятиной, 1998 и др.).

4. По объекту лексикографического описания различают:

а) *словари одной терминологической микросистемы* (например, «Терминологический словарь частных актов Московского государства» А.И. Андреева, 1922);

б) *отраслевые и межотраслевые словари* («Словарь оружейно-железодельного производства XVII—XVIII вв.: на материале памятников письменности Тульского края», 1964 и др.);

в) *многоотраслевые словари* («Материалы для терминологического словаря Древней России» Е.Г. Кочина, 1937);

г) *словари специальной лексики одного письменного памятника* («Словарь терминологической лексики «Русской правды» В.Н. Туркина», 1953 и др.);

д) *словари специальной лексики одной языковой личности* (см. словари научных и научно-технических терминов М.В. Ломоносова, подготовленные И.И. Шафрановским, А.В. Хабаковым и др.).

5. По способу расположения материала словари специальной лексики прошлых эпох подразделяются на *алфавитные* («Исторический словарь лесного сплава» Г.Л. Гладилиной, 2007 и др.), *алфавитно-тематические* (словарь Н.А. Замятиной, 1998), *алфавитные с тематическими указателями* (словарь Е.Г. Кочина, 1937), *идеографические* («Материалы для идеографического словаря золота и золотых сплавов» О.В. Борхвальдт, 2000).

6. По особенностям заглавного словарного блока все историко-терминологические словари делятся на *односторонние* (среди них преобладают глоссарии, в большом числе представленные в виде приложений к монографиям, диссертациям по исторической лексикологии и историческому терминоведению), а также *двусторонние*, в которых есть и левая, и правая части. Двусторонние словари классифицируются на *объяснительные* (например, «Материалы для исторического словаря географических терминов» В.С. Картавенко, 1988 и др.), *объяснительные со сведениями пояснительного характера* (например, «Словарь золотого промысла Российской Империи», в которых помимо толкования даны грамматические, стратификационные, ареальные, хронологические и в некоторых случаях этимологические сведения о специальном слове), а также *аспектные* историко-терминологические словари. К числу последних можно отнести «Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX — начала XX в. А.Л. Голованевского» (1995) и «Словарь вхождений заимствованных архитектурных терминов конца XVII—XVIII вв.» Е.А. Барутчевой (1984) и др.

7. По объему словника историко-терминологические словари подразделяются на *относительно полные* (например, в словаре Н.А. Щегловой около 4 тысяч словарных статей); *средние* (в словаре Н.А. Замятиной 693 словарных статьи) и *малые* (в словаре Е.А. Барутчевой всего 69 словарных статей).

Актуальным в настоящее время является создание корпуса текстов, тематически связанных с историей той или иной области человеческих знаний; усиление научного сопровождения исторической терминографии — развитие и совершенствование лингвосточниковедческих и историко-терминологических исследований, разработка теоретических проблем исторического терминоведения. К числу важных задач относится подготовка указателей словарей уже существующих историко-терминологических словарей, переиздание наиболее ценных из них отдельными книгами.

Развитие отечественной исторической терминографии, по нашему мнению, должно идти в двух направлениях: 1) по пути создания серии исторических отраслевых словарей, в которых с максимально возможной полнотой будет отражаться уникальный опыт накопления знаний о мире, фиксироваться процесс формирования русских терминосистем; 2) по пути создания сводных историко-терминологических словарей, которые будут отражать разнообразные достижения наших предков в области материальной и духовной культуры, свидетельствовать о профессиональной картине ми-

ра. Такой масштабный лексикографический проект начат в Красноярске, где группа исследователей приступила к подготовке комплексного диахронического словаря лексики хозяйственного освоения Приенисейской Сибири.

Представляется, что в будущем на первый план выйдут словари, сочетающие в себе энциклопедические и собственно терминологические сведения, словари, в которых будет стерта демаркационная линия между словом и вещью, усилен этнолингвистический и социокультурный фон. Расширение информационного потенциала словарной статьи приведет к расширению круга пользователей словаря и соответственно — к повышению лексикографической культуры народа.

Г.В. Судаков

г. Вологда

Древний русич как лексиколог

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь.

Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова: куплен замок *x казенке*, что в верхней полате, где лежит бумага и свечи (1658 г — Кн. расх. Поместн. Приказа, 296). Примеры такого рода есть в церковном и государственном делопроизводстве, географической литературе, художественных описаниях: *в пекленицах, идеже пекутца хлебы* (XVI в., Стоглав — Тр. Новгород. ГУАК-1, 126); поставил *театрум*, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких комедий, то есть действенных потех (1670 г. — Космография, 384). Функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже указывали на назначение предмета: *Врачебница: дом где лечат*; *Бодец: остен чем волы поганяют* (Бер. 16, 17).

Дополнительно заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии, что подчеркивает социальную значимость этого качества в оценке личности древним русичем: Жил в дворе *поварок* Шестюнка *ести варил* и хлебы пекъ; нанели *дровоза* Нечку Росиху из ысад к варнице *дров придвигати*; *розгребалщикома* дали семь алтын *розгребали* в поле навоз, наймовали *вожелников* *возити навоз в поле* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. — ГАВО. — Ф. 512. — Оп. 1. — № 6. — Л. 49, 49 об., 142 об.).

Оценим другой прием характеристики предмета, также часто употребляемый писцами. Стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы — слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. Писец — создатель текста использовал синонимические наименования (однословные и составные) внутри одного и того же текста в том же или следующем предложении: Да как оне тое рухлядь вынесли *из избы* на двор, и купчина с сыном своим за ними ж за сторожи пошел *ис хором* (1595—98 гг., посол. Тюфякина — Пам. моск.-перс. — 1, 387). Подобные случаи свидетельствуют о стремлении писца и к более точному обозначению реалии, и к разнообразию языковых средств. Последнее обстоятельство было решающим при создании художественного текста, см.: Некий человек *дом* имея великий прилучен же бе стеною ко *хлевинке* убогаго некоего работнаго человека... дивяшеся убогаго *житию*, како в *хижице* своей и в толиком убогом *жителстве* не престанно веселится..., прииде же ко убогому во убогий *домик* его, вопроши жену его... принесох аз мех сребра тайно и привесих во дверех *храмины* твоя (кон. XVII в. — Державина. Великое Зерцало, 347—348). Приведем пример сознательной рефлексии по поводу слов *сенник* — *потклет* в Домострое при описании свадебного чина: И как время приспееет, пошлют от тестя к жениху старшего слугу сказати, что друшка и сваха едутъ с постелею, велите оуказати *сенникъ*, и к которому месту приехати, *а по обычному потклетъ*; и как приедут на дворъ и идут *в сенникъ а по простому в потклет* (XVII в. — Домострой. Заб. 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* — обычное, простое, разговорное.

Этот прием среди прочих активно использовала лексикография той поры, ср. разные приемы определения значения слова в словаре П. Берынды: Гостиница: *домъ гостинныи*; Хранило, храни-

лице, стражь: сторожа, вежа, або башта, где стражь стережет, темница (Бер. 27, 145).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом — подчеркивание его особого признака. Учитывая разнообразие бытовых реалий и иных предметов материальной культуры, множественность их наименований на огромных российских территориях, древнему русичу в интересах общения с жителями других областей приходилось выбирать такие номинативные единицы, в которых легко вычленялся мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранильница, портомойня, столовая — горница столовая, изба кожевная, сарай кирпичной, камидейная полата*. Ср. названия разных хозяйственных построек, образованные с одним и тем же корнем *кон-*: переписать также *в конюшнях лошадей* и *в конюшенных анбарах кореты* (1689 г., наказн. память, Москва — Д. Шакл. — Ш, 170).

Средневековая усадьба русича и в сельской местности, и в городе была непременно обнесена оградой: «кругом озаборено» — так описывается хозяйственный двор Нило-Столбенской пустыни в 1663 г. (КДРС — Кн. пер. Нил. Столб. 86). Ограда входила в состав дворового строения, одним из основных ее элементов были ворота; были, кроме этого, и задворные, и полевые постройки¹. Но ограда не была национальным символом Руси, в Западной Европе или Азии ограды были гораздо крепче: их строили из камня, глины и кирпича, стены поднимали выше человеческого роста. Русские ограды плели из прутьев, делали из тонких стволов деревьев. Они не столько защищали от незваных гостей, сколько преграждали доступ скоту, обозначали границы владения. Конечно, в древности, особенно на севере, бывали ограды и посерьезнее, из толстых стволов деревьев или камня и кирпича. Лексико-семантическая организация тематической группы «названия ограды» была достаточно системной. Формирование ее заняло несколько столетий, а типы оград (и их названий) различались территориально, что зависело от структуры лесных массивов, характерных для того или иного региона.

Прежде всего обратим внимание на наличие родовых наименований, часть из которых выполняла только функцию общего наименования (*городьба, изгорода*), а другие в зависимости от смысла контекста могли варьировать свою роль: то родовые, то видовые (*забор*). Указываются конкретные названия изгородей (*тын, забор,*

¹ Шенников А.А. Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство. — М., 1962. — Т. 143. — С. 66.

замет, острог, частокол, скит), названия элементов, из которых состоит изгородь (*прясло, столб, частокол, жердь, ворота*), названия составных элементов ворот (*верей, калитка, щит*).

Городьба: а *городьбы* около двора в *замете* пять прясел, да две верей новые у ворот лежат (1613 г., купчая, В. Новгород — АС-П, 775). Название **дворовая горожа** — полный дублет *дворовой городьбы*: да *дворовой горожи* трети жеребеи (1636 г., Мценск, отказн. кн. — Южн. отк. 182). См. также *горожа* и *огорожа*: да окол двора *огорожа забор* и жердья что есть какой *горожи* (1691 г., Белев. у. — АЮБ-П, 408—409).

Из конкретных наименований популярны в старорусский период *заборь* и *заметь* как разновидности городьбы. В Великом Новгороде, например, были и *заборы в замет*, и *заметы в забор*, принципиальной разницы между этими типами городьбы не было: *забрати, заметати* имело значение «закладывать доски, жерди в пазы столбов или вставляя между столбами иным образом». Ср.: *городьба* около двора *забирана* в столбах *забором* (1671 г., Н. Новгород — Разгром Разин., 236). Забирали и заметывали не только изгороди, но и стены различных построек, которые следовало «около всего двора забрать и покрыть и сготовить» (1672 г., поручная, Олонец — АЮ, 329).

Заборь — заборишко состоял из прясел (звеньев): около двора *городба в забор*; от улицы ворота и *забор в замет*; около всего двора *замет в забор* (1586 г., В. Новгород — Кн. ям., 47, 56). *Замет*, как и *забор*, состоял из прясел, которые представляли собою стенки между столбами, забранные досками, жердями, бревнами сплошь или с промежутками. Слово **замет** преимуществовало и по частоте, и по началу употребления (в СЛРЯ XI—XVII вв. первая цитата относится к 1559 г., ср. наши данные): двор огаражен *заметам* в столбы (1500 г., Волоколамск — А. феод. земл.-П, 30).

От глагола *заплотити* образовано название бревенчатой ограды-навеса вокруг дворовых построек: **заплот-заплота**. Кроме того, *заплот* — стена постройки, стена между постройками: около двора *заплотины* и с кровлею, и с жердьем, и с повестью (1583 г., Двина — СГКЭ-1, 257); изба да клет с потклетом да *заплот* дворовой (1626 г. — Кн. там. Тур. Острога. Л. 98 об.). Все случаи употребления относятся к концу XVI—XVII вв. и связаны с севернорусской территорией (Важский уезд, Холмогоры, Двинской уезд, Сольвычегодск, Туринский острог). Хорошо известное по церковно-религиозным текстам слово *оплоть* (с отвлеченно-абстрактным значением «защита вообще») в севернорусских текстах приобрело

варианты *оплотъ* — *оплота* и обозначало тот же предмет, что и слово *заплотъ*: оплот круг двора зделать новой (1699 г., Тотем. у. — АХУ-1, 1469); круг двора оплота (1618 г., Двина — АХУ-П, 305).

Наименования изгородей от глагола *городити* (*загорода, изгорода, изогорода, изгородь, оградь-ограда, оградецъ, оградаица, ограждение* (СлРЯ XI—XVII вв., 5—6, 12) широко зафиксированы в XV—XVI вв., но в XVII в. уступают по употребительности *замету, забору, тыну, плетню* (см. иллюстрации в исторических словарях). Добавим отсутствующее в СлРЯ XI—XVII вв. слово *изгородишка*: и *изгородишки* около дворишков обломали (1648 г. чел., Симонов мон. — Дд-Ш, 888).

Москва и Великий Новгород хорошо знали слово *плетень* как название изгороди: было принято двор со стороны улицы загораживать заметом, а заднюю сторону двора прикрывали плетнем, что характеризует и более низкое по сравнению с забором и заметом качество плетневой изгороди: двор оплетен *плетнем* (1510—1511 гг. — А. феод. земл. — 1, 57).

Забор забирали, замет заметывали, плетень плели, а тын тынили, то есть тын сооружали из вбитых в землю бревен, иногда заточенных сверху (ср., например, с частоколом, который набирали из тонких сосновых или березовых кольев, вплетаемых между жердями). Тын был сооружением внушительным по сравнению с плетнем и забором, было несколько типов плетней, иногда одновременно на одной и той же территории: *тын вострой, тын в замет, тын стоячий, тын лежащий*. См.: велел вокруг ямского двора замет заметати или *тын* поставити (1513 г., Москва, гр. вел. кн. Вас. Ив. — ААЭ-1, 126). Укажем географию зафиксированных случаев употребления: Московский уезд, Каширский уезд, Холмогоры, Олонец, Двинской уезд, Белгород, Курск, Короча, Симбирский уезд.

Существовали еще такие редкие типы изгородей как *острогъ* и *скить*: около двора городьба — *острог* ставлен в сосновом лесу (1668 г., Твер. у. — Заб. Дом. быт-1, 443); двор огородить *скитом*; около двора городьба *скиту* дубового (1678 г., Курск, Белгород — Котков. Очерки, 145).

Частокол — это и название типа изгороди, и название материала (частоколина — разновидность тонкой жерди), из которого делается изгородь: а круг двора городьба замет и прясло *частоколу*...а частокульная городьба поломана (1627 г., купчая — Мат. Москвы-П, 619).

Важнейшая часть изгороди — столб, тип изгороди характеризуется именно по наличию столбов (названия типа *изгороди + в столбы, в столбах*): двор огорожен *заметам в столбы* (1500 г., Волоколамск — А. феод. земл. — П, 30). Изгородь состояла из *прясел — звеньев*. Пряслами измерялись частокол, замет, забор; прясла были дощатые и бревенчатые. Слово это описано в СлРЯ XI—XVII вв. (вып. 21, 32), см. еще неучтенный вариант *прясна*: круг двора городба заметом двадцать шесть *прясен*, пять *прясен* неполны (1654 г., Моск. у. — А. гр. распр-П, 265). Зафиксировано в СлРЯ XI—XVII вв. *звено* как элемент забора (вып. 5, 349).

Слово *ворота* не является новацией применительно к изгороди, оно известно в письменности с древнейших времен, в наших материалах зафиксированы названия разновидностей ворот, которые не учтены новейшими словарями: *ворота передние, большие — маленькие, створные — створистые — створчатые, тчанные — щаные; ворота щитом, об одном щиту (о двух щитах, о трех щитах); ворота притвором, ворота с калиткою*. См. : около двора тын вострой дву сажень, *ворота щаные* (1568 г., кн. отпис. — ГКЭ-П, М., 1900, 129). В былинах упоминаются «*ворота стеколчатые*» (кон. XVII в. — Былин. 195). Приведем более ранний, чем в СлРЯ XI—XVII вв., пример с деминутивом: да чуланишко да *воротушка* да кругом двора городба (1652 г., память — Моск. речь, 336). Отсутствует в указанном словаре и слово *воротечка*: ударил он в ворота стеклчатые вострым копьем своим, *воротечка* скочили серед двора и раскололися (кон. XVII в. — Былин., 195). Вероятно, понятия «щит» и «створка» применительно к воротам тождественны, а выражения *ворота щитовые — ворота створчатые* синонимичны. *Ворота тчанные, ворота щаные* — это ворота дощатые.

В севернорусских актах отмечается диалектное для старорусского языка слово *завор*: сь ево Ивашкава двора тое ж лошади следь пошел санми теми же гумны в ынои *заворь* (кон. XVII в., Суздал. у. — Гр-ки, 278).

Приведем пример более раннего, чем в СлРЯ XI—XVII вв., употребления слова *калитка*: ворота створистые с *калиткою*, верей резные (1654 г., В. Новгород, данная — РИБ-У, 112).

Таким образом, необходимость характеризовать предмет побуждала древнерусского писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (рописей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовала торговля, таможенное дело и судопроизводство, родственные

и коммерческие отношения. Самым тщательным образом описывалось любое имущество, вплоть до заплат на одежде. Наиболее актуальными явились три способа описания (и соответственно — именованья) предмета: 1) непосредственное указание на функцию, предназначение предмета; 2) указание на несколько типичных свойств предмета с помощью синонимического ряда; 3) указание на самое характерное свойство предмета через мотивировочный признак наименования. Во всех этих случаях писец должен был и этнографически подробно описать предмет, и, по возможности, точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете.

Д.А. Романов
г. Тула

Феномен *comme il faut*

Выражение *comme il faut* имеет в русском языке интересную и во многом парадоксальную историю. Можно сказать, что его судьба представляет собой феномен не столько языковой, сколько культурный и социальный, так как приход выражения *comme il faut* в русский язык, бурный всплеск его употребления и исчезновение из активного словарного состава связаны отнюдь не с механизмами развития языка, а с экстралингвистическими факторами. Отчасти данное выражение позволяет ответить на вопрос, волнующий культурных людей России начала XXI в.: так ли сильны заимствования, отвоевывающие себе почти неограниченные пространства в языке и становящиеся чрезмерно популярными, даже навязчивыми?

С языковой единицей *comme il faut* связано сразу несколько парадоксов. Во-первых, **парадокс лексикографической фиксации**. В представлении русского человека *comme il faut* — слово или все-таки выражение (словосочетание)? Казалось бы, ответ бесспорен — выражение. Однако ни один фразеологический словарь, призванный фиксировать подобного рода устойчивые конструкции, не включает в свой состав этой единицы: ни словарь под редакцией А.И. Молоткова (1994), ни словарь А.И. Федорова (1997), ни словарь авторской группы А.Н. Тихонова (2000), ни «Словарь крылатых слов и выражений» Н.С. и М.Г. Ашукиных (1966); не упомянуто оно и в историко-этимологическом справочнике «Словарь рус-

ской фразеологии» под редакцией В.М. Мокиенко (2001). Парадоксально, что и это вполне понятно: все названные источники аккумулируют лишь русскую фразеологию (во всяком случае, зафиксированную в русской графике). *А comme il faut* — выражение французское, прежде всего по форме. Тем не менее нельзя не учитывать тот факт, что это выражение было настолько распространено в русской культурной традиции XIX — начала XX в., что без него невозможно представить фразеологии этой эпохи (понимая под фразеологией не только устойчивые сочетания слов, но и вообще язык определенного, значимого для общества — образованного круга людей).

Таким образом, как выражение *comme il faut* графически не освоено (всегда во французском написании), то есть не является русским, а как слово (*комильфо*) оно не может входить во фразеологический словарь. О толковых словарях речь пойдет чуть позже, но и здесь *комильфо* редко находится место. Так одна из самых частотных в русском литературном языке XIX в. единиц оказывается изгоем лексикографии.

Во-вторых, **парадокс освоения**. Можно ли считать это выражение освоенным русским языком? Однозначно ответить нельзя. Фонетически оно вполне освоено: в нем нет никаких особых звуков, например, тех, о которых говорил Е.Д. Поливанов [6. С. 225—235], выходящих за рамки русской фонетики, отсюда и возможность его свободного употребления и русского написания. Графически и грамматически оно не освоено, потому что гораздо чаще функционировало во французском варианте, а грамматически не только не изменялось, но и колебалось в частеречной природе (прилагательное, существительное, наречие, категория состояния) и в родовой принадлежности (употреблялось при согласовании во всех трех родах).

В-третьих, **парадокс современного языкового статуса**. Каково место этого слова или выражения в современном русском языке? На первый взгляд кажется, что *comme il faut* входит в число устаревших единиц. Но оно не является при этом редким или забытым («Словарь редких и забытых слов» В.П. Сомова (2003) справедливо его не фиксирует). Для образованных людей оно не может считаться архаичным, хотя совершенно непонятно людям малоначтанным и малокультурным. Для последних *comme il faut* — абсолютный архаизм и в смысловом отношении, вероятно, заменено словом *модный* (*модно*) и так популярным сейчас в определенной среде *гламурный* (*гламурно*).

Однозначно разрешить названные три парадокса невозможно, но мы попытаемся представить на суд читателей мысли по этому поводу.

Как уже говорилось, выражение *comme il faut* знакомо сейчас только образованным и сведущим в русской литературе XIX в. людям. Для большинства из них это выражение — в первую очередь фрагмент XIV строфы Восьмой главы «Евгения Онегина» о светской Татьяне: «Она казалась верный снимок // Du comme il faut ... (Шишков, прости: // Не знаю, как перевести.). У Пушкина, очевидно, вообще одно из первых употреблений этого выражения в русской литературе, которое положило начало стремительному и решительному его вхождению в русский язык. Параллельно с А.С. Пушкиным, то есть в конце 20-х — начале 30-х гг. позапрошлого века, выражение *comme il faut*, по данным А.М. Бабкина и В.В. Шендецова (1994), употребляли В.А. Жуковский, П.А. Катенин и Н.А. Полевой. Несколько позднее — К.С. Аксаков, А.И. Герцен, В.Г. Белинский. А во второй половине века — все крупнейшие литераторы и общественные деятели: И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Д.И. Писарев, А.И. Григорьев, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов, А.Ф. Кони, Г.В. Плеханов, А.В. Луначарский. У отдельных писателей это выражение составляет целый цикл употреблений, с акцентом на который соотнобразуются смысл и идея произведения. Таковы, например, статья В.Г. Белинского «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя"», повесть Л.Н. Толстого «Юность», Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон». Можно сказать, что пик популярности этого выражения пришелся на 30—90-е гг. XIX в.

Из современных словарей наиболее обширную справку об этом выражении дает «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода». Его авторы А.М. Бабкин и В.В. Шендецов выделяют у этого выражения шесть основных значений. Приведем их в сокращенном виде (без иллюстраций): 1. Как нужно, как необходимо; исправно (в функции наречия или категории состояния); 2. Настоящий, доподлинный (в функции прилагательного-определения при существительном); 3. Порядочный (в роли прилагательного-определения при существительном); с этим значением связан фразеологизм — человек *comme il faut* и два семантических оттенка а) благовоспитанный, б) светский, принадлежащий к хорошему обществу; 4. Приличный (в роли прилагательного-определения); 5. Порядочность, благовоспитанность, светскость (в роли существительного); с этим значением соотносится

фразеологизм — *салонное или безукоризненное comme il faut*; 6. Порядочно, прилично (в функции наречия или категории состояния) [1. Т. 1. С. 273—276].

Богатейший иллюстративный материал, представленный в названном словаре, и подробные семантически дефиниции не исчерпывают всех оттенков значений и особенностей употребления *comme il faut*, что свидетельствует о чрезвычайной популярности этого выражения и его семантическом обрусении в дворянской и интеллигентской (образованной) среде второй половины XIX в. Так, при значениях «светский», «принадлежащий к хорошему обществу» и «светскость» не указана возможная отрицательная коннотация, которую придавали этому выражению многие литераторы, в частности, «зрелый» Л.Н. Толстой. У «раннего» Л.Н. Толстого выражение *comme il faut* не несет отрицательной оценочности (так оно употребляется целым циклом в повести «Юность»), о большом значении самого понятия *comme il faut* для молодого графа вспоминает в своей известной книге свояченица Толстого Т.А. Кузьминская [4]. Позднее, переоценив многие идеалы молодости, Л.Н. Толстой с иронией и духовным отторжением относился к понятию *comme il faut*, которое стало для него символом внешнего лоска, наносного позерства, притворства и фальши, не проникающего в душу салонного великосветского приличия. Так, уже в «Войне и мире» (1860-е гг.) глазами Наташи Ростовой Толстой видит все названные качества в Борисе Друбецком: «Мундир, шпоры, галстук, прическа Бориса — все это было самое модное и *comme il faut*. Это сейчас заметила Наташа. Он сидел немножко боком на кресле, <...> говорил с особенным, утонченным поджатием губ об увеселениях высшего петербургского света...» [11. Т. 5. С. 212].

Отрицательная коннотация *comme il faut* в произведениях Л.Н. Толстого 70—80-х гг. еще более усилилась. Например, главный герой повести «Смерть Ивана Ильича» (1886) был «*comme il faut*»-ным, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни...» [11. Т. 12. С. 68] человеком, что привело его в итоге к духовному обнищанию и краху.

Необходимо отметить, что подобная же отрицательная оценочность проявляется при употреблении этого выражения Ф.М. Достоевским в «Дядюшкином сне», А.П. Чеховым в речи Аркадиной из «Чайки», М.Е. Салтыковым-Щедринным в «Приезде ревизора» из «Невинных рассказов».

Таким образом, французское выражение *comme il faut* было не просто семантически освоено русским языком, а имело многосту-

пенчатую структуру значений, разный грамматический статус, колебания в роде, различную оценочность: от положительной до презрительно-отрицательной, то есть оно напоминало многие из англоязычных заимствований, которыми пестрит современный русский язык. При этом графически *comme il faut* чаще употреблялось во французском написании.

По данным БАСа [8. Т. 5. С. 1234], русский вариант *комильфо* впервые зафиксирован в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» под редакцией Ф. Толля и В.Р. Зотова (1864), а затем и в академическом словаре Шахматова-Грота (1912), то есть можно сказать, что во второй половине XIX в. выражение *comme il faut* стало функционировать и как русское слово *комильфо*. От этого слова на русской почве образовалось прилагательное *комильфотный* и наречие *комильфотно*, которые также были достаточно распространены. Об этом свидетельствует тот факт, что И.А. Бодуэн де Куртене счел необходимым включить слово *комильфотный* («приличный, элегантный») в третье издание словаря В.И. Даля [2. Т. 2. С. 372]. В русском и французском написаниях эту единицу приводит М.И. Михельсон [5. Т. 1. С. 447]. Словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии...» — единственный из фразеологических словарей и справочников, фиксирующий это выражение.

Каков же статус этого слова в современном русском языке? По данным «Сводного словаря современной русской лексики» [7. Т. 1. С. 485], слово *комильфо* присутствует далеко не во всех толковых словарях последних 70-ти лет. Его фиксирует словарь под редакцией Д.Н. Ушакова, БАС, Большая Советская энциклопедия и Словарь иностранных слов. Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова не трактует это слово как устаревшее, а дает ему классовую оценку: «В дворянско-буржуазной среде — о том, кто вполне благовоспитан, о том, что отвечает правилам светского приличия» [10. Т. 1. С. 1420—1421]. А вот слово *комильфотный* подается здесь как разговорное и устаревшее.

БАС [8. Т. 5. С. 1234] фиксирует все три русских слова: *комильфо*, *комильфотность*, *комильфотный*, — давая к ним помету «устаревшее». В МАСе данные лексемы уже не приводятся как вышедшие из употребления: они не зафиксированы ни в первом (1957—1961), ни во втором, исправленном и дополненном издании (1981—1984).

На этом можно было бы закончить обзор отечественных лексикографических источников с точки зрения отражения в них единицы *comme il faut* (комильфо), заключив, что она и ее производные устарели уже к 1960-м гг. XX в. и в активном словарном составе не употребляются, являясь культурными экзотизмами и атрибутом литературных текстов позапрошлого века. Но здесь возникает новый парадокс.

Активно развивающаяся лексикография конца XX — начала XXI в. вновь начинает фиксировать это слово. Так, толково-словообразовательный «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [3. Т. 1. С. 696] приводит два слова *комильфо* как омонимы — существительное и прилагательное. Существительное («тот, кто соответствует правилам светского приличия») с разъяснением — «обычно о мужчине» (хотя известно, что слово колебалось в роде); прилагательное — со значением «соответствующий светским приличиям». Обе словарные статьи снабжены пометой «устаревшее».

«Современный толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [9. С. 280], приводя два значения слова *комильфо*: «1) в знач. прил.: светский утонченный, изысканный; 2) в знач. нареч.: как требуют приличия, как подобает в изысканном обществе», — трактует первое значение как книжное, а не как устаревшее. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией того же С.А. Кузнецова (2003) слово *комильфо* вообще не фиксируется.

Получается, что в «Современном толковом словаре русского языка» это слово присутствует, а в «Большом толковом словаре русского языка» (курсив наш. — Д.Р.) его нет. Подобный разноречивый объясним неопределенным статусом единицы *comme il faut* (*комильфо*) в современном русском языке. Полагаем, что исключать ее из словарного состава неправильно, но необходимо давать при ней точную помету. Вероятнее всего в «Современном толковом словаре» найдено верное решение. Это выражение (неосвоенное) и слово (графически освоенное) являются именно книжными: они не носят печать архаики, но доступны и вняты лишь людям образованным. Это единицы русской культурной традиции.

В чем же причина спада в употреблении *comme il faut* в русском языке XX в.? Ведь еще в конце XIX в. оно было на пике своего развития и освоения? Причина этого только социальная — Октябрьская революция. Слово *комильфо* было насильственно изгна-

но из языка как дворянски-буржуазное (вспомним трактовку словаря под ред. Д.Н. Ушакова 1935 г.). Оно, образно говоря, уехало за границу вместе с первой волной эмиграции и ушло в глубокое подполье, опасаясь репрессий в советской России. Новому правящему классу это слово было не нужно, как и обозначаемые им понятия, а литература изучалась отныне не слишком прилежно. Выражение *comme il faut* было отправлено в комментарии и сноски изданий писателей-классиков. В перестроечные и постперестроечные годы оно уже не возродилось, как не вернулось в жизнь и само содержание *comme il faut*.

Значит, оба варианта — выражение *comme il faut* и слово *комильфо* — а также собственно русские *комильфотный* и *комильфотно* являются в настоящий момент исключительно атрибутом языковой культуры, ярко иллюстрирующим социально-политическую зависимость развития языка и далеко не прямолинейную, прихотливую судьбу заимствований в нем.

Список использованной литературы

1. Бабкин, А.М.. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода : в 3 т. / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. — СПб., 1994.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1994. (Репринт 1903—1909 гг.).
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М., 2001.
4. Кузьминская, Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. — М., 1986.
5. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. — М., 1994. (Репринт 1902—1903 гг.).
6. Поливанов, Е.Д. Фонетика интеллигентского языка // Статьи по общему языкознанию. — М., 1968.
7. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р.П. Рогожниковой. — М., 1991.
8. Словарь современного русского литературного языка (БАС) : в 17 т. — М. ; Л., 1956. — Т. 5.
9. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. — СПб., 2004.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1935—1940.
11. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений : в 20 т. — М., 1962. — Т. 5 ; М., 1964. — Т. 12.

Т.С. Коготкова

г. Москва

Рязанская областная лексикография — обзор и комментарии

1. Интерес к народно-разговорной речи разных местностей России проявился давно, задолго до того как сформировалась сама научная дисциплина — диалектология. В различных обозрениях по лексикографии русского языка отмечаются собрания местных слов и выражений уже в XVIII в. Первое издание лексики Рязанской земли принадлежит писателю и этнографу первой половины XIX в. М.Н. Макарову. В списке его трудов есть «Краткая записка о некоторых достопамятностях рязанских и пронских». В них, как и в «Письмах из Мещеры», он подробно анализирует семантические модификации отдельных рязанских слов и их происхождение.

2. С середины XIX в. складывается академическая областная лексикография. Она связана с именами академиков А.Х. Востокова и И.И. Срезневского. Академик И.И. Срезневский исходил из основополагающего признания связи языка и народа. В народной речи заключена вся жизнь ее создателя — народа. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может», — таково афористичное суждение академика.

Вышедшие в свет «Опыт областного великорусского словаря» (Спб., 1852) и «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» (Спб., 1858), а также «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля в 4-х томах (М., 1863) включали в состав своих словников рязанскую лексику.

3. Областные словари (далее — ОС) конца XIX и начала XX в. связаны с фиксацией местной лексики на отдельных территориях. Преимущественно это былосеверное наречие.

В это же время обособляется и формируется диалектология как особая лингвистическая дисциплина, задачи и проблемы которой не сводятся лишь к одному лексикографическому описанию народных говоров. Содержательное наполнение лексических материалов в ОС того времени и по составу словников, и по пространно-энциклопедическим толкованиям слов в них отражало уровень развития начального этапа диалектологии. Диалектология воспринималась как вспомогательная дисциплина, стоящая на службе этнографии, народоведения и истории русского языка.

4. Дальнейшее развитие лексикографии останавливается на несколько десятилетий, ибо само изучение народных говоров в этот период подчинено другой всеобъемлющей задаче науки — лингвистической географии. Лексикографические труды в это время представлены лишь отдельными изданиями (А.В. Миртов «Донской словарь». Ростов-на-Дону, 1929).

5. Новейший период русской областной лексикографии относится уже ко второй половине XX в. К этому времени завершился сбор языковых материалов для диалектологических атласов, на повестку дня науки вновь встала задача составления ОС. Лексика южного наречия, как известно, почти совсем не подвергалась лексикографическому описанию.

6. Задачи новейшей областной лексикографии значительно видоизменились. Во-первых, изменилась языковая структура современных народных говоров, вследствие чего другим стал сам объект описания в современных ОС — лексика. Словарный состав современного диалекта значительно продвинулся к нормализованному литературному языку. Это не только слова старинные, традиционные, но и в значительной степени заимствования из общенародного литературного языка или новообразования в соответствии с новыми внеязыковыми реалиями. Во-вторых, изменилась сама лингвистическая наука. К середине XX в. в языкознании установился тот научный взгляд на любой естественный язык (в том числе и диалект) как на сложившуюся систему, элементы и составляющие которой находятся в связях и отношениях друг с другом, образуя тем самым системное единство и целостность. По убеждению многих ученых, ОС должен был отразить системность в лексике. Списки этнографизмов или сугубо местных сельских номинаций эту системность не смогли бы репрезентировать.

7. Становление новейшей областной лексикографии сопровождалось активными (бурными) дискуссиями. Многие теоретические концепции и практические лексикографические приемы складывались в самый разгар словарно-составительской работы. Нередко принятые в науке положения подвергались переосмыслению и пересмотру. Поводом для этого служил сам собранный в говоре лексический материал в его живом и неспровоцированном функционировании. Так, рядом с типами дифференциального и полного областного словаря появился тип полудифференциального областного словаря (Деулинский словарь).

Широкому обсуждению в научной печати как в центральных лингвистических изданиях, так и на местах, а также на регулярных

конференциях подвергались такие вопросы и проблемы, как отбор слов в словарь; лексикографируемая территория; методика наблюдения за диалектной речью; методика организации картотек и многое другое.

Каждый ОС должен был ответить на эти и многие другие вопросы уже в тексте.

Все новейшие ОС распределяются по разным этапам в зависимости от принципов, положенных в основу их создания.

8. Современные ОС, посвященные рязанским говорам:

1. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). — М. : Наука, 1969 (Деулинский словарь).

2. Ванюшечкин, В.Т. Словарь русских говоров Рязанской Мещеры. А — Н. Материалы по русской диалектологии : учебное пособие. — Воронеж, 1983. — 275 с.

3. Как дополнения к Деулинскому словарю в сборнике «Лингвистическое краеведение Рязанской области: Исследования и материалы» (Рязань, 1995) помещена статья В.В. Плешаковой «Мотивированные названия обрядовых действий в говоре деревни Деулино Рязанского района Рязанской области (дополнение к Деулинскому словарю).

Г.В. Звездова

г. Липецк

Историческая словообразовательная динамика и разведение сакрального / реального в древнерусской лексике (на материале Словаря И.И. Срезневского)

Современное словообразование, развивая в первую очередь лучшие традиции Казанской лингвистической школы, исходит из идеи триады: «статика — динамика — история». При этом *слово* рассматривается как процесс (А.А. Потебня), как явление «текущее и переходное» (Е.Д. Поливанов), что вполне соответствует современной ориентации науки на языковую динамику, которая включает в себя синхроническое функционирование в единстве с историческим развитием.

Вместе с тем, современная концептуальная лингвистика, развивающая идеи В. Гумбольдта, А.А. Потебни, обращает внимание на духовную часть содержания слова, включающую реальные и сакральные смыслы.

Соединение того и иного подходов позволяет не только глубже рассмотреть развитие семантики в группе слов, объединенной общими словообразовательными отношениями, но и выявить черты русской языковой картины мира.

Богатейший материал в этом плане дает нам прежде всего Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского, его дополняют и уточняют данные Словаря русского языка XI—XVII вв. Последний оказывает неоценимую помощь при выстраивании наиболее полной картины развития семантики древнего слова, так или иначе отраженной в живом народном языке (Словарь В.И. Даля).

Закон «морфологической адсорбции» (Н. Крушевский) сейчас не только явно доказуем языковыми фактами, но вполне обосновывается теорией информации, получая внутриязыковую мотивацию при изучении развития динамических процессов в историческом словообразовании. Иллюстрацией к последним является процесс развития сложных деривационных элементов. Возникновение их в первую очередь связано с известной особенностью распределения морфонологических единиц в системе индоевропейского, праславянского и древнерусского языка (Мейе (1985), Варбот (1969) и др.).

Наибольший интерес в этом отношении представляют имена существительные с продуктивнейшим суффиксом *-ьникъ / -ьница*, которые вместе с именами на *-(е)никъ / -(е)ница* занимали значительное место в системе древнерусского языка. «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского фиксируют свыше 1 400 таких образований.

Анализ словообразовательных гнезд имен на *-ьникъ* и *-(е)никъ* показывает, что последнее звено этих цепей в древнерусском языке обнаруживает часто тесную связь (структурную и семантическую) с прилагательными и причастиями (*речьными — речьникъ, трудными — трудникъ, прощеными — прощеникъ*). Одновременно существовала тесная семантическая связь этих имен с отглагольными корневыми именами, соотнесенными часто с глаголами либо непосредственно они соотносились с глаголами в случае отпричастных образований (*блудити — блудъ — блудный — блудникъ; изрѣзати — изрѣзаникъ* и т.д.).

Дальнейшее развитие семантических отношений в подобных словообразовательных гнездах подготовило условия для производства рассматриваемых *nomina agentis* от имен и глаголов (*чаша* — *чашьникъ*, *приходити* — *приходьникъ*) и появления вследствие этого сложных деривационных элементов *-ьникъ* и *-(е)никъ*.

Важно, что рассматриваемая группа лексики подтверждает также характер древнерусского слова, которое исконно в своей семантике несло одновременно физически-реальный и духовно-сакральный смысл, выражая отношение русского человека к вечному и сущему.

Динамика словообразовательных отношений в этой группе лексики нередко сопровождается динамикой объема значения производящей и производной основ в плане выражения сакрального и реального. При образовании имен на *-ьникъ*, *-(е)никъ* происходит снятие сакрального значения с древнерусской синкреты и разведение его с реально-физическим: *затворитис* > — *затворь* — *затворьнии* — *затворьникъ* и т.д.

Т.А. Воронина

г. Москва

Лексика поста в контексте русской православной культуры

Соблюдение постов характерно для многих религий, но у разных народов практика воздержания имеет свои особенности. На Руси традиция соблюдать посты берет свое начало со времени официального принятия христианства в 988 г., когда был введен церковный устав, включавший предписания относительно многодневных и однодневных постов, получивших к этому времени уже повсеместное распространение на всем Православном Востоке. Помимо духовных целей, поститься означало ограничивать пищу животного происхождения: мясные, молочные блюда, яйца, а иногда и рыбу и есть только растительную пищу в строго установленные дни православного календаря. Таким образом, питание в течение года практически разделялось на собственно *пост* и *мясоед* — дни, когда употребление мяса не ограничивалось. Чтобы нагляднее представить, какое место занимают посты в народной жизни, достаточно сказать, что из 365/6 календарных дней года на посты приходится

более 200 дней, то есть большая часть года. Такое значительное число постных дней не могло не отложиться на повседневной лексике и фразеологии русского народа, поэтому целью статьи является выявление основных слов, связанных с практикой поста, и их производных на основе привлечения архивных и опубликованных данных.

Исследователи считают, что само слово *пост* было заимствовано у других народов, уже соблюдавших посты. Так, М. Фасмер, обратившись к его этимологии, обнаружил параллели в западноевропейских языках. По его мнению, слово скорее всего было заимствовано русскими от старо-немецкого *fasto* [1].

Упоминание о постах можно обнаружить в «Повести временных лет» (начало XII в.), в которой говорилось, что когда в 1051 г. игуменом монастыря был поставлен преподобный Феодосий, то «он стал вводить воздержание и строгие посты» [2. С. 307, 323—324, 326, 328].

Слова *пост*, *поститься*, *постный* и их производные в древнерусском лексиконе употреблялись наравне со словами *говейно*, *говеть*, *говейный*, *говейник* и др. Интересно, что корень этих слов прослеживается и в санскрите: *go* — «речь», в духовном смысле слова, *hava* — «жертвоприношение», *gu* — «жертвователи». Значение этих составляющих наводит на мысль, что в еще в глубокой древности говение состояло в молитвах, соединенных с жертвоприношением [3. Стб. 365—354].

Нередко из-за отсутствия календаря тот или иной многодневный пост служил указанием на дату события. В летописях довольно часто указывается время года со ссылкой на какой-либо пост: «В Великое говейно, на похвалной недели» (Новгородская вторая летопись) [4. Стб. 531—532].

Сведения о практике поста содержат памятники древнерусского канонического права XI—XV вв., включающие канонические ответы, поучения и послания русских пастырей — митрополитов, епархиальных архиереев и прочих духовных лиц, грамоты и постановления константинопольских патриархов по делам Русской Церкви и другие документы. Будучи большей частью рукописными, они получили широкую известность позднее, когда стало возможным объединить и опубликовать их в печатных сборниках. В «Заповеди митрополита Георгия» (XI в.) есть указание на то, как питались миряне в постные дни в зависимости от их имущественного состояния, что разрешалось есть больным и маленьким детям. В «Поучении духовника исповедающимся» (XIII в.) указаны сроки

и характер пищи для прихожан. Многие поучения церковных иерархов напоминали о запрете есть скоромную пищу в день Преображения Господня, в течение Успенского поста, в канун Рождества Христова, в среду и пятницу. Об этом говорится в «Правиле» Киево-Владимирского митрополита Максима (XIII в.) и других памятниках [5]. В «Вопрошаниях Кирика» владыка Нифонт, ссылаясь на заповедь святого Иоанна Постника, не велел давать причастие тем, кто в Великий пост не удержался от грехов, советуя им *«жити в посте и не имети гнева ни на когоже, сухо ясти через день, а не пити, ни словес праздных молвити»* [5. Стб. 21—57]. О соблюдении постов свидетельствует «Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру», написанное в виде поучения [6. С. 1080—1085], «Петра недостойного сказание о посте» из «Сборника поучений» (XII в.) [4. С. 41].

Среди соборных постановлений следует упомянуть «Грамоту константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому» (1160), в которой патриарх писал русскому князю: *«... яко аще прилучится Господьский праздник Рож(д)ества Христова и Богоявления в среду или в пяток, разрешает епископ мирских ясти мясо и вся, иноких же — млеко, и масло кравие (коровье — Т.В.), и сыр, и яйца»* и т.д. [5. Стб. 73—74]. Существительное *говейно* чаще встречалось в сочетании со словом *Великое*: *«Отъяша Новгородци посадничьство у Андрея Климовича... в Великое говение»* (Новгородская первая летопись). В летописях встречалось «Филиппово говение» (Ипатьевская летопись) и «Петрово говение» (Псковская первая летопись). В «Жалованной грамоте великого князя Василия Троице-Сергиеву монастырю» (1453) есть еще одна отсылка на Петров пост: *«И пристав мои им даст два срока в году, на сбор да другой срок угоев Петрова говейна неделю»* [4. Стб. 531—533].

По церковному уставу в *говейно* возбранялось венчаться, поэтому великокняжеские и царские свадьбы всегда приурочивались к «Великоденскому» (перед Великим постом) и Рождественскому (перед Рождественским постом) мясоедам [7. С. 5, 32, 36]. Из истории брачных контрактов известно, что свадебное делопроизводство обычно начиналось со сговорной записи, заключавшейся сторонами во время сватовства до начала поста [8. С. 6].

Слово *говейно* присутствует в «Хождении» купца Афанасия Никитина «за три моря», который отправился торговать в середине XV в. Очутившись далеко за пределами родины, в «Индийской земле», он потерял счет времени, но вспомнил: *«Уже проидоша четы-*

ре великыя говейна и четыре проидоша великыя дни; аз же грешный не ведаю, что есть великий день или говейно» [9].

Глагол *говети* (*говую, говлю*) в древнерусском языке означал также благоговеть: «*Устави женам за един муж посагати и ходити говеющее*» (Ипатьевская летопись). Этот же глагол означал воздерживаться от чего-либо [4. Стб. 533].

И.И. Срезневский приводит несколько значений глагола *постити* (*пощу*). Во-первых, он означал «воздерживаться»: «*Постяся человек от грех своих и пакы ходя и то жде творя, мольбу его кто услышит*» (XI в.). Второе значение слова *постити* — «поститься, постничать»: «*Не предано постити, но чрез вся та неделя мясо ясти*» (Поучение митрополита Фотия, 1431 г.). В-третьих, *постити* означало также «воздерживаться от пищи, лишать себя пищи»: «*Пощься дьни и ноци, послед взалка*» (Остромирово Евангелие); в-четвертых, — «поститься»: «*Страстная неделя уставлена есть поститися страсти ради Господень*» (Повесть временных лет); в-пятых, — «совершать обряд очищения»: «*Обретоша мя постившаяся в церкви*» (Деяния. 24, 18) [4. Стб. 1263—1264].

Постной пище противопоставлялась непостная пища, что нашло отражение в существительном *скором*, означавшем жир, масло, скоромную пищу: «*Черньца в скиму постригав, не дах ясти скорома до осмаго дни*» (Вопрошание Кирика). Соответственно прилагательное *скоромный* означало запрещенную во время поста пищу: «*Говел есми, ничего скоромного, никакыя яствы бесерменьскыя, а ял есми все по двожды днем*» (Афанасий Никитин) [4. Стб. 381—382].

Для изучения семантической оппозиции «постное — скоромное» важно определить происхождение каждого из этих слов. По мнению филологов, слова *скором*, *скоромный* и их производные имеют архаичную основу, включающую праславянское сочетание *sz-*, что значит «хороший, большой». Оно заимствовано из индоевропейского *si-*, что означает «хороший, добрый»; «большой»; «очень, совсем» [1. Т. 3]. Следы указанной основы можно встретить в олонецких, ярославских и пошехонских говорах, включающих существительное *скором* — «жирная, скоромная пища», которое сводится к праславянскому **skormъ* — «жир» и связано с праславянским **kьrmъ* — «корм». «*И лишь с принятием христианства и запретом употреблять в пост калорийную пищу животного происхождения в слове «скором» развилась семантика «мясная или молочная еда, запрещенная церковными канонами для употребления в постные дни*» [10. С. 165—166].

Советы, как питаться в мясоед и постные дни, можно найти и в таком издании XVI в., как «Обиход всякому столовому наряду, яствам и питиям на весь год, в научению молодому князю с княгиней». Особенный обрядник — «Вождь по жизни» — рекомендовал, что нужно подавать к столу в Петрово, Госпожино, Филиппово и Великое говейно [7. Т. 2. С. 107].

Слова *говейно*, *говенье* часто упоминались в официальных отчетах русских послов XVI в., которые известны в исторической литературе под названием «статейных списков». Так их называли потому, что после возвращения домой послы обязаны были отвечать на пункты или «статьи» даваемых им наказов в Посольском приказе. Так, упоминания о посте есть в статейном списке И.М. Воронцова, который был в составе посольства, отправленного Иваном IV в Стокгольм, где ему предписывалось «*быти вам у короля в первое воскресение сего Петрова мясоеду...*». В статейном списке И.П. Новосильцева, посланного при том же царе в Царьград к Селим-салтану, говорится, что когда посольство прибыло в Царьград «на третьей неделе в понедельник Петрова поста», то приехавшие к русскому послу янычары передали ему через толмачей: «*...у нас едят мясную еству, а вы ныне говеете, а рыбы здесь мало*». Действительно, после приема послов русские послы не были приглашены к столу султана в виду соблюдения ими Петрова поста и их кормили отдельно [11]. Не менее любопытно упоминание о *говенье* в статейном списке Ф.А. Писемского, посланного Иваном IV в Англию. В то время в Лондоне было моровое поветрие, поэтому королева Елизавета долго не принимала русских дипломатов, предложив им поохотиться на оленей. В ответ на это русские послы просили сообщить королеве, что цель поездки их другая и к тому же у них пост: «*А се ныне у нас говенье: мяса мы не едим и нам оленина к чему пригодитца?*» Это было в конце ноября и, по-видимому, уже начался многодневный Рождественский пост. И хотя на охоту им ехать все-таки пришлось, но мяса есть не стали [11. С. 119—120].

Такие противоположные категории, как «постное» и «скоромное», бытовавшие в различном написании и словосочетаниях, довольно устойчиво сохранялись и в XIX в. Многие слова и выражения стали неотъемлемой принадлежностью повседневного разговорного лексикона русских крестьян. Слова *пощенье*, *постованье*, *постничанье*, *поститься* означали «не есть скоромного» и употреблялись в обиходе русских в зависимости от места их проживания: *постовать* — так говорили в Сибири, *постить* — в Новгородской, Курской, Новороссийской и других южных губерниях. Одно и то же слово порой имело разный смысл. Выражение *постничать*

означало не просто «поститься»: в Воронежской губернии оно означало «не есть пищи в горячем виде, есть всухомятку» или «очень мало», например, хлеб с водой, квасом и луком. Людей, свято чтущих пост, называли *постник*, *постница*, *воздержник*, а их образ жизни — *постнический*.

Более широкий смысл имело слово *говение*, означавшее благочестивый обычай не только быть умеренным в пище, не есть скоромное и даже сладкое (обычно не меньше трех дней), но и посещать богослужения, а потом приступить к исповеди и причащению Святых Таинств. Такое поведение отразилось в выражениях *говеть*, *гавливать*. Говели в основном в посты, чаще всего Великим постом и потому в народе слово *говенье* ассоциировалось с великопостными днями. Оно имело и некоторые диалектные отличия: в северных и восточных губерниях говорили *говенье*, *говейнье*, в Новгородской — *говейны*, в Курской — *говейно*. Соответственно отличали *Великое говенье*, *Петрово говейно* и т.д. Известны и другие производные слова: *говельный* — «до говения относящийся», *говельщик* или *говельщица* — «тот, кто говеет»; *разговляться* — «есть скоромное в первый раз после поста» (отсюда — *разговенье*, *разговины*). Соответственно *заговение* означало последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу [12. Т. 1. С. 364; Т. 3. С. 345].

По отношению к людям, которые хотя и воздерживались от скоромной пищи, но людей тем не менее не переставали обижать, то есть справляли в пост видимое воздержание, крестьяне отзывались плохо и считали такое поведение безнравственным. На этот счет в Рязанской губернии даже бытовала поговорка: «*Лучше рыбу есть постом, чем обидеть рыбака*» [13].

С постом тесно связано слово *сочельник*, к которому готовили *сочиво* — «постное блюдо, приготовленное в виде каши из каких-либо зерен (сочевница)». Отсюда их производные — *сочевник*, *сочевный*, *сочевичный* и т.д. Поскольку *сочиво* готовили накануне Рождества Христова и Богоявления, когда полагалось строго поститься, то канун праздника называли соответственно *Рождественский* и *Крещенский сочевник* (сочельник). Отсюда пошло выражение *сочевичать* или *сочельничать*, то есть не есть в сочельник до звезды: «*Постничает весь дом, а старики сочельничают*» [12. Т. 4. С. 263—264].

Практика поста отразилась и в русском фольклоре, прежде всего в пословицах и поговорках: «*Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать*»; «*Испостился, измолился в нитку*»; «*Великий пост всем прижмет хвост*» и т.д. В русском

лексиконе бытовали и загадки, например: «*Стоит мост на семь верст: на мосту дуб, на дубу цвет во весь белый свет*» или «*Стоит мост на семь верст; по конец моста золота верста*» (Великий пост и Пасха) [14. Т. 1. С. 66, 67, 86].

Воздерживаясь в дни постов от определенной пищи, то есть соблюдая пост телесный, крестьяне переносили понятие «скоромное» как запретное, недозволенное и на предметы быта. Почти в каждой губернии деревенская хозяйка считала своим долгом иметь «постную» посуду — горшки, миски, ложки, которыми пользовались только в дни поста [13].

В советский период (1917—1991) продолжали бытовать многие слова, связанные с практикой поста, но некоторые прежние слова уже исчезли и в академических изданиях приводились как архаизмы [15. С. 567].

Многие слова, связанные с практикой поста, присутствуют и в современном разговорном языке, но в целом число их значительно сократилось. Исчезли, например, церковнославянизмы, сократился объем употребляемых в разговорах пословиц и поговорок, их можно встретить разве что в классической русской художественной литературе. Вместе с тем, существующая практика соблюдения постов в наши дни определенно отражает преемственность наиболее значимых слов и выражений, что можно считать ярким отражением православного характера русской культуры.

Список использованной литературы

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964—1973. — Т. 1—4.
2. Повесть временных лет / подготовка текста и перевод Д.С. Лихачева. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь. — М., 1992.
4. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1958. — Т. 1.
5. Русская историческая библиотека. — СПб., 1880. — Т. VI. — Ч. 1.
6. Безобразова, М. Послание митрополита Никифора // Известия отдела русского языка и словесности Императорской Академии наук. — М., 1898. — Т. 3. — Кн. 4.
7. Сахаров, И. Сказания русского народа. — СПб., 1849.
8. Аверьянов, К.А. Из истории брачных контрактов на Руси // Сельская Россия: прошлое и настоящее; Вып. 2: Доклады и сообщения 8-й российской научно-практической конференции (Орел, ноябрь 2001 г.). — Орел, 2001.
9. Хождение за три моря Афанасия Никитина. — М., 1986.

10. Лучик, В.В. Диалектизмы как материал для реконструкции архаичной основы **сь-** // Сельская Россия: прошлое и настоящее; Вып. 2: Доклады и сообщения 8-й российской научно-практической конференции (Орел, декабрь 2001 г.). — М., 2001.
11. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. — М. ; Л., 1954.
12. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб. ; М., 1882. — Т. 1; Т. 3.
13. АРЭМ. — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 1440. — Л. 11.
14. Даль, В.И. Пословицы русского народа : в 3 т. — М., 1993. — Т. 1.
15. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1990.

Т.И. Скикевич
Белоруссия

Балто-славянский период в формировании лексики русского языка (на примере наименований диких животных)

Учеными установлено, что в любом языке существуют стержневые лексические группы, которые на протяжении многих столетий сохраняют свой состав и подвергаются незначительным изменениям. Истоки происхождения таких лексем нужно искать в языке. Лексическая группа названий диких животных относится к одной из таких групп. Значительная часть зоонимов восходит к праславянской эпохе формирования языка.

Так как лексика непосредственно отражает все процессы социальной номинации и тесно связана с общественными событиями, которые обусловлены языковыми контактами и культурными взаимодействиями различных языковых общностей, то она всегда подвергается и изменениям, поэтому в процессе формирования зоологическая номенклатура расширялась, во-первых, за счет образования новых слов на основе уже имеющихся в языке словообразовательных формантов и, во-вторых, за счет заимствований из других языков.

Среди зоологических терминов обозначения диких животных выделяется группа слов, которые имеют соответствия в славянских и балтийских языках. Предполагают, что существовал исторический период, когда славянские и балтийские народы после распада

индоевропейской языковой общности (III—II тысячелетия до н.э.) находились какое-то время в наибольшей близости, что позволяет говорить о балто-славянском периоде в развитии их языков. Реальность праславянско-прибалтийских связей, вызванная длительными контактами праславян и прибалтов, не вызывает сомнений, поэтому можно найти отражение этих связей в словарях как праславянского, так и прибалтийского языков.

В исследуемой группе праславянских названий животных, нашедших отражение в русском языке, 5 зоонимов несут следы балто-славянских контактов: *заяц*, *крот*, *куна* (*куница*), *полчок*, *серна*.

Заяц. Слово фиксируется самыми ранними памятниками письменности. Имеет соответствия во всех славянских языках и некоторых балтийских: лит. *zuikis*, лтш. *zakis*. Лит. *zuikis* (из **zuojekas*) родственно славянскому *zajěsь*, однако лтш. *zakis* заимствовано из бел. *зайка*.

В основе образования лежит и.-е. корень **g'hai-*, который имеет значение «прыгать». Образовано путем присоединения к праславянской основе **zaj-* уменьшительно-ласкательного суффикса *-есь*.

Крот. Более ранней является форма *кроторья*, которая отмечается в Книге Левит XI в. по сп. XIV в. Троицко-Сергиевской лавры. Др.-рус. *крѣть* относится к более позднему периоду. Слово имеет соответствия во всех славянских языках. Считается родственным лит. *krutus* «подвижный, живой», *kruteti* «шевелиться, двигаться»...

Однако О.Н. Трубочёв подвергает сомнению такую точку зрения, так как вся семья глагола *kruteti* оказывается темной и изолированной в литовском словарном составе; поэтому предполагается, что в литовском — это заимствование из рус. *крутиться*. Сомнительна и семантическая сторона толкования. В других языках название крота основывается не на подвижности: лит. *kurmis* «крот», скорее всего первоначально значило «копатель»; нем. *maulwurf* «крот» буквально значило «тот, кто насыпает кучу земли». С названием земли связано и лат. *talpa* «крот».

Таким образом, наиболее вероятно, что в основе **крѣть* лежало обозначение «копатель, копать», что подтверждается и сложением **крѣторыжа* с исходным выражением «роющий роет», которое состоит из двух основ: **крѣть* и корня глагола **ryti*, оформленное суффиксом *-j-*, а также реальными мотивами, позволяющими толковать название крота прежде всего от «рыть, копать».

Куница < **куна**. Слово *куна*, обозначающее пушного зверька, встречается в Изборнике Святослава 1073 г. Имеет соответствия во всех славянских языках. Слав. **kuna* близкородственно лит. *kiaune* «куница», лтш. *sauna*, *saune*, др.-прусс. *saune* «куница».

Предполагается, что данная форма — это первоначальное прилагательное, восстановимое в индоевропейской форме **kouno-s* (**keu-*, **kou-no-s* с палатальным задненебным и соответствиями, кроме славянских и балтийских названий куницы; в др.-инд. *ньона* «красный, алый»), которое выступало в функции цветообозначения. Восходит к и.-е. корню **kun-ak-o* «золотистый». На адъективность слав. **kuna* указывает и позднейшее суффиксальное производное **kunisa*, которое следует понимать как субстантивацию первоначального прилагательного: **kun-a* + суффикс **-isa*.

Полчок. В современном русском языке употребляется в сочетании *соня-полчок*. В древнерусских памятниках слово *полчок* встречается с XVI в. в формах *пѣлхъ*, *полхъ*. Имеет соответствия во многих славянских языках. По определению Даля, это сибирское животное между мышью и белкой, которое спит в спячке доле всех животных. В связи с этим слав. **рѣлхъ* сравнивают с лит. *lele* «мышь», лтш. *pele* — то же, а также с *пелесый* «пятнистый», восходящему к корню со значением «серый», «бледный».

Серна. Слово фиксируется в ранних древнерусских памятниках начиная с XI в. Имеет соответствия во всех славянских языках и в других индоевропейских языках.

Праслав. **sъrna* считается родственным лтш. *stirna* «серна, косуля»; лит. *sirvis*, *sirmis*; др.-прусс. *sirvis*; лат. *cervus* «олень», *cornu* «рог»; др.-инд. *crh gam* «рог» и восходит к и.-е. **krn-* со значением «рогатое животное».

Таким образом, русское название *серна* происходит от того же корня, что и *корова*, то есть реконструированное значение «рогатая».

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1893—1912. — Т. 1—3.
2. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. — М. : Наука, 1974—1995. — Вып. 1—22.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 1987.

А.Р. Попова

г. Орёл

**Семантическая структура полисеманта *рука*
в «Материалах для Словаря древнерусского языка»
И.И. Срезневского и в современном русском языке:
сопоставительный аспект**

«Материалы для Словаря древнерусского языка» (далее — МДРЯ) И.И. Срезневского — ценнейший лексикографический и фразеографический источник; представленный в нем широкий охват памятников письменности, богатство иллюстративного материала позволяет достоверно определить особенности функционирования конкретных лексем в период XI—XVII вв. Благодаря публикации материалов для Словаря древнерусского языка был введен в научный оборот обширный круг лексики письменных памятников XI—XIV и отчасти XV—XVII вв., уточнено представление о лексическом фонде русского языка этих периодов [3]. Данный источник, в частности, служит основой выявления путей развития лексической системы и семантической структуры отдельных лексем в указанный период (XI—XVII вв.) посредством сопоставления с данными современного русского языка.

Наличие у существительного *рука* полисемии обусловлено экстралингвистическими факторами (данная реалия — часть тела человека — издавна и всесторонне освоена, осмыслена социокультурной общностью), так и факторами лингвистическими (слово *рука* является частотным, общеупотребительным, принадлежит к основному словарному фонду). В современном языке, по данным толковых словарей русского языка, диалектных словарей, словарей жаргона (всего исследовано более 100 источников), у существительного *рука* отмечено 26 значений. Однако и на более ранней стадии развития слово *рука* обладало разветвленной семантической структурой, насчитывающей 9 значений [8]: часть из них известна и ныне, некоторые утрачены, отдельные значения сохранены в ином качестве — в семантической структуре единиц словообразовательного гнезда с вершиной *рука* и в составе ФЕ с компонентом *рука*. Заметим, что объектом сопоставления могут быть лишь значения, зафиксированные в МДРЯ, проявляющие себя в письменной речи, в то время как сегодня мы располагаем данными национального языка.

Изначальное значение «часть человеческого тѣла от плеча до конца пальцевъ» [8], как наиболее древнее, наиболее освоенное языком и осознанное его носителями, естественно, присутствует и в современном языке в неизменном виде.

Самой явной и самой актуальной оказывается ассоциация «рука — власть», что отражено в значении 2 «власть, господство» [8]. В современном русском языке данное значение также известно, но и приобрело статус символа — *рука* «символ власти, владычества» [7]. На базе этого значения «власть, господство» образовались два производных значения, в которых конкретизируется понятие власти, ее виды, возможности и направленность: 3 «воля; распоряженіе»; 4 «попеченіе, охрана» [8]. В примерах, иллюстрирующих последнее значение, дважды упоминается рука высшего существа, бога («*въ руце Бжии...*» XI в.; «*на Божии роучѣ...*» 1301 г. [8]). Таким образом, рука как часть тела высшего существа (имеющего согласно религиозным представлениям, антропоморфный облик) наделяется возможностью проявлять эту власть во благо человеку.

Значение 4 «попеченіе, охрана» проявляется в настоящее время в ряде фразеологизмов с компонентом *рука*. Предложно-падежное сочетание *въ руце (Бжии)* со временем начинает осознаваться как фразеологизм: *все, все в руце Божией* «Устар. (Все, всё) во власти судьбы, Бога» [9], *в руце божией* «Книжн. Во власти судьбы» [9]. На основе данного сочетания формируется целая фразеологическая серия: *божья рука, рука судьбы, рука провидения*. Кроме того, в современном литературном языке и в народных говорах присутствует большое количество ФЕ с компонентом *рука*, имеющих общее значение «на попечении кого-л. (быть, находиться и т.п.)»: *в надежных руках* [9], *на руках* [1], *на руки падать* [6] и др. Следует отметить, что в приведенных и подобных им ФЕ представлено лишь наиболее общее значение «символ власти, владычества» [7], которое «вобрало» в себя значения «воля, распоряжение» и «попеченіе, охрана».

Рука выступала и как символ договора, ручательства, что нашло отражение в значениях 5 «удостовереніе», 6 «договоръ» [8], 7 «порука» [8]. Перечисленные значения отсутствуют у полисеманта *рука* в современном языке, однако необходимо отметить, что ассоциация «рука — договор, обещание, удостоверение» продолжает существовать и находит отражение:

1) в символизме жестового характера, отраженном в лексике и фразеологии: ср., например, ЛЕ *рукобитье*, ФЕ *бить по рукам (ударять по рукам)*; а также *дать рук'и, дать рук'а* «ударить рукой, до-

говариваясь о чем-л.; ударить по рукам» [6]. Интересно, что диалектные ФЕ *дать рук'и*, *дать рук'а* почти совпадают с данными МДРЯ, где слово *рука* в значении 5 «удостоверение», как можно заметить из примеров, является конструктивно обусловленным и употребляется в сочетании с глаголом *дать*: ...*ино ему речи правое слово и рука дать по крестному цѣлованию...* 1471 г.; *Псковичи даша ему на томъ руку, что...* 6971 г. и др. [8].

2) в иных ЛЕ, «не-жестового» характера — ср., например, *поручить, поручение; руч'итель* «поручитель» Олон., Арх. [6] и др.

В современном языке широко распространена и вербально закреплена ассоциация «рука — орудие труда, деятельности». Из всех видов деятельности руками в значениях полисеманта (по данным МДРЯ) отражен лишь один — письмо — через результат этой деятельности: 8 «подпись»; 9 «писанье, письмо» [8]. Слово *рука* употреблялось в значении 8 в сочетании с глаголом *приложить* — ср. *казначей Антонеи руку приложиль...* 1482 г.; ...*князь Семень руку приложиль...* 1520 г. [8]. Такое употребление способствовало возникновению ФЕ *руку приложить*, имевшей значение «подписать что-л.» [4]; в настоящее время ФЕ в указанном значении сопровождается пометой «Устар.» [1] и развивает новое, более отвлеченное значение «принять участие в чем-л.» [1]. В современном языке значение 8 «подпись» сохраняется и как самостоятельное: «почерк, подпись» [5].

Относительно значения 9 «писанье, письмо» следует заметить, что в соответствии с приведенными иллюстрациями современный читатель может определить его как «почерк» — ср. ... *посылаеть грамоту своае руки*. 1456 г. *И дьяки смотривъ сказали, что та купчаа и дѣловая и запись, всѣ трое рука одна*. 1508 [8]. Значение 9 (в современной интерпретации — «почерк») также сохраняется в настоящее время и зафиксировано в лексикографических источниках [7] и др.).

В современном литературном языке рассматриваемые значения 8 и 9 объединены в значении «почерк, подпись» [5]; в других источниках значение «почерк» преподносится как более широкое и абстрактное — «почерк, творческая манера» [2].

Таким образом, в системе значений слова *рука* в процессе исторического развития произошли большие изменения: из 9 приведенных значений слова *рука* в современном языке сохранились только значения 1 «часть человеческого тѣла от плеча до конца пальцев» и 2 «власть, господство», а также 8 и 9, объединенные ныне в значение «почерк, подпись». Утрата значений словом *рука* связана со следующими факторами: 1) с синтезом в одном значении

сем, выражаемых несколькими значениями; такое слияние повлекло расширение значения — так, значение 2 впоследствии вобрало в себя значения 3 и 4; 2) с появлением нового способа номинации данного предмета, явления — не через значения полисеманта, а с помощью производных слов или ФЕ (значения 3, 4, 5, 6, 7). Кроме того, в системе значений слова *рука* произошло их перераспределение по степени значимости для носителей языка: в МДРЯ вторым значением, то есть наиболее тесно связанным с основным значением, является значение «власть, господство», в современном же языке рука ассоциируется прежде всего с трудом, деятельностью, что и отражено словарях: БАС, МАС и др.).

Список использованной литературы

1. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб., 1998. — 701 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 1998. — 1536 с.
3. Козырев, В.А. Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. — М., 2004. — 288 с.
4. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. — М., 1994. — Т. 1, 2.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. — М., 1987. — 797 с.
6. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб., 1965—2005. — Вып. 1—39.
7. Словарь современного русского литературного языка. — М. ; Л. : АН СССР, 1950—1965. — Т. 1—17.
8. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб., 1893. — Т. 1—3.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М., 1997. — Т. 1, 2.

К.А. Максимович

г. Москва

И.И. Срезневский как исследователь Рязанской кормчей 1284 года

Рязанская кормчая книга 1284 г. (Санкт-Петербург, РНБ, Ф. п. II, № 1) относится к числу древнейших русских кормчих книг и в возрасте уступает только Ефремовской кормчей XII в. Однако зна-

чение этой рукописи состоит прежде всего в том, что она сохранила первую русскую редакцию Номоканона св. Саввы, который был составлен на основе византийских источников в Сербии в первой половине XIII в. и уже с 60-х гг. при митрополите Киевском Кирилле стал известен на Руси. В дальнейшем именно Сербскому номоканону после добавления в него ряда русских статей было суждено стать главным юридическим кодексом русской Церкви, каковым он оставался вплоть до издания Печатной кормчей при Патриархе Никоне в 1653 г. Таким образом, Рязанская кормчая является древнейшим представителем почти четырехвековой традиции сербского Номоканона св. Саввы на Руси.

Во второй половине XIX в., пожалуй, наиболее плодотворным исследователем и издателем славянского рукописного юридического наследия был И.И. Срезневский. Его перу принадлежит целый ряд до сих пор актуальных работ о древнерусской юридической книжности. Среди них исследование договоров Руси с греками, подробное описание древнерусских «Пандектов Никона Черногорца» с изданием находящихся в них юридических текстов, описание Новгородской (между 1285 и 1291 гг.) и Устюжской кормчих (XIII—XIV вв.) с указанием их византийских источников, описание сербской Рашской кормчей 1305 г., описание греческого Иверского номоканона. Перу Срезневского принадлежит также подробное описание Рязанской кормчей 1284 г. [1. С. 47—84].

В начале своего описания Срезневский помещает писцовую запись с последней страницы рукописи. Из записи следует, что кормчая написана при князьях Рязанских Ярославе и Федоре и епископе Иосифе в ноябре и декабре 6792 г. от сотворения мира (= 1284). Срезневский отмечает, что из древних списков Сербского номоканона ближайшими к Рязанскому являются сербские кормчие — Иловицкая 1262 г. и Рашская 1305 г.

Затем следует постатейное описание Рязанской кормчей с указанием листов рукописи, а также ссылками на другие списки Сербского номоканона, в которых имеются те же статьи. Таким образом, параллельно с Рязанским списком Срезневский дает представление о других списках сходного состава.

Характернейшей чертой Сербского номоканона является то, что представленный в нем перевод церковных правил сделан не по полному тексту, а по сокращенной греческой версии византийского канониста XII в. Алексея Аристина и сопровождается толкованиями последнего. Именно Срезневский открыл в тексте Рязанской кормчей следы особого перевода церковных канонов, сделанного

не по сокращению канонов Аристина, а по полному греческому тексту. Он также установил, что славянский перевод отражает толкования не только Аристина, но и его византийского коллеги — историка и толкователя канонов Иоанна Зонары.

Замечательным преимуществом Срезневского перед другими исследователями кормчих была его фундаментальная филологическая и лингвистическая подготовка. Так, в своем описании Рязанской кормчей (а также других кормчих) он свободно цитирует греческий оригинал канонов, а в славянском тексте указывает слова и обороты, характерные для сербского или болгарского древнеписьменного языка. Срезневский замечательно ориентировался также в столь сложных дисциплинах, как палеография и кодикология, и всегда начинал свое описание с краткой палеографической и кодикологической справки.

Значение деятельности И.И. Срезневского как исследователя кормчих книг состоит не только в том, что он всегда демонстрировал широту научных подходов, во многом утраченную сегодня. Его научный путь служит примером и доказательством тому, что использование в славистике богатого арсенала исторических и филологических научных методик приносит замечательные результаты, если оно опирается на опыт кропотливого изучения русского и славянского рукописного наследия.

Список использованной литературы

1. Сборник ОРЯС Императорской Академии Наук. — СПб., 1899. — Т. 65.

Р.Н. Клеймёнова

г. Москва

История борьбы с «одичалыми словами»

Общество любителей российской словесности (далее — ОЛРС) при Московском университете при своем создании в 1811 г. стало научным центром, в котором сосредоточилась исследовательская работа по языкознанию, русскому, древнерусскому и старославянскому языкам. Для членов Общества слово означало «бессмертное знамение величия народного, главная сила ума, орган на-

ук, орудие поучения и нравов, порядка и устройства гражданского, проповедование истины, света и Бога».

Общество не надеялось на быстрый успех, оно было готово к тому, что если их наблюдения, изыскания, опыты будут «слабы», то они, по крайней мере, проложат путь другим к дальнейшим успехам.

Члены ОЛРС, рассуждая о литературе, не забывали сказать и о значении языка. К.Н. Батюшков в своей речи «О влиянии легкой поэзии на образованность языка» подчеркивал, что прекрасные литературные произведения, ставшие достоянием всего человечества, имеют особенное влияние «на язык новый и необразованный».

ОЛРС объявляло конкурсные задачи, например, показать причины изменения русского языка или описать влияние, оказанное на него иностранными языками, отметить, какие от этого были выгоды и невыгоды (1812 г.). Ответы на них печатались в «Трудах» ОЛРС.

Краеугольным камнем последующего славяноведения стала статья А.Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке», опубликованная в «Трудах Общества любителей российской словесности» в 1820 г. Наиболее заметными среди исследований по русскому языку были труды А.В. Болдырева, И.И. Давыдова, П.Ф. и И.Ф. Калайдовичей. Серьезные исследования о глаголах были сделаны А.В. Болдыревым.

ОЛРС занималось собиранием материалов для словарей. Обсуждались статьи, предложения, рекомендации о том, как собирать слова, составлять словники с объяснением значения слов-синонимов, антонимов, слов, изменивших свое значение.

Особое внимание ОЛРС уделило собиранию диалектных слов. Для этого через попечителя Московского учебного округа Общество обязало все иногородние гимназии присылать «областные речения», которые обсуждались на заседаниях и регулярно публиковались в летописях. Главные силы членов ОЛРС были направлены на создание «Словаря по этимологическому порядку расположенного». Имеющийся академический словопроизводный словарь члены Общества считали далеким от совершенства.

Определенной вехой в истории развития русского языка стали четыре тома «Речей, произнесенных в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями» (1816—1824). Изданием «Речей» на русском языке Общество показало, насколько выросло образование, насколько развился русский язык культурного и научного общения. Оно этим изданием подводило черту под спо-

ром, на каком языке вести преподавание в университете, показывало, что русская наука существует и развивается благодаря русским ученым.

Во второй период своей деятельности (1858—1878) ОЛРС уже гораздо меньше уделяло внимания проблемам языка в сравнении с первой половиной XIX в. И отношение к языку было уже совсем иным. Если раньше решались вопросы формирования грамматических правил, то теперь происходит философское осознание языка. К.С. Аксаков свой «Опыт русской грамматики» посвятил Обществу любителей российской словесности. Он был «энтузиаст свободного слова». «Вера в свободное слово и его разумную силу, убеждение, что в нем одном кроется целение всех зол и источник всякого прогресса...». Хомяков отметил, что цель всех вышедших грамматик до грамматики К.С. Аксакова «не изучать русский язык, но создать правильный русский язык... для употребления европейцам». «Грамматика» К.С. Аксакова стояла в едином ключе с тем, чем Общество занималось: это издание словаря В.И. Даля, издание песен, собранных П.В. Киреевским. О словаре В.И. Даля Хомяков говорил: «В нем в порядке букв увидим ту живую мысль, которую привыкли называть языком народным». К.С. Аксаков посвятил свой труд «другой стороне той же живой мысли, стороне грамматической».

Сегодня трудно себе представить работу филолога без «Толкового словаря» В.И. Даля. И появлению его в свет мы обязаны ОЛРС. Об этом пишет сам В.И. Даль в «Напутном слове» к словарю. ОЛРС, в том числе К.С. Аксаков, В.Ф. Одоевский, передали В.И. Далю собрания слов. Первые выпуски словаря печатались на деньги А.И. Кошелева, члена ОЛРС. С девятого выпуска словарь начал издаваться на средства, выделенные царем.

В одной из своих речей М.П. Погодин напомнил об обязанности Общества «блюсти за чистотою русского языка», что значит «следить внимательно за общественным его употреблением» в официальных бумагах он обрушивался на разные канцеляризмы, вывески, надписи, газетные сообщения, где нарушались нормы русского языка. П.И. Бартенев к критике Погодина прибавлял критику современных писателей в своей речи «Об ощущаемом в современной литературе недостатке в обработке слога у многих писателей». Все это напоминает современную борьбу за чистоту русского языка.

После 1880 г. цель ОЛРС заключалась в содействии развитию отечественного языка и его успехам посредством изучения памятников русской литературы.

Сегодня на заседаниях ОЛРС, организованных в 1992 г. и собирающихся раз в месяц в Музее М. Цветаевой, обсуждаются те же проблемы нарушения норм русского языка, пути его сохранения. В Музее В.И. Даля посетителей также волнует вопрос засорения русского языка иностранными словами, жаргонизмами. На примере истории ОЛРС можно предложить бороться с «одичалыми словами» только путем просвещения, определив пределы употребления устаревших слов, слов из других языков, простонародных, «низких». Не заявлять, что русский язык умирает, когда «одичалые слова» доносятся со всех сторон. Надо помнить, что в языке нет ничего «кристаллического», что все в нем «волнует, дышит, живет».

Н.В. Головина

г. Рязань

Исторические источники в работах И.И. Срезневского над Словарем древнерусского языка

Современная славистика в своем зарождении и становлении, бесспорно, во многом обязана выдающемуся исследователю Измаилу Ивановичу Срезневскому. Являясь автором более 800 работ (среди них такие, как «Древние памятники Русского письма и языка (X—XIV вв.)», «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках»), он главным результатом своей жизни и творчества сделал «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». С момента возникновения идеи составления такого труда (40-е гг. XIX в.) Срезневскому удалось изучить более 2 700 памятников древнерусской письменности и дать сведения почти о 210 видах и разновидностях русских документов. Уникальный по своему объему и масштабности труд содержит около 39 000 слов со ссылками на древнерусские тексты, хотя изначально у автора не было определенной системы и критериев подбора источников для Словаря [1. С. 46].

Предметом нашего рассмотрения являются исторические источники как материалы для составления обширного труда Срезневского. Среди таковых — лексика деловых документов, писцовых, приправочных книг Рязанского уезда, приходно-расходных книг монастырей, а также тексты различных памятников рязанской письменности: «Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань», «Задонщина», «Повесть о Петре и Февронии». Словарь фактически

выполнил задачу автора «быть сокровищницей языка, памятником быта и образованности народа, насколько они выражаются в языке» [2. С. 3].

Проблема классификации источников, используемых в Словаре Срезневского, занимает немаловажное место в общей системе вопросов, так или иначе касающихся изучения древнерусской письменности. Особенно этот аспект актуален в русле изучения памятников рязанской деловой письменности. Здесь можно выделить несколько групп исторических источников.

В первую очередь, это челобитные, принадлежащие представителям различных социальных групп, менее формализованные, следовательно, содержащие богатый материал для изучения особенностей древнерусской речи.

Самую обширную по количеству группу памятников образуют судебные дела и документы судопроизводства, составлявшиеся преимущественно профессиональными писцами по общепринятым стандартам, соответствовавшим делопроизводству того времени.

Наиболее информативной является другая группа — акты документы (поручные, сговорные записи, купчие, заемные и служилые кабалы, памяти, расписки, выписки из приходно-расходных книг), их содержание, в основном, связано с теми или иными имущественными отношениями. Срезневский попытался исследовать весь пласт данного вида источников: «Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлинниках или в списках. Собственно русские памятники, насколько они мне известны, — летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи, — собраны мною для словаря все без исключения. Памятники Славяно-Русской церковной письменности также исследованы мною в словарном отношении, но еще не все» [2. С. 6].

Следует отметить, что для составления словаря древнерусских слов автором было использовано достаточно большое количество источников по истории наиболее крупных монастырей общероссийского значения: вкладные грамоты частных лиц монастырям (вкладная отчинника Ивана Злобина Кириллову монастырю 1553 г., вкладная Савина Ступишина Иосифову Волоколамскому монастырю 1567 г.), грамоты князей монастырям (Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю ок. 1460 г.), данные грамоты (Данная Агафьи Кудесниковой Кириллову монастырю 1525 г., Данная Кирилла Юрьевича монастырю Святой Богородицы XV в.). Подобные документы характеризуют общие социальные и хозяйственные аспекты функционирования института

церкви как такового. Следовательно, актовые документы, привлеченные Срезневским в качестве материалов для своей работы, — договоры частных лиц и церкви (договор Сидора Семенова о найме земли у Княжеостровской церкви), духовные и вкладные грамоты (духовная Григория Иванова в пользу Николаевской Чухченемского монастыря), жалованные грамоты (Жалованные грамоты Рязанского великого князя Ивана Федоровича и Рязанской великой княгини Анны Васильевны Солотчинскому монастырю 1430—1456 гг. и 1464—1501 гг. соответственно), купчие (2 купчие Кириллова монастыря 1519, 1598 гг.), а также грамоты, регулирующие феодальные споры (правые, раздельные, разъезжие, рядные) [З. Т. 3. Ч. 2. С. 273—286] — достаточно объективно отражают основные общие тенденции развития источников периода русского средневековья.

Таким образом, из всего объема используемых Срезневским материалов документы делопроизводственного и юридического характера занимают весомое положение среди остальных исторических источников. Все это позволяет говорить не только о прямых функциях (лексикологических, исторических, этнографических) и огромном значении «Словаря древнерусского языка» Срезневского, но и подчеркнуть его источниковедческую роль в русле изучения как общероссийской истории в целом, так и ее отдельных региональных компонентов обозначенного периода.

Список использованной литературы

1. И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. — Рязань, 2002.
2. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам // Труд И.И. Срезневского. — СПб., 1893. — Т. 1.
3. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. (Репринтное издание).

А.Я. Гришко

г. Рязань

Проблема преступления и наказания в научном наследии И.И. Срезневского

Проблемы преступления и наказания, юридической парадигмы и ее взаимодействия с национальной наукой и культурой в настоящее время представляют особую актуальность и нуждаются в

серьезном изучении. Преступления и наказания изучаются отраслью права — уголовным правом (*jus criminale*), но богатство юридических определений всегда дополнялось расширением понятий преступлений и наказаний в условиях развития общества. Правовые понятия необходимы потому, что они лежат в основе самих определений. Их использование в истории, филологии, этнологии, социологии служит ярким доказательством соответствия теории и практики в изучении данного вопроса представителями различных научных дисциплин.

XIX в., прошедший под знаком дихотомии «преступления и наказания» и процесса дифференциации научного познания, дает богатый материал для научного поиска. Особый интерес представляет научное наследие И.И. Срезневского. Следует сначала остановиться на характеристике периода формирования научных и общественно-политических взглядов ученого в 20—30-е гг. XIX в. Отметим большое значение семейного воспитания и традиций. Взгляды и научная деятельность отца ученого — И.Е. Срезневского — и дяди — О.Е. Срезневского — оказали большое влияние на юношу. О.Е. Срезневский был профессором юридических наук Казанского университета и уделял большое внимание воспитанию племянника. Отмечается, что он учил его не вступать в противоречия с сильными мира сего, с властями и существующими порядками, сторониться «легкомысленных» и «порочных» товарищей, которые шли на такой конфликт.

Отсюда становится ясным выбор четырнадцатилетнего юноши, который в 1826 г. поступает на этико-политический (юридический) факультет Харьковского университета. До настоящего времени период с 1826 по 1838 г. характеризуется как «подготовительный» к дальнейшей научной деятельности. Обратимся к фактам. Учеба в Харьковском университете — 1826—1829 гг. На склоне лет Срезневский с благодарностью вспоминает И.Н. Даниловича (1787—1843 гг.), читавшего курс русского гражданского права и уголовного судопроизводства в России и научившего своего воспитанника «строго» и «осторожно» работать. Окончив университет со степенью кандидата, представив диссертацию «Об обиде», он служил в Харьковском дворянском депутатском собрании (1829—1832, 1834—1837 гг.) и Харьковском совестном суде (1833—1834 гг.). В начале 1836 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию и в сентябре 1837 г. получил место адъюнкт-профессора по кафедре политической экономии и статистики.

Поворотным моментом в судьбе И.И. Срезневского стала неудача с защитой докторской диссертации «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно» (декабрь 1838 г.). В январе 1839 г. Срезневский принимает окончательное решение о выборе профессии и начинает подготовку к путешествию в славянские земли.

Да, впоследствии И.И. Срезневский лишь в редких случаях обращался к анализу юридических текстов. Но это не дает нам право игнорировать их влияние на формирование метода исследования ученого.

Отметим ряд важных моментов. Если раньше все в нашей истории измерялось 1825 г., то надо отметить и роль 1826 г. Года, давшего начало развитию юридических наук, которые привлекли многих молодых людей, решивших служить Отечеству на этом поприще.

Нас не должна ввести в заблуждение, казалось бы, безобидная тема диссертационного исследования «Об обиде». В центре внимания молодого исследователя — важнейший термин юридической науки. Латинское слово *injuria* имеет значение и «обида», и «правонарушение», «несправедливость, насилие». В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский приводит многочисленные примеры употребления слова *обида* в древнерусских текстах.

Редким исключением может послужить работа ученого, посвященная анализу договоров русских с греками. В пятой части данной работы на основе анализа текстов выстраивается система преступления и наказания. Из преступлений в договорах отмечены убийство, удары и побои, грабеж и воровство. И.И. Срезневский пишет: «Идея преступления выражена несколькими словами: *вина, грех, согрешение*. <...> Видно из всего, что особенного обычного речения для выражения юридической идеи о преступлении переводчик не думал употреблять, передавая только общий смысл греческих слов». И.И. Срезневский рассматривает также слова, обозначающие отдельные преступления: *голова* «убийство», *проказа* «лишение жизни, смерть», *татьба* «воровство», *тать* «вор» и др. Идея наказания, как отмечает И.И. Срезневский, выражена чаще всего словами *казнь, казнити, показнити*. В заключение ученый анализирует лексику судопроизводства: *тяжа, явления* «показания свидетелей или улики», *рота* «присяга», *клятва*.

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Договоры с греками. Русское слово : избранные труды. — М. : Просвещение, 1986.
2. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. — М. : Книга, 1989. (Репр. изд.)
3. Богатова, Г.А. И.И. Срезневский : книга для учащихся. — М. : Просвещение, 1985.

РАЗДЕЛ IV

И.И. Срезневский и славяноведение

Е.П. Осипова

г. Рязань

Рязанская диалектная лексика как источник изучения народной культуры

Академик И.И. Срезневский подчеркивал, что народный язык должен быть главным предметом внимания филологов, так как знание русских говоров позволит избежать потерь в изучении языка и культуры. Ученый указывал на взаимосвязь изучения быта, культуры народа и языка: «Чтобы понять словесность народа, надобно изучить его слово, его язык; чтобы понять народность в словесности, слове, надобно изучить народ, его характер, нравы, быт, умственные понятия...» [1]. Собирая ценный полевой материал по истории славянских народов, И.И. Срезневский особое внимание уделял обычаям и поверьям, а также одежде, жилищу, пище.

Традиционный женский народный костюм занимает особое место в говорах русского языка: в его терминологии совмещаются лингвистическая и этнографическая стороны, так как уже сами реалии создают устойчивый локальный колорит. Статья посвящена одному из фрагментов народного костюма Рязанской области — женской нагрудной одежде.

Женская нагрудная одежда является частью традиционного народного костюма. Шили ее из холста или домотканой шерсти преимущественно белого цвета. По покрою она была глухой или распашной и могла иметь различную длину: до пояса, до бедра или до колен. В Рязанском крае бытовали следующие ее типы: 1) нагрудник туникообразного покроя; 2) душегрейка на лямках; 3) безрукавка-лиф.

Древнейшим типом нагрудной одежды является нагрудник туникообразного покроя. Как элемент понёвного комплекса он

имел на территории Рязанской земли множество локальных различий: известны нагрудники короткие и длинные, с рукавами и без них, прямые и с клиньями. Самым древним считается шерстяной нагрудник, распространенный на основной территории Рязанского края и встретившийся нам в Скопинском и Ухоловском районах; холщовые нагрудники и теперь бережно хранятся старыми женщинами в ряде районов области — в Кадомском, Касимовском, Шацком, Скопинском, Спасском. Наряду с самым распространенным белым нагрудником в рязанском регионе известны районы с бытованием черного нагрудника (*шушпан, шушка, сукман* — Касимовский, Скопинский), красного (*шушпан, сукман* — Кадомский), желтого (*желтик, желтяк* — Михайловский и Пронский), синего (*синюшка, кодман* — Сапожковский, Скопинский) и серого (*серяк* — Спасский). Наличие одного из старейших предметов традиционной женской одежды — черных шушпанов в южной части Рязанской и Тульской областей, а также у донских казаков свидетельствует о древних взаимных связях рязанского населения с жителями бассейна Дона [2. С. 30—31].

В этнографической литературе [3. С. 221] в одну группу объединяются как нагрудники южной части Рязанской земли, белые рубахообразные (*шушун, насов*), короткие (*коротай, сукня*), так и распашная безрукавная, необычайно богато орнаментированная одежда типа нагрудника (*юпочка, желтик* Михайловского района).

Глухие, имевшие форму рубахи туникообразные нагрудники относят к древней славянской одежде. Превращение данной одежды из глухой в распашную — процесс более поздний. В конце XIX — начале XX в. в Скопинском уезде Рязанской губернии Н.И. Лебедева отметила бытование старых форм наряду с новыми [2. С. 15, 21]. Позднее этот покрой был усложнен клиньями, как правило, кумачовыми. В рязанской Мещере в конце XIX в. нагрудник с клиньями (*клинник, короткий сарафан, насовчик, раскасной наверхник*) носили молодые женщины, старый покрой без клиньев — только женщины пожилого и преклонного возраста [4. С. 30]. В районе Мещеры отмечен нагрудник, напоминающий по покрою косоклиный укороченный сарафан, с наименованиями *шушпан, юла* [5. С. 124].

Нагрудник являлся принадлежностью костюма замужних женщин, но был более коротким, чем девичий, надевали его поверх не только рубахи и поневы, но и фартука (*занавески*). Девушки подобную одежду носили поверх рубахи, но длиной до колен (*долгий сарафан, сарахан, шушка*) [6. С. 643—644]. Сложным вопросом

является четкое разграничение трех видов одежды — *шушпана*, *юпочки* и *навершника*. Принято считать, что юпочка короче шушпана, однако нередко шушпан и юпочку шили совершенно одинаково.

Распашной или глухой нагрудник из домотканой шерсти или холста шили из трех-четырёх полотнищ или из двух полотнищ с тремя клиньями с каждого бока, с рукавами до локтя. Шушпаны были преимущественно белыми; распашные не имели застежек. С названиями *ермяк*, *крутик*, *навершник*, *навершняк*, *насовак*, *серяк*, *сукман*, *сушун*, *тушка*, *чупрон*, *чупрун*, *шушан*, *шушка*, *шушонка*, *шушпан*, *шушун*, *ишун*, *ципун*, *юпочка* такой нагрудник и сейчас широко бытует в рязанском регионе как обязательный элемент старинного комплекса. В плохую погоду нагрудник как плащ накидывали на голову. В Скопинском районе подобная одежда считалась «чистой», ее надевали на похороны, носили во время траура; в ней хоронили пожилых женщин и девушек. Девичью *шушку* шили из черной домотканой шерсти. Описываемый тип нагрудника по вороту, полочкам и подолу украшали шерстяной тесьмой (*мутовизом*, *мутовязом*) или ситцем, сатином с различными оттенками красного цвета. На рукава и подол праздничных нагрудников (*шушпанов*) нашивали полосы узорного ткачества (*забранки*, *заклады*, *затканки*). В Скопинском уезде бытовал особый нагрудник, который надевали на Троицын день и шили из белой полубумажной материи, обшивали позументом. Бытовал под названием *духовой шушпан* [2. С. 21].

Другой вид нагрудника представлял собой туникообразную распашную одежду из белого домотканого шерстяного или полшерстяного материала и имел покрой укороченного шушпана. Он носил название *юпы*, *юпочки*, *чрезплеча*. Праздничная *юпа* была безрукавной и почти вся покрывалась нашитыми полосами позумента, кумача, тесьмы и вышивкой; по краю подола пришивали бахрому или кружево. В некоторых селах Рязанской губернии до середины XIX в. *юпочка* бытовала в качестве одежды девушек, составляя вместе с рубахой праздничный девичий комплекс. К концу XIX в. она стала одеждой вдов и пожилых женщин, в начале XX в. сохраняясь исключительно как элемент праздничной одежды.

До настоящего времени рязанские женщины старшего поколения бережно хранят нагрудник туникообразного покроя с рукавами до локтя, без застежек, обшитый по бортам, вороту и подолу цветным кантом. Названия данного вида одежды формируют несколько ареалов на территории Рязанской области. Изолекса *чупрон*

формирует локальный ареал на территории Сараевского района (на границе с Мордовией). Фонетический вариант *чупрун* бытует в Спасском и Шиловском районах. В говоре села Деревенское Спасского района данным наименованием обозначают безрукавку свободного покроя. С несколько более общим значением — одежда деревенских женщин, сшитая из белого тонкого сукна — бытовало слово *чупрун* в Тамбовской губернии в XIX в., о чем свидетельствует «Опыт областного великорусского словаря» (1852, 260). В.И. Даль приводит лексему *чупрун* как «тамбовское» с семемой «женский чапан, кафтан с перехватом, белого сукна» [7. С. 4, 615]. В русских говорах Сибири *чупрун* имеет значение «подол юбки, сорочки, сарафана» [8. С. 32]. В пограничных с рязанскими пензенских говорах лексема *чупрун* зафиксирована с семемой «шерстяной белый девичий халат» (КСРНГ). Слово как обозначение женской широкой одежды встречается в «Материалах» И.И. Срезневского (Ш, 1552).

Изолекса *шушун* формирует Западный ареал вдоль границ с московскими и тульскими говорами. *Шушуны свойские, сами ткали, сами шивали, весь белай, украшиной тисемычками, лентачками* (с. Гладкие Выселки Захаровского р-на). Лексема спорадически отмечается на севере и северо-востоке рязанского региона (Клепиковский, Касимовский районы). Лексикографическое подтверждение бытования *шушуна* в Рязанской губернии находим в словаре В.И. Даля, где лексема, кроме описываемого, имеет значение «старушечий шушпан» с пометами «вологодское», «вятское», «олонецкое», «новгородское» [7. Т. 4. С. 4, 650—651]. В качестве обозначения женской одежды туникообразного покроя слово встречается в словаре В. Бурнашева [9. С. 364]. В русских говорах северных областей описываемая лексема обозначает сарафан [10. С. 354; 11. С. 116; 7. С. 4, 650—651; 12, 185].

Изолекса *юпочка* формируется исключительно в районе Богословщины (Богословский микроареал). Лексема не отмечена ни одним региональным словарем, что свидетельствует о сугубо рязанском характере картографируемого наименования.

Изолекса *шушка* «женская верхняя одежда прямого покроя с рукавами до локтя, без застежек, обшитая по вороту, бортам и подолу цветным кантом» очерчивает компактный ареал в южной части территории Рязанской области (Южный ареал). Наименование спорадически отмечается в Ермишинском, Спасском, Шиловском и Михайловском районах. Региональными диалектными словарями слово не зафиксировано. Отсутствует оно и в картотеке СРНГ.

Третий вид нагрудной одежды был обязательно глухим; по покрою его делят на туникообразные — прямые, круглые — расклешенные книзу и косоклинные. Подобная туникообразная одежда могла быть любой длины, с короткими или длинными рукавами, а также без рукавов. Вариантом южновеликорусского нагрудника являются мордовские. Надеваемый поверх других предметов одежды, он отличался богатством орнаментации. Такие нагрудники в рязанских говорах имели разные наименования: *гунька, желтик, кодман, котман, короткий сарафан, навершник, нагрудень, нагрудник, наздевник, наздевок, насов, насовец, насовка, насовчик, рукавник, сарафан, сарафан с рукавами, торган, шорган*. Яркость отделки этой одежды зависела от возраста женщины. В Мещере белый холщовый нагрудник считался одеждой пожилых женщин и назывался *кручинным* [13. С. 14]. Отдельные виды одежды рассматриваемого типа носили ритуальный характер. Известны случаи ношения женской наплечной одежды (*кодман*) «по печали», накидывая на голову и закрывая им лицо [2. С. 21].

Из всех наименований женской нагрудной одежды рязанскими памятниками XVII в. отмечены лишь лексемы *нагрудник* и *кодман* (*котман*). *Кодман* и *котман* засвидетельствованы исключительно как принадлежность крестьянского костюма, преимущественно синего цвета. По свидетельству Е.Н. Борисовой, наименования известны лишь рязанским и воронежским памятникам [14. С. 303—304]. Установить значение лексемы *нагрудник* по рязанским памятникам не представляется возможным: «...*ферези...да нагрудникъ камчатъ*» [14. С. 301]. С пометами «рязанское», «тульское» слово *кодман* содержится в известном словаре М.Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» как род шушуна: «*Рязанской губернии в Скопинском уезде кодманы бывають обыкновенно цвета синего, другие же цвета кодману нейдут*» [15. С. 120].

К типу нагрудной одежды относится безрукавная, стеганная на вате или шерсти праздничная одежда на лямках или узких проймах (*душегрейка, коротай, коротайка*). По покрою она напоминает укороченный сарафан, спинка которого собрана в складки и который в разложенном виде представлял почти полный круг. Эта одежда являлась частью сарафанного комплекса. В Рязанском крае душегрейка бытовала у потомков однодворцев.

Во второй половине XIX в. стала входить в моду безрукавка-лиф. В Рязанском крае в начале XX в. была распространена безрукавка, плотно облегающая грудь, длиной до талии; шили ее из плиса, бархата или сукна, стегали на вате. В рязанских говорах она

имеет множество наименований: *безрукавка, брюшник, дулетка, душегрейка, душегрея, жупейка, казак, кацавейка, коротайка, коротенька, корсажка, корсет, корсетка, кошулька, лиф, лифчик, нагрудник, обжимка, подбрюшник, поддевка, подживотка, подживотник, прижимка, пятислонка, сердюшка, телогрейка, телогрея, теплушка, фуфайка*. Подобную безрукавку пожилые женщины надевали в праздники под шушпан для тепла; молодым безрукавка-лиф часто в будни заменяла корсетку [2. С. 8, 16]. Часть диалектных наименований объясняется особенностью покроя, к ним относятся *лиф, лифчик, корсаж, корсет, корсетка, обжимка, прижимка*.

Некоторые из перечисленных лексем, в частности *дулейка, дулетка, коротай, корсетка, обжимка, прижимка, подживотник*, фиксируются на территории Московской области, особенно в той ее части, которая граничит с Рязанщиной (ЛАМО. L 54).

Лексема *телогрея* отмечена рязанскими памятниками (грамота 73) в качестве одежды, бытовавшей среди состоятельных людей: «*тьлогрея атласная бѣлая, круживо плетеное золота съ серебромъ, расшита по алой тафтѣ, пуговицы серебряные залочены*». Телогрея могла быть теплой и холодной; теплая же по существу являлась шубой [14. С. 283]. Впоследствии лексема и ее дериват *телогрейка* стали обозначать душегрейку — женскую теплую кофту как с рукавами, так и без них.

Наименования безрукавки, плотно облегающей грудь, формируют несколько ареалов на территории Рязанской области. Изолекса *подживотник* формирует на севере ареал в пределах мещерской территории, клинообразно вторгающийся в Спасский и Шилловский районы. *Туга-натуга подживотники были. Такая-та на вати стягали, для тьяла* (с. Бусаево Клепиковского р-на). Изолекса очерчивает локальный ареал у западной границы Рязанского края (Богословщина). В рязанских говорах слово является полисемантом, обозначая фартук без верхней части, прикрывающей грудь, безрукавку на вате или меху свободного покроя, пояс. С указанным выше значением слово *подживотник* встречается в ленинградских, тульских (СРНГ. 28, 8) и московских говорах (СГП. С. 370). Для обозначения пояса слово служит в архангельских [16. С. 30], вологодских, челябинских, пермских, сибирских говорах (СРНГ. 28, 8). И наконец, в значении «короткая женская кофта на вате» слово *подживотник* бытует во владимирских говорах (Там же).

На юго-западе рязанской территории изолекса *корсетка* «безрукавка, плотно облегающая грудь» формирует ареал, ограниченный правым берегом реки Оки и рекой Парой. Лексема спорадически отмечается восточнее указанной территории (Сасовский,

Путятинский, Шацкий районы). В рязанских говорах *корсетка* отличается многообразием семем: «стеганая ватная куртка» (Шацкий); «женский жакет из плюша» (Рыбновский, Спасский, Шиловский, Ухоловский); «женская верхняя короткая одежда, подбитая ватой, с отрезной спинкой и сборами, с длинными рукавами» (Рыбновский, Шиловский, Ухоловский). В картографированном значении наименование *корсетка* зафиксировано в московских (7. Т. 3. С. 170; СГП. С. 221), новосибирских (СГН. С. 239) говорах. В окающих (новгородские, костромские) и акающих (тамбовские, воронежские, калужские, тульские, московские, смоленские, брянские) говорах (СРНГ. С. 14, 373), а также в русских говорах Мордовии (СРГМ. С. 72) слово *корсетка* отмечено с семемой «короткая женская кофта (жакет) со сборами сзади». В орловских говорах данное слово обозначает любую женскую одежду со сборами по талии (СОГ. Т. 5. С. 88—89).

Покрой поддевки имела другая разновидность безрукавки, с отрезной спинкой и сборами от талии, длиной до колен. Эту одежду шили из плиса, сукна или овчины и называли *коротайка*, *корсажка*, *корсет*, *корсетка*, также *поддевка*. Надевали подобную безрукавку, как правило, в праздники, поэтому оторачивали мехом [17. С. 15; 2. С. 7, 16]. В Сапожковском районе известна и более старая форма безрукавки — с цельной спинкой и клиньями по бокам [3. С. 225].

Безрукавка прямого покроя, стеганная на вате или шитая на меху, длиной до бедер (*безрукавка*, *дулейка*, *дулетка*, *дулеточка*, *душегрейка*, *жакетка*, *жилетка*, *житетка*, *жупейка*, *зипунька*, *кацавейка*, *коротайка*, *коротенька*, *коротыша*, *навершник*, *нагрудник*, *подживотник*, *сердьяка*, *телогрейка*, *чупрун*, *шубейка*, *шугайка*) появилась в Рязанском крае только в XX в. Из перечисленных лексем только *дулетка* и *навершник* дают четко очерченные ареалы на территории Рязанской области. Изоглосса наименования *дулетка* (с вариантом *дулейка* и уменьшительным *дулеточка*) формирует Средний Западно-Южный ареал, в пределах которого слово употребляется и в другом значении — «женская верхняя короткая одежда, подбитая ватой, с отрезной спинкой и сборами, с длинными рукавами». В качестве рязанских *дулетка*, *дулеточка* отмечаются СРНГ, где приводятся с семемой «безрукавка с подкладкой на вате, украшенная аппликациями» [8. С. 254]. За пределами рязанской территории слово *дулетка* бытует с другими значениями: теплую кофту оно обозначает в московских (СГП. С. 124) и калининских (ОСГКО. С. 58) говорах, в орловских (СОГ. Т. 3. С. 89) и алтайских (СГА. Т. 2. С. 52) говорах им называют кофту на вате.

Изолекса *навершник* «безрукавка на вате или меху свободного покроя» очерчивает территорию по линии Клепиковского — Кадомского районов, включающей Касимовский и Ермишинский районы. Лексикографическое подтверждение фиксации манифестирующей лексемы на территории Рязанской области находим в СРНГ, где слово *навершник* имеет значения «сарафан с рукавами», «сарафан без рукавов», «женская одежда, надеваемая поверх рубашки», «фартук». В последнем значении, по данным СРНГ, кроме рязанских, наименование встречается также в русских говорах Мордовии. В вятских говорах лексема обозначает «сарафан», а также «шушун, надеваемый поверх сарафана» (Опыт. С. 120).

Среди перечисленных рязанских наименований отмечаются различные пласты лексического фонда. Ядро составляют интердиалектные лексемы, которые широко известны многим русским народным говорам за пределами Рязанской области (*дулетка, корсетка, навершник, подживотник, шушун*). Они обнаруживают тесную связь рязанской диалектной лексики преимущественно с лексической системой южнорусского наречия и переходных среднерусских говоров. Лексемы *шушка, юпочка* в опубликованных лексикографических трудах не обнаружены.

Список принятых сокращений

ЛАМО — Войтенко, А.Ф. Лексический атлас Московской области. — М., 1991.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской АН. — СПб., 1852.

ОСГКО — Кириллова, Т.В. Опыт словаря говоров Калининской области / Т.В. Кириллова [и др.]. — Калинин, 1972.

СГА — Словарь русских говоров Алтая. — Барнаул, 1997.

СГН — Словарь русских говоров Новосибирской области. — Новосибирск, 1979.

СПП — Войтенко, А.Ф. Словарь говоров Подмосковья ; изд-ие 2-е, испр. и доп. — М., 1995. — Вып.1.

СОГ — Словарь орловских говоров. — Ярославль — Орел, 1989—1996. — Т. 1—8.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. — М. ; Л. ; СПб., 1965—2005. — Вып. 1—39.

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Публичные чтения о славянах // Денница. — Варшава, 1843.
2. Лебедева, Н.И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. — Рязань, 1929. — Вып. 18.

3. Русские. Историко-этнографический атлас. — М., 1967.
4. Панкова, Т.М. Рязанский традиционный народный костюм // Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 1992.
5. Малинина, М.Д. Вопросы изучения материальной культуры северной части Рязанской губернии (Мещеры) // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. — М., 1929.
6. Маслова, Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — нач. XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. — М., 1956.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1—4.
8. Мотовилов, А. Сибирская молва. К материалам для изучения областных наречий русского языка // Сб. ОРЯС. — СПб., 1888. — Т. 44. — № 4.
9. Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного : в 2 т. — СПб., 1843—1844.
10. Васнецов, Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. — Вятка, 1907.
11. Куликовский, Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1898.
12. Зеленин, Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. — СПб., 1913.
13. Малинина, М.Д. Очерки Рязанской Мещеры // Вестник рязанских краеведов. — Рязань, 1925.
14. Борисова, Е.Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук. — Рязань, 1956.
15. Макаров, М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. — М., 1846.
16. Подвысоцкий, А.О. Словарь областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885.
17. Данилин, А.Г. Крестьянская одежда района «Богословщина» Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. — Рязань, 1927. — Вып. 9.

С.А. Мызников

г. Санкт-Петербург

О некоторых ранних финно-угризмах в Словаре И.И. Срезневского

Арбуи «колдун, языческий жрец» Печор. Пск., 1840 (СРНГ).
Арбуи «колдун» Гдов. (Ивановщина) (ПОС). «Бранное слово» —
Перемазался как арбуи. Гдов. (Афаносово) Пск., ПОС.

Слово известно с 1534 г. (Грамота Новгородского Архиепископа Макария в Водскую пятину), фиксируется также под 1548 г.

(Грамота Новгородского Архиепископа Феодора в Воцкую пятину: *И приываютъ деи на тѣ свои скверные молбища отступникъ арбуевъ Чюдикихъ* (Срезневский, Доп., 6). Калима с сомнением, но возводит лексему к водск. фин. *arpoja* «прорицатель, предсказатель» [1. С. 79]. Фасмер, соглашаясь с версией Калимы, отмечает меньшую вероятность заимствования из мар. *arbuī* «жрец, колдун». Авторы SKES дают общую прибалтийско-финскую этимологию для русского слова, а материал мар. *arbuīj* относит к русскому влиянию (SKES, 1, 24, 25). Ср. также удм. *urveš, urbet»š* «дух, вызывающий болезнь», «обряд жертвоприношения, изгоняющий этот дух», венг. *orvos* «врач», венг. диал. *igus* «колдун, волшебник» (SKES, 25). Ср. также тюр. *арба* «колдовать, предсказывать, заговаривать», «давать советы, советовать», «бранить, выразить неудовольствие на кого-л., прорицать», «уговорить, льстить, обмануть», «рассказывать сказки», *арбау* «хитрый ответ, колдовство», *арбаузы* «колдун» (Радлов, 1893. Т. 1. С. 335, 336). Фиксируется гидроним **Арбуйка** Волог. [2. С. 26], вероятно относящийся к этому гнезду.

Ке'рста «могила» — *Ходили на керсту*. Онеж. Арх. [3. Т. 2. С. 106]. **Ке'рста** «могила, яма» — *Ходили даве на керсту, родителей поминать*. Онеж. Арх. [4. С. 65]. **Ке'рста'** «могила» Каргоп. Олон. [5], Шенкур. Арх. (СРНГ. Т. 13. С. 189).

Единица **керета** «могила», помеченная в СРНГ как фольклорная единица, относится сюда же, если это не описка («е» вместо «с»): — *Да пуцу свой незвичен голос На керету, на могилу глубокую*. Каргоп. Олон., Арх. (СРНГ. Т. 13. С. 186).

Толкование «могила» большей частью связано с лексикографической традицией. Данный материал имеет значительные фиксации в памятниках письменности, ср. др. рус.: **керста** «гроб», с вариантами **кърста, корста, корьста, крьста** «гроб», а также дериватами: **керстица, кърстица, крьстьица, корстица, кърьстьица** «ящик» [6. Т. 2. С. 1206, 1411], **керста** «ящик; гроб, рака» и **керстица, корьстица, користица** «ящик, ящичек; ларец» (Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 116, 345) с фиксациями XIV—XVI вв.

Калима, имея в распоряжении только материал Подвысоцкого и Даля, предлагает для него прибалтийско-финский источник, приводя для сравнения фин. *kirstu*, ливв. *kirsto* «сундук, гроб», эст. *kirst, kõrst* «ящик, сундук, гроб». Однако этимология прибалтийско-финского гнезда для него не совсем понятна, он отвергает сопоставление со словом фин. *kistu* «ящик, сундук», рассматривая его как недавнее скандинавское заимствование, а также возведение его к балтийским источникам типа литов. *karstas, karštas* «гроб» [1; 113,

114]. SKES, повторяя версии Калимы, приводит латыш. *šķirst* «сундук, гроб» как результат прибалтийско-финского влияния, из ливск. *kiršt* «обитый железом сундук» (SKES, 200). Авторы SSAP также предполагают, что др. рус. **керста** связано с прибалтийско-финскими источниками, а далее через русское посредство слово вошло в балтийские языки, ср. лит. *kařstas* «гроб» (SSAP, 1, 372). На балтийской почве лексема литов. *kařstas* и вариант *keřstas* «гроб» рассматривается как заимствование из белорусского языка, ср. бел. *корста*, которое, в свою очередь, является финно-угризмом [7. Т. 1. С. 223]. На наш взгляд, вокализм русского диалектного слова **керста** не позволяет напрямую связать его с прибалтийско-финскими данными. Сам Калима приводит соответствия при заимствовании на русскую почву только как /i/ — /и/, причем лишь в лексеме **керста** вокализм не соответствует прибалтийско-финским источникам, что остается неясным для него [1. С. 51]. Этот факт, а также обилие вариантов в русских памятниках письменности дает возможность предположить обратное направление заимствования.

Коло'мки «деревенское кладбище, при котором нет церкви» Ямб. Петерб. (СРНГ, 14, 170). **Коло'мище** «глубокое место в реке» — *Меня чуть не затянуло в коломище*. Поддор. (НОС, 4, 89). «Центральная часть села» — *Гулянье всегда на коломище было*. Правленье колхоза всегда на коломище находится. Мошен. (НОС, 4, 89). «О большом росте человека, животного» Марев. (НОС, 4, 89). «Большая укладка снопов» Демян. (НОС, 4, 89). **Коло'мище** «холмистые, гористые места» Валд. (НОС, 4, 89). «Урочище» Новг. (НОС, 4, 89).

Лексема **коломище** «могила, место могил» отмечается по памятникам письменности в XVI в.: — *Мертвыхъ деи, своихъ они кладутъ въ селехъ по курганомъ и по коломищемъ ..., а къ церквамъ, деи, на погосты на... не возятъ*. Грам. Макария арх. Новг. Вотск. Пят. 1534 г.; для которой Срезневский предлагает финскую этимологию, фин. *kalmisto* [6. Т. 1. С. 1258]. Причем эта фиксация остается единственной и просто повторяется в Сл.РЯ XI—XVII вв., хотя данный словарь оперирует достаточно большим перечнем источников (Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 250).

Лу'да (I) «каменистая мель, отмель» Плес., Сегеж., Медвежьегор., Кондоп., Подпорож., Кандалакш., Кем., Онеж., Прионеж., Пудож., Терск. (ПЛГО; СРГК, 3, 154-155). Сев.-Двин. (СРНГ, 17, 178). «Мелкое место в реке, озере» Прионеж. (Шуя, Вороново, Кончезеро, Ялгуба), Подпорож. (Важины, Карганичи, Юковичи), Медвежьегор. (Федотово, Космозеро), Пудож. (Пяльма), Сегеж. (Полга),

Лодейноп., Плесецк. (ПЛГО; КСРГК). Новг. (НОС, 5, 49). «Каменистое дно реки, озера» Медвежьегор. (Сигово, Палтега), Подпорож. (Согиницы, Пидьма, Юксовичи), Пудож. (Авдеево, Гаукса, Падма), Онеж., Терск. (ПЛГО; КСРГК). «Каменистое дно реки, подводные плоские камни» Усть-Цилем. (СРГП, 1, 395; КСРНГ). Каргоп. (Нокола, Тихманьга, Лекшмозеро) (ПЛГО). «Камень, торчащий из воды, небольшой каменный островок» Медвежьегор. (Белохино), Кондоп. (Колгостров, Лижма), Пудож. (Пога), Кем., Лоух., Онеж., Беломор., Кандалакш. (КСРГК; СРГК, 3, 155). «Подводный камень, уступ, скала» Медвежьегор. (Ламбасручей, Есино, Пабережье, Хашезеро), Кондоп. (Лодмозеро), Пудож. (Пога), Беломор. (КСРГК). Мезен. Арх., Ладож. Петерб. (СРНГ, 17, 178). «Скопление камней на реке» Пудож. (Пяльма), Прионеж. (Лехнаволоок), Медвежьегор. (Шуньга), Кондопож. (Гангозеро, Кеппясельга) (КСРГК). «Каменистое поле» Каргоп. (Троица) (ПЛГО). **Ло'да** «каменистая мель» Вожегод. (Углы) (ПЛГО). «Песчаная отмель» Бабаев. (Заболотье) (ПЛГО).

Срезневский отмечает слово **луда** с 1571 г. Строгова утверждает, что «финно-угорское **луда** (по памятникам известно с XIV в.)» [8. С. 198]. Калима приводит в качестве соответствия кар. *luodo*, лив. *luodo* «каменистая мель, подводный камень», но говорит при этом, что в русском языке прибалтийско-финский дифтонг [йо] передается обычно через [о], а веп. *luda*, по его мнению, заимствовано из русского. Хакулинен слово *luoto* с его соответствиями в других прибалтийско-финских языках относит к общей для этих языков лексике. SKES представляет следующие соответствия из прибалтийско-финских языков: фин. *luoto*, эст. *lood*, вод. *looto*, лив. *luodo*, люд. *luod* со значением «подводная скала, небольшой остров». Фасмер, приводя материал Калимы, допускает возможность заимствования из др.исланд. *bluð* «шхеры». Срезневский считает, источником может быть др. рус. **слуда** «утес», **слудва**, **слудова**, сравнивает с лит. *slėdnīs* «наклонный». Слово **луда** представляет единицу, на форму которой, вероятно, повлияла лексема **слуда**, но посредством прибалтийско-финского языка. А вариант **лода** является результатом прямого воздействия вепсского языка (он зафиксирован в непосредственной близости от вепсского континуума). Авторы SSAP полагают, что веп. *luda* «подводный камень или скала» заимствовано из русских диалектов; а в целом прибалтийско-финское гнездо оказало влияние на саамские диалекты, ср. саам. норв. *luotto* «пустынная местность, глушь», саам. швед. *luotātahka* «медвежья шкура» (SSAP, 2, 111).

Анализируемое слово употребляется также в микротопонимии: Карска луда, Шаганска луда, Каменная луда Подпорож. (Шеменичи) (ПЛГО), Я'ткалу'ды «тоня» Кем. (Гридино) (КСРГК). Озерецковский отмечает Дивьи луды [9. С. 183]. Соло'мя «пролив» Медвежьегор. (Ламбасручей, Черкасы) (КСРГК). Соло'мя «узкий пролив», «пролив между островом и материком» Медвежьегор. (Космозеро). «Пролив» Кондопож. (Колгостров) (ПЛГО). «Проток» Торопец. Пск. (Копаневич, 1902; КСРНГ). Соломенное «район города» (Петрозаводск). Соло'мечко «небольшой узкий пролив» Медвежьегор. (Лонгосы), Кондопож. (Тулгуба) (ПЛГО). Соломя «узкий пролив» Заонежье, Петрозав. (Певин). Северное соломья, Летнее соломья Медвежьегор. (Ламбасручей) (ПЛГО). Кривое соломья «залив» Кондопож. (Лижма) (ПЛГО). Соло'менный «проточный» Торопец. Пск. [10]; КСРНГ).

Слово соломья отмечается с 1391 г. с фиксацией под 1504 г.: *С лычных гор по сельгам прямо в Кукозерское соломья* [6]. Данное слово представляет полногласный вариант лексемы салма.

Список принятых сокращений

НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. — Новгород, 1992—1995. — Вып. 1—12.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Л.; СПб., 1967—1996. — Вып. 1—12.

ПЛГО — Полевые лингвогеографические обследования автора.

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Хранится в СПбГУ.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. — СПб., 1994—2002. — Т. 1—5.

СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф.П. Филин. — М., 1983.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в ИЛИ РАН.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — М.; Л.; СПб., 1965—2005. — Т. 1—39.

Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1975—2000. — Вып. 1—25.

Радлов — Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1899—1911. — Т. I—IV.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1955—1981. — О. 1—7.

SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1992—2000. — О. 1—3.

Список использованной литературы

1. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. — Helsingfors, 1915.
2. Чайкина, Ю.И. Из истории топонимии Вологодского края / Ю.И. Чайкина, Л.Н. Монзикова, Е.Н. Варникова. — Вологда, 2004.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 2-е изд. — СПб. ; М., 1880—1882. — Т. 1—4.
4. Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885.
5. Куликовский, Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1898.
6. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1893—1912. — Т. 1—3.
7. Fraenkel, E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1962—1965. — Т. 1—2.
8. Строгова, В.П. Об особенностях некоторых древних заимствований в новгородских говорах // Очерки по лексике севернорусских говоров. — Вологда, 1975.
9. Озерецковский, Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. — СПб., 1792.

В.В. Плешакова

г. Рязань

Источник Блага

Статьи Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского содержат богатый иллюстративный материал, почерпнутый из большого количества (2 700) памятников древнерусской письменности — преимущественно XI—XV вв., отчасти XVI и XVII вв. Среди выписок из них, помимо обычных повествовательных высказываний, находим также примеры благопожеланий, благословений, молитв, приветствий, благодарений, клятв, проклятий, которые в силу устойчивости их формы, сложившейся в истории русского языка, и долговременного и повсеместного распространения в русской речи, могут быть названы *традиционными высказываниями* [1. С. 50—60]. Богатство Словаря позволяет использовать его данные для выяснения судьбы не только отдельных слов и понятий, но и целых выражений, а также для восстановления традиций русской речи. Так, например, на многие ключевые для русских благопожеланий слова (благо, лѣто, миръ, мьногажьды=многожьды, мьногыи, помочи=помощи, радоватисѣ, спѣти, съблюсти, съдравьствовати, съпась

«спасение», съпасти, съпасени~, съпасительнии, съпастиш, съхранити=сохранити, съчастливый и др.) в Словаре приведены образцы древнерусских благопожеланий:

Да бл(а)го ти б@деть. *Ефр. Крм.* 245 [2. Т. 1. Ч. 1. Стб. 90]. Пшша многа лпта. *Псков. 1 л.* 6958 г. Пшше ему великие многа лптъ. *т.ж.* 6968 г. [2. Т. 2. Ч. 1. Стб. 78]. Да вы живете и многажды умножитесь. *Вмз. VIII. 1 по сп. XIV в.* Идѣте съ сп(а)сомъ. *Быт. XLIV. 17 по сп. XIV в.* [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 789]. ...и да възрацаютьсѣ съ сп(асе)ни~мъ въ свою сторону. *Дог. Игор.* 945 г. [Там же. Стб. 787]. Да бы г(осу)д(а)рь на(шь) здра(въ) бы(ль) на мнѣгѣ лпта. *Чаша митр. Мак. (т.ж. 16)* [2. Т. 3. Ч. 2. Стб. 1484]. Съдравьствуйте же многа лп (та), съдръжѣще поручение свое. *Остр. ев. Запис.* 1057 [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 698]. Сего ради налѣцѣи, спѣи и ц(а)рствуи истины ради. *Панд. Ант. XI в.* 139 [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 474]. Мы же рѣшмъ к неи: ра(ду)иш, Руское познанье къ Б(ог)у. *Пов. вр. л.* 6477 г. [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 13]. Всѣмъ родомъ крестьянскимъ правителю неподвижному и счастливому..., великому Московскому королю царю Ивану въ добромъ пребываніи быти. *Никон. л.* 7066 г. [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 864]. И да ему отецъ крестъ честны и мечъ, река: се ти буди схранникъ и помощникъ, а мечъ прѣщенье и опасенье, иже нынѣ даю ти пасти люди своя отъ противныхъ. *Лавр. л.* 6714 г. [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 863].

Замыслом И.И. Срезневского, по свидетельству его дочери и продолжательницы его дела, — О.И. Срезневской, было составление «Словаря языка Русского народа до XIV—XV века» [2. Т. 1. Ч. 1. V]. Традиционные высказывания, нашедшие свое место в Словаре, не в меньшей мере, чем его лексический состав, отражают и выражают дух народа, или, как говорил И.И. Срезневский, «умственную и нравственную жизнь народа», «очень своеобразныя воззрения» его [2. Т. 1. Ч. 1. IV—V]. Автор Словаря, следовавший в его составлении принципу: «брать все, что находится между памятниками Русскаго письма» [Там же. VI], — вместе со своими помощниками смог создать именно такой Словарь, который сообщает «понятия об образованности, о жизни и характере народа» [Там же. IV] и способствует «разумению своего народа в его прошедших судьбах» [2. Т. 1. Ч. 1. 7].

В своих лексических и цитатных материалах Словарь И.И. Срезневского дает новым поколениям русских людей замечательную возможность — понять мир человека Древней Руси, а в сравнении с ним — лучше понять и самих себя.

Рассмотрение данных Словаря, касающихся древнерусских благопожеланий, приводит к заключению, что главное их отличие от благопожеланий, общеупотребительных в современном речевом обиходе, — более духовный, христианский характер. Это выражается прежде всего в осознании древнерусским человеком, что один источник всякого блага — Бог: Аще бы не благодать Божиѣ приспѣла на насъ... что быхомъ сътворили. *Феод. Печ. V. 205.* Бл(а)годать отъ Б(ог)а дастьсѣ. *Ю. екз. Бог. 216.* Все здоровы и сохранени быша помощю Святыя Троица. *Псков. I л. 6915 г. (2. Т. 3. Ч. 1, Стб. 8863).* Къдѣ ~ б(о)жия благодать. всѣ суть възможна. *Гр. Наз. въ Сбор. XIV в. [2. Т. 1. Ч. 1. Стб. 96].* Наказанъ бывъ ч(е)л(ове)къ благодѣтию Х(ристо)вою навиче тайны благодѣти. *Пс. XVII.36. Толк. по сп. XI в.* Бл(а)годѣть с(вя)тая о Х(рист)ѣ Божѣ нашемъ бы(сть). *Мин. Пут. XI в. 31.* [Там же. Стб. 98]. Б(ог)ъ всего блага испльненъ. *Сб. 1076 г. Вѣчныхъ благъ давьць. Панд. Ант. XI в. гл. 126* [Там же. Стб. 90]. Божьимъ заступленьемъ... схраненъ бысть без раны. *Лавр. л. 6659 г.* [Там же. Стб. 140]. Б(ого)мъ зовемъ Б(ог)а. небонъ б(ог)атства вся о(т) того суть. *Ю. екз. Бог. 90* [Там же. Стб. 128]. Подобные примеры находим на каждой странице Словаря.

В старинных благопожеланиях источник благ обычно назван. Для этого уже в древнерусский период сложились свои определенные формы: Онъ же прирече Г(оспод)ъ съ тобою. вънутрь скоро зъваше пришъдъшаго. *Златостр. XII в. [2. Т. 1. Ч. 1. Стб. 390].* Владыцѣ арх(иепис)к(о)п(у) Олексію да Б(о)гъ многа лѣ (т) и здрави~ и сп(асе)ние. *Нап. на кр. Новг. п. 1360 г. [2. Т. 2. Ч. 1. Стб. 211].* Б(ог)ъ же... васъ бл(а)гослови и сънабъди о(т) проныриваго без бѣды. *Нест. Жит. Феод. 28. [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 771].* Помози вама Богъ и святая Троица. *Псков. I л. 6773 г. [2. Т. 2. Ч. 2. Стб. 1164].* Даи Б(о)гъ здра(въ) бы(ль) ц(а)рь г(осу)д(а)рь на(шь)... на мнѣга лѣта. *Чаша Ив. Вас. (Гр. общ. ист. и др. IV. 2.15) [2. Т. 3. Ч. 2. Стб. 1484].* Г(оспод)ъ съхранъ тѣ на множайша лѣта. *Ефр. Крм. Крф. 135 [2. Т. 3. Ч. 1. Стб. 863]* Съ ними же буди и мнѣ милость получитьи о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. *Пат. Печ. [2. Т. 2. Ч. 1. Стб. 493].* Богъ же мира со всѣми вами. *Лук. Жид. [2. Т. 2. Ч. 1. Стб. 147].*

Таким образом, древнерусские благопожелания были близки молитвенным прошениям. Ср., например, тексты вышеприведенных благопожеланий с текстами следующих молитв: Молюсь Богови и святой Богородици, да будете душею и тѣломъ добри здоровы, и да исполнивали бы есте заповѣди Божіи. *Грам. Феогн. м. Черв. Яр. д. 1353 г.; Грам. Алекс. митр. 1356 г. [2. Т. 1. Ч. 1. Стб. 683].*

Буди со мною въ всѣхъ пути и не остави мене, Г(оспод)и И(ису)се Х(рист)е. *Нест. Бор. Гл. 14* [2. Т. 2. Ч. 1. Стб. 1738].

Современные русские благопожелания источник благ обычно не указывают, что вызывает справедливые нарекания духовных лиц: «На свадьбе были. А молились там за счастье молодоженов? Говорили, мол, желаем вам счастья! Счастья не будет, потому что вы его ни у кого не просили. А просить надо у Бога. Он — податель всяческих благ. У Него и надо просить благословения и счастья на будущую жизнь» (прот. Григорий Долбунов). В современном православном обиходе молитвенные благопожелания сохраняются, и этим они сближаются с древнерусскими. Например: Господь да помилует их и спасет! Милость Божия буди с вами! Всех вам благ от Господа желаю (свт. Феофан Затворник, Письма); Бог на привале! а) *Приветствие в пути на месте отдыха. Сев.-Двин., 1928.* б) *Приветствие: беседуйте.* Пошех.-Волог. *Яроsl., 1929*; Бог на поль. *Приветствие при полевых работах. Арх., Астрах., 1905—1921*; Бог по пути. *Дорожное приветствие.* Черепов. *Новг., 1905—1921*; Бог спасет. *Спасибо.* Васил., Сергач., *Нижегор., 1905—1921* (СРНГ, 3, 41); Помогай Бог! *Приветствие работающему.* с. Екшур Клепик. р-на *Ряз. обл.*; Бог помочь! Бог в помощь! *Приветствие работающему.* п. Сарай *Ряз. обл.* На прощанье она произносит благодарность по-старообрядчески: — Бог вас спасет! (А. Лыкова). В православной Церкви мы родились, православными дай Бог и помереть (В.М. Васнецов). Дай Бог тебе здоровья и покоя душевного (Б. Зайцев). Я сказал ему: «Здравствуй, Денис Петрович». И он ответил тихим приветным голосом: «Христос спасет» (В.А. Никифоров-Волгин). — Нет... нас-то ты проводишь, а сама-то поживешь-поживешь... да хлебнешь, добре мне тебя жалко..., помоги *табе* Господи, — ответила старица («Сестры», 2003, 148).

Призывание имени Божия в добрых пожеланиях имеет основание в Священном Писании: *Просите, и дастся вамъ* (Мф. 7,7; Лк. 11,9). *Безъ Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15,5). *И еже аще что просите (от Отца) во Имя Мое, то сотворю, да прославится Отець въ Сыне* (Ин. 14,13). «От всеблагого и великодаровитого Бога можно получить молитвою веры все духовные и необходимые вещественные блага, только бы искренно было желание этих благ и горяча молитва. И какие молитвы Церковь влагает нам в уста? Такие, что ими удобно можно преклонить Господа на всякую милость к нам, на всякое даяние благое» (св. прав. Иоанн Кронштадтский). «Так как Господь есть единственный источник всяких благ, то, объединяясь с Ним в молитве, мы и получаем от

Него все блага» (свт. Василий (Преображенский), исп., еп. Кинешемский).

Список использованной литературы

1. Плешакова, В.В. Русские традиционные благопожелания (К вопросу о традиционных высказываниях) // Филологические науки. — 2006. — № 4. — С. 50—60.
2. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. — М. : Книга, 1989 (репр. изд.).

Н.Б. Парикова

г. Тула

Губные спиранты в рязанских говорах

Положение губных спирантов (звонкого губно-зубного <в> и его глухого коррелята <ф>) в системе согласных русского языка необычно. Их свойства в ряде проявлений отличаются как от других парных шумных согласных, так и от группы нешумных — сонорных — согласных. В отличие от группы шумных согласных, составляющих большую часть в системе русских согласных, они сближаются с сонантами (р, л, м, н, j). Так, <в> не вызывает озвончения предшествующих глухих согласных: ср. с[в]ой; с[в]ерь и з[в]ерь, с[м]ей и з[м]ей, с[л]ой и з[л]ой и, с другой стороны, с[н]ова и з[н]оя, т[р]ава и д[р]ова, п[ъ]ем и б[ъ]ем.

Иначе сказать, <в> не вызывает ассимилятивного озвончения предшествующего шумного глухого, но подобно остальным шумным, <в> оглушается, теряя голос на конце слова и перед следующим глухим, например: голо[ф], голо[ф]ка; кро[в']и, кро[в]ный, но кро[ф'] или свекро[ф']. Глухой звук [ф] выступает как вариант <в> в позициях оглушения: тра[ф]ка, тра[ф]. Он известен и как самостоятельное образование — фонема <ф> в сравнительно немногочисленной группе заимствованных слов: [ф]абрика, эста[ф]ета, [ф]ирма и в собственных именах Тро[ф]им, [Ф]едор, Тимо[ф]ей и т.д. (в основном в старых грецизмах и в относительно поздних заимствованиях из европейских языков). В этой группе лексики в древнерусской письменности и в современных говорах часто пред-

ставлены замены буквы ф (буквы Ф и Θ) буквой х (χ) и сочетаниями хв и хф: [х]абрика и [хв]абрика; хв(хф)едор и т.п.

История шумного звонкого <в> в русском языке сложна и длительна.

В раннем общеславянском языке ни <в>, ни <ф> не было. Звук [в] появился как часть утрачивавшихся общеславянских дифтонгов *ou, *au, *eu. Например, *tъrg-ou-a-ti. Кроме того, в общеславянском языке развивался протетический <в> перед *ǫ, *ū, например, *вопить*, *восемь*, *выкнуть* «привыкнуть», поэтому *у* был губно-губного образования.

В раннем древнерусском периоде <в> получил губно-зубную артикуляцию — и сблизился с остальными — смычными — согласными. После утраты «редуцированных» («глухих») ѣ и ь с конца XII в. возникло явление ассимилятивного (перед глухим шумным) оглушения <в>, превратившее его в глухой [ф].

После появления навыка произношения губно-зубного [ф] как глухого варианта <в> стало возможным произношение и <ф> (как фонемы — в самостоятельном употреблении).

В большинстве русских говоров установилась парность губно-губных шумных <в> — <ф> по голосу — шуму; оглушение <в> на конце слова и перед глухим согласным.

В другой части говоров сохраняются остатки губно-губного произношения «в» (ω, ѣ неслогового и в определенных случаях у слогового), хотя перед гласными и сонорными — как в литературном языке — звук <в> губно-зубного образования, образует пару звонкий — глухой [в] — [ф].

На большей части территории Рязанской области (и Рязанской группы южнорусских говоров) звуки в — ф произносятся так же, как в литературном языке. В другой части — на приокских территориях — сохраняются следы переходного состояния говоров — от древнерусского состояния языка к современному.

Рассмотрим это на материалах отдельных говоров и с учетом характеристики говоров Рязанской области.

1-й тип (по типологии, разработанной В.Г. Орловой [1. С. 187—188])

Всего таких говоров 15: д. Малеево Ижевского р-на, с. Куземкино Ерахтурского р-на, с. Занины-Починки Ерахтурского р-на, д. Шаранково Тумского р-на, с. Кидусово Спасского р-на, п. Чарус Бельковского р-на, с. Лубяники Ижевского р-на, п. Ольгино-Ювино Спас-Клепиковского р-на, с. Тырново Шиловского р-на, с. Наследничье Шиловского р-на, с. Папушево Ижевского р-на.

В части говоров на конце слов и перед согласными произносятся [ў] неслоговой: в с. Куземкино: кроў, любоў, лаўки, деўки, траўки; в с. Занины-Починки — [ў] неслоговой и в двух случаях — [ф], [ф’]: каро[ф], паста[ф’].

В начале слова обычен [у] слоговой: [у]нук, [у]се, [у]зляси, [у]мест[а] (д. Малеве).

На месте <ф> постоянно произношение [х], [хв], один раз [ф]: кохта, сара[х]ан, Тимо[хв’]ей, тор[х], [х]ерма, ка[х]тан, [х]унт, [х’]одор, [х]амилия, [х’]икус, [х]анря, [х]ормочка, [х]абрика, [х]ронт, но [ф]артук (д. Малеве).

В говоре с. Кидусово отмечено выпадение [ф]: петь сыно[], прити[] (всего 24 примера). Но в 20 случаях отмечено произношение [ф] в окончании род. п. мн. ч. существительных -ов, например, лу[γ]о[ф], м[и]дв’[а]де[ф] и др.

Первый тип сохраняет архаическую структуру: наличие только звонкого <в> губно-зубного образования перед гласными и звуками [ω] (или [ў] — у неслогового) в позициях перед согласными и на конце слова (где был бы глухой).

Например, собиратели говора с. Кидусово (589) Спаск-Рязанского района указывают на слабость губно-губного элемента в заменах <ф>: [хв], [хф]. Отсутствует согласный в позиции на конце слова: петь сыно[] «пять сынов», проти[] «против». В 24 случаях здесь отмечены губно-губной [ω]. Тем не менее [ф] преобладает в окончании -ов: рыбо[ф], лу[γ]о[ф], дядье[ф], соседо[ф] (всего 19 слов).

То же отмечено в говорах п. Чарус Бельковского р-на (586), с. Лубяники Ижевского р-на (587), п. Ольгино-Ювино Спас-Клепиковского р-на (582), с. Тырново и Наследничье Шиловского р-на (682 и 633), с. Пичкиряевка Сасовского р-на (673).

Говор п. Кулоцки Тумского р-на (583) произносится [х] в позиции оглушения <в>: де[х]ка, тра[х]ка, о[х]цы, вере[х]ка, ла[х]ки. В предлоге перед шумным звонким произносится [γ] («г щелевой») и [х] перед глухим [γ] воде, [γ] боку, но [х] поли и др.

2-й тип

В отличие от архаических говоров 1-го типа здесь в позициях оглушения известно более частое употребление [ф] при обычной замене его.

Примером может служить говор Городища Шелуховского р-на (605). Здесь постоянно произносится [ф] в заимствованных словах, кроме штра[х]овка. В позиции оглушения совмещается произношение и [в] и [ц] неслогового: коро[ц]ка и коро[в]ка, вере[ц]ка и вере[в]ка, о[ц]цу и о[в]ца; пра[в]ду, дере[в]ня; коро[в], кро[в], лю-

бо[в'], морко[в'], пригото[в'], братье[ц], беяко[у] (всего 22 примера); при этом: [γ]одо[у] и [γ]одо[ф], блино[в] и блино[ф]; еще 6 слов с [ф].

Известно сохранение губно-губного [в], [в'] в позиции оглушения на конце основы слов: кро[в'], любо[в'], поста[в'] (п. Выжелес Ижевского р-на 9601); аналогичны говоры д. Бахметьево Тумского р-на (332), д. Фролово Чучковского р-на (640), с. Одоевщина Сараевского р-на (843).

Звук [ф] в позициях фонемы <ф> и в позициях оглушения <в> отмечен в следующих говорах: с. Копаново Ерахтунского р-на (627), д. Кобылинка Спас-Клепиковского р-на (303), с. Павловка Пителинского р-на (629), с. Новая Пустынь Шелуховского р-на (609), п. Картаносово Солотчинского р-на (585), с. Шуваевка Чучковского р-на (641), д. Мягкого Спас-Клепиковского р-на (249), д. Васильевка Сапожковского р-на (614).

Аналогичны говоры, в которых, однако, отмечена замена исконных <х>, [хв] звуком [ф]. Это, например, говор п. Посерда Спас-Клепиковского р-на (322): кол[ф]ос, [к]уфайки, [ф]утор и в окончании -ов: в прудка[ф], [ф] своих рука[ф], [ф] конюхо[ф], в лаптя[ф], в платья[ф], [ф] кадушка[ф], в горшка[ф].

Аналогичны материалы: д. Васильевка Сапожковского р-на (614), д. Ширяево Спас-Клепиковского р-на (326); [ф] только в окончании -ов в д. Абрахово Спас-Клепиковского р-на (330), д. Березовка Шиловского р-на (606): кол[ф]ос, кол[ф]озный (при [ф]колхозы).

В следующих 10 населенных пунктах отсутствует оглушение <в> (при единичных отступлениях): д. Подгорье Спас-Клепиковского р-на (331), Сасово (336) и Хавертово (383) Тумского р-на, Танино (596), Тонино (596), Исады (600), Выселки (595), Городное (591), Бельское, с. Веретье (590) Спасского р-на, Карабухино Путятинского р-на (646), с. Кочемары Бельковского р-на (589), с. Алешино Сасовского р-на (643).

3-й тип (по классификации В.Г. Орловой)

Включен в 1-й тип (592) и во 2-й тип (614, 322, 326, 330, 606, 298, 648, 337, 666, 864, 630, 631, 625, 661, 672, 670, 676, 644, 885, 851, 636, 366), так как в целом эти говоры более архаичны.

4-й тип

Его составляют говоры с незначительными особенностями реализации <в> и <ф>, отличающими их от литературного языка. Это остальные говоры (их около 60) в Рыбновском, Рязанском, Мервинском, Солотчинском, Михайловском, Ухоловском, Кораб-

линском, Пронском, Захаровском, Елатомском, Скопинском, Саравском, Сасовском, Можаровском (?), Щацком (?), Сапожковском, Кадомском (?), Муравлянском (?), Больше-Коровинском (?) районах.

Территориальное распространение явлений

Изогlossы распространения <в> — <ф> и их замены в говорах дают представление об истории самих территорий Рязанской области.

Изогlossы распространения <в> губно-губного, [у] неслогового в разных позициях оглушения в основном совпадают друг с другом. На этой же территории повсеместно почти во всех иностранных словах с <ф> зафиксированы замены этого звука: [х], [хв], [хф]. Это территория Спас-Клепиковского, Тумского, Спасского, Ижевского, Шиловского и отчасти Ерахтунского и Шелуховского районов Рязанской области, то есть основной массив Мещеры. Сравнение карт № 47, 49, 50 «Атласа» убеждает в почти полном совпадении территориальных границ на территории рязанской Мещеры (лишь произношение [х] в окончании существительных род. п. мн.ч. выходит за их пределы на востоке). Изогlossа замен <ф> по карте № 45 того же «Атласа» очерчивает несколько большую территорию.

Изогlossы двух из этих явлений показаны в сводных картах № 20 и № 29 «Атласа».

Особые географические условия этого района (лесной массив и заокское расположение) и как следствие этого оторванность его в прошлом от остальных говоров обусловили консервацию очень многих древних южнорусских черт, утраченные соседними говорами за пределами Мещерского края.

К северо-востоку от Мещерского района, в пределах Бельковского, Касимовского, Ерахтурского и Пителинского районов Рязанской области, проходит восточная граница распространения говоров с древним оглушением <в> губно-губного в виде [х] на конце слова в основе (юго-западная граница явления идет вдоль северо-восточной границы Мещеры). На этой территории представлены также замены иноязычного <ф>. Северо-восточная граница этих явлений совпадает.

Северо-восточная граница распространения [х] в окончании род. п. мн.ч. имен существительных -ох, -ах, -ьх — проходит в этих же местах. Дальше граница этого явления заметно отклоняется к востоку, уходя за пределы Мордовской АССР, а затем возвращается несколько южнее, образуя на востоке выступ. Южная граница этого

явления проходит по восточной границе Кадомского и Сасовского районов, пересекает посередине в направлении с востока на запад Каверинский район и проходит с юго-востока на северо-запад через Чучковский район, примыкая к южной границе распространения <в> губно-губного во всех позициях оглушения в пределах Шиловского района. К югу от Каверинского района это же явление идет неширокой полосой через Шацкий и Конобеевский районы и уходит в пределы Пензенской области.

Граница распространения соответствий фонем [ф], [х], [хв], [хф] тоже образует на востоке, в тех же местах, выступ (несколько меньший), захватывая Сасовский, Чучковский и отчасти, с запада, Каверинский районы. Затем она снова идет вдоль южной границы распространения <в> губно-губного, потом отклоняется от нее еще южнее, в пределах Сапожковского и частично Можарского районов, поворачивает на северо-запад и проходит несколько западнее соответствующей границы распространения <в> губно-губного по территории Шелуховского района, выравнивается с ней в пределах Спасского района, а затем идет немного западнее ее, по восточной окраине Рязанского района, вдоль западной границы Солотчинского района, через восточную окраину Рыбновского района, а затем идет к северу, соединяясь с границей распространения <в> губно-губного в пределах Спас-Клепиковского района.

Северные границы всех явлений уходят дальше на север, на территорию Владимирской области.

Остается еще заметить, что <в> губно-губной в разных позициях встречается в двух северо-восточных пунктах Ермишинского района и в двух пунктах на самом востоке Сасовского района, а оглушение его в виде [х] в середине слова зафиксировано в отдельных пунктах Тумского, Бельского и Сасовского районов и не образует здесь сплошного территориального массива.

На остальной территории Рязанской области распространены явления, описанные в четвертом типе говоров, то есть те же, что и в современном русском литературном языке, и приближающиеся к ним.

Если же попытаться представить себе в целом всю область, где отмечено древнее оглушение <в> губно-губного в виде [х], то получится чрезвычайно выразительная картина: район распространения [х] как позиционного варианта древнего <в> (без учета разницы между отдельными позициями оглушения) занимает: во-первых, на востоке области окраинное положение по отношению к району распространения губно-губного <в> и во-вторых, средин-

ное — по отношению к тому же району и к громадному массиву говоров (за пределами Рязанской области), где наблюдаются явления, близкие к явлениям литературного языка. К востоку от района распространения (где все зафиксированные говоры, за исключением одного — говора д. Салтыково Сасовского района — акающие) [x] расположен на территории окающих севернорусских говоров, в которых нет следов губно-губного образования <в> в прошлом. Срединное положение говоров с [x] между говорами двух различных систем объясняет, почему именно в этом и только в этом районе встречается широко распространенное позиционное [x]: в говорах с <в> губно-губным под влиянием соседних говоров, где <в> был губно-зубным и в позициях оглушения оглушился в [ф], также делались попытки оглушения губно-губного <в> благодаря особому положению этих говоров (на стыке южнорусских и севернорусских говоров). Эти попытки сделались особенно актуальными и надолго сохранились в этих говорах. Так можно объяснить наличие своеобразной особенности говоров — произношение [x] как позиционного варианта <в>, которая столь характерна для говоров восточной части Рязанской области и соседних говоров Владимирской области, Мордовской АССР и Пензенской области.

Говоры западной, юго-западной и южной части Рязанской области (к югу, юго-западу и западу от района распространения <в> губно-губного), принадлежащие к говорам четвертого типа, в значительной части сохранили какие-нибудь, хотя бы и самые незначительные по количеству, факты, говорящие о том, что эти говоры когда-то знали губно-губной <в>, факты, уже упоминавшиеся при описании говоров четвертого типа. В работе В.Г. Орловой такие говоры не отмечены.

Из 184 говоров, рассмотренных в данной работе, всего 37 последних можно целиком приравнять в отношении губных спирантов к литературному языку. Все эти говоры (за исключением одного — говора с. Старый Кадом Кадомского района) находятся на юге, юго-западе и западе области. Все же остальные говоры этой территории можно (на основании указанных фактов) считать близко подошедшими к системе литературного языка в результате сложных и длительных исторических изменений. А если еще допустить, что собирателями могли быть случайно упущены аналогичные факты, пусть самые минимальные, единичные, то можно прийти к выводу, что все говоры этого района прошли исторический путь от древней системы с одним губно-губным спирантом

<в> к современной системе с двумя парными губно-зубными спирантами <в> и <ф>.

Последнее соображение позволяет считать, что все говоры Рязанской области некогда имели один губно-губной спирант и что все они в настоящее время стоят на разных ступенях движения в системе с двумя губно-зубными спирантами.

Если учесть положение рязанских говоров среди других южнорусских говоров, то вывод о том, что в прошлом в них было губно-губное образование <в> и отсутствовал соответствующий глухой спирант, приобретает особую важность. Дело в том, что южная и юго-западная часть говоров Рязанской области вместе с восточной и северо-восточной частью говоров Тульской области образуют значительный территориальный массив с системой двух губных спирантов, разрывающий южнорусские говоры рязанской Мещеры за излучиной Оки, имеющие системы, переходные от одного звонкого губного спиранта к двум парным. Это подтверждает генетическую общность или близость южнорусских говоров разных территорий.

Список использованной литературы

1. Орлова, В.Г. Губные спиранты в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. — М., 1950. — Т. 3.

Т.К. Ховрина

г. Ярославль

Семантическая структура слов с корнем *дряг-* в ярославских говорах

В русских народных говорах существует большой ряд наименований, связанных с глаголом *дрягать(ся)*, восходящим, как полагают этимологи, к праслав. **dregati* [ЭССЯ. 5. 112]. Глаголы *дрягать* в значении «дрыгать (ногой)» и *дрягаться* «отбиваться (руками и ногами)», как и *дрягнуть(ся)*, появляются в русском языке в XVIII в., причем изначально они были свойственны просторечию. Это подтверждается их употреблением в источниках того времени, например, в пословице (из собр. А.А. Барсова): «Дворянской сын, что Ногайской конь, умирает, а *ногой дрягает*»; в комедии М. Ве-

ревкина «Имянинники» (1774 г.): «[Ротозей:] Меня и дернул черт *дрягнуть* в брюшко то ваше ногою, виноват». Глагол *дрыгаться* засвидетельствован в «Анекдотах древних пошехонцев» В. Березайского (1798 г.): «Хворой наш... ну было пятиться, *дрыгаться руками и ногами*, да уж поздно» [СРЯ XVIII в. 7. 20]. Эти просторечные глаголы находим и в произведениях русских писателей XX в., ср.: «Пашка визжал на весь двор и *дрыгал ногами*» (М. Горький. «Трое»); «Подрядчица голосила на тачке, *дрыгалась*, порывалась встать, но ее толкали обратно» (Ф. Гладков. «Вольница»).

Лексикографическую фиксацию данные глаголы получили в Словаре Академии Российской (1790 г.), где глагол *дрыгать* дан с пометой «простонар.». В русском языке XVIII в. существовали также однокоренные абстрактные существительные *дрыгота* «подергиванье тела, конвульсии» и новообразование этого времени *дрыгание* — «действие дрягающего и дрягающегося» [САР-2. II. 263]; ср. в изд. «Зритель» (1792 г.): «Актерство должно составлять коверканье, ломанье, *дрыгание руками и ногами*» [СРЯ XVIII в. 7. 20]. Все названные слова засвидетельствованы в Словарях Академии Российской (I и II изд.).

Вместе с тем, отдельные префиксальные образования с корнем *дрыг-* отмечены уже в памятниках древнерусской письменности. Так, в Летописце Переяславля Суздальского (сп. XV в.) представлен глагол *задрыгнути* «затрясти, задержать», ср.: «И абие печенежинь задрыги рукама» [СРЯ XI—XVII вв. 5. 188].

В дальнейшем в народной речи происходит расширение данного словообразовательного гнезда. Прежде всего, сами глаголы становятся семантически более емкими (ср. в сибирских говорах XIX в.: *дрыгать* «идти неровным шагом; более о лошадях» — Доп. к Опыту, 43), увеличивается число именных образований, мотивированных ими. Появляется целый ряд наименований человека по его действиям, поступкам, состоянию здоровья и расширяется разряд абстрактной лексики. В лексикографических источниках XIX в., в частности, в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) и в «Дополнении» к нему (1858 г.) представлены диалектные именованья беспокойного человека: ряз. *дрыга* [Опыт. 51], моск., яросл. *дрыгун* [Доп. к Опыту. 43]; вялого, расслабленного, «кто худо ходит», то есть человека с больными ногами — тул. *раздрыга* [Опыт. 187]. В то же время в нижегородских говорах слово *раздрыга* называло нерасторопного человека, рохлю. Через столетие в русских говорах Забайкалья было отмечено употребление данного слова в значении «эпилептик», ср.: *Горе матери, когда ее ребенок*

раздрыга. Да что поделаешь, приходится выносить раздрыгу [СРНГ. 33. 333].

В.И. Даль, объединяя показания предшествующих лексикографических источников и дополняя их сведениями из русских народных говоров, приводит слово *дрыга* уже в абстрактном значении «корча, судороги» (ср. *дрыгота*) и ряд словообразовательных синонимов: *дрыгун, дрыгунья, дрыгач, дрыгуша*, обозначающих больного человека, «кого дергает, корчит, судорожно подергивает», а также название предмета по производимому им действию — *дрыгалка* «чекмарь, колотушка, палица, долбня, срубная дубина. В Камчатке тюленей, нерп, обсохших на лайде, бьют дрыгалкою» [Даль. I. 494].

В производных образованиях с корнем *дрыг-*, бытующих в русских говорах, отражается основная семантика глагола *дрыгать(ся)* «делать резкие, отрывистые движения; дергаться, биться», ср. в пословице: *Живется — поется; умирается — дрыгается* [СРНГ. 8. 227].

В ярославских говорах глагол *дрыгаться* известен в нескольких значениях: «свисая, болтаться из стороны в сторону; качаться» (*Подподольник оторвался и дрыгается*); «неспокойно вести себя, буйствовать в нетрезвом состоянии» (*Хватит тебе дрыгаться*); «ходить без дела, болтаться»; «делать энергичные, резкие движения во время танцев, игры и пр.» (*Он дрыгался со стороны в сторону, а не танцевал*) [ЯОС. 4. 22]. Ср. *дрыгнуть* «начинать плясать» в сказке П. Ершова «Конек-Горбунок»: «Горбунок его [Ивана] почуя, *дрыгнул* было *плясовую*, но как слезы увидал, сам чуть-чуть не зарыдал». Названный глагол представлен и во фразеологизмах: *дрыгаться на липочке* «висеть, держаться на волоске (о качающемся зубе)», *как мотовило дрыгается* «о беспокойном, бесцельно бродящем человеке, чаще — пьяном», *дрыгать языком* «болтать», *язык дрыгается* «о болтливом человеке».

В рассматриваемое словообразовательное гнездо в ярославских говорах входят также глагол *дрыгушиться* «двигать руками и ногами; сучить (о ребенке)» (*Ребенок дрыгушится ножонками*) и разного рода именные дериваты, в частности, лексема *дрыганье*, имеющая, как и в источниках XVIII в., отвлеченное значение, например: *Одно дрыганье, а не работа* («о кошени плохой травы»).

Семантикой производящего глагола обусловлены и значения однокоренных именных образований в ярославских говорах. Так, многозначные лексемы *дрыгун* (слово отмечено еще в XIX в., но расширило свою семантику) и *дрыгало* обозначают беспокойного, неусидчивого человека (*Вот уж дрыгало-то!*); шатающегося из

стороны в сторону пьяного (*Да уйди ты, дрягун несчастный!*); развязного, расхлябанного, ведущего себя нескромно (*Ой, какой же он дрягун, смотреть неприятно*); праздношатающегося, бездельника (*Опять этот дрягало идет*). Кроме того, слово *дрягун* называет человека с вихляющей походкой, а *дрягало* — пугало: *Поставь дрягало на огороде* [ЯОС. 4. 22]. Как видим, в значениях этих диалектных слов проявляются общие семы «колебание», «резкое движение», «неустойчивость», свойственные и глаголу *дрягаться*.

Эти семантические компоненты обнаруживаются и в народных наименованиях природных явлений, ландшафта. Так, *дрягва* (яросл., смол., брян., тул.) — это «болото, тряси́на» [СРНГ. 8. 227], то есть то, что колеблется, трясется; ср. ворон. *дрягва* «студень» [Доп. к Опыту. 43]. В русских говорах Карелии *дрягаться* — значит «колебаться, качаться», поэтому и кочки на болоте называются *дрягунами*, ср.: *На болоте клочья есть, дрягуны дрягаются* [СРГК. 2. 8].

В ярославских говорах распространено уже упомянутое выше слово *раздряга*, но обозначает оно бездорожье, распутицу, когда дороги находятся в очень плохом состоянии и по ним трудно ехать (*Осенью в дождь всегда раздряга*); ср. наречие *дрягко* «тряско» в калужских говорах [СРНГ. 8. 227].

Одно и то же слово в диалектах может называть и человека, и природное явление или иметь отвлеченную семантику. Так, *раздряга* в ульяновских говорах — это еще и «беспорядок (о небрежном жилище)» (*У них во всем раздряга. Я еще такой раздряги не видал, какая у них*), и «ссора, ругань»: *У них между собой раздряга* [СРНГ. 33. 333]. В значении «разлад, раздор» данное слово отмечено в памятниках XVII в.: «Въ рати ихъ почала межъ ихъ *раздряга* быти великая». Азов. пов. [СРЯ XI—XVII вв. 21. 196]. Здесь также проявляется сема «колебание».

Аналогичную семантическую структуру имеет слово *передряга*. В первой половине XIX в. оно было зафиксировано как «простонародное» в значении «великая тревога, смятение по какому-л. случаю»: *После такой передряги еще опомниться не могу* [САР-2. IV. 893]. Вместе с тем, в крестьянской среде, как отмечал В. Бурнашев, так именовался изменчивый характер погоды, ненастье, «когда то холодно, то дождь». Слово *передряга* сохранилось в русских говорах в значениях «ненастная погода» (ср. в сибирских: *Носу не высунешь на улицу: такая передряга*), «строгое разбирательство, следствие», «испуг, смятение» [СРНГ. 26. 96].

В говорах русского языка, таким образом, представлены разного рода деривационные образования с корнем *дряг-*, мотивированные глаголом *дрягать(ся)* и обладающие в большинстве своем емкой семантической структурой.

Список принятых сокращений

Даль — Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1978—1980.

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. — СПб., 1858.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852.

САР-2 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. — СПб., 1806—1822.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. — СПб., 1995. — Вып. 2.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Л. ; СПб., 1965—2005. — Вып. 1—39.

СРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1975—2006. — Вып. 1—27.

СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. — Л. ; СПб., 1984—2005. — Вып. 1—15.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачёва. — М., 1978. — Вып. 5.

ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. — Ярославль, 1981—1991.

В.А. Королькова

г. Смоленск

Пространственные представления в языковом поле носителей смоленских говоров

Взаимодействие личности с окружающей средой обязательно требует пространственной определенности. Имена существительные как языковые матрицы необходимой информации обозначают различные параметры пространственной локализации предмета. В языковом сознании носителей говоров пространственные представления актуализируются в наименованиях земельных угодий, рельефных особенностей, хозяйственных построек, предметов бытового и хозяйственного назначения, в наименованиях человека, его одеж-

ды, продуктов питания. Словообразовательная номинация на основе пространственных представлений охватывает жизненно важные сферы бытия человека. Диалектное словообразование, как пишет Т.И. Вендина, дает возможность «эксплицировать те знания о мире, тот совокупный общественный опыт, который имплицитно присутствует в каждом производном слове» [1. С. 204].

Как показывает исследуемый материал, в смоленских говорах словообразовательно маркируются: место расположения в пространстве (*поза'дье* «то, что находится сзади»; *прями'на* «прямое направление»; *бокови'на* «обочина, край чего-либо», *подни'зье* «то, что находится внизу»), место нахождения по отношению к иному предмету (*запу'нье* «то, что расположено за пуней»; *подно'жник* «половик, то, что кладется под ноги»; *нашу'бник* «то, что надевается поверх шубы»), место произрастания (*подоси'нник* «подосиновик», *садо'вина* «садовое растение», *придоро'жник* «подорожник»), место обитания (*амба'рница* «крыса, живущая в амбаре»; *водя'ник* «водяной», *подземель'ник* «крот»), место передвижения (*подвору'ха* «нищая, просящая подаяние по дворам»; *поми'рник* «не имеющий постоянного места жительства, бродящий по миру»; *погря'дник* «огородный вор»), место поражения болезнью (*горлови'к* «ангина», *исподкопы'тень* «вывих сустава ноги около копыта», *подко'жник* «сухая мозоль»).

Место нахождения по отношению к иному предмету актуализируется в предметах бытового и хозяйственного назначения, а именно: предметах домашнего обихода (*насто'лень* «скатерть», *подбо'чник* «матрац», *нару'чник* «полотенце»), предметах ритуального предназначения (*нагро'бник* «нагробное покрывало», *подыко'нник* «полка для икон», *подно'жка* «холст, на который становятся молодые во время венчания»), сельскохозяйственном инвентаре (*нако'сница* «веерообразное приспособление к косе, позволяющее ровно уложить скошенную траву», *подполо'зье* «металлическая пластинка, предохраняющая полоз от стирания», *подбрю'шник* «шляя»), предметах мебели (*припе'чье* «лежанка возле печи», *прила'вник* «полка для посуды», *подголо'вник* «деревянный настил в изголовье кровати»), частях русской печи (*боко'вка* «дымоход», *подпе'чник* «подпечье», *оче'лье* «выступ в печи для создания тяги»).

Хозяйственные постройки, помещения и их части номинируются по расположению позади чего-либо (*заови'нье* «задняя стена овина», *задво'рок* «постройки позади двора», *запото'чина* «чердак»), перед чем-либо (*пере'дница* «первая из двух комнат в избе», *предови'нье* «помост при входе в овин», *передкле'ть* «крыльцо пе-

ред амбаром»), под чем-либо (*поды'избица* «подполье», *подпове'ть* «навес для хранения сена», *подворо'тень* «щит, закрывающий щель между землей и воротами»), над чем-либо (*погре'бница* «крыша над погребом», *насе'нник* «чердак над сенями», *наддвер'ье* «притолока»), рядом с чем-либо (*присе'лье* «дома, расположенные на некотором расстоянии от села», *придво'рье* «территория рядом с домом», *прикле'тье* «пристройка к дому для хозяйственных нужд»).

Территория, отведенная или ранее отводимая подо что-либо, мотивируется наименованиями построек (*церкови'ще* «место, где раньше стояла церковь», *подво'рище* «место, где находится дом с постройками», *и'збище* «место, где раньше стояла изба»), выращиваемых сельхозкультур (*картофля'ник* «картофельное поле», *овоце'вень* «земля под овощи», *ржи'ще* «поле после уборки ржи»), действий (*ко'сьбище* «место косьбы», *погоре'лье* «пожарище», *клад'денье* «кладбище»), обитающих на ней птиц и животных (*граче'вник* «место гнездовой грачей», *голубни'ца* «место обитания голубей», *кротови'ще* «местность, изрытая кротоми»). Земельные угодья актуализируются по месту расположения позади чего-либо (*заогоро'дье* «луг за огородом», *за'полосок* «участок земли за вспаханым полем», *осе'лица* «огород за селом»). Особенности рельефа также реализуются в наименованиях по месту расположения (*закра'йка* «обочина», *приболо'тье* «место возле болота», *уре'чье* «низкий берег реки», *на'бережье* «берег», *отро'вок* «ответвление оврага»).

Растения номинируются по месту произрастания (*подуб'ешка* «гриб, растущий под дубом», *подсо'лныш* «подсолнечник», *прибре'жник* «прибрежная растительность», *подгри'бница* «мицелий»), мифические существа — по месту обитания (*ба'нник* «существо, обитающее в бане», *водя'ник* «существо, обитающее в воде», *леша'к* «леший, то есть существо, обитающее в лесу»).

Пространственные представления в локально ограниченном языковом сознании связывают человека и место его проживания (*городча'нин* «житель города», *дереве'нец* «житель деревни», *та'мошник* «местный житель»), человека и место его деятельности (*поле'счик* «лесник», *магази'нщик* «продавец», *гря'дница* «женщина, работающая на огороде»), человека и части его тела (*завы'ек* «затылок», *подборо'дник* «подбородок», *нахребе'ток* «позвоночник»). Отмечается ряд экспрессивных наименований на основе метафорического переноса (*насто'льник*, *нахребе'тник*, *наше'йник* «нахлебник»).

Актуальными в жизнеобеспечении являются продукты питания и одежда, что также находит выражение в пространственных представлениях. Для продуктов животного и растительного происхождения значимым оказывается место образования (*побо'чина* «мясо на боковой части туши», *подчеревник* «сало с брюшины свиной туши», *покро'мок* «горбушка хлеба», *подсли'вочник* «молоко, с которого сняты сливки»). Готовые пищевые продукты номинируются по месту их изготовления (*сковоро'дник* «пирог, испеченный на сковороде», *по'довка* «лепешка, испеченная на поду», *листя'ник* «хлеб, испеченный на кленовом листе»). Наименования одежды определяются местом ее ношения (*нагру'дник* «бюстгальтер», *подкалошка* «портянка», *наголо'вник* «детская шапочка», *напе'рстник* «кольцо», *подши'йник* «галстук», *ожере'лок* «воротник»).

Пространственная локализованность в рамках диалектных имен существительных, как показывают смоленские говоры, в первую очередь связана со смысловым выражением статичности. Пространственные представления, фиксирующие расположение одного предмета по отношению к другому, выражаются посредством разнообразных словообразовательных моделей с префиксами — мотивами.

Список использованной литературы

1. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М., 1998.

Ж.А. Зубова

г. Орёл

Использование диалектной фразеологии в курсе «Современный русский язык» (на материале орловских говоров)

Диалектный фразеологический материал предоставляет широкие возможности в изучении всех разделов курса «Современный русский язык» и как неисчерпаемый источник иллюстративного материала, и как лингвистическая база для раскрытия механизмов формирования значения, путей развития семантических связей и взаимоотношений.

Рассмотрим, как соотносятся литературный и диалектный фразеологизм *дать дуба*. Словари литературного языка единодушны в приводимом значении — «умереть», различаются лишь стилистические или эмотивные пометы («прост». — «Фразеологический словарь русского языка» под ред А.И. Молоткова (ФСРЯ) и «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова (ФСРЛЯ), «говорится с неодобрением» — «Большой фразеологический словарь русского языка» (БФС). В орловских говорах эта единица зафиксирована со значением «наносить удары, избивать, сурово наказывать» (*Дай яму дуба*. Малоархангельский р-н. *Мужыки дали яму дуба*. Дмитровский р-н). Таким образом, можно говорить о явлении омонимии во фразеологии в рамках национального языка. Омонимия двух единиц поддержана грамматически: в диалектном фразеологизме в отличие от литературного сохраняется необходимое управление *кому*, диктуемое компонентом *дать*. Следует обратить внимание и на разные пути формирования фразеологического значения, разную образную основу единиц. В культурологическом комментарии к словарной статье БФС М.Л. Ковшова пишет об одушевлении объектов фитоморфного мира и антропоморфной метафоре, уподобляющей человека поваленному дереву, ставшими образной основой литературного фразеологизма *дать дуба* [1. С. 166]. В основе формирования значения в говоре лежит метонимический перенос *дуб* — *дубовый кол, палка*, то есть предметы, которые при использовании в драке, наказании могут причинить существенный вред здоровью. Закреплению именно такого значения в говорах способствует и продуктивная модель с компонентом *дать/давать*, образующая синонимический ряд и в орловских говорах, и в литературном языке: *буцева дать, выволочку дать, дать жогу, дать пыжа, зябрю дать, кнута дать, лабазины дать, трепанцев дать* и т.д. — *дать горячих, дать жизни, дать зуботычину, дать леца, дать памятку, дать пинка, дать раза, дать тычка* и т.д.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова [2] для единицы *без ума* фиксируются два значения — «1. *от кого* В восторге, восхищении. 2. Очень сильно (любить, влюбляться и т.п.)». Картотека Словаря орловских говоров позволяет нам говорить о том, что здесь функционируют две омонимичные единицы *без ума*, первая со значением «в бессознательном состоянии» (*Забалел и лижыть биз ума*. Хотынецкий р-н), вторая — «забывчивый человек» (*Я уже совсем биз ума стала*. Кромской р-н). Можно говорить о разной мотивации при формировании

фразеологического значения, более прагматичного способа переосмысления диалектоносителями внутренней формы исходного сочетания. Схожая картина наблюдается при сопоставлении значений литературных и диалектных ФЕ *не в своем уме* (ФСРЛЯ: «разг. ирон. О ненормальном, сумасшедшем человеке» vs. в орловских говорах: «в бреду» (*Эта усигда бываить: как захвараиш, так усю ночи в сваем уме лижыш*. Мценский р-н), *руки коротки* [2. «разг. ирон. Нет достаточной силы, власти, влияния; слабоват в чем-либо» vs. «человек, не имеющий достаточных навыков в каком-либо деле» (*Работать на трактари ни сумеить — руки каратки*. Орловский р-н), *лица нет* [2 «разг. экспресс. Кто-либо очень изменился в лице: побледнел, осунулся (от болезни, боли, страха и т.п.)» vs. «кто-либо очень грязный, измазавшийся» (*Ну и загваздалси, лица нет!* Ливенский р-н)] и т.д.

Фразеологизм *без памяти* в орловских говорах зафиксирован со значением «в бессознательном состоянии» (*Вот балейть чилавек и бис памити буровить. Он лижал бис памяти, а патом взаиол в память*. Ливенский р-н). Только один из литературных словарей — словарь А.И. Федорова — приводит схожее, но не тождественное значение «потеряв сознание; в состоянии сильного испуга, аффекта», с пометой «устар.» и иллюстрирующими примерами из произведений Н.М. Карамзина и Д.И. Фонвизина. Другие значения полисемичной литературной единицы, как и значение омонимичного фразеологизма, свидетельствуют об увеличении степени абстракции, отвлеченности при восприятии внутренней формы, метафорическом переосмыслении образа, положенного в основу фразеологизма.

Таким образом, привлечение известного студентам регионального материала помогает раскрыть такие понятия, как омонимия, синонимия, метафорический и метонимический перенос, внутренняя форма, мотивация, модель помогает развить чувство языка, воспитывает уважение к говорам родного языка и его носителям.

Список использованной литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А.И. Федоров. — М. : Цитадель, 1997.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова ; 4-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1986.

Е.В. Корчагина

г. Рязань

Структурно-семантические особенности отглагольных прилагательных на -л- в русском языке XI—XVII веков

Суффикс -л- восходит к и.-е. суффиксу -lo, который в русском языке образует ряд форм: перфектные причастия (ныне форма прошедшего времени), существительные на -ла (*зубрила, мазила*), на -ло (*зубило, мыло*), а также прилагательные (*изнищальный, умелый*). Такие прилагательные могут мотивироваться как глаголом (их подавляющее большинство — *закоченелый, обомлелый*), так и именем (*тяжелый, комолый*). Последние образовались в древнейшую эпоху. В современном русском языке продуктивны только отглагольные прилагательные.

Словообразовательное значение отглагольных прилагательных на -л- определяется следующим образом: «находящийся в состоянии, возникшем в результате действия, названного мотивирующим словом» [1. С. 297].

Вопрос о происхождении данной модели прилагательных остается спорным. Так, традиционно считается, что они восходят к местоименной форме причастий на -л- (Н.И. Греч, Г.П. Павский, А.А. Потебня, Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов и др.) [2. Т. 1. С. 186; 3. Ч. 2. С. 78—85, 108—115; 4. Т. 1, 2. С. 232—243; 5. С. 240—241; 6. С. 217]. Согласно второму направлению эловые формы являются именными по происхождению. Например, А. Лескин считал, что и причастия, и прилагательные восходят к отглагольным существительным со значением действующего лица (*даль* — «*даватель*») [7. С. 219, 264]. По мнению чешских ученых Ф. Копеечного и Й. Дамборского, изначально это были отглагольные прилагательные со значением склонности к глагольному действию, которые позднее вошли в глагольную парадигму, образовав описательную перфектную форму типа *писаль есмь*. Однако часть эловых форм в общеславянском языке, а позже и в отдельных славянских языках сохранила свое атрибутивное значение [8. Т. 2. С. 161—163; 9. Р. 12].

Исследователи, изучавшие отглагольные прилагательные на -л- в современном русском языке, отмечали, что данный словообразовательный тип является в некоторых своих моделях продуктивным, хотя и характеризуется по большей части разговорной окра-

ской. Наши данные свидетельствуют о том, что продуктивность прилагательных возрастала вплоть до конца XIX — начала XX в. Так, в «Материалах к словарю древнерусского языка» И.И. Срезневского, в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», а также в картотеке данного словаря зафиксировано около 200 единиц (в XI—XIV вв. чуть более 30), а в «Словаре Академии Российской» и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля около тысячи. Несколько сотен прилагательных отмечается в современных толковых словарях. Интересно, что в древнерусском языке наиболее многочисленными были прилагательные, относящиеся к ныне непродуктивным моделям: от глаголов на -ну (*прикислый, озяблый, замерзлый, потухлый*) — около 70, от глаголов с основой на согласный (*отрослый, прирослый, запеклый, отлеглий*) — около 60, в то время как прилагательных продуктивной в настоящее время модели (от отыменных глаголов на -еть) менее 30 (*поседелый, охладельный, застарелый*). Последнее обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что так называемые инхоативные глаголы (перехода в новое состояние) на -еть заметно активизируются только с XV в. [10. С. 124—127, 165; 11. С. 22].

Интересна семантика эловых прилагательных. В «Русской грамматике» отмечается, что среди отглагольных имен прилагательных выделяются две разновидности: первые выражают признак, носитель которого является субъектом действия, названного мотивирующим глаголом (субъектные, или активные); вторые называют свойства предмета — объекта глагольного действия (объектные, или пассивные, неактивные). В грамматике также указывается, что прилагательные на -л- характеризуются субъектностью [12. Т. 1. С. 330].

В языке рассматриваемого периода подавляющему большинству эловых прилагательных была свойственна субъектность, или активность, так как предметы, определяемые ими, являются субъектами действий, названных производящими глаголами. Ср.: *цѣрковь обветшала — обветшалаѣя цѣрковь: Благословящая грамота ...вмѣсто древней обветшалоѣй цѣрки на монастырской землѣ, о постройкѣ вновь холодной каменной цѣрки* (А. Уст. II, 298. 1705 г. — ДРС¹); *сафьяны мокли — моклыѣ сафьяны: Яренчанинъ Андрей Семеновъ явилъ и продалъ на Устюгѣ московского*

¹ Сокращенные обозначения источников даются в соответствии с изданием: Словарь русского языка XI—XVII вв. : указатель источников (в порядке алфавита сокращенных обозначений). — М. : Наука, 1975. — 228 с.; ДРС — Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 1. — XIX. — М. : Наука, 1986—1994.

приво́зу 15 бунтов сафьяно́въ **моклыхъ** плохихъ (Там. кн. III, 289.1 680 г. — ДРС); **чеснок доспел** — **доспелый чеснок**: Коли чеснок оставлень бывает в землѣ через зиму добрѣ **доспѣлыи** тогда пустившиися на лѣто выростаетъ в столпъ... и будет имѣти семя которое в другого году мочно снѣти (Назиратель, 513. XVI в.).

Активностью признака, выражаемого прилагательными на -л-, объясняется их семантическая близость с действительными причастиями. Ср.: **согнилый** — **согнивший**: Который же убо наказанія монастырьскаго отъинудъ тако нерадя, и врачеванія духовнаго не ища, яко **согнилый** удъ, избежитъ отъ здраваго тѣла, отъ пристанища честныя обители (АИ I, 55. 1418 г.) — Яко и врачеве делаютъ, по неволѣ, **согнившие** гагрины, стружуще и рѣжуще железом (Курб. ист., 169. XVII в. — XVI в.); **запустелый** — **запустевший**: По челобитью розныхъ городов дворян... того **запустѣлого** монастыря церковная земля и съ пустошми розаны были имъ въ помѣстьѣ (ДАИ VI, 409. 1675 г. — ДРС) — ...и видя... грады и страны Русския **запустѣвшия** отъ поганыхъ (Двин. лет., 168); **заяблый** — **заябший**: Перед пишем такие воды не подобает ясти вещеи или **ѣствы** тучные, или теплые, но терпкие, или кислые, или овощи **заяблые** (Назиратель, 137. XVI в.); **омерзлый** — **омерзший**: Богъ коварства тѣхъ злыхъ и суетныхъ совѣтовъ до конца поражениемъ оныхъ гордыхъ и **омерзлыхъ** не испровергъ яды (Арх. Курак. II, 244. 1709 г. — ДРС); **засохлый** — **засохший**: **Засохлыи** же хлебъ не есть **жидокъ** и **лехкии** (Назиратель, 480. XVI в.).

Небольшая часть эловых прилагательных характеризуется пассивностью, или объектностью, потому синонимична страдательным причастиям. Однако эта «пассивная» семантика, в целом противоречащая словообразовательному значению данных форм, возникает только при метонимическом употреблении. Например: **жилой (дом)** — «**в котором живут, обжитой**»: Да на дворѣ хором изба **жилая** да клѣт с приклѣтом (Отказн. кн. южновеликорус., 182. 1636 г.). Обычно прилагательные с пассивным значением образуются от переходных глаголов. Ср.: **зажить деньги** — **зажилые деньги** («**зажитые, заработанные**»): Дано черным поим ... за сентябрь мѣць **зажилых** мѣсячных денег сорокъ алтынъ (Кн. расх. Свир. м., № 60, 2 об. 1664 г. — ДРС); **отжить** («**отслужить**») год — **отжилой год** («**отслуженный, отжитой**»): Да намъ же къ Федору и Есею къ останошному **отжилому** году оставить тое их мнстрьскои дрвни горния и островныя земли (Арх. Мих.-Арх. м., № 263. Порядн. 1687 г. — ДРС).

Вторым актуальным для прилагательных на -л- семантическим компонентом является результативность. Поскольку часть мотивирующих глаголов также выражает результат, то соотношение семантики производящих основ и производных прилагательных можно представить следующим образом:

1. Если прилагательные имеют приставки, то грамматическое значение производящего глагола и прилагательного предельно близки. Различны лишь их общекатегориальные значения: глагол выражает действие, прилагательное — качество предмета. И глагол, и прилагательное характеризуются активностью (+АКТ) и результативностью(+РЕЗ). Ср.: *Паникадило погасло — погаслое паникадило* («*ставшее таким в результате названного процесса*»): *Паникадило или ставчикъ с маслом зажженным тѣм же обычаем вставленои котораго будет назавѣтрее найдешъ погаслои без выгорания масла знамя есть тамо близкое воды* (Назиратель, 175. XVI в.); *семя дозрело — дозрелое семя*: *Паллади инымъ обычаемъ научает повелѣваетъ собирати совершенное и дозрѣлое сѣмя либо косточки терновые или иныхъ вещей колючих* (Назиратель, 451. XVI в.); *составы излежались — излежалые составы*: *О указѣ, какъ оруженному излежалые составы и запасы ... опознати* (Устав ратн. д. I, 20. XVII в. — ДРС); *рыба окаменела — окаменелая рыба*: *Егда венецыйские тот город чистили, во рѣкѣ находили птицы и рыбы окаменѣлые* (Козм., 143. 1670 г. — ДРС) и др.

Прилагательных данной модели в нашей картотеке большинство (170).

Данные прилагательные синонимичны причастиям на -вший. И те и другие выражают признак предмета, полученный им в результате процесса, заключенного в нем. Значения прилагательных и причастий на -вший воспринимались настолько схожими, что они могли употребляться как синонимы в одном тексте: *Архиепископ же тогда соборъ совокупивъ, и многихъ гражданъ призва... и нача проклинати соборомъ немилостивыхъ грабителей, которые зже-ныхъ мертвыхъ огорѣвшихъ грабящихъ, монисто и круту емлющихъ, и богатящися тѣмъ...* (Новг. лет., 315) — *А инѣи челоуцы зли и немилостиви тогда мертвыхъ и огорѣлыхъ многихъ ограбиша, тищуе злата и серебра...* (Новг. III лет., 314. 1508 г.). Ср. также: *пришлый — пришедший*: *Жил у тебя в деревне крестьянин пришлои* (Грамотки, 20. 1662 г.) — *В то же лѣто громъ бысть страшень зѣло и молния, пришедшимъ со кресты от Святыя Софии ко Святому Михаилу поющимъ 9 пѣснь и шибе громъ и молния и подоша ниць вси людие* (Новг. I лет., 38).

Семантическая близость прилагательных на -л- и причастий на -вший позволила Н.П. Зверковской говорить об их конкуренции в данную эпоху [10. С. 124—127, 165]:

2. Беспрефиксные прилагательные, образованные от предельных глаголов несовершенного вида, как и соответствующие глаголы, выражают активный признак (+АКТ) и, как и префиксальные, характеризуются результативностью (+РЕЗ), хотя производящие глаголы нерезультативны. Ср.: *мерзнуть* — *мерзлый*: *Отъ полуночи море мерзлое, тамъ незнаемое мѣсто, и мнѣть быти все пусто* (Козм., 341. 1670 г. — ДРС); *киснуть* — *кислый*: *Двно видех землю Словенскую, идушу ми семо видех бани деревяныи, и в них мало каменя, и пережгут их румяно, идут в ню, и совлекутся, и будут нази, и обливаются квасом кислым...* (Холм. лет., 11) и др.

Отсюда следует, что беспрефиксные прилагательные на -л- синонимичны только префиксальным причастиям на -вший [13. С. 17—22; 11. С. 17]. Ср.: *гнилый, сгнилый* — *сгнивший* («гниный»): *Золото сусальное аще къ ранамъ прикладываемъ къ гнилымъ, тогда мясо дикое изъ ранъ безъ болѣзни вытянетъ* (Леч. Ш, XVIII в. — 1672 г. — ДРС); *И вы убо, священници, никако приношенія тѣхъ приимайте къ церквамъ Божьимъ, и отлучайте таковых и отметаите, яко съгнилыя уды, от здраваго тѣла церкви Христовы* (АИ I, 64. 1427 г.) — *Яко врачеве дѣлають, по неволѣ, согнившіе гзгрины стружуще и рѣжуще железом* (Курб. Ист., 169. XVII в. — XVI в.); *гнилой* — *изгнивший* («разложившийся от гниения»): *Некий же юноша воин, княжсей отрок, оружие наго держа в руках своих, кровию варварскою красеющуюся и потече с четою своею, в мерское святилище Бахметево в мечеть цареву, идеже умерших нечестивых царей казанских скверная и гнилая и матыльная и смрадная телеса погребехуся, чая тамо некое себе налести богатство* (Каз. ист., 157. XVI в.) — *Аще и мертву оживьшу четвертодѣньцу и изгнившу изити изъ гробъ не просто* (Усп. сб., 369. XII—XIII вв.).

3. Прилагательные, образованные от неопределенных глаголов, также обладают признаками активности (+АКТ) и результативности (+РЕЗ). Производящим же глаголам результативное значение не свойственно. Такие прилагательные близки к причастиям на -ущий (-ущий). Но при этом причастия обозначают, что предмет постоянно совершает названное действие (*служит, провожает, тянет*) или находится в неизменном состоянии (*висит*). А прилагательные указывают на то, что предмет получил, приобрел (а не получает, приобретает!) данное свойство (человек является, стал служилым, по-

тому что он служит). Например: *служилый* — *служащий*: *А дѣвкѣ де бы служащей, за очи ее никуда не отпускати* (Пам. Влад., 260. XVII в.) — *А которой ищя или отвѣтчикъ къ сроку не поидеть, а пришетъ срокъ отписывати и тому все платити одному, отъ обѣихъ срочныхъ и хоженое, oprичь служилыхъ людей* (АИ I, 229. 1550 г.); *вислый* — *висящий*: *Ноября в Д де куплено подмнстрной оброчной слободы у оброчного крестьянина у Ивана Осипова пятокъ замковъ висящихъ в трапезу к чюлану* (Пам. Влад., 122. 1698 г.) — *замокъ вѣслоу* (ДАИ VII, 275. 1677 г. — ДРС); *умелый* — *умеющий*: *Умелы бо суть измаилтяне, от начала же и суровы и безстрашны и усердны нам бываху, смиренным* (Каз. ист., 75. XVI в.).

Интересно, что синонимические отношения с причастиями на -ущий иногда возникали (правда, в определенных устойчивых сочетаниях) и у прилагательных префиксальных. Так, в словаре И.И. Срезневского и в современных исторических словарях прилагательное *вытеклый (ручей)* определяется как «*вытекающий, берущий начало*». Например: *А заводъ тымъ землямъ по Семенгу рѣку, а по другую сторону Вагѣ выше Паденге, по вытеклыи руцѣи* (Гр. Новг. и Псков., 280. XVI в. — 1322 г.). Данное прилагательное определяет предмет по действию, которое длится непрерывно, не стремится к пределу [13. С. 17—22]. Аналогичной семантикой обладало и прилагательное *впалый (ручей, река, колодец и под.)*: *От Пристенова колодезя верх по Пристенове колодези с верхи и з бояраки и с упалыми колодези* (Отказн. кн. южновеликорус., 18. 1632 г.). Произведены данные прилагательные от префиксальных глаголов вытечи и впасти. Ср.: *А вместо Сестри реки учали называти рубеж Сестрею рекою речку Руять, которая вытекла из колодезя* (Швед. д., 18. 1556 г. — ДРС); *А Донецъ впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волховъ* (Гр. Новг. и Псков., 159. XVI в. — 1147 г.). В приведенных контекстах и им подобных глаголы *вытечи и впасти*, несмотря на свою префиксальную основу, имеют значение не-предельности. Вероятно, эти формы в устойчивых конструкциях являются архаичными для рассматриваемого периода, возникшими в эпоху становления категории вида.

В русском языке XI—XVII вв. отглагольные прилагательные на -л- играли большую роль в сельскохозяйственной и в целом хозяйственной лексике (*мерзлая, талая, иссохлая, прелая, волглая, улеглая, улежалая, сселяя, спеклая земля; вилая капуста; почки напуцнелье; доспелый чеснок; дозреое семя; рослая, подмоклая, промоклая, отсырелая рожь; тяглая кобылица; затхлый овес; солоде-*

лая мука; засохлый хлеб; провонялая брусника; вялая, провеслая, вислая рыба и др.). Достаточно широко представлены прилагательные на -л- в физиологической лексике (*песцы, ребята срослые, взрослые, вырослые, созрелые; недорослый, незрелый человек; старелые, остарелые, перестарелые, обседелые, пожилые люди*);. Особая группа — медицинская лексика (*мокроты загнилые, перегорелое горячество, сгнилый отгнилый зяблый уд, гнилые опухлые раны, жилы отерпые, десны гнилые и провонялые, огорелая голова, люди оцинжалые, залежалые, осохлые очи и др.*), сюда примыкает группа прилагательных, констатирующих смерть (*палые лошади; снулая рыба; вымерлые, умерлые люди; озяблые волки; истоплые, огорелые, задохлые люди*). Большую роль играет социально-административная лексика (*служилые, неслужилые, тяглые, нетяглые, беглые, выбеглые, отбеглые, жилые, пожилые, сиделые, пришлые, выбылые, убылые, сошлые, старожилые, обеднялые, охудалые, обхудалые, изнищалые, погорелые, погиблые люди; тяглая, жилистая, беглая вить; охудалое тягло; беглая грамота; служилый список; тяглая роспись; жилистая запись; сиделая десятина; убылое, выбылое, избылое место; зажилкой, пожилкой, отжилкой год; перебылые, зажилые, постоялые, пожилые деньги, пошлина, оброк и др.*).

В процессе развития, становясь все более продуктивными, отглагольные прилагательные на -л- утрачивали терминологическое употребление и все более приобретали разговорный, разговорно-бытовой характер, поэтому значительно шире они представлены в диалектах, о чем и свидетельствуют данные различных словарей.

Список использованной литературы

1. Русская грамматика. — М. : Наука, 1980. — Т. I.
2. Греч, Н.И. Пространная русская грамматика. — СПб., 1830. — Т. I.
3. Павский, Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. — Ч. 2 : Рассуждение 2. — СПб., 1850.
4. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. — М. : Учпедгиз, 1958. — Т. I—II.
5. Якубинский, Л.П. История древнерусского языка. — М. : Учпедгиз, 1952.
6. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М. : Высшая школа, 1986.
7. Лескин, А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. — Казань, 1915.
8. Копеечный, Ф. К проблеме славянского причастия на -л- // Славянская филология. — М., 1958. — Т. 2.
9. Damborský, J. Participium l-ove ve slovenstine. — Warszawa, 1967.

10. Зверковская, Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI—XVII вв. — М. : Наука, 1986.
11. Сигалов, П.С. К истории эловых причастий-прилагательных // Ученые записки Тартуского ун-та. — Вып. 200: Труды по русской и славянской филологии. — 1965. — № 10.
12. Русская грамматика. — М. : Наука, 1980. — Т. I.
13. Чиркина, И.П. Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке // Русский язык в школе. — 1965. — № 1.

О.И. Чернышёва

г. Нижний Новгород

Лексика, характеризующая человека по особенностям речи в нижегородских говорах

Лексика, характеризующая человека, вызывает пристальный интерес диалектологов. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров включает раздел, посвященный характеристике личности и поведения человека по эмоциональному состоянию, умственным способностям. Говоры Нижегородской области дают богатый материал по теме «Человек».

Объектом нашего исследования является лексика, характеризующая человека по внешним признакам и внутренним качествам. Источники фактического материала — данные картотеки и рукописных словарных статей Диалектного словаря Нижегородской области (ДСНО). Диалектный словарь Нижегородской области относится к толковым словарям дифференциального типа. Однако в выборке встретились слова не только диалектного, но и литературно-разговорного употребления. Это объясняется тем, что литературно-разговорная и диалектная речь, имея общие целевые установки, функции, общие особенности протекания коммуникативного процесса, характеризуются значительной общностью экспрессивного словаря. Слова литературного языка, привлеченные к анализу, рассматриваются как дополнительный и вместе с тем ценный источник, который позволяет провести сопоставительное изучение двух экспрессивных лексических фондов. Исследуемый массив составил 371 единицу, которые характеризуются рядом общих грамматических признаков: это имена существительные, одушевленные, обозначающие лицо мужского или женского пола, а также существительные общего рода. В задачи нашего анализа входило прежде всего рас-

пределение слов по двум основным тематическим группам (далее — ТГ): I. Внутренние качества человека — 246 лексических единиц; II. Внешние признаки человека — 125 лексических единиц. В рамках ТГ «Внутренние качества человека» были выделены тематические подгруппы (далее — ТПГ), в состав которых входит лексика, характеризующая человека по особенностям характера; по особенностям речи; по отношению к труду; по особенностям поведения; по умственным способностям; по внешности в связи с привычками.

Характеристика человека со стороны речи, процесса говорения занимает важное место среди прочих характеристик человека. ТПГ «особенности речи человека» насчитывает 44 лексические единицы, включающей в себя 4 ряда соответственных слов и одиночную лексему. В целом разговорчивость как характеристика человека оценивается положительно (*разговорчивый человек, умелый рассказчик*), но в ходе анализа были обнаружены и лексемы с отрицательной оценкой, связанной с излишним проявлением указанного качества (*крикливый человек*), а также отсутствием ценности информации (*болтливый человек*).

В представленном материале обнаруживается 1 слово, зафиксированное в указанном значении в словарях литературного языка с пометой просторечное: *звонАрь* 2. Перен. груб. прост. Болтун, сплетник (МАС).

В данной ТПГ наблюдается иное, чем в других анализируемых подгруппах, соотношение между лексемами мужского, женского и общего родов. Около половины существительных, характеризующих человека по особенностям его речи (а именно 19 лексем), — это существительные женского рода. Предположительно, это связано с господствующим в народном сознании представлении о том, что каждая женщина любит поговорить.

В ходе анализа были обнаружены в каждом из 4 рядов соответственных слов разнокорневые лексемы. Например, *говорУн* и *калЯкалка* в значении «разговорчивый человек, умелый рассказчик». В 3 рядах соответственных слов имеются однокоренные образования: «разговорчивый человек, умелый рассказчик» — *бАхарь, бахОря, бахОня / багОня, баЕк, баЮн, баЮнья, баЮня, бАя, баЯ, боЮга / калЯкалка, калякУн, калякУнья*; «болтливый человек» — *баЕна, забАйка / боЕц, боЕчь / колоколЕц, кОлоколо, колоколО*; «крикливый человек» — *зевлО, зевлУн*.

ТПГ «Особенности речи человека» представлена лексемами, образованными лексико-семантическим и морфологическим способами. Некоторые слова данной ТПГ образовались в результате переноса значения внутри диалектной системы: *колоколЕц*² — «болт-

ливый человек», *колоколЕц*¹ — маленький колокольчик (ДСНО). Есть примеры слов, новое значение которых развилось на базе общелитературного: *жерЕлО* «крикливый человек» от *жерлО* «узкое, глубокое или горлообразное отверстие» // Входное отверстие в печи (МАС). В некоторых случаях происходит не перенос значения, а его конкретизация, например, *кАверзник* «ябедник» от *кАверзник* «тот, кто делает каверзы» (происки, затеваемые с целью запутать, усложнить что-л., повредить к.-л.) (МАС). В ряду соответственных слов со значением «болтливый человек» обнаружено два слова, образованных при помощи способа сложения основ: *длинноязЫчница* < *длИнный* + *язык*, *долгоязЫчник* < *дОлгий* + *язык*. С помощью безаффиксного способа словообразования появились следующие слова: *бАя*, *баЯ* от *бАять* Прост. обл. и устар. «Говорить» (МАС); *бормотА* от *бормотАть* — говорить тихо и невнятно (МАС). Как правило, в качестве производящих используются основы общерусских слов, которые входят в литературный язык: *краснобАйка* от *краснобАй*. Пренебр. Красноречивый, пустой говорун, любитель красивых фраз (МАС); *калякУн* от *калякАть* Прост. Вести разговоры на разные, обычно бытовые, незначительные темы (МАС). Реже в качестве производящих выступают основы диалектных слов, которые в литературном языке не представлены: *баЮнья* от *баЮн* «разговорчивый человек, умелый рассказчик» (ДСНО).

Как показал представленный материал, слова, образующие ТПГ «Особенности речи человека», в большинстве своем являются экспрессивными образованиями, функционирование которых связано не только с номинацией, но главным образом, с выражением субъективного отношения к предмету речи. При этом рассматриваемая лексика характеризует человека как с негативной, так и с положительной стороны.

И.В. Зимина

г. Нижний Новгород

Междиалектные «варианты». Фонетическое варьирование

Многообразие языковых процессов, которые протекают в диалектах (в том числе и процессов фонетических), изменяет самым различным образом облик слова, что порождает огромное количество материальных вариантов диалектного слова. Как отмеча-

ют диалектологи, вариативность в говорах значительно многочисленнее и продуктивнее, чем в литературном языке. Это, очевидно, определяется как устной формой бытования диалектов, так и особой нормативностью, что приводит к вариативным образованиям не только малоупотребительных слов (что распространено в литературном языке, например: *тождество* — *тожество*; *пасмо* — *пасма*), но и слов широкого употребления, в том числе слов стилистически нейтральных, например: *кливер*, *кревел* «клевер», *будаться*, *быдаться* «бодаться» и др. Изучение проблемы вариантности диалектных слов имеет как теоретическую, так и практическую направленность; последняя связана с помощью в лексикографической работе, в частности, при составлении дифференциальных диалектных словарей, а именно в отграничении вариантов слов от самостоятельных слов и их подаче в словарных статьях.

Проблема вариантов слова в системе русского национального языка наиболее отчетливо поставлена и разработана пока еще только в одной его разновидности — литературном языке. Проблема тождества слова была поставлена и получила теоретическое осмысление в трудах академика В.В. Виноградова, а позднее — А.И. Смирницкого, которые и заложили фундамент многоаспектного изучения возможности вариантных образований в русском языке. Учеными были обозначены условия, при которых словарные единицы считаются находящимися в отношениях лексического тождества: 1) наличие общей корневой части, что обуславливает общность значения: *ватный* — *ваточный*; 2) различия должны быть или только внешними (ударение, фонемы, аффиксы), или только внутренними (значения): *твофог* — *твороё*, *мафьчиковый* — *мальчишкофый*; 3) лексемы должны сосуществовать в одну и ту же эпоху. Позднее проблемой вариантности занимались такие ученые, как Ф.П. Филин, О.С. Ахманова, Р.П. Рогожникова, К.С. Горбачевич и многие другие, несколько модифицируя, уточняя понятие вариантности, сформулированного в теории Виноградова-Смирницкого, однако принципиально не выходя за ее пределы.

Итак, явление вариантности в современном русском литературном языке оказывается достаточно изученным, чего нельзя сказать о проблеме вариантов одного и того же слова в диалектах. Если норма в литературном языке допускает известные колебания, то норма в диалекте, закрепленная, как уже было сказано выше, лишь в устной традиции относительно небольшого коллектива, по мнению И.А. Оссовецкого, «имеет значительно большую амплитуду колебаний. Контур нормативности в диалекте неопределенны, поэтому в нем создается благоприятная почва для возникновения ва-

риантов различного типа, **в равной мере нормативных** (выделено мною — И.З.), количество вариантов в диалекте может быть значительно большим, чем в литературном языке» [1. С. 55]. Это положение усложняется еще и тем, что диалектный язык, в отличие от литературного, не однороден по своей структуре и функционированию, а представляет собой, по определению Р.И. Аванесова, «сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней» [2. С. 5], то есть систему систем.

В связи со спецификой диалектного языка как одной из разновидностей национального языка и возникает проблема диалектных вариантов слова, или, шире, проблема тождества слова в системе диалектов, то есть можно говорить о проблеме однодиалектных вариантов слова и о проблеме разнодиалектных вариантов слова. В первом случае к рассмотрению вариантов, функционирующих в рамках одной системы приложимо то понятие варианта, которое выработалось применительно к системе литературного языка, то есть формальное и семантическое видоизменение слова при совпадении грамматических значений. Большее разногласие вызывает вопрос о разнодиалектных вариантах. Вариантность разнодиалектных образований слова не ставят под сомнение и такие исследователи, такие как А.И. Смирницкий, Р.А. Аванесов, Л.П. Жуковская, Ф.П. Филин, Л.И. Баранникова и другие, обосновывая возможность существования вариантов одного и того же слова (вплоть до общенародного или литературного) в разных говорах русского языка прежде всего тем, что «они принадлежат, в конечном итоге, одной и той же системе — системе систем диалектного языка, единство которой предопределено историческим <...> и генетическим тождеством» [1; 94].

Однако изучение вариантности на материале всей совокупности русских говоров признается далеко не всеми диалектологами, причем небезосновательно. Амплитуда различий «одного и того же слова» в рамках разных форм национального языка от минимальных до значительных привела некоторых исследователей к мысли о том, что «каждое слово как в пределах лексики одного говора, так и в пределах лексики литературного языка <...> семантически индивидуально в том смысле, что оно объективно представляет собой сложное и в части своих компонентов неповторимое семантическое целое», от этого и идет «дифференциальность всего диалектного лексического материала по отношению к литературному языку» [1. С. 38]. О.Д. Кузнецова считает, что варианты диалектной макросистемы не только не могут действительно противопоставляться друг другу, но они лишены и другого важного свойства вариантов одной

системы — взаимозаменяемости, что еще больше осложняется при рассмотрении «вариантов» слов, встречающихся в других формах национального языка. Это положение применительно к исследуемому нами материалу, а именно фонематическим диалектизмам, то есть словам с нерегулярными, лексикализированными изменениями их звуковой стороны.

В свете всего вышесказанного и применительно к нашему материалу представляется возможным и правомерным использование другого, носящего более компромиссный характер термина **«соотносительные ряды слов»**. Это объясняется во многом пограничным, колеблющимся положением между вариантами и самостоятельными словами диалектных лексем данного типа. С одной стороны, налицо тесная связь фонематических диалектизмов с соответствующими словами литературного языка, с другой стороны, как мы видим в системе литературного языка, ряды вариантных образований характеризуются, как правило, наличием в них основного варианта, главным признаком которого является наибольшая частотность употребления, что ведет к рассмотрению его как нормативного, например, *горячий кофе* (м.р.) — *горячее кофе* (ср.р.). В рядах же диалектных слов, объединенных тождеством значения, но различающихся звуковой огласовкой, во-первых, очень трудно выявить частотность употребления (даже в пределах одного говора), то есть вопрос выделения основного варианта оказывается очень сложным, а во-вторых, видоизменения могут быть настолько значительны по отношению друг к другу, что такой признак варианта, как наличие общей (часто мотивированной) корневой части оказывается невыполнимым, например: *гастроваться* — *дистроваться* — *легистрИроваться* — *легистрИровать* — *легистрИроваться* — *регистрАть* — *регистлИроваться* — *регистровАть* — «регистраваться».

Диапазон различий в фонетическом облике диалектных слов весьма широк: от незначительных (в качестве согласных фонем: *кивот*, *кивоть* «киот»; в порядке следования фонем и их количестве: *жербий*, *жеребий* «жребий») до весьма серьезных (в одной-двух фонемах: *еропорт*, *иеропорт* «аэропорт», *обнаковенный*, *обнаковЕнный*, *обнаковЕнный*, *обнокновЕнный*, *обнокновЕнный* «обыкновенный»; или даже в целых комплексах: *вилисипед*, *восопед* «велосипед»).

Причины видоизменения внешней стороны слова, как правило, лежат в артикуляционной области производства звуков. Рассмотрим это положение на примере соотносительного ряда лексем с тождественным значением «хоровод»: *каравод* — *карывод* — *коро-*

вод — *корогод* — *коравод* — *куровод* — *кыровод* — *коровон* — *кырывод* — *каравон*. Основой изменений данных слов стала ассимиляция начального согласного *x* с соседним консонантом слова по способу образования — *коровод*. Дальнейшие модификации звуковой оболочки слова относятся к области гласных звуков: в некоторых окающих говорах произошла субституция фонемы <о> (*коровод*, *каравод*); некоторые говоры закрепили в произношении данной лексемы диссимиляцию гласных по степени подъема языка с усилением лабиализации <о> (*куровод*) с возможной дальнейшей диссимиляцией и по ряду (*карывод*, *кыровод*, *кырывод*). В части говоров отражена и лексикализация ряда других изменений на консонантном уровне: *корогод*, *коровон*.

Таким образом, проблема тождества слова в применении к диалектному языку, в частности, к фонематическим диалектизмам, показала невозможность однозначного отнесения данных лексем к вариантам соответствующих слов в литературном языке, что обусловлено сложной природой фонетических преобразований, в результате которых «рождаются» эти слова.

Список использованной литературы

1. Осовецкий, И.А. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. — М., 1964.
2. Аванесов, Р.И. Очерки по русской диалектологии. — М., 1949. — Ч. I.

М.А. Агапова

г. Нижний Новгород

Вероятностно-статистическая характеристика местоимений в памятнике деловой письменности конца XVI —начала XVII века «Арзамасские поместные акты»

Сборник «Арзамасские поместные акты» (далее в тексте — АПА) отражает деятельность Поместного приказа на территории Арзамасского уезда с 1578 по 1618 г. Основную часть грамот составляют «Отдельные и Межевые книги», которые были призваны юридически закрепить за владельцами полученные в вотчину поме-

стья: землю, угодья (лес, покосы, рыбные ловли хозяйственные постройки) и крепостных крестьян.

При исследовании АПА применялась вероятностно-статистическая методика (вероятность форм определялась по формуле $P = m : n$, где m — количество фактов, представляющих данную категорию в выборке, а n — длина выборки; использовалась также формула максимальной ошибки наблюдения $L_p = 2\sqrt{p(1-p)/n}$). Величина выборки составила около 2 000 форм местоимений.

При количественном анализе местоимений различных семантико-морфологических групп выясняется, что в текстах АПА наиболее активно употребляются указательные и притяжательные местоимения, местоимения 3-го лица относятся к высокочастотным группам, почти так же активны определительные и вопросительно-относительные местоимения. Слабо употребительны отрицательные местоимения и личные (1-го и 2-го лица).

Действительно, при разделе земель требуется точно обозначить конкретные объекты и их владельцев, для чего используются указательные местоимения и местоимения 3-го лица. Определительные местоимения с обобщенным значением этой точности обеспечить не могут; при этом личные 1-го и 2-го лица, как правило, не реализуются, поскольку личность отдельщика должна быть определена точно, то есть с указанием собственного имени существительного: *и городовоу приказщик... Юмианъ Лобановъ в то вдовино поместье ездиль...* (Отд. 120). Местоимение в этой функции используется в отдельных документах *и я холоп твой ездиль... и я холоп твой отмежеваль* (Меж. 69). Вероятность ее использования очень мала, а с учетом ошибки наблюдения — непоказательна: $P \pm L_p = 0,022 \pm 0,043$. Другие употребления этих местоимений приходятся на передачу прямой речи: *в обыску... сказал:... язь не ставиль* (Меж. 163), *язь межи не знаю* (Отд. 139); эти употребления неформальны, но, по-видимому, случайны и не отражают специфики изучаемого памятника.

Вероятностная характеристика использования родовых форм местоимений в исследуемом памятнике такова:

Род	$P \pm L_p$
Мужской	$0,474 \pm 0,024$
Женский	$0,279 \pm 0,022$
Средний	$0,247 \pm 0,021$

В АПА местоимения мужского рода используются наиболее активно, они составляют почти половину зафиксированных форм. Местоимения женского и среднего рода употребляются реже, чем мужского, однако с точки зрения вероятности их активность существенно не различается.

Превалирование местоимений мужского рода можно связать с тем, что они часто являются «заместителями» имен, представляющих собой наименование лиц по социально-должностным признакам или указывают на родственные связи. Частота использования таких местоимений (от числа всех местоимений, имеющих родовые формы) составляет для мужского рода: $P = 0,335 \pm 0,024$, для женского всего: $P = 0,033 \pm 0,009$.

Высокая частотность форм мужского рода достигается в основном за счет лично-указательных и притяжательных несклоняемых местоимений, в то время как среди форм женского и среднего рода наиболее употребительными являются указательные местоимения. Местоимения остальных групп распределяются по родам более или менее равномерно.

Местоимения в АПА обнаруживают формы единственного, множественного и двойственного числа, вероятности появления различных числовых форм представлены в следующей таблице:

Число	$P \pm L_p$
<i>Единственное</i>	
Правильное употребление	$0,716 \pm 0,024$
Вместо дв. ч.	$0,0005 \pm 0,0010$
<i>Двойственное</i>	
Правильное употребление	0,000
Жен. и ср. вместо муж. р.	$0,002 \pm 0,002$
<i>Множественное</i>	
Правильное употребления	$0,211 \pm 0,019$
Вместо ед. ч.	$0,0004 \pm 0,0009$
Вместо дв. ч.	$0,070 \pm 0,013$

Анализируя эти результаты, можно сделать вывод о значительном превалировании форм единственного числа над формами множественного. Двойственное число в АПА практически нивелировано, в тех случаях, где оно могло быть реализовано, использу-

ются формы множественного числа; вероятность замены двойственного формами единственного представляется ничтожной.

Данные по другим частям речи в АПА позволяют сделать вывод, что категория грамматического числа местоимений в целом функционировала подобно той же категории существительных и прилагательных. Это представляется закономерным: местоимения часто являются в языке «заместителями» существительных и прилагательных, поэтому и функционирование их категорий сходно.

Столь высокая активность форм единственного числа в АПА обусловлена, по-видимому, жанровой спецификой представленных в сборнике документов и их тематикой, требовавшей реализации конкретных имен существительных, обозначающих единичный предмет, а следовательно, адекватных замен этих существительных местоимениями в субстантивной функции. В атрибутивной функции частотность единственного числа могла быть поддержана согласованием с конкретными существительными.

Список использованной литературы

1. Арзамасские поместные акты / под ред. Н.А. Веселовского. — М., 1915.
2. Головин, Б.Н. Из курса лекций по лингвистической статистике. — Горький, 1966.
3. Кузнецов, П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. — М., 1959.

В.С. Картавенко

г. Смоленск

Изыскания И.И. Срезневского в области древнерусской ономастики

Выдающийся лексикограф, знаток истории русского языка, крупнейший славист, автор «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» Измаил Иванович Срезневский был поистине великим ученым, предопределившим развитие многих направлений в славянской и русской филологии. Еще в 1849 г. в своей знаменитой речи «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневский, говоря о задачах изучения истории русского языка, указывал, например, что древние памятники русского языка

должны быть изданы и исследованы в разных аспектах, кроме того, каждый памятник должен иметь полный словарь. Сам академик дал блестящие образцы анализа двух древнерусских памятников («Договоры с греками» и «Грамота великого князя Мстислава»), причем не только представил данные лингвистического характера, но и на основе языковых фактов сделал выводы о самых различных сторонах жизни Древней Руси.

Хотя И.И. Срезневский специально не занимался ономастикой, не писал работ ни по антропонимике, ни по топонимике, тем не менее он затронул в своих исследованиях и ономастические проблемы. Так, в работе «Договоры с греками» И.И. Срезневский анализирует имена собственные князей древнерусского государства и послов к грекам, разделяет их на славянские и скандинавские, однако при этом справедливо замечает, что «Рюрики, Олеги, Игори XI—XII в. были не славянами только по именам: почему же по именам не могут только казаться, а не непременно были не славянами и некоторые из лиц IX—X в.». Также в этой работе он дает перечень древнерусских городов, которых «можно насчитать по сказаниям летописцев и византийцев более 20: Белоозеро, Витичевъ, Вручевъ, Вышьгородъ, Изборскъ, Киевъ, Коростень, Ладога, Любечъ, Муромъ, Новгородъ, Овручъ, Перемышль, Пересечень, Полотскъ, Псковъ, Родна, Смоленскъ, Туровъ, Червень, Черниговъ».

Как анализ имен собственных древнерусских князей и послов помог И.И. Срезневскому сделать вывод о том, что скандинавские имена вовсе не свидетельствуют о скандинавском происхождении их носителей, так и замечание о древнерусских городах позволило исследователю подтвердить оседлость населения Руси того времени. Еще один важный вывод, сделанный И.И. Срезневским, — это вывод о том, что «договоры представляют замечательные доказательства распространения грамотности между русскими».

Очень интересна и вторая его работа — «Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. 1130 г.», в которой автор приводит и антропонимы, и топонимы. Анализируя 1-ю Новгородскую летопись под 1232 годом, договорную грамоту Новгорода с польским королем Казимиром IV и ряд других письменных памятников, И.И. Срезневский приходит к достоверным выводам о том, где была расположена в древности волость Буице: «На переделе между водами стока Ловати с одной стороны и стока Волги с другой, на юго-запад от Селигера, в числе других озер есть озеро Лопастино и рядом с ним другое — Буицы,

оба у нынешних границ губерний Новгородской, Тверской и Псковской (под 51 шир.)».

Чрезвычайно интересны размышления академика И.И. Срезневского и по поводу слова «вотское (вено)», которое он предлагает читать как «волочкое» или «волоцкое». И располагает он вено Вотское, таким образом, не «в земле Вотской, у Води, у Вожан», а «в Обонежской пятине, у того обширного Волока, которым разделяются воды Балтийского поморья от вод Бела озера и Студеного моря».

Анализ имен собственных князей и послов, обращение к топонимам, этнографические рассуждения, разбор апеллятивной лексики — все это позволило И.И. Срезневскому не только сделать важные выводы лингвистического характера, но также многое сказать о политических, экономических, бытовых сторонах жизни русского народа в Древней Руси.

Многие идеи академика И.И. Срезневского, только обозначенные им в работах, нашли свое подтверждение и воплощение в трудах его последователей и продолжателей.

Ю.Ю. Гордова

г. Рязань

К этимологии фамилий Рязанской области

Фамилии жителей Рязанской области являются частью многотысячного фонда фамилий России и бесценным источником сведений по истории русского языка. Некоторые фамилии современного антропонимикона известны на рязанской территории начиная с XIV в., многие — зафиксированы документами XVI—XVII вв. И в этом их дополнительная историческая и лингвистическая ценность.

Далее приводится возможная этимология таких фамилий и сообщаются краткие сведения об их носителях — исторических (по материалам писцовых книг Рязанского края, «Ономастикона» С.Б. Веселовского) и современных (по данным собственных полевых сборов, телефонных справочников районов Рязанской области).

Бунин — от прозвищного *Буня* — «неспокойный, вздорный, буйный». Б.А. Ларин связывает этимологию имени с *буйати* «гордиться», *буня* «гордец» [1. С. 85, 89]. Ряз. диал. *бунить* — «гудеть, мычать, реветь» [2].

Родоначальником фамилии, по мнению С.Б. Веселовского, является дед Прокуды Михайловича Бунина, получившего от рязанских князей земли в Рязанском уезде после перехода к ним на службу [3. С. 55]. В XVI в. в Рязанском крае известно несколько Буниных: вдова Кунава Степанова жена Бунина с детьми Степаном и Марьицей (д. Перекусихино), Ждан Прокудин Бунин (д. Яблонево, д. Летово), вдова Богдана Романова жена Бунина с детьми Иваном и Афанасием (д. Табаево) [4. С. 110, 135].

В современной Рязанской области фамилия относительно редкая. Большинство ее носителей проживают в Рязани, встречается она также в Милославском, Пителинском, Скопинском районах.

Ватолин — от прозвищного *Ватола / Ватоля*. Наричательное *ватола* — «грубая крестьянская ткань», «одежда из грубой ткани» [5. Т. I. С. 253]. В рязанских говорах лексема известна со множеством частных значений, меняющихся в зависимости от района бытования: «домотканое одеяло», «ватное одеяло», «коврик из цветных лоскутков» и т.д. [2].

Как прозвание человека — метафорическое *Ватола / Ватоля* — «плохая пряжа», «плохой мастер» или «бедняк» (близкое значение и у прозвища *Дерюжка*, от которой фамилия *Дерюшкин*; см. ниже).

Прозвище в XV—XVI вв. зафиксировано в Рязани, Новгороде, Кашине, Торжке, Вологде [3. С. 63]. Образованная от него фамилия на рязанской территории известна в с. Зарязы и в д. Кропотино, здесь в XVI в. имели надель соответственно Алешка Семенов Ватолин и Вешняк Васильев Ватолин [4. С. 102, 153].

Сегодня фамилия *Ватолин* в России довольно распространенная, но для Рязанской области редкая, встречается преимущественно в Сасовском районе.

Дерюшкин — от прозвищного *Дерюга / Дерюжка* «плохо одетый, бедный, нищий», от нарицательного *дерюга / дерюжка* «самая толстая, грубая, дешевая ткань» (ср. аналогичную цепочку: нарицательное *ватола* → прозвище *Ватола* → фамилия *Ватолин*).

В XVI в. в Рязанском крае известны Милован Федоров Дерюшкин (д. Роговая), Паршик Уланов Дерюшкин [4. С. 144].

Сегодня фамилия для Рязанской области очень редкая, встречается в основном в Шиловском районе.

Карманов — от прозвищного *Карман*, употребляемого предположительно в значении «богатый или склонный к накопительству человек». Наричательное *карман* — «небольшой мешок, пришиваемый к одежде». Возможная причина использования слова в роли прозвища человека — тесная ассоциативная связь с понятиями

деньги, богатство, что подтверждают следующие фразеологические сочетания: «тугой, толстый карман», «густо в кармане» — богат, с деньгами; «набить карман» — разбогатеть [5. Т. II. С. 93].

Рязанские документы XVI в. упоминают дворника Корманова Мишку Микитина [4. С. 100].

Колесник, Колесников — фамилии связаны с названием профессии *колесник*. Так называли мастера колесного дела или продавца колес. Ремесло колесника было так же необходимо, как и ремесло кузнеца: до XX в. основным средством передвижения были телеги, повозки, кареты. Этим и объясняется распространенность фамилий *Колесник, Колесников*, причем не только в России, но и на Украине и в Белоруссии (*Калясік, Калеснік*).

Разница двух вариантов в том, что *Колесников* — фамилия, оформленная по традиционной русской модели, а *Колесник* — фамилия нестандартизированная, сохранившая исходную форму прозвания человека.

В Рязанском крае фамилия *Колесников* известна уже в XVI в.: по данным писцовых книг, помещик Колесников Степан Евсин владел землями в д. Ломы и д. Волохов Зараский Пехлецкого стана [4. С. 102]. В современном антропонимиконе встречается и *Колесник*, и *Колесников*.

Лопатин — от прозвищного *Лопата*. В основе мотивации, по всей видимости, ассоциация по внешнему сходству; ср. орудие труда *лопата*, часть скелета животного, человека *лопатка*, местный географический термин *лопата* — семантика всех лексем отражает признаки «широкий», «плоский».

В рязанском средневековом антропонимиконе фиксируется только фамильное образование (помещик Федор Иванович *Лопатин*; [4. С. 123]). В других регионах зарегистрировано и личное прозвищное имя, и семейно-родовое именование: Никита Прокофьевич *Лопата* Хитрово, Дмитрий Петрович *Лопата* Пожарский, Юрий и Михаил Матвеевичи *Лопатины* [3. С. 184].

Помазков — фамилия образована от прозвищного имени *Помазок*, в основе которого нарицательное *помазок* «кисточка для смазывания чего-либо», которое сегодня употребляется преимущественно в церковной практике со значением «кисточка для совершения религиозных обрядов».

Имя могло быть семейным, то есть употребляться внутри семьи. Детям при рождении часто давали охранные имена, называя их любимым бытовым словом. Нередко это были названия предметов домашнего обихода: горшок, кочерга, тютень.

Помазок могло быть и уличным прозвищем, данным человеку окружающими людьми за самую яркую черту. В диалектах *помазок* — всегда грязный, запачканный чем-то человек.

Слово могло иметь и переносное значение, так как известен народный фразеологизм *помазать по губам* — «надавать пустых обещаний». В этом случае прозвищное *Помазок* — «любитель давать пустые обещания».

В рязанских писцовых книгах фамилия не засвидетельствована, не зафиксирована она и в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского. Среди современных рязанцев встречается, но остается редкой, малораспространенной. По нашим данным, ее носители — переселенцы из Тульской области.

Шатилов — от прозвищного *Шатил*. В корне *шат*- сконцентрировано значение неустойчивости, подвижности. При характеристике человека производные от *шат*- могли употребляться для отражения как внешних черт именуемого, так и особенностей его характера, образа жизни («ненадежный, непостоянный»), но оба значения могли использоваться и как одно, синкретичное. В разных регионах апеллятив *шатила* употреблялся для отражения вполне определенного качества: арх. «тот, кто ходит без дела, ничем не занят», курск. «тот, кто много суетится, бегает взад и вперед», орл., тул. «помешанный, безрассудный» (от *шатеть* «терять память и рассудок») и т.д. [5. Т. IV. С. 623—624].

В XVI в. фамилия фиксируется среди помещиков Старорязанского и Пехлецкого станов: братья Гришка и Тренка Шатиловы (д. Журовино), Яков Иванов Шатилов (д. Волосатовская) и др. [4. С. 149, 153].

Список использованной литературы

1. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). — М. : Просвещение, 1977.
2. Картотека рязанского областного словаря (Хранится на кафедре истории русского языка и культуры речи РГУ им. С.А. Есенина).
3. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М. : Наука, 1974.
4. Писцовые книги Рязанского края XVI в. / под ред. В.Н. Сторожева. — Рязань : Русское слово, 1996. — Т. I. — Вып. 1.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Русский язык, 1989—1991.

А.Л. Шилов

г. Москва

География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России

В славянской топонимии, гидронимии центра и юга России присутствуют основы, либо вовсе не находящие поддержки в апеллятивной лексике, либо имеющие соответствия лишь в ограниченном ареале (ср. *чечора* [1. С. 200—204]), а иногда — и на инославянских территориях (**звезд* [2; 3]). Как правило, это архаизмы, сохранившиеся на языковой периферии, каковой по отношению к славянскому миру и являлась в древности указанная территория [4; 5]. На периферии ареала возможны также локальные новообразования, отразившиеся лишь в топонимах (**нахаб* [6; 3]), и заимствования. В последнем случае ареал соответствующей топонимии (созданной на русской почве) может далеко выходить за пределы ареала современного бытования заимствованного термина, что, как правило, указывает на активную миграцию древнего населения (*вельга* [3]).

Ниже речь пойдет о топонимах, содержащих термины *обиток/обыток* (привлечен большой материал, нежели в [2; 3]) и *плота*.

Из ресурсов Интернета, данных опубликованных работ [7; 5. С. 200, 203] нами извлечены названия: *Обиточная (Обыточная)* — р. бас. Азовского моря, близ устья которой находится *Обиточная коса*; *Нові Обитоки* — с. на Ингульце близ Кривого Рога; *Обиток* — пр. пр. Деркула, л. пр. Северского Донца; *Обиток* — скит Козельщанского монастыря в низовьях Псла (в тех же местах в документе 1694 г. видим *обиток* как географический термин: «Купчая... на Савкин лесок на усте Домоткани и з кучугурами до него приличиими, также з *обитоком* и жерелами и озерами около леска будочими с пасекой»); *Обыточка* — пр. пр. Псла; *Обыток* — оз. в басс. Сейма (названо в Рыльских отказных книгах 1634 г.); *Быток* (**Обыток*) — руч. в Посемье; *Обитец* — пр. пр. Долинки, пр. пр. Жиздры, л. пр. Оки; *Бытенка* (**Обытенка*) — пр. пр. Лопасни, л. пр. Оки; *Битенка* (**Обитенка*) — л. пр. Неучки, л. пр. Вашаны, пр. пр. Оки; *Бицкой* (**Обицкой*) — пр. Мелинки, л. пр. Полосны, пр. пр. Осетра, пр. пр. Оки; *Битца* (с 1480 г. до XVIII в. — *Обитца*) — л. пр. Пахры, пр. пр. Москвы; *Обитеч* — пр. 2 пор. Тверцы; *Горбачево-Обитоки* — с. в Полоцком уезде Витебской губернии.

Эти названия логично возводить к вост.-сл. *обиток, прасл. *obitokъ (от *теку, течь*), восстановленное О.Н. Трубачёвым из названий *Обиточная коса, Обыточка* и внесенное им как дополнение к словарю М.Фасмера [8. Т. 3. С. 101; 5. С. 200] (возможно развитие *обътокъ > обыток > обиток [2], ср. ст.-сл. *обътещи* «обежать» [9. С. 400]). Эту реконструкцию можно дополнить за счет укр. диал. *обтік* «маленький остров» и *обыток* «остров на реке» в Сумско-Черниговском Полесье [10. С. 118].

В соответствии с приведенными данными, центром ареала *обыток/обиток* следует считать древние северянские земли («а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася северь»), откуда термин и основанные на нем топонимы распространились на юг — до Приазовья и на север — до Поочья и верхнего Поволжья. На соседних территориях (Белоруссия, Псковская, Смоленская, Брянская обл., отчасти Поднепровье) был распространен термин *оток* «остров», *отока* (в Белоруссии — *атока*) «рукав реки», ср. и ст.-слав. *отокъ* [9. С. 424], др.-рус. *отокъ*, с.-х. *оток* «остров» [11. Т. 2. С. 106; 12. С. 175]. Отсюда в термине *обыток/обиток* можно видеть северянский инновационный диалектизм.

Обильны в центре и на юге России гидронимы с основой *Плота-*. В бас. Дона названия *Плота* (также *Сухая Плота, Мокрая Плота* и т.п.) известны в Тульской, Липецкой, Орловской, Курской, Тамбовской, Белгородской, Воронежской обл.; *Плотава, Плотавец* — в Курской, Белгородской, Воронежской обл. Есть названия и типа *Плоский Яр* (из *Плотский*) [5. С. 303; 12. С. 222; 11]. В Посемье многочисленны *Плота* (*Плота Гнилая, Лещинская, Мокрая, Полевая, Ржавая, Сухая* и др.), *Плотава, Плотавый, Плотовский* [14]. В Поочье распространены гидронимы *Плоская, Плоской, Плота* (*Плота Большая, Каменная, Правая, Ржавая, Средняя, Старицкая, Троицкая* и др.), *Плотавец, Плотавской, Плотка*. Особо выделим *Двеплота* [7]. В Подмосковье отметим дер. *Плоская* (ок. 1506 г.) в устье р. *Плочанка*, пр. Издетели в правобережье Волги [15. С. 209] и дер. *Плотава* в Орехово-Зуевском р-не (левобережье Клязьмы). В 1503 г. в Высокогородском уезде Шелонской пятины названы дер. *Плота Болишая* и *Плота Старой Двор* [16]. Аналогичные названия известны и в Польше (М. Фасмер, в частности, указывает *Плоцк*, выводя его из гидронима **Polta*). Не вполне ясно пока, можно ли включать в ряд *Полта* гидронимы с полногласными (*Полотебня, Неполодь, Полоть* в Поочье, *Неполодь* в бас. Днепра, *По-*

лота басс. Двины) и дометатезными (*Полта* в Подонье, *Пополта* в Поочье) формами.

Слово *плота* известно в значении «лог, балка» в Курской и Воронежской обл., «болото» — в Орловской обл. [16. Т. 3. С. 128; 11. Т. 2. С. 127]; Е.М. Поспелов, говоря о названии речки *Плотка*, добавляет к этому «небольшая речка, приток с крутыми берегами» [17. С. 98]. Этимология термина не выяснена. О.Н. Трубачёв реконструирует праслав. **plъta*, включая эту форму в лексическое гнездо слова *плот* «средство передвижения по воде» с дальнейшим родством с *плыть, плыву* [4. С. 9]. М. Фасмер (говоря о названии *Полота*) и В.Н. Топоров (сопоставляющий названия *Двеплота, Плота, Полота, Неполоть, Пополта* с балтскими топонимами) отсылают к др.-лтш. *paltis* «дождевой ручей», лтш. *palts, palte* «лужа» [8. С. 316; 18. С. 163, 164, 167]. Но само древнелатышское слово может быть связано с прибалтийско-финским *palte* «склон, край (горы, леса); береговая круча» [SKES, s.v. *palle*].

Таким образом, плотный ареал гидронимов типа *Плота, Плотавы* в бывших вятичско-северянских землях в сочетании с диалектным *плота* «обраг, балка» свидетельствует, видимо, о периферийном реликте севернославянского (с истоками на юго-востоке Прибалтики) термина, природа которого (исконная либо заимствованная) пока не может считаться выясненной.

Список использованной литературы

1. Шилов, А.Л. Термин чечора в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья : материалы X Международной конференции. — Уфа, 2006.
2. Шилов, А.Л. Битца и Гвоздянка // Русская речь. — 2002. — № 2.
3. Шилов, А.Л. Топонимические свидетельства присутствия в Подмосковье летописных восточнославянских племен (в свете идей О.Н. Трубачёва) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография : III чтения памяти академика О.Н. Трубачёва из цикла «Славяне: язык, история» : тезисы докладов и выступлений. — М., 2005.
4. Трубачёв, О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. — 1991—1993. — М., 1994.
5. Трубачёв, О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — М., 1997.
6. Агеева, Р.А. Нахабино / Р.А. Агеева, А.Л. Шилов // Русская речь. — 2005. — № 2.
7. Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки. — М., 1976.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1971. — Т. 3.
9. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). — М., 1999.

10. Черепанова, Е.А. Южновеликорусская топонимия в писцовых книгах XVII в. // Центральночерноземная деревня: история и современность. — М., 1992.
11. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999.
12. Любимова, Е.Л. Ландшафтные термины в топонимии Центра // Вопросы географии. — М., 1974. — Сб. 94.
13. Попов, С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. — Воронеж, 2003.
14. Яценко, А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. — Вологда, 1974.
15. Поспелов, Е.М. Топонимический словарь Московской области. — М., 2000.
16. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955.
17. Самоквасов, Д.Я. Архивный материал. — М., 1905. — Т. 1. — Отд. 2.
18. Поспелов, Е.М. Названия подмосковных городов, сел и рек. — М., 1999.
19. Топоров, В.Н. Балтийский элемент в топонимии Поочья. I // Балто-славянские исследования — 1986. — М., 1988.
20. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1—6. — Helsinki, 1955—1978.

В.В. Меркина

г. Рязань

Труд П.Л. Маштакова «Список рек Донского бассейна» как источник изучения оронимов

В ряду составленных и изданных П.Л. Маштаковым списков рек бассейнов Днепра, Днестра и Южного Буга «Список рек Донского бассейна» (Л., 1934) занимает особое место. П.Л. Маштаков не ограничил «Список рек Донского бассейна» только названиями рек. В его труде представлено также большое количество наименований таких овражно-балочных образований, как овраг, балка, бугорак, дол, лог, яр, то есть оронимов. Подобное включение оронимов в списки линейных (текучих) вод стало уже традиционным в топонимике. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в географическом и гидрологическом отношениях привязать оронимы можно только к гидронимам. Овраги, балки и другие формы отрицательного рельефа — это эрозия почвы в результате ее размыва верхними и дождевыми водами, которые затем обязательно имеют сток в постоянные водоемы. Во-вторых, в период весеннего половодья овражно-балочные образования тоже являются водными объектами, а некоторые формы отрицательного рельефа характеризуются наличием воды в своем русле в течение круглого года. И, в-

третьих, многие из них обязаны своим появлением линейным водам.

Необходимо отметить, что оронимы — это достаточно многочисленная группа географических названий. В.А. Никонов, относя наименования форм отрицательного рельефа к микротопонимам, указывает, что последние представляют собой «самый огромный раздел топонимии» [2. С. 43].

В данной статье нами рассматриваются только оронимы верхнего и среднего течения Дона. Материалы, представленные П.Л. Маштаковым, позволяют исследовать соответствующие наименования в разных аспектах.

С точки зрения формы данные наименования в значительной степени однотипны. В количественном отношении резко преобладают оронимы — субстантивированные прилагательные. В материалах П.Л. Маштакова абсолютное большинство оронимов, выраженных субстантивированными прилагательными, не имеют префиксов. Вместе с тем, широко представлены суффиксальные образования.

У субстантивированных качественных прилагательных имеют место различные суффиксы: -н- (*Грязный, Дальний*), -к- (*Крепкая, Тонкий*), -л- (*Круглый*), -ок- (*Широкий*) и др.

Обращает на себя внимание особая продуктивность образований с суффиксами -еньк-, -оньк- (вариант -иньк-). Обычно они соотносятся с оронимами, содержащими производящую основу, которая может состоять из корня или корня и суффикса: *Крутой(ая)* — *Крутенький(ая)*, *Малый* — *Маленькая*, *Мокрый* — *Мокренький*, *Прямой(ая)* — *Пряменькая*, *Теплый* — *Тепленькая*, *Крепкая* — *Крепенькая*, *Тонкая* — *Тоненькая*, *Долгий(ая)* — *Долгонькая*, *Долгинькая*, *Широкий* — *Широконький*. Случаи, когда подобные образования не находят в материалах П.Л. Маштакова соответствий, являются достаточно редкими: *Длиненький(ая)*, *Добренький*, *Куценькая*, *Узенькая*, *Хорошенький(ая)*.

Разнообразен и круг суффиксов, представленных в субстантивированных относительных прилагательных: -н- (*Вершинный, Каменный(ая), Колодезный(ая), Лесной(ая), Поперечный, Пустынный*), -ов-, -ев- (*Березовый(ая), Дубовый, Липовый, Ореховый(ая), Ключевая, Ясиновый и Ясинева*), -ан-, -ян- (*Песчаный(ая), Глиняный*) и др.

Производные основы с суффиксом -ов- могут присоединять еще суффикс -ск-: *Осиновый* — *Осиновский (ая)*, *Сосновый* — *Со-*

сновский, Ясиновый — *Ясиновская*, что является отражением особенностей диалектного словообразования.

Субстантивированные притяжательные прилагательные образуются с помощью таких суффиксов, как -ов-, -ев- (*Бобров, Грачев(а), Дьяков(а), Дьяконов(а), Кудинова, Медведев, Попов(а), Растегаев*), -ин- (*Кукушкина, Мишечкин, Рыбкин*), -ий (-й-) (*Бирючья, Волчий, Вороний, Лисья, Медвежий, Сорочий, Щенячий*).

Как отмечает Э.М. Мурзаев, «префиксы в топонимике встречаются реже, чем суффиксы» [1. С. 106]. В словообразовании лишь небольшой группы оронимов участвуют приставки: без- (*Безглиняный*), вы- (*Выездной*), за- (*Запольный, Заполянская*), о- (*Огибная*), об- (*Обложный, Объездная*), пере- (*Переездная*), под- (*Подгорный(ая), Подстенной,*), пере- (*Переездная*), про- (*Провальный*).

Встречаются и сложные оронимы — субстантивированные прилагательные, в которых имеет место словосложение: *Сенокосный, Белогорский(ая), Голопятова, Красностанов, Лихобабий*. Отдельную группу образуют субстантивированные прилагательные, составной частью которых являются числительные. В состав таких оронимов может входить количественное числительное в именительном падеже (*Одnodворцева, Трилыся*), количественное числительное в родительном падеже (*Двуречный* — *дву* является усеченной формой от *двух, Трех-Буерачный, Пятиизбянская*), собирательное числительное (*Тройной(ые), Двойная*).

Меньшую группу представляют собой оронимы-существительные. При их образовании от производящих основ используется ряд суффиксов: -иц- (*Игрица*), -к- (*Глинка, Каменка, Поганка, Вонючка, Грачевка*), -ник (*Грачевник*), -чин- (*Деревенчина*) и др.

Часто встречаются оронимы, образованные по топонимической модели на -и (-ы): *Борки, Грачи, Дубки, Зады, Ключи*. Представляет интерес форма *Сдубком*, образованная сращением предлога и творительного падежа существительного. Встречаются также оронимы-существительные, возникшие в результате словосложения: *Рудокон, Самохватка, Суходол*. Название *Пяти-Березка* образовано сочетанием косвенного падежа количественного числительного и существительного.

Многочисленны наименования, выраженные субстантивированными порядковыми числительными: *Первый(ая), Второй(ая), Третий(ая), Четвертый(ая), Пятый, Шестой, Седьмой*.

Оронимы-словосочетания имеют несколько типовых моделей:

1) Прилагательное + существительное: *Высокая Дуброва, Горелый Дуб, Попов Луг, Каменный Провал, Горина Атаманская, Журкова Долина, Черная Долина, Караицкие Кручи, Хмелевские Кручи, Сладкие Ягоды, Казачий Колодезь, Синее Озеро, Студеный Ключ, Конское Стоило.*

2) Порядковое числительное + существительное или прилагательное: *Первая Мусатка, Вторая Мусатка, Третья Мусатка, Первая Долгоньякая, Вторая Долгоньякая, Первая Резаная, Вторая Резаная, Третья Резаная.*

3) Количественное числительное + существительное: *Три Буерачка.*

В.А. Никонов отмечает: «Среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них черта — их сравнительность» [2. С. 34]. Отчетливее всего сравнительность наименований проявляется в типичных противопоставлениях: *Ближний — Средний — Дальний, Нижний — Средний — Верхний, Крайний — Средний — Передний*, а также (что прежде всего характерно для гидронимов и оронимов) *Сухой — Мокрый*. Например, *Ближний Акатов — Дальний Акатов, Ближний Липяг — Дальний Липяг, Ближние Садки — Средние Садки — Дальние Садки, Чернецкий Дальний — Чернецкий Ближний, Верхние Озерки — Нижние Озерки, Верхняя Семибратская — Нижняя Семибратская, Крайние Лески — Средние Лески — Передние Лески, Крайняя Рассыпная — Рассыпная, Сухая Таловка — Мокрая Таловка, Сухой Найденов — Найденов.*

Среди оронимов-существительных выделяются слова иноязычного происхождения: *Карандык, Чикмисала, Кинтурак, Грец* и др.

Труд П.Л. Маштакова позволяет также исследовать принципы номинации оронимов верхнего и среднего течения Дона. Э.М. Мурзаев отмечает: «Народ тонко и точно подмечает особенности географических объектов, специфичность, называя их, использует метафоры» [1. С. 30]. В «Списке рек Донского бассейна» встречаем оронимы, имеющие соответствие с названиями строительных материалов: *Кирпичный*; одежды: *Шапочный*; промыслов: *Меховый*; частей тела животных: *Клешня, Рогатая, Рогатенькая.*

В названиях ряда овражно-балочных образований получили отражение географические особенности местности: *Луговая, Подстепная, Озерский, Белогорский, Лысогорский, Подгорный, Запольный, Заполянская.*

В основе других наименований — признаки овражно-балочных образований с точки зрения их формы. В названии, например, учитывается

а) степень крутизны склонов: *Крутой(ая), Крутенькая, Разломы, Каменный Провал, Обрывский, Прорва, Провалья, Крутые Ясли* (от ясли «лог, ложбина»), *Плоский*;

б) расстояние между стенками: *Узенькая — Широкий(ая), Толстый(ая — Тонкий(ая), Тоненький(ая)*;

в) протяженность в пространстве: *Долгий(ая), Долгонькая (Долгинькая), Длинненький(ая) — Короткая*;

г) размер в целом: *Великий, Большой(ая) — Малый, Маленькая, Кургузая, Куценькая*;

д) характер расположения на местности: *Прямая, Пряменькая — Кривой(ая), Косой(ая), Круглый(ая), Кругленькая, Огибная, Развиллистая*.

Характерно, что оронимы этих групп часто вступают в антонимические отношения, образуя пары противопоставленных названий.

Наименования овражно-балочных образований могут отражать состояние склонов соответствующих географических объектов. Это оронимы *Крепкая, Крепенькая, Рассыпной(ая), Развальный*.

Часть оронимов несет информацию о наличии или отсутствии:

а) растительности на склонах на дне овражно-балочных образований: *Ковыльная, Конопляная, Ромашкина, Хвощовый, Хмелевой — Голый(ая), Голенький(ая), Мертвый, Пустынный*;

б) воды в этих образованиях: *Водяной(ая), Грязный, Грязнуха, Грязноватый, Склизкий, Топкий(ая) — Безводная, Сухой(ая)*.

Некоторые оронимы указывают на присутствие водных источников: *Ключевая, Родниковый(ая), Колодезный(ая), Криничная*. Последнее название образовано от слова *крина*, которое, как отмечает Э.М. Мурзаев, обозначает «ключ, родник, колодец с большим дебитом, колодец с хорошей водой» [2. С. 33].

Представлены также оронимы, которые образованы от названий пород или характера почвы: *Глинистый, Глинный, Глиняный, Каменный(ая), Меловой, Меловатый(ая), Песчаный(ая), Песковатка*.

Наименования ряда оронимов уточняют местоположение географического объекта по отношению к населенному пункту: *Дальний — Ближний(ая), Крайний, Зады, Западный(ая), Левый*.

Названия некоторых оронимов имеют ярко выраженное оценочное значение: *Добренький, Славный, Хорошенький, Хорошев, Сердитая, Дурная.*

Оронимы могут указывать на соотнесенность объекта с определенным лицом или лицами: *Агапов, Агафонов, Алексеевская, Дьяков(а), Дьяконов(а), Матвеев, Москалев, Сафошкин, Солдатский, Танькин, Татарская.*

Названия значительной части овражно-балочных образований отражают флору и фауну региона:

а) *Березовый (ая), Березовский(ая), Вязовый(ая), Дубовый(ая), Калиновый(ая), Кленовый(ая), Липовый(ая), Ольховый(ая), Ореховый(ая), Сосновый, Терновый(ая), Черемуховый(ая), Ясневый;*

б) *Волчий, Вороний, Коровий(ья), Кукушкина, Лисья, Собачья, Совиная, Сорочья.*

На образование некоторых наименований повлияли религиозные воззрения и общественные отношения: *Святой, Спорная.*

Подводя итог, необходимо отметить, что труд П.Л. Маштакова «Список рек Донского бассейна» представляет большой интерес для изучения оронимов и может быть положен в основу соответствующих научных исследований.

Список использованной литературы

1. Мурзаев, Э.М. География в названиях. — М, 1979.
2. Никонов, В.А. Введение в топонимику. — М, 1965.

Н.А. Красовская

г. Тула

Проблемы изучения тульских говоров

Тульские говоры имеют сложную характеристику. Это неоднократно отмечалось диалектологами. Сложность современного изучения тульских говоров заключается еще и в том, что до сих пор их монографического, комплексного описания не существует. Хотя в разные годы тульские говоры привлекали внимание исследователей.

Современная диалектология — это весьма развитая область языкознания, которая обладает серьезными достижениями, обшир-

ными связями с другими языковыми и неязыковыми областями знания, серьезным методологическим аппаратом и, что особенно важно, богатой историей.

История русской диалектологии неразрывно связана с историей русского и советского языкознания, славянского языкознания в целом. В истории русской диалектологии выделяется этап подготовки и создания первой «Диалектологической карты русского языка в Европе», этап накопления первых серьезных сведений, работы Московской диалектологической комиссии. Следующим этапом является этап подготовки и создания второй «Диалектологической карты русского языка». Разработка Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), издание первых томов ДАРЯ характеризуют данный этап. В настоящее время, на наш взгляд, продолжается третий этап — этап анализа собранного в диалектологических экспедициях обширного материала с привлечением данных составленных Атласов, использованием современных методов исследования.

Эти этапы не могли не отразиться на истории изучения тульских говоров. К одним из самых ранних исследований можно отнести работы Е.Ф. Будде «О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях», «О народных говорах Тульской губернии», «О говорах Тульской и Орловской губерний». Интересны также наблюдения Д.К. Зеленина, на которого ссылаются некоторые другие ученые. Местные тульские краеведы не могли не заметить особенностей тульского говора — здесь можно отметить работу И.Ф. Афремова. В целом к первому этапу можно отнести и работу В.Н. Каменева «О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губернии».

Второй этап характеризуется рядом наблюдений Р.И. Аванесова, касающихся структуры тульских говоров, серьезными исследованиями В.Н. Сидорова, обращением к тульским говорам С.В. Бромлей, П.Я. Черных, Ф.П. Филина. Отдельно можно отметить работы Н.Б. Париковой и И.Н. Чусовой.

К третьему, современному этапу можно отнести исследования С.К. Пожарицкой, Н.Н. Пшеничновой, Е.А. Рыбочкиной, Д.М. Савинова, С.В. Князева.

Нам хотелось бы остановиться на анализе исследований второго этапа, так как он дал наиболее значительные результаты. В это время была достаточно хорошо изучена фонетика тульских говоров, а именно система умеренного яканья, сделаны определенные выводы, касающиеся лексической системы, определена общая ха-

рактеристика тульских говоров и уточнено место Тульской группы говоров в диалектном членении русского языка.

Итак, в «Очерках русской диалектологии» Р.И. Аванесов относит тульские говоры к южновеликорусским, к Северной группе, которая характеризуется преобладанием умеренного яканья, произношением *в* как *ф* и как *у*. Он же писал о том, что говоры этой группы характеризуются неоднородностью, по ряду одних признаков эта характеристика сближается с говорами средневеликорусскими, по другим — с говорами южновеликорусскими [1. С. 229]. Это мнение Р.И. Аванесова на многие десятилетия определило подходы к рассмотрению тульских говоров.

К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова в книге «Диалектное членение русского языка» выделяют межзональные говоры типа Б южного наречия. Там же определяется, что Тульская группа по первому пучку изоглосс (различные типы или разновидности яканья, связанные с диссимилятивностью) исключается из состава говоров южного наречия. Из состава второго пучка изоглосс (произношение слов *дыра*, *дырявый* с мягким *д*; окончания *-ого* у прилагательных и местоимений род. п. ед. ч. м. р.; форма вин. п. ед. ч. местоимений 3-го лица ж. р. *йейе*) также исключаются говоры тульской группы. Эти наблюдения дают возможность ученым выделить их в состав особой группы межзональных говоров. «В языковом комплексе этих говоров представлены черты юго-восточной зоны, на части их территории распространены также черты, связанные с первым пучком изоглосс юго-западной зоны. ...Наряду с этим можно назвать некоторые явления, выделяющие межзональные говоры типа Б по сравнению с соседними группами говоров» [2. С.136].

Сложность характеристики тульских говоров была подмечена и Н.Б. Париковой, которая посвятила свою кандидатскую диссертацию исследованию умеренного яканья в тульских говорах. Наталья Борисовна обращается к гипотезе, высказанной В.Н. Сидоровым, что умеренное яканье формировалось наслоением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владимирско-поволжского типа. Эта гипотеза в свое время была предложена академиком Е.Ф. Будде. В.Н. Сидоров распространял эту теорию только на среднерусские говоры. А Р.И. Аванесов не относил ее к говорам Тульской группы, считая, что на историю формирования тульских говоров наложили отпечаток говоры Москвы и Подмосковья. Н.Б. Парикова сумела применить гипотезу В.Н.Сидорова к говорам Тульской группы, определив тем самым ее универсальный характер. Также Н.Б. Парикова сделала попытку рассмотреть историю

формирования тульских говоров, обнаружила следы «первичного умеренного яканья». При этом она рассматривала случаи произношения гласных первого предупредительного слога перед твердым согласным, перед мягким согласным, перед шипящими и перед группами согласных. В результате обследования населенных пунктов на территории Тульской, Калужской, Рязанской, Московской областей ею были обнаружены случаи произношения предупредительного *a* между мягкими согласными в соответствии с этимологическим *a*. Исследование Н.Б. Париковой о фонетике тульских говоров — одно из самых серьезных и значительных. Оно подтверждает гипотезу В.Н. Сидорова, с которой согласился впоследствии и Р.И. Аванесов. Говоря о причинах формирования на территории тульских говоров такого типа яканья, Н.Б. Парикова отмечает: «Причиной воздействия северновеликорусских говоров на говоры тульской группы южновеликорусского наречия следует считать происходившее в XV в. — начале XVI в. интенсивное смешение местного населения великорусского юга с пришлым населением ранее освоенного Московским государством густо населенного великорусского центра, с его северновеликорусскими говорами, смешением, вызванным хозяйственным освоением Московским государством земель тульского края путем боярской и помещичьей колонизации» [3. С. 15].

П.Я. Черных в статье «К фонетике южнорусских говоров» достаточно подробно описывает особенности произношения гласных и согласных в речи одной жительницы Новосильского района Тульской губернии (теперь Орловской области). Многие из тех особенностей, которые были зафиксированы в наблюдениях П.Я. Черных, отмечены и в работе Ф.П. Филина «Говор д. Селино Дубенского района Тульской области». Многочисленные особенности в области фонетики, морфологии тульских говоров были обнаружены С.В. Бромлей при анализе речи малограмотного крестьянина деревни Ясная Поляна Константина Зябрева.

Исследования тульских говоров характеризовались не только описанием фонетической системы, но и обращением к лексике. И.Н. Чусова на протяжении многих лет изучала тульские говоры. Прежде всего она собирала лексику, характеризующую человека в различных ситуациях. Поскольку большинство слов данной тематической группы имеет эмоциональную окраску, И.Н. Чусова в экспрессивно-эмоциональной лексике выделяет три группы слов:

- 1) с номинативным значением;
- 2) с переносным, метафорическим значением;
- 3) с экспрессивно-эмоциональным значением, которое выражено с помощью суффиксов субъективной оценки.

Каждая группа слов содержит большой иллюстративный материал. В результате И.Н. Чусова сделала выводы о том, что слова с эмоционально-экспрессивной окраской в тульских говорах обладают относительной устойчивостью и высказала предположение о том, почему пополняется данная группа лексики.

Таким образом, тульские говоры имеют определенное научное описание, в котором больший перевес остается за изучением фонетической системы.

Список использованной литературы

1. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии. — М. : Учпедгиз, 1949.
2. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. — М. : Просвещение, 1970.
3. Парикова, Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах : автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1960.

Л.С. Плавинская

г. Рязань

Из истории фамилий уроженцев Рязанской губернии

Мы живем в мире имен и фамилий. Фамилия, как и имя, выступает в качестве основной характеристики человека, как его идентифицирующий признак. Не многие из нас задумываются о происхождении своей фамилии. Однажды запомнив ее в детстве, мы начинаем воспроизводить ее как нечто раз и навсегда данное. В современной лексической системе языка фамилия выполняет двойную функцию. С одной стороны, она выделяет наименование каждой данной семьи из наименований других семей, выделяет одного человека среди других. С другой стороны, фамилия сохраняет во времени название каждой конкретной семьи [3. С. 75].

Русские фамилии обычно образуются от личных имен, то есть имен, данных тому или иному лицу,— к ним относятся как крестильные имена (то есть имена, полученные при крещении), так и прозвища, даваемые человеку по его профессии, месту проживания или каким-либо другим признакам. В этом отношении русская традиция не отличается от традиций других европейских народов.

В нашей статье рассматривается происхождение фамилий выдающихся людей Рязанской губернии, преимущественно ее уро-

женцев [1]. Интерес именно к этому пласту ономастики обусловлен тем, что фамилии как наследственное имя у русского народа появились сравнительно недавно. Кроме того, практически в каждом регионе как появление, так и распространение фамилий разнилось, что можно объяснить географическими, экономическими и социальными факторами.

Подавляющее большинство русских фамилий имеет патронимический характер [4. С. 8]. Кроме того, фамилии могли образовываться и от неофициальных имен, прозвищ, которыми наделяли человека не только родные, но и окружающие, а иногда и сам индивид. Большинство крестильных имен распространялось также в народной, мирской форме, которая слабо отличалась от официальной церковнославянской. Практика давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное, тем не менее удерживалась вплоть до XVII в. [4. С. 11]

Если крестильное имя было обязательным, поскольку крестили каждого ребенка, то прозвище не являлось обязательным, и его форма полностью зависела от родителей. И все же большинство детей нарекалось, по-видимому, двумя именами. После XVII в. прозвища в России уже не сохранились. Крестильные имена были обязательны и численно ограничены, тогда как остальные имена основывались лишь на традиции и число их практически могло быть безграничным. Среди последних могут быть четко выделены две группы: имена по профессии и по месту жительства.

В Рязанской губернии встречаются следующие именные фамилии (толкование большинства фамилий дается по Словарю современных русских фамилий [2]):

Антонов — имя от основной формы христианского мужского личного имени Антон, каноническое Антоний «вступать в бой, состязаться»;

Васильев — в основе фамилии — форма одного из самых распространенных в прошлые века христианских имен Василий («царский, царственный»). У русских имя в XV—XIX в. занимало по частоте второе место после имени Иван.

Дмитриев, Дмитриевский — в основе фамилий лежат различные производные формы христианского личного имени Дмитрий, церковное Димитрий («относящийся к Дементре, богине земледелия и плодородия»), хотя фамилия Дмитриевский могла возникнуть и в среде церковнослужителей, восходя к имени святого — возможно, через название церкви в честь этого святого.

Егоров — в основе фамилии лежит имя Егор — русский разговорный вариант канонического мужского личного имени Георгий («земледелец»), ставший со временем самостоятельным именем.

Ермаков — восходит к форме христианского личного имени Ермолай (образовано от двух греческих слов: Гермес «посланец и вестник богов, покровитель красноречия, гимнастических состязаний, торговли» + народ).

Еропкин — восходит к христианскому личному имени Ерофей (церковное Иерофей) «освященный Богом», хотя возможно происхождение от западно-русских вариантов имени Ерофей — Еропка, Ероп. Однако фамилия может восходить и к прозвищам, связанным с диалектными *еропа* — «чванливый, надутый, самодовольный человек», еропить — «чваниться».

Киреев — от формы мужских календарных имен Кир, Кириан, Кирилл, пришедших к нам из греческого языка со значением «владыка, господин».

Львов — в основе каноническое имя Лев. Кроме того, фамилия может быть искусственно создана в семинарской среде и восходить непосредственно к нарицательному лев (в христианской религии — символ святого Марка Евангелиста).

Ляликов — восходит к различным производным формам христианских личных имен Алексей (церковное Алексей — «защитник») либо Александр «защитник людей». Фамилия может происходить от прозвищ Ляля, Лялька, Ляляка, образованных из нарицательных ляля, лялька, которые в говорах могут иметь значения: «кукла, игрушка», «дитя, ребенок», «разиня, нерасторопный, неуклюжий человек», а кое-где так называют крестную мать.

Макаров — восходит к каноническому мужскому личному имени Макарий, общеупотребительное Макарь «блаженный, счастливый». Не исключено, что в отдельных случаях фамилия восходит к прозвищу из диалектного Макарь, макарка — «плут, обманщик, лицемер», «простак».

Марков — от формы канонического имени Марк («слабый, вялый», «родившейся в марте»).

Никитин — от формы канонического мужского имени Никита «победитель», в период формирования фамилий было одним из наиболее частых христианских имен.

Николаев, Николин — в основе фамилий — различные производные формы канонического мужского личного имени Николай («побеждать + народ»).

Павлов — от формы христианского мужского имени Павел («милый»).

Тарасов — восходит к разговорному варианту Тарас канонического имени Тарасий — «волновать, возбуждать».

Титов — от канонического мужского имени Тит — «почет, надпись».

Феоктистов — происходит из отчеств от христианского мужского личного имени Феоктист «сотворенный богами».

Фирсов — восходит к отчествам от церковного личного имени Фирс/Фурс, разговорный вариант — Фирист. Имя переводится с греческого как «украшенный цветами и виноградными ветвями вакхический жезл, который носили во время праздничных народных процессий».

Яковлев — восходит к форме популярного на Руси личного имени Яков из канонического Иаков «пятка».

Наряду с фамилиями, образованными от христианских, канонических имен, среди собранного нами материала имеются и такие фамилии, которые были образованы от нехристианских имен:

Бельцов, Беляев — фамилии восходят к нехристианским именам или прозвищам, содержащим корень бел-. Подобные имена и прозвища могли быть даны по внешнему виду: «светлый, очень бледный, белолицый, белокурый». Кроме того, слово белый означало «милый, дорогой, хороший, чистый, незапятнанный». Связь может быть и со значением слова белый: белыми крестьянами называли тех, которые были свободны от всех податей и повинностей, а в некоторых говорах беляк — «опрятный человек, щеголь, белоручка»; белка — «цепкий ребенок», «ребенок с длинными зубами».

Булатов — в основе фамилии лежит очень распространенное в прошлом тюркское имя Булат «сталь». Имя было распространено в XV—XVII вв. на Руси.

Мансуров — происходит от татарского имени Мансур, в основе которого лежит арабское слово, переводящееся как «победитель, победоносный».

Найденев — в основе очень распространенное нехристианское личное имя Найден, Находка, Ненаш и т.п. Чаще всего подобные имена не обозначали реального найденыша или внебрачного ребенка, а давались как имена-обереги с целью обмануть «нечистую силу».

Невзоров, Некрасов — образованы из отчеств от распространенных в прошлом нецерковных мужских имен Невзор, Некрас, вовсе не означавших, что носители их обладают подобными

качествами. Чаще всего подобные имена давались из суеверия — с целью обмануть «нечистую силу».

Нечаев — в основе фамилии распространенное нецерковное мужское имя Нечай, то есть ребенок, которого не чаяли. Имена использовались как обереги.

Попов — чаще всего фамилия восходила к очень распространенному в прошлом нехристианскому личному мужскому имени Поп, однако могло происходить и от нарицательного поп. Фамилия входит в первую десятку самых распространенных в России. Она могла обозначать не только «сын священника» или «сын человека по имени Поп», но и «попов работник».

Поспелов — образована из отчества от нецерковного личного имени Поспел, связанных с глаголом поспеть, то есть угодить ко времени, к сроку.

Путятин — лежащее в основе фамилий имена Путила, Путило, Путяга, вероятно, являются уменьшительными формами славянских двусловных имен Пустислав, Пустимир, Пустисмысл и подобных. Такие имена были нередки на Руси во всех социальных слоях. Лежащие в основе фамилий слова могут быть и прозвищами, связанными со словом путный — «полезный, голодный, порядочный, хороший».

Смирнов — в основе фамилии лежит очень популярное в прошлом нехристианское мужское имя Смирной. Имя образовано от архаичной формы смирной — «мирный, тихий, послушный». Личное имя Смирной было широко распространено на всех территориях и во всех социальных слоях — отсюда так частотна ныне фамилия Смирнов.

Шишков — возможно произошло от нехристианских имен Шишага, Шишай, Шиша, Шишка, Шиш, Шишуй, которые давались с профилактической целью: убересть ребенка от действия злых сил, от сглаза. В разных говорах слова шишка, шиш означали «бес, черт», «нечистая сила». В древнерусском языке слово шиш означало «разбойник, грабитель», а в говорах — «бродяга», «лихой человек, разбойник». Но фамилия может восходить и к прозвищам, связанным с диалектными глаголами шишать, шишить, шшишкать — «копаться, мешкать, лениво, неловко что-то делать». Наконец, возможна связь исходных прозвищ с нарицательным шишка — «волдырь, нарост». Слово могло быть прозвищем важного или важнящего человека, либо человека высокого роста, либо полного человека.

Заметим, что появление некоторых из упомянутых выше фамилий обусловлено экономическо-политическими обстоятельствами, в которых находилась Рязанская губерния. Например, появление фамилий от татарских имен.

Довольно распространены были в рязанской губернии фамилии на *-ский/-ский, -цкий/-цкий*. Чаще всего исследователи указывают на то, что подобные фамилии образованы от географических названий. Их носителями были те представители боярства и дворянства, которые получили имена по названиям своих княжеств, уделов, наследственных владений, поместий. Когда в середине XVI в. утвердились постоянные русские фамилии, в их состав вошли и такого рода наименования. В этот период не все княжеские имена были топонимическими именами на *-ский*, многие из них складывались по обычной патронимической модели [4. С. 20]. Однако в Рязанской губернии чаще всего имело место несколько иное образование подобных фамилий. Эту группу фамилий на *-ский* составляют искусственные фамилии русского духовенства типа *Цевницкий, Преображенский, Сперанский*. Приведем примеры подобных фамилий:

Беневоленский — искусственная фамилия, данная в семинарской среде. В переводе с латинского — «добрая воля». Возможно, такую фамилию давали юношам, поступившим в духовную семинарию по собственной воле.

Богородицкий — фамилия, дававшаяся лицам духовного звания по церкви, названной в честь Богородицы. Фамилия может восходить и к именованию по месту жительства.

Добровольский (как и **Добролюбов, Добромыслов**) — созданы в семинариях с целью выделить поведение и моральные качества их носителей. Могут восходить к древнерусским двусловным именам Добромысл, Добролюб либо к прозвищам из соответствующих нарицательных слов.

Сперанский — семинарская фамилия, в переводе с латинского — «надеющийся».

Троицкий — фамилия русского духовенства, данная по названию церкви.

А вот фамилия **Полонский** является русифицированной польской фамилией либо может обозначать название пункта, откуда родом первый ее носитель.

По именованию местности основана и фамилия **Ряжский**, хотя могла обозначать и названия наследственных владений.

Немалую долю составляют и так называемые выдуманные фамилии. Это такие фамилии, которые были образованы от топонимов, кличек, нарицательных существительных или связаны с теми или иными общеизвестными качествами человека, носящего подобную фамилию, его профессиональной деятельностью:

Бибиков — восходит к прозвищу Бибик, возможно, обозначавшее «жмых от маслобойни», «плохая, бедная пища», «человек, имеющий физические недостатки».

Бочарников — в основе лежит именование по занятию: бочарник, бочар, юочкарь — «бондарь, делающий бочки и другую вязаную посуду».

Бунин — связана с глаголами бунить, бунеть — «реветь, мычать, плакать, гудеть, говорить неразборчиво, гнусавить», «стучать чем-либо, шуметь», «ворчать, брюзжать». Возможно, от глаголов образовывались и нецерковные имена с этими же корнями.

Виноградов — фамилия произошла из среды церковников. Виноград часто упоминался в церковных книгах и играл большую роль в символике христиан.

Гагарин — восходит к прозвищу гагара — «водяная птица», хотя может иметь и переносные значения: «смуглый», «зубоскал», «неуклюжий» и пр.

Голдин — от глагола галдеть («кричать, спорить») и прозвищ Галда, Голда.

Головин — восходит либо к нарицательному как «часть тела» — большеголовый человек, либо как «главный» — глава семьи, начальник, либо как «умный» — головастый, голован.

Голубцов — возникла от нарицательного голубь и исходных прозвищ, связанных со словом голубить — «ласкать, нежить».

Гуляев — от прозвищ, образованных от корня слова гулять, гуливать — «быть без дела, лентяйничать». Возможно происхождение от глагола гулить — «нежить, баловать».

Драшусов — как утверждает Б. Унбегаун, от французской фамилии, прочитанной с конца.

Загоскин — от прозвища Загоска от древнерусского — «кукушка».

Кожевников — от именования отца по профессии, кожевника.

Лебедев — у духовенства как священный символ, также может быть и от нехристианского имени Лебедь.

Лунин — от прозвищ Лунь из нарицательного лунь — хищная птица с белесовато-пепельным оперением. Возможно также происхождение и от христианского имени Лука.

Маслянников — от именованя по занятию: масленник, масляник — «торговец маслом».

Овсянников — по роду занятий — «тот, кто делает из овса муку».

Пальмин, Пальмов — семинарского происхождения, от названия дерева.

Розанов — семинарская фамилия, от названия цветов.

Щеглов — от прозвища по названию птицы или нехристианского имени, диалектное щеглый — «франт».

Ярцев — от слова ярый — «пылкий, быстрый и пр.», подобные имена получали дети, родившиеся весной.

Яхонтов — от нарицательного яхонт — «рубин, сапфир» либо нехристианское имя любимого ребенка, либо из семинарской среды.

Однако существуют и фамилии, производными которых являются женские имена. Они могут быть определены как *метронимические фамилии*. Чаще всего они обозначали ребенка, рожденного вне брака, или сироту. Как пример можно привести фамилию **Малашкин** — от женского крестильного имени Мелания «черная», хотя возможно и происхождение от канонического мужского имени Малахий «посланник мой».

Разнообразные типы фамилий отражают богатую историю Рязанского края, представляя собой памятники культуры народа. При этом не каждая фамилия поддается объяснению, так как во многих из них лежат слова, которые давно вышли из употребления, оставшись только в диалектах, или вообще исчезли. Это не только осложняет работу над историей возникновения той или иной фамилии, но и делает ее интересной и увлекательной. Думается, что такой огромный пласт, какой представляют собой фамилии, будет разрабатываться еще не одно десятилетие и принесет еще немало сюрпризов исследователям.

Список использованной литературы

1. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев Рязанской губернии / И.В. Добролюбов, С.Д. Яхонтов. — Рязань; Ряз. Гос. пед. ун-т, 1995.
2. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий. — М. : Издательство Астрель: Издательство АСТ, 2001.
3. Садохина, Т.П. Структура и правописание русских фамилий // РЯШ — 1981. — № 2.
4. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии. — М. : Прогресс, 1989.

Д.С. Логинов

г. Рязань

Создание гражданского шрифта в России начала XVIII века как проявление процесса секуляризации отечественной культуры

Появление в России так называемого гражданского шрифта (с 1707—1708 гг.) практически совпадает по времени с началом настоящего оформления накопленных данных в науку. Конечно же, неверно было бы утверждать, что наука появилась в стране благодаря возникновению гражданского шрифта. Тем не менее не следует полностью отрицать и определенную взаимосвязь этих двух событий. Возникновение гражданского шрифта и развитие светской науки при Петре I были явлениями одного порядка: они отражали общий процесс обмирщения российской культуры, начавшийся еще задолго до Петра, но именно при нем резко интенсифицировавшийся и достигший небывалого размаха.

Наука и гражданский шрифт появились в России в исторически тождественное время потому, что они призваны были обеспечивать общие цели — цели государства, стремящегося войти на равных в число ведущих просвещенных европейских государств. Провиденциалистическое мировоззрение таким целям в реалиях нового времени соответствовало мало. «Старопечатный» шрифт сам по себе, конечно же, не мог считаться главным препятствием на пути прогресса, но вместе с тем, являлся порождением других времен и других общественных потребностей.

Древняя кириллица, в том виде, в котором она нам известна, создавалась, насколько можно судить, *специально* для нужд перевода религиозных христианских текстов на славянские языки (преимущественно с греческого). В настоящее время практически нет сомнений, что Константин Философ (Кирилл) и Мефодий создавали азбуку, опираясь на некие существовавшие уже *до них* славянские образцы. Братьям принадлежит заслуга прежде всего упорядочивания древней «протокириллицы». Кроме того, они ввели в нее несколько специфически греческих букв («кси», «пси» «омега», «фита», две из трех букв, обозначающих звук «и» — «и восьмеричное», «и десятеричное», «ижица»), использовавшихся почти исключительно при переводах священных книг и в качестве цифровых знаков [1; 2]. Заметим, к тому же, что разработанная Кириллом сис-

тема письма изначально не предназначалась специально для передачи восточнославянской речи. В частности, она содержала четыре буквы для носовых гласных звуков, судя по всему, достаточно рано исчезнувших на восточнославянской почве, а также две буквы для обозначения звука «з» — «земля» и «зело».

Несмотря на то что к началу XVIII в. многие из 43 букв кириллицы были «лишними» для передачи русского языка, а на смену прежней системе цифровых знаков приходила арабская, большинство из них по-прежнему продолжало использоваться при письме в силу традиции (прежде всего, церковной), в известной степени затрудняя понимание текста, делая его трудным для чтения.

Введение гражданского шрифта предусматривало, во-первых, сокращение числа букв за счет тех из них, которые утратили к началу столетия свое практическое значение, а во-вторых, изменение графики печатных знаков и ее унификацию.

Петр I при изготовлении в 1707—1708 гг. первого комплекта разработанного по его указанию нового русского шрифта исключил из русского алфавита буквы: «пси», «кси», «омега», «ижица», «юс» («малый нейотированный»; прочие три «юса» вышли из употребления еще раньше), а также «ферт» (оставив «фиту»), «земля» (оставив «зело»), «иже» (оставив «и»). Правда, впоследствии большинство этих букв Петр восстановил и в учебную азбуку 1710 г. не вошли только «юсы», «пси», «омега», а также лигатура «от» — «омега» с надписанной над ней «т». В результате с 1711 по 1735 г. русские гражданские книги набирались различно — то одним, то другим составом азбуки.

Несмотря на недостаточную продуманность и незавершенность петровской реформы, она имела в истории русского письма большое значение. Ясно показав необходимость перестройки и обновления русского алфавита, реформа эта, кроме того, повлекла за собой ряд последующих реформ, осуществленных Академией наук.

Так, в 1735 г. Академией наук, кроме исключенных Петром «юсов», «пси» и «омеги», были дополнительно исключены буквы «кси», «ижица» (в 1758 г. восстановлена), «зело». В 1738 г. Академией наук было унифицировано написание «и десятиричного» (с одной точкой вместо двух) и упорядочено применение этой буквы (перед гласными звуками, перед «й» и в слове «мір» в значении «вселенная») [1].

Введение гражданского шрифта привело и к коренным изменениям графики печати. После не совсем удачных опытов Яна Тессинга и Ильи Копиевского в Амстердаме новый русский шрифт был отлит в Голландии и Москве (на Печатном дворе) по указу Петра; первой книгой, напечатанной в России этим новым шрифтом, была «Геометрия» 1708 г. От прежнего кирилловского полууставного шрифта (сохранявшегося и в послепетровское время для печатания религиозно-богослужебных книг) новый шрифт отличался простотой, ясностью и четкостью, требовавшимися широко развивавшемуся изданию книг светского, гражданского содержания.

Достаточно долгое время считалось, что русский гражданский шрифт, введенный для книг светского содержания, был почти полностью скопирован с западноевропейских, в частности, с голландских шрифтов того времени. В настоящее время полагают, что процесс его создания протекал сложнее и имел не одну, а две графические основы.

Еще в конце XVII — в начале XVIII в. в московском письме (дипломатическая переписка, грамоты и т.п.) развились на базе скорописи новые почерки, близкие к современному письму. От скорописи XV—XVI вв. эти почерки отличались большей симметричностью построения букв, большей плавностью в утолщениях и редким применением «титл» (сокращенных написаний слов) и «сил» (ударений), характерных для старорусской скорописи. Ученые в течение длительного времени предполагали, что эти новые почерки возникли под влиянием введенного Петром гражданского печатного шрифта, который явился подражанием западноевропейским шрифтам. Но исследованиями середины XX в., например, А.Г. Шицгала, было доказано, что новые почерки существовали еще до введения гражданского шрифта и что петровский шрифт был создан как на основе западноевропейских шрифтов, так и на основе этих новых русских рукописных почерков [1. С. 170—173].

Реформа русской азбуки и введение нового гражданского шрифта были очень высоко оценены наиболее передовыми русскими деятелями XVIII в. «При Петре не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды», — писал об этой реформе М.В. Ломоносов [1. С. 173].

Как мы видим, появление гражданской печати и развитие науки в России были разными сторонами одного и того же процес-

са. Не находясь друг с другом в прямой зависимости, они были тем не менее связаны.

Гражданская печать не только упрощала издание текстов и их чтение. Ее возникновение — свидетельство смены господствующей общественной парадигмы. Письмо переставало восприниматься как нечто сакральное и потому неприкосновенное. Главной его ценностью окончательно становится практическая польза. Провиденциализм бесповоротно уступал свои позиции прагматизму — процессу, наметившемуся по крайней мере, с XVI в., но именно в первой четверти XVIII столетия ставшему определяющим.

Список использованной литературы

1. Истрин, В.А. 1100 лет славянской азбуки. — М., 1988
2. Истрин, В.А. Возникновение и развитие письма. — М., 1965.

Л.К. Крылова

г. Нижний Новгород

Отражение процесса взаимодействия типов склонения существительных в «Словах» святителя Иоанна Златоуста

«Слова» святителя Иоанна Златоуста («Слово о Всех Святых», «Слово на Преславное Воскрешение Тринедневное», «Слово на Върбьницу», «Слово о блуднице в Великую Среду») относятся к числу древнейших памятников письменности, а следовательно, являются ценным источником для изучения древнерусского языка раннего периода. Анализ переводных текстов, входящих в состав древнейшего восточнославянского памятника письменности (Успенский сборник XII—XIII вв.), является чрезвычайно важным для понимания древнейшей письменной культуры восточных славян. Более того, переводы, выполненные на восточнославянской почве, так же, как и оригинальные древнерусские сочинения, отразили языковые процессы, свойственные этому периоду истории языка. Эти памятники письменности представляют большой интерес для исследований в области морфологии. Имя существительное облада-

ет богатой историей. Самые значительные изменения в истории имени существительного претерпела система склонения.

В исторической морфологии для древнерусского языка принято деление существительных на шесть типов склонения, которые выделялись на базе праиндоевропейских основ [1. С. 14] Система склонений начала подвергаться изменениям очень рано. Этот процесс продолжался и в эпоху древнерусского языка, и проявился он во взаимодействии типов склонения, их унификации и сокращении. По словам В.В. Иванова, процесс разрушения старых типов склонения существительных и возникновения новых был сложным. Этот процесс включал в себя ряд важных моментов взаимодействия разных типов основ [1. С. 20].

Анализ образования ряда падежных форм в «Словах» святого Иоанна Златоуста зафиксировал изменения в системе флексий существительных. Эти изменения затрагивают следующие типы склонения: **ǫ*-склонение в мягком и твердом вариантах (влияние **ǫ̆*-склонения, смешение именительного и винительного падежей множественного числа, унификация форм творительного падежа), **ǫ̆*-склонение (влияние **ǫ*-склонения); **ī*-склонение (воздействие **jǫ*-склонения в слове *Господь*, смешение форм именительного и винительного падежей множественного числа); **ū*-склонение (влияние **ī*-склонения, смешение форм именительного и винительного падежей единственного числа); тип склонения на согласный (использование форм без наращения *-es-* в типе склонения на согласный **s*, утрата исконных флексий, влияние **ī*-склонения при образовании форм существительного *день*). В особую группу можно выделить изменения, связанные с развитием категории лица.

В отдельных текстах этого жанра взаимовлияние типов склонения проявляется в разной степени. Самыми частотными можно назвать изменения, связанные с развитием категории лица (около 38 % от всех новых форм). Характерно, что этот процесс отражается уже в письменных памятниках XII в. Достаточно регулярными являются изменения, связанные с влиянием **ǫ̆*-склонения на **ǫ*-склонение (8,1 % от всех новых форм). Но это взаимодействие проявляется непоследовательно, потому что наряду с этими формами существуют формы с исконными окончаниями (напр., *Богоу, Давиду, миру*). Обратное влияние также отразилось в текстах этого жанра (напр., *Едино бо царство Отцю и Сыноу*). Таким образом, исследованные памятники письменности отразили сложный процесс взаимодействия типов склонения на **ǫ̆* и на **ǫ*. Большое количество новых флексий встречается в типе склонения на **ū* (напр.,

Ради крови сия въспыта). Но эти изменения носят непостоянный характер, что можно объяснить малоупотребительностью этого типа склонения. Среди изменений, отмеченных в типе склонения на согласный (17,6 % от всех форм с новыми флексиями), регулярными являются изменения, связанные с использованием форм без наращений в типе склонения на согласный *s (напр., *Съ древа сънемъше*). Но от общего количества форм существительных типа склонения на согласный *s они составляют небольшой процент. Все другие изменения в типе склонения на согласный являются единичными.

Изучение особенностей склонения существительных в «Словах» святителя Иоанна Златоуста показало, что система флексий в этих текстах носит архаичный характер. Исследованные памятники письменности отличаются устойчивостью в образовании падежных форм, что объясняется ранней датой создания этих переводов и следованием книжно-славянской письменной традиции, но уже здесь можно наблюдать начало перестройки древней системы склонений. Большинство изменений в системе окончаний в текстах данного жанра носят нерегулярный характер и встречаются в произведениях в одном-двух случаях.

Список использованной литературы

1. Иванов, В.В. Развитие грамматического строя русского языка. — М. : Учпедгиз, 1960. — 128 с.
2. Кузнецов, П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. — М. : МГУ, 1953.
3. Успенский сборник XII—XIII веков. — М. : Наука, 1971

Т.В. Игнатьева

г. Рязань

Формулы приветствия в сказах С.Г. Писахова и Б.В. Шергина

Еще в начале XX в. в северных областях существовало особое сословие сказителей, которые сопровождали рыболовные и охотничьи артели, получая за рассказы дополнительный пай. Знаменитыми сказителями этого времени были Л. Писахов, М. Кривополенова, Н. Бугаева.

Известные писатели Русского Севера С.Г. Писахов (1879—1960) и Б.В. Шергин (1893—1973) первоначально стали известны как сказители, которых радушно принимала не только архангельская, но и московская публика. Постепенно у них выработался свойственный им общий творческий метод, основанный на записи и доведении до совершенства собственного устного рассказа, истоки которого лежат в народном творчестве. Из северного сказа пришли образы рассказчиков Сени Малины, Шиша и слушателя-собеседника. В языке произведений Писахова и Шергина органически слились в одно целое фольклорное и авторское начала.

В сказах Писахова и Шергина множество высказываний, отражающих типичные черты говора северян. Авторы подчеркивают основополагающее значение родной языковой стихии для своего творчества. Так, Писахов отмечал в дневниковых записях: «С детства жил среди богатого словотворчества. Язык моих сказок мне более близок, нежели обычный литературный язык» [6. С. 303].

Сказы Писахова и Шергина о морских походах и обычной жизни архангелогородцев запечатлели множество интересных фактов из традиционного быта северян. В прошлом «неписанные правила» определяли самосознание человека. По мнению А.М. Садохина, «традиция — способ передачи этнического опыта от одного поколения к другому в виде обычаев, порядков, правил поведения» [7. С. 250]. Традиции часто закрепляются в этикете, нормирующем почти все стороны жизни. Речевой этикет является образцом ярко выраженного стандартизированного, традиционного речевого поведения, нередко характеризующегося местными чертами [9. С. 177, 182].

В речевом этикете существуют различные формы приветствий. В.И. Даль помещает слово «приветствие» в семантическом гнезде «привеча'ть». Как указывает лексикограф, «приветствие, стар. приветство ср. приветствование или приветливость; самая речь, слова привечающего кого-либо, или привет м. всякое доброе пожелание, благосклонный прием, ласковое дружелюбное слово при встрече, радушное здравствование» [2. С. 487]. Сходным образом определяет приветствие С.И. Ожегов: «Приветствие, -я, ср. Обращение к кому-н., речь с выражением приветства» [4. С. 578]. Итак, приветствия — это высказывания, произносимые при встрече с целью установления контакта. Е.А. Земская пишет, что формулы приветствий варьируются в связи с возрастными различиями собеседников и их взаимоотношениями (официальные — нейтральные — близкие) [3. С. 218—219].

Приветствия в прозе С.Г. Писахова и Б.В. Шергина можно условно разделить на три группы, разграниченные организующей высказывание лексической единицей. Первая из этих групп — ситуативная, состоящая из различных элементов приветствия, к которым относятся вопросительные, содержащие осведомление о положении адресата, и повествовательные, констатирующие физическое и психическое состояние адресата, высказывания. Также их можно охарактеризовать как «дружелюбное слово», обретающее иногда диалоговый характер, например:

«В избе у Губы сидели артельные, любовались новыми блюдами. Вдруг хозяин, уставясь в окно, ахнул:

— Небывалый гость идет! Раскатись моя поленница без дров! Он бросился в сени, протянул обе руки Ивану Щеке.

— Ванька, — сказал Губа, — сколько годов мы друг по друге тужили?!

— Ванька, — отвечал Щека, — пускай лучше люди сочтут, сколько годов мы с тобой дружили» [11. С. 128].

«У ворот старинна избушечка, кабыть из-под ягой бабы. Постучался.

— *Хозяйка жива?*

— Жива маленько-то...» [11. С. 183].

«Через два года я второй раз приехал на Новую Землю. Старик говорил:

— Не только сердце обрадовалось, глазам весело, что ты приехал» [6. С. 238].

Подобные высказывания полностью подчинены ситуации, ограничены лишь нормами разговорного синтаксиса и функциональной направленностью.

Вторая группа приветствий представлена высказываниями, ключевыми элементами в которых являются слова «здравие», «здравствовать», «здорово» в различных формах. Она выполняет контактоустанавливающие этикетные функции. В сказе Писахова зафиксирована фразеосхема «здравия желаю (ем)». Современный словарь русского речевого этикета определяет ее следующим образом: «Уставная форма приветствия в армии (полиции, милиции или других военизированных службах) младшего по званию в ответ на приветствие старшего по званию» [1. С. 381]. Писахов отразил в ней диалектную особенность: флексия -м в 1 л. ед. ч.:

«Генерал инстервентский ни дыхнуть, ни пыхнуть не может. Стерлядь его по деревне погнала, солдаты фронт делали да кричали:

— *Здравья желаю!*» [5. С. 183].

Герои сказов чаще всего употребляют слово «здравствовать» во 2 л. мн. ч. В следующем высказывании словом «Здравствуйте» автор демонстрирует высокую степень уважения, а не простое следование этикету:

«*Здравствуйте, гости торговые! Из ваших рук набойки захотели. Вчера к вам собирались, да кони не довели*» [11. С. 136].

«Здравствовать» во 2 л. ед. ч. с соответствующим обращением тоже является уважительным приветствием.

«*Здравствуй, отец наш родной, солнце пресветлое! При тебе теперь живы будем!*» [11. С. 78].

«— Здравствуй, художник!

— Здравствуй, Маланья! Проходи, сядь к столу» [6. С. 236].

Носители северного говора как неуважительное, обидное воспринимают слово «здрате». Словарь речевого этикета подает его в качестве формы «беглого произношения приветствия в обиходно-разговорной речи и просторечии» [1. С. 381].

«*Здрате, молодой человек. Меньше вас некого было послать? Федотка околел?*» [11. С. 126].

В рассматриваемом материале зафиксировано также слово «здорово».

Г.А. Балакай определяет его как просторечное междометие, широко распространенную форму «приветствия при встрече с родственниками, приятелями, знакомыми, к которым говорящий обычно обращается на "ты"» [1. С. 381].

«Шишу охота на лошадке подъехать, он и крикнул:

— *Здорово, Какойто Какойтович!*» [10. С. 308].

Особый интерес представляет третья группа приветствий, которая состоит из диалектных фразеосхем, организованных в основном словами «здорово», «здравствуйте».

В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы следующие фразеосхемы архангельских приветствий: ты здорово, вы здорово, здорово-те, здорово в избу, здорово (себе) ночевал(и), доброе утро, здорово посиживаете, сидите, стоите, едите и т. п. [8. С. 234—235]. В исследуемом нами материале мы нашли аналогичные высказывания.

«Село Веркола на реке Пинеге. 1905 год. Заканчиваю эту д старую дома. Подходит старуха. Оглядела меня внимательно:

— *Здорово посиживаешь!*

— *Здорово похаживаешь!*

Этим мы поздоровались» [6. С. 291].

Кроме того, Шергин записал несколько фразеосхем морских приветствий.

«В далях морских другой кораблик блеснет парусом, ровно чайка крылом. Надо с ним поморским обычаем поздороваться. Капитан берет медную, посеребренную трубу-рупор и кричит:

— *Путем-дорогой здравствуйте!*

Те отвечают:

— *Здорово, ваше здоровье, на все четыре ветра!*» [11. С. 46].

Приветствие «здравствуй» может выступать в роли благопожелания.

«Сколько у меня было слов приготовлено на случай встречи с ними! А только и мог выговорить:

— Голубчики... Единственные... Простите.

Они встали, все как один, и ответно поклонились мне большим поклоном:

Здравствуй многолетно, дорогой кормщик и друг Егор Васильевич!» [11. С. 168].

Как видно из приведенных примеров, приветствия часто сопровождаются разного рода обращениями: от бытовых и этикетных (*хозяйка, молодой человек*) до торжественных, передающих высшую степень уважения (*солнце пресветлое, сударь-батюшко*).

Таким образом, сказы Писахова и Шергина содержат различные группы приветствий, отражающих общерусские, диалектные и индивидуальные фразеосхемы. Безусловно, наибольшей вариативности подвергаются ситуативные, индивидуальные приветствия, через которые автор фиксирует различные идиолекты. Широко представлена общерусская традиция приветствий, звучащая то торжественно, то сниженно, обладающая наибольшей степенью закреплённости в этикете. Материалы «Словаря русских народных говоров» позволили выявить в произведениях Писахова и Шергина самобытную северную традицию приветствий, характеризующуюся особыми фразеосхемами.

Таким образом, всякое «дружелюбное слово при встрече» [2. С. 487] выражает осознаваемые или неосознаваемые ценностные ориентиры говорящего: здоровье, взаимное уважение, почтение к старшим, радушие и успех в делах.

Список использованной литературы

1. Балакай, Г.А. Словарь русского речевого этикета. — М., 2001.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978. — Т. II.

3. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М., 1987.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. — М., 1968.
5. Писахов, С.Г. Месяц с небесного чердака : сказки. — Л., 1990.
6. Писахов, С.Г. Ледяная колокольня : сказки и очерки. — М., 1992.
7. Садохин, А.М. Этнология. — М., 2001.
8. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин — М., 1964—1992. — Т. XI.
9. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М., 2002.
10. Шергин, Б.В. Грандвик — студеное море. — Пермь, 1987.
11. Шергин, Б.В. Изящные мастера. — М., 1989.

О.А. Павлюкова

г. Рязань

Об изучении традиционной народной культуры Рязанского края

Во многих работах академик И.И. Срезневский обращался к описанию и исследованию материальной культуры славян и славянской мифологии. Ученый был убежден, что после принятия христианства славянские народы сохранили многие традиционные представления и верования. Не случайно многие предметы материальной культуры народа активно использовались и нередко продолжают использоваться в обрядах до настоящего времени. Статья посвящена одному фрагменту культуры жителей Рязанского края — бане.

Каждый русский человек с детства помнит свой первый поход в баню, присказку «*с гуся вода, с плеч худоба*». Печь, баня — не только объект материального быта, но и часть русской духовной культуры. Любовь к бане остается одной из самых примечательных черт русской природы. В баню ходили все: женщины и мужчины, городские люди и деревенские, знатные и незнатные, большие и малые. Баня — во многом сложный, загадочный элемент национальной культуры. Именно с баней связаны таинства многих обрядов и обычаев.

Баня на Рязанщине была связана со свадебным обрядом. Накануне свадьбы, утром или днем, совершалась важная церемония, носившая название *баня невесты*. В баню ходили невеста и пять-шесть подружек, которые причитали и плакали. Встречается свиде-

тельство о посещении бани и вечером накануне свадьбы. После бани невеста обращалась к матери с таким причетом: «*Спасибо тебе, матушка, за теплую баню, за мягкий веник*». После бани садились есть. Известен обычай совместного мытья в бане молодых на второй день свадьбы. *Баня жениха* в 20—30-е гг. прошлого столетия у рязанцев уже не существовала. Есть указания, что первую брачную ночь молодые также проводили в бане [1].

На Руси начавшиеся роды старались скрыть, поэтому они проходили либо в отдельном помещении, либо дома, где роженицу изолировали от домочадцев, проходили роды и в бане, подальше от чужих глаз. Через день после родов роженицу обязательно водили *парить* в баню.

Нельзя представить обряд гадания — без гадания в бане. Наиболее рискованное из-за прямого контакта с нечистой силой было гадание с зеркалом. Степень опасности усугублялась тем, что гадали в одиночку. Известно и такое гадание, когда девушки в приоткрытую дверь бани просовывали руку и приговаривали: «*Суженый-ряженный, ухвати меня голой рукой, будь мне женихом*».

Посещение девушками бани в Семик было частью ритуала семицкого четверга. Семиком называли четверг на неделе перед Троицей. В четверг с утра девушки мылись в бане, ряженая *Семичиха* стояла на ее верху. Фрагмент явно напоминает свадебный обряд — аналогия со свадебной *елочкой* или *красотой*, которая также прилаживалась к верху бани, когда невеста с подружками накануне свадьбы мылись в бане.

23 июня в день памяти православной мученицы Агриппины начинались ритуальные купанья. Этот день Агриппины-Купальницы у русских людей стал своего рода праздником чистого тела, мытья в банях и купаний в реках и озерах. Русским баням и купальням изумлялись европейцы, для русских они были естественной частью уклада жизни. Для бань готовили специальные веники. В традиционный березовый или дубовый веник вплетали целебные травы: мяту, полынь, ромашку. Считались полезными крапивные бани: в южнорусских губерниях вместо соломы баню устилали жгучей крапивой и парились на ней. Из-за этого обычая день Агриппины-Купальницы на Рязанщине называют *Агриппина-Купальница — лютые коренья*. Старые люди, моясь в бане, парились «лютыми кореньями» в надежде помолодеть, избавиться от недугов [2].

Вокруг бани сохранилось много языческих верований: баня считалась неким сакральным пространством, где происходит общение с духами, которые могут быть и добрыми, и злыми. Картотека

Словаря русских народных говоров дает интересный материал: «Возьми хошь к примеру шишигу треклятую, али кикимору, али шутовку одноглазиху, да кто насупротив скажет, что не существуют они. — А где они живут? — А где, знамо, в бане» [3].

Банник у русских — это дух — обитатель бани. Живет за каменкой или под полком. Бывает невидимым или оказывается в виде человека с длинными волосами, голого старика, покрытого грязью и листьями от веника. Есть поверье, что *банник* первый раз появляется в бане, после того как там побывает роженица. Считается, что *банник* моется в бане и ему следует оставлять воду, мыло, веник, иначе он брызжет кипятком, кидает раскаленные камни, напускает угару. *Банник* вредит тем, что приходит в баню поздно, после захода солнца, ночью или после двух-трех смен парящихся. *Банник* душит, сдирает кожу, пугает пришедших в баню, прикидываясь человеком. Иногда он защищает от других демонических существ (например, овинника или мертвецов) [4].

Баня как постройка состоит из 2-х камер: собственно бани и предбанника. Первое служит для мытья, а второе — для раздевания. Собственно баня имеет внутри *печь-«каменку»* и *полк*. Печь обычно помещается в правом или левом углу бани устьем, обращенным к противоположной боковой стене. Пространство между печью и следующей стеной занимает *полк* — помостом для паренья.

В стене против чела печи делается одно или два окна, которые служат частично для выхода дыма и для освещения бани. Рам прежде не бывало — стекло непосредственно вставлялось в зарубки, сделанные в стене.

Бани разделяются на 2 типа: *бани по-черному* и *бани по-белому*. По-черному почти повсеместно бытовали на Рязанской земле.

По-белому встречались там, где каменка была заменена печью с трубой, — весьма редкое явление. Но с каменкой и деревянной трубой — явление весьма частое. Печь-«каменку» делали из камня, она состоит из *чела* — отверстия, в которое кладут дрова, боковых *стенок*, камни которых промазаны глиной, и *свода* — верхней части с беспорядочно набросанными камнями. Есть два способа мытья — паренье и мытье водой. Каменка вполне удовлетворяет первый способ, который, возможно, и является более старинным. От соприкосновения с раскаленными камнями вода превращается в пар. В старину любили плескать на каменку квас или добавлять в воду отвар трав. Пар получался очень душистый и особенно полез-

ный. Чаще бани строили вдоль берега реки, чтобы удобнее было носить в баню воду.

Веники для бани бывают самые разные: березовые, дубовые, хвойные, из ольхи, липы, рябины. Каждый из них обладает особыми свойствами. Бытует такая пословица: *«Баня парит, баня правит, баня все исправит»*.

Многие исконные традиции мы потеряли, но баня и теперь остается неизменным обычаем всех русских людей.

Список использованной литературы

1. Морозов, И.А. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / И.А. Морозов [и др.]. — Рязань, 2001. (Серия «Рязанский этнографический вестник»).
2. Тульцева, Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. — Рязань, 2001. (Серия «Рязанский этнографический вестник»).
3. Колосько, Е.В. Особенности семантического развития метафорической лексики, объединенной одним типом регулярных переносов наименований // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 1999. — СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2002.
4. Славянская мифология : энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Петрухина [и др.]. — М., 1995.

Е.Е. Глубокая

г. Рязань

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова и «Основы русского языка» Шарпантье

Михаил Васильевич Ломоносов вошел в историю русской науки как ученый-энциклопедист, оставивший глубокий след во многих областях науки. Это был не только гениальный ученый, выдающийся поэт, но и, по словам В.Г. Белинского, «великий характер, явление, делающее честь человеческой природе и русскому имени».

Влики заслуги Ломоносова в развитии русского литературного языка. Недаром Н.А. Радищев называл Ломоносова «насадителем» русского слова. Трудно переоценить значение его «Российской грамматики», открывшей доступ к богатствам родного языка

самым широким слоям русского общества и оказавшей большое влияние на последующее развитие русской грамматической мысли. Выдающееся значение этого новаторского труда Ломоносова проявляется также в том, что он способствовал обучению иностранцев русскому языку.

Известен перевод «Российской грамматики» на немецкий язык, который был напечатан при жизни Ломоносова и под его наблюдением. Уже в январе 1757 г., когда типография еще занималась брошюровкой книги «Российская грамматика», президент Академии наук К.Г. Разумовский приказал перевести «Граматику» Ломоносова на немецкий язык, поручив это дело академическому архивариусу Стафенгагену. Возможно, это была забота о многочисленных петербургских немцах, которых хотели обучить русскому языку, вместе с тем этот перевод позволял познакомить Запад с новой победой русской науки [1. Т. 7. С. 851].

Вне поля зрения исследователей оказалась опубликованная в 1768 г. в Петербурге работа Шарпантье «*Éléments de la langue russe*» («Основы русского языка»), хотя в этом сочинении широко используются материалы «Российской грамматики». Шарпантье (1740—1800) — один из многочисленных европейских ученых, которые в течение XVIII в. находили приют под покровом русской Академии наук. Большую часть жизни Шарпантье провел в России и умер в Петербурге [2. Т. 39. С. 186].

История создания этого произведения достаточно подробно излагается Шарпантье в предисловии. Если один из людей, говорящих на разных языках выбирает роль учителя, то он обязан выучить язык того, кого он хочет обучать. «Насколько очевидна эта истина в теории, — подчеркивает автор, — настолько она абсолютно оставлена без внимания на практике» [3. С. 3].

Шарпантье отмечает, что нет страны, в которой французский язык был бы в большем почете, чем в России, где он является частью образования добропорядочных людей. Однако для его преподавания используется метод, вызывающий смех.

Француз приезжает в Россию, зная только свой язык, он устраивается в дом, чтобы преподавать язык и литературу. В семье, возможно, никогда не слышали ни одного слова по-французски. Будущий учитель приветствует родителей самыми вежливыми фразами, может быть, самым лучшим образом выбранными из французского языка; он пытается наклоном головы, движением рук и ног, модуляцией голоса объяснить, что делает комплименты. Ему отвечают по-русски. Он слышит только звуки, но полагает в свою

очередь по жестам того, кто говорит, что ему тоже отвечают приветствием. Он благодарит, поворачивается к детям и проявляет радость, что получает в их лице учеников, подающих хорошие надежды. Хитрые маленькие создания смеются в душе при виде человека, говорящего на языке, которого они не понимают, они находят очень забавным, что человек говорит по-французски. Наконец, учитель размещен, пришло время занятий. С чего начать? Что сказать? Дальше автор пишет: «Я оставляю воображению читателя завершить картину этой нелепой сцены, которая продолжается в течение долгого времени посредством знаков, бормотания, лепетания с одной и другой стороны...» [3. С. 4].

Шарпантье пишет, что этот абсурдный метод имеет пагубные последствия, так как приводит к напрасной потере времени и искаженному, поверхностному усвоению иностранного языка.

Он считает, что нельзя это вменить в вину ни родителям, ни учителям. Родители вынуждены брать в учителя лиц, которые абсолютно не знают русского языка, потому что почти невозможно найти таких, кто бы его знал. Учителя не имеют возможности его выучить, чтобы спасти себя и своих учеников от затруднений и отвращения, которые возникают обычно от незнания этого языка. В то время как мир кишит грамматиками для всех языков, среди них нет ни одной, чтобы облегчить иностранцам изучение русского языка.

Когда сам автор решил выучить основы языка своих учеников, то напрасно искал учителя и грамматику, которые послужили бы ему гидом. Он нашел на русском языке книги для изучения французского и ни одной — на французском, чтобы изучить русский. Потеряв надежду, Шарпантье решил посредством упорной работы преодолеть все препятствия, которые противодействовали бы его целям, а также успехам его учеников.

Именно тогда ему в руки попала «Российская грамматика» Ломоносова. Шарпантье пишет: «... репутация этого автора позволяла мне надеяться, что я найду у него знания, которые искал» [3. С. 6]. Он принял решение перевести на французский «Российскую грамматику» с помощью тех людей, которых считал способными его направить, но некоторые наставления с их стороны отбили у него охоту продвигаться дальше в своих изысканиях и, желая выбраться из лабиринта, в который попал, он стал работать один.

Шарпантье сообщил о своей работе над переводом компетентным людям, они нашли его точным, но чрезмерно дословным, следовательно, недостаточно вразумительным для всех, кроме рус-

ских. Вместе с тем, они рекомендовали завершить этот труд, который может оказаться полезным.

В дальнейшей работе Шарпантье следовал советам ряда лиц. Особо он отмечает помощь, которую ему оказал господин Мариньян (Marignan). «Наконец, — отмечает Шарпантье, — я не колебался в том, чтобы пожертвовать своим самолюбием более главному: я адаптировал свою работу» [3. С. 7].

Произведенные упрощения и сокращения определялись целевой установкой произведения Шарпантье: помочь в изучении русского языка французам, которые владеют им только поверхностно, но стремятся говорить на нем достаточно хорошо. «Хотя эта грамматика, — пишет автор о своем произведении, — недостаточно объемна, какой она могла бы быть, ее можно считать достаточной для выполнения поставленной цели» [3. С. 7].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на внесенные изменения, основой данной работы по-прежнему остались теоретические и иллюстративные материалы «Российской грамматики» Ломоносова.

Сравним, например:

У Ломоносова:

Российские существительные имена суть четырех родов: мужского, женского, среднего и общего. Имеют семь окончаний: *а, е, ѥ, о, ъ, ь, я* — *сила, солнце, рай, слово, человекъ, любовь, земля*. [1. С. 438].

У Шарпантье:

Tout les noms substantifs russes peuvent être terminés de sept façons différentes, savoir en *а, сила* la force; en *е, солнце* le soleil; en *ѥ, рай* le paradis; en *о, слово* le mots; en *ъ, воскъ* la cire; en *ь, любовь* l'amour; en *я, буря* le tempête [3. С. 19] (Все русские имена существительные могут иметь семь разных окончаний: на *а, сила* la force; на *е, солнце* le soleil; на *ѥ, рай* le paradis; на *о, слово* le mots; на *ъ, воскъ* la cire; на *ь, любовь* l'amour; на *я, буря* le tempête).

У Ломоносова:

Первообразные и производные глаголы суть *простые* или *сложенные*. Простые состоят сами собою без приложения какой-нибудь другой части слова: *даю, ставлю*. Сложенные составляются 1) из имени и глагола: *благодарю*; 2) из местоимения и глагола: *своевольствую*; 3) из наречия и глагола: *прекословлю*; 4) из одного предлога и глагола: *отдаю, прославляю*; 5) из двух предлогов и глагола: *преодолеваю*; 6) из трех предлогов и глагола: *разопределяю*; 7) из предлога, имени и глагола: *обоготворяю, отреноживаю, оживотворяю*» [1. С. 479].

У Шарпантье:

Le simple ne doit ce qu'il est qu'à lui même, et par conséquent ne se joint jamais à aucun autre mot, tels sont даю *je donne*, ставлю *je place*. Le composé au contraire peut être formé 1. d'un nom comme благодарю *je remercie*, 2. d'un pronom: своевольствую *je fait de ma volonté*, 3. d'un adverbe, прекословлю *je contredis*, 4. d'une préposition, отдаю *je rends* 5. de deux prépositions, преодолеваю *je surmonte*, 6. de trois prépositions, разопределяю *je mets en ordre*, 7. enfin d'une préposition et d'un nom, обоготворяю, *je déisie*» [4. С. 73—74] (Простые состоят сами собою и, стало быть, никогда не соединяются ни с каким другим словом, таковыми являются: даю *je donne*, ставлю *je place*. Сложные наоборот могут быть образованы: 1. от имени: благодарю *je remercie*, 2. от местоимения: своевольствую *je fait de ma volonté*, 3. от наречия: прекословлю *je contredis*, 4. от предлога: отдаю *je rends* 5. от двух предлогов: преодолеваю *je surmonte*, 6. от трех предлогов: разопределяю *je mets en ordre*, 7. наконец, от предлога и имени: обоготворяю, *je déisie*).

Список использованной литературы

1. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. — М. ; Л., 1952.
2. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1903.
3. Charpentier Les éléments de la langue russe ou méthode courte et facile pour apprendre à parler cette langue conformément aux loix de l'usage. — СПб., 1768.

Н.Е. Ефимова

г. Рязань

Категория гипотетичности в лингвистических работах И.И. Срезневского

В последние десятилетия возрос интерес к проблеме категориального статуса изучаемых объектов. Это связано с развитием коммуникативно-функциональных направлений лингвистики, поскольку изучение функционально-динамического аспекта языка потребовало дать характеристику, определить новые, не изученные ранее сущности исследуемых явлений, их системные отношения, их категориальный статус. В связи с развитием лингвистики текста

также одним из первоочередных вопросов становится проблема определения текстовых категорий и выявления их состава (применительно как к тексту вообще, так и отдельным типам текстов). Не обошла стороной эта проблема и функциональную стилистику.

Среди текстовых категорий, характерных прежде всего для научной речи и в известной мере специфичных для нее, следует отметить категорию гипотетичности. Она занимает особое место среди других текстовых категорий в том отношении, что, с одной стороны, является текстообразующей именно в научной сфере общения, с другой — проявляется неоднозначно в различных отраслях знания и жанрах научной литературы. Это обусловлено ролью гипотезы на разных этапах научно-познавательной и текстовой деятельности, своеобразием самой гипотезы в разных областях науки, задачами коммуникации в произведениях различных жанров. Кроме того, гипотеза является именно необходимой принадлежностью научного стиля речи, так любое знание начинается с выдвижения предположения. Категория гипотетичности вполне соответствует и такому свойству научной речи, как некатегоричность. Данная ФСК позволяет выразить свою точку зрения так, чтобы она не являлась единственно возможной и достоверной.

Категория гипотетичности — это система разноуровневых языковых средств, включая собственно текстовые, объединенных единой семантико-коммуникативной функцией и предназначенных для выражения гипотетичности в научной сфере общения (научных текстах) [1. С. 191]. Это система средств, с помощью которых в научном тексте сигнализируется как о выдвижении первоначального авторского научного предположения, так и о выражении всех других случаев предположительности в ходе разработки, доказательства гипотезы, превращения ее в достоверное знание. Иными словами, это система средств, с помощью которых в научном тексте подается и развивается новое знание (от меньшей до большей степени его достоверности). В силу текстообразующей значимости категория гипотетичности классифицируется как текстовая.

Категория гипотетичности интересна тем, что позволяет объединить разные разделы грамматики. Являясь принадлежностью стилистики, категория гипотетичности не имеет своих собственных средств выражения и использует лексические, морфологические и синтаксические единицы.

Лингвистические труды И.И. Срезневского как яркий пример научного стиля стали основой для анализа категории гипотетичности. Материалом исследования послужили следующие работы:

«Мысли об истории русского языка»; «Договоры с греками»; «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук С.-Петербург, в тип. Академии наук, 1847»; «Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю».

При анализе работ И.И. Срезневского нами обнаружены 573 случая использования категории гипотетичности. Самую многочисленную группу (466 случаев) составили лексические средства. Среди них преобладают слова категории состояния (200 примеров). Обнаруженные нами лексемы (*можно* — 84, *должно* — 57, *надобно* — 9, *необходимо* — 7, *нельзя* — 27, *трудно* — 10) показывают потенциальную возможность существования предполагаемого явления.

- *Можно* не понимать их, можно и понять, — и разумение их необходимо должно озарять своим светом наблюдение подробностей языкознания [4. С. 8].

- *Нельзя* не желать, чтобы и по другим отраслям сделано было хотя то, что сделано Бурнашевым по отраслям, им избранным [7. С. 184].

- Материалы брать *надобно* из книг и устной молви, дополняя одни другими [7. С. 59].

На втором месте по частоте употребления стоят глагольные формы (153 примера). Среди них глаголы *мочь* (122), *думать* (6), *считать* (4), *предполагать/предположить* (7), *казаться* (8), *сомневаться* (4), *полагаться* (2):

- Обе идеи, как и оба корня, *могли соединяться* в одно общее значение [5. С. 42].

- На первый взгляд вся эта приписка *кажется* продолговатым пятнышком и дает себя знать только под увеличительным стеклом при ясном свете [6. С. 6].

На третьей позиции выступают местоимения со значением предположительности (69 примеров): *некоторый* (52), *какой-нибудь* (27), *я* (2):

Употребление *некоторых* форм все более терялось [4. С. 170].

Считать их отсутствие не делом случая, а чем-то очень важным, ведущим к каким-нибудь заключениям, нет *никакого* права [5. С. 25].

В меньшем числе представлены в лингвистических трудах И.И. Срезневского:

- а) имена существительные (16 примеров): *сомнение* (9), *возможность* (4), *предположение* (2), *уверенность* (1);

б) имена прилагательные (11 примеров): *сомнительный* (7), *предположительный* (1), *предварительный* (1), *неосновательный* (1), *несомненный* (1);

в) вербоиды (8 примеров): *кажущийся* (3), *могущий* (1), *предполагаемый* (1), *считая* (1), *предполагая* (2);

г) модальные частицы (8 примеров): *ли/ль* (3), *едва* (5).

Например:

- Даже в словаре мертвого языка, который изучать можно из одних памятников письменности, всегда остается *возможность* и *надобность* исправлений [7. С. 56].

- Остается еще несколько более или менее *сомнительных* решений вопросов, до них касающихся [5. С. 1].

- Представления, почему-нибудь *кажущиеся* сходными, выражаются одним и тем же словом [4. С. 19].

- Но *едва ли* могла она поступить иначе, сообразно со средствами, которыми она могла располагать [6. С. 71].

О морфологических средствах выражения категории гипотетичности хотелось бы сказать, что они занимают третью позицию по частоте употребления в лингвистических работах И.И. Срезневского. Нами обнаружено 27 подобных случаев. Основными морфологическими средствами, позволяющими создать гипотетическую тональность текста, являются глагольные категории наклонения (форма сослагательного наклонения глагола, 12 примеров) и времени (форма будущего времени глагола, 15 примеров):

- Немного звуков, немного и слов, образованных из них, гораздо менее чем представлений, которые *могли бы* быть ими выражены [4. С. 18].

- Решение этого вопроса *будет* содержанием следующей статьи [7. С. 95].

Что касается использования синтаксических средств выражения категории гипотетичности в лингвистических трудах И.И. Срезневского, то необходимо отметить их разнообразие. Нами обнаружено 108 синтаксических единиц со значением предположительности. Среди них выделяются:

а) вводно-модальные слова и сочетания слов (50 примеров) как со значением неполной уверенности в достоверности сообщаемого (*вероятно, кажется, говорят, может быть* — 29), так и со значением достаточно высокой степени уверенности в истинности предположения (*конечно, должно быть, без сомнения, нет сомнения, само собой разумеется* — 21):

- *Без сомнения*, такое состояние языка независимо от состояния народа, который говорит им [5. С. 36].

- *Вероятно*, многие мужи вместе с ними образовывали дома одно целое [5. С. 36].

б) безличные конструкции в составе сложноподчиненных предложений (24):

- *Не должно забывать* при этом, что некоторые из них писаны людьми не русскими, даже не славянами, людьми, которые худо знали по-русски, худо понимали требования языка славянского. [4. С. 97].

- *Нельзя* никак, с другой стороны, допустить предположения, что глухие гласные звуки не были древнейшими, коренной принадлежностью звучности языка всех славян, а явилась уже вследствие изыскания его строя [4. С. 83].

в) личные конструкции в составе сложноподчиненного предложения (2):

- *Я думаю*, что об этом говорить ни к чему много [4. С. 65].

- *Мы думаем*, что и не время еще отвечать на такой вопрос [7. С. 93].

г) сложноподчиненные предложения с придаточным условным (8):

- Отличать древние формы от новых также не трудно, *если* только не упускать из виду общего хода изменения языка [4. С. 105].

- Они составляли главную основу среднего сословия, без сомнения очень мало развитого, хотя — *если* считать в нем и военные дружины — значительного по количеству [5. С. 38].

д) сложноподчиненные предложения с условно-следственным придаточным (20):

- *Если* при том оно же найдено и в Руси, *то* немудрено, что оно было согласно с обычаем народным в обоих краях [5. С. 50].

- Можно сказать даже более: совершенное очищение русского языка от элементов старославянских, *если* и возможно, *то* нераздельно вместе с переворотом, который должен потрясти все основания литературы и говора образованного общества [7. С. 204].

е) вопросительные предложения (3):

- Итак, в истории русского языка прежде всего должен быть решен вопрос: что был язык русский в то время, когда он только что отделился? [4: 66].

- Можем ли мы проникнуть в древний выговор русский? [4. С. 91].

Таким образом, нами подтверждается, что функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности является необходимой составляющей научного текста. Любая наука основывается на предположении и его последующем доказательстве, и лингвистика в этом — не исключение. В ходе анализа лингвистических трудов И.И. Срезневского, была установлена высокая частотность употребления категории гипотетичности, что говорит об основополагающем значении категории гипотетичности в научном стиле речи.

Список использованной литературы

1. Кожина, М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь; Перм. ун-т, 1968. — 251 с.
2. Кожина, М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими : учебное пособие. — Пермь; Перм. ун-т, 1972. — 395 с.
3. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. / под ред. М.Н. Кожинной : в 3 т. — Т. 2 : Стилистика научного текста (общие параметры). — Ч. 2 : Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь; Перм. ун-т, 1998.
4. Срезневский, И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю // Русское слово : избранные труды. — М. : Просвещение, 1986.
5. Срезневский, И.И. Договоры с греками // Русское слово : избранные труды. — М. : Просвещение, 1986.
6. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка. — М. : Учпедгиз, 1959.
7. Срезневский, И.И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук С.-Петербург, в тип. Академии наук, 1847. Четыре тома // Русское слово: Избранные труды. — М. : Просвещение, 1986.

РАЗДЕЛ V

Языковая картина мира и позиция русского языка в мировом сообществе на современном этапе

А.К. Шапошников

Украина

Вчера и сегодня в русской языковой картине мира по данным частотных словарей русского языка разных эпох

Необходимым и достаточным условием для действительного описания языковой картины мира является обозрение 1—1,5 тысячи наиболее употребительных слов данного языка, которые покрывают более 90 процентов любого текста, в том числе древнего [1; 2]. Частота словоупотребления является объективным показателем важности и значимости слова (а следовательно, его значения и его обозначаемого) в данном обществе, создателе и носителе языковой знаковой системы.

С учетом языковой атрибуции наиболее употребительной лексики можно опровергнуть несколько расхожих заблуждений относительно как древнерусского, так и современного русского языков.

Древнерусский и современный русский языки унаследовали исконную лексику восточнославянского и праславянского происхождения а, как известно, исконная лексика праславянского языка восходит к языковому ареалу Центральной Европы [3; 4].

Культурная лексика, заимствованная из церковнославянского письменного языка (преимущественно древнеболгарского происхождения), сильно потеснила собственно восточнославянскую лексику, иногда полностью подменив ее в частотном употреблении.

При посредстве того же церковнославянского языка была усвоена лексика среднегреческого происхождения: *август, ад, алтарь, ангел, апостол, апрель, архангел, архиепископ, архиерей, гра-*

мота, декабрь, дьявол, дьякон, евангелие, евангелист, епарх, епископ, епархия, епискупия, епития, ересь, еретик, игумен, идол, иереи, икона, иконом, июль, июнь, канон, келья, клирик, литургия, май, март, митрополит, мних, монастырь, палаты, патриарх, поганый, поп, январь и др.

Заимствования из центральноевропейских языков малочисленны: *папа, папеш, пан, пост*. Их теократическая природа очевидна.

Таким образом, древнерусский язык XI—XIV вв. представляет собой синтез исконно славянских южно- и восточноевропейских языков, обогащенный из первоисточника всей европейской цивилизации и культуры греческого языка.

Как очевидно следует из представленного лексического материала (1300 наиболее употребительных слов), в языковой картине мира древнерусского языка нет никаких следов «восточного влияния» (заимствований и лексических проникновений финноугорского, тюркского или монгольского происхождения). Это наблюдение ставит под сомнение популярные культурологические теории о синтезе финноугорской и восточнославянской общностей, об огромном влиянии и воздействии на древнерусскую культуру татаро-монгольского степного мира, об особом «евразийстве» восточных славян, Древней Руси и современной России.

Языковая картина мира, по данным «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.», отражает мировидение и мироощущение церковно-клерикального общества, государства с теократической формой правления, все внимание и силы которых направлены на достижение иллюзорных, виртуальных, нереальных целей. Данности реального окружающего мира находятся вне поля зрения творцов и носителей этой языковой картины мира.

Наблюдения над корпусом наиболее употребительной лексики, определяющей современную русскую языковую картину мира, приводят к однозначному выводу: русский язык относится к европейским языкам, а современная русская языковая картина мира — вариант европейской картины мира. К наиболее употребительной лексике, унаследованной от древнерусского и старорусского языковых состояний, добавилось много слов западноевропейского происхождения, связанных с культурными и цивилизационными реалиями Европы эпохи плутократических переворотов XVI—XVIII вв. и развитой плутократии XIX—XX вв.: *автобус, автомат, автор, агроном, адрес, аккуратный, активный, алфавит, аппарат, аптека, армия, артист, аэропорт, балкон, банк, бензин, библиоте-*

ка, билет, ботинки, брюки, бутерброд, бутылка, вагон, валюта, ванна, видео, видеомэгнофон, виза, вокзал, газ, газета, галстук, генерал, герой, градус, грамм, грамматика, грипп, группа, демонстрация, депутат, деталь, диван, диплом, директор, дискета, дискотека, доктор, документ, журнал, журналист, идея, инженер, институт, инструмент, интересный, информация, история, календарь, каникулы, карта, картофель, кафе, квартира, килограмм, километр, кино, киоск, класс, климат, команда, командировка, комната, компьютер, конверт, контракт, конфета, концерт, коридор, космонавт, космос, костюм, котлета, кофе, крем, кровать, культура, курс, кухня, лампа, лекция, линия, литература, литр, лифт, магазин, магнитофон, максимум, марка, математика, материал, машина, мебель, медицина, меню, металл, метр, метро, милиционер, милиция, минимум, министр, минус, минута, мода, момент, монета, музей, музыка, национальность, номер, нормальный, организация, организовать, офицер, пальто, паркетный, партия, плюс, поликлиника и др.

Лексические заимствования и проникновения из восточных языков очень редки: бумага, деньги, карандаш, кофта, лошадь. Они закрепились в языке старорусского состояния.

Языковая картина мира, по данным современного частотного словаря русского языка, отражает мировидение светского общества и государства с плутократической формой правления, обращенных к реальностям окружающего мира, к реальному воспроизводству человеческого общества, культуры и цивилизации.

Положения доклада обоснованы на данных частотности употребления слов [5; 6] и проиллюстрированы раздаточными наглядными материалами.

Список использованной литературы

1. Вялкина, Л.В. Материалы к частотному словарю древнерусских текстов / Л.В. Вялкина, Г.Н. Лукина // Лексикология и словообразование древнерусского языка. — М., 1966. — С. 263—292.
2. Вялкина, Л.В. Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению лексики древнерусских текстов / Л.В. Вялкина, Г.Н. Лукина // Историческая лексикология. — М., 1964. — С. 298—307.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М. : Наука, 1974—2005. — Вып. 1—33.
4. Трубочёв, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. — М. : Наука, 2002.

5. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина ; отделение учеб. лексикографии ; Г.Ф. Рогачева, Н.М. Луцкая, В.В. Морковкин, З.П. Попова ; под ред. В.В. Морковкина. — М. : Астрель : АСТ, 2003. — 768 с.
6. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. — М. : Русский язык, 1988—2004. — Т. 1—7.

В.К. Щербин

Беларусь

Отражение русской языковой картины мира в концептуариях разных типов

Термин *картина мира* начал употребляться еще в конце XIX в. для обозначения исследовательских программ конкретных научных дисциплин (*физическая картина мира, биологическая картина мира, лингвистическая картина мира* и др.). Позднее в результате обобщения этих конкретно-научных исследовательских программ было сформировано понятие глобальной исследовательской программы, которое обозначалось термином *общенаучная картина мира*. Наконец, во второй половине XX в. термин *картина мира* начал использоваться для обозначения суммы не только научных, но и языковых знаний (*языковая, или наивная, картина мира*).

При этом «языковую картину мира принято противопоставлять научной. Различие между языковой и научной картинами мира особенно ярко проявляется при анализе тех слов естественного языка, которые используются в качестве научных терминов, ср.: *звезда, вода, свет, тепло, горение, высота, точка, линия* и т.д. Хотя значение научного термина развилось, «выросло» из значения обычного слова, однако термин определяется в системе научных понятий, а она бывает весьма далека от системы лексических значений, закрепленных в естественном языке. <...> Наивную картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире. Иными словами, считается, что язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации)» [1, с. 3].

Помимо термина *языковая, или наивная, картина мира*, отдельными лингвистами для систематизации накопленных языковых знаний используются и иные, близкие к нему по содержанию тер-

мины: *языковая модель мира, концептуальная модель мира*. Различие между этими моделями, по мнению Ю.Н. Караулова, заключается в том, что «основными элементами, составляющими первую, являются семантические поля, тогда как концептуальная модель складывается из единиц более высоких уровней — групп и сверхпонятий, представляющих собой «константы сознания» [2, с. 271]. В свою очередь объединяет обе эти модели общая логическая схема (синопсис), лежащая в их основе и позволяющая отдельным исследователям совмещать обе модели в рамках единой *концептуально-языковой картины мира* [3, с. 129].

В последние годы наиболее распространенным обозначением элементарных единиц (сверхпонятий и констант сознания), составляющих такую концептуально-языковую картину мира, стал термин *концепт*, дефиниции которого в разных научных дисциплинах существенно различаются: а) в когнитологии он определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4, с. 90]; б) в семиотике — как «совокупность сведений (знаний) об обозначаемом объекте и его связях с другими объектами... Концепт — это, с одной стороны, информация, которую несет знак, а с другой — это сумма знаний об обозначаемом этим знаком объекте» [5, с. 51]; в) в лингвистике — как «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [6, с. 20]; г) в постклассической методологии науки — как «системообразующие элементы концепций как особых форм организации дисциплинарного (научного, теологического, философского) знания вообще» [7, с. 379]; д) в лингвокультурологии — как «некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа» [8, с. 185] и т.д. Кроме того, разные научные дисциплины различаются самим подбором концептов (ключевых, центральных понятий), которыми они оперируют: «В конечном счете все науки исследуют один и тот же мир. Просто они рассматривают его в разных ракурсах, используя различные центральные понятия, что и делает их различными предметами» [9, с. 29].

Существующие различия между указанными выше научными дисциплинами в определении основных особенностей концепта и в самом подборе используемых ими концептов закономерно привели к независимому созданию в рамках этих научных дисциплин «своих» концептуариев (словарей концептов), в которых одна и та же

русская языковая картина мира отражается по-разному. Последнее дает основания исследователям рассматривать такие словари концептов в качестве разнотипных лексикографических изданий.

В частности, ранее нами уже описывались словарные особенности концептуариев следующих типов: общие, специальные и комплексные словари концептов [10, с. 29—30]; общенаучные и узкодисциплинарные концептуарии [11, с. 11—13]. Названные выше разнотипные словари концептов отличались друг от друга степенью специализированности своих реестровых единиц: *общие концептуарии* включают в свой реестр только базовые концепты; *специальные словари концептов* делятся на два подтипа (*общенаучные концептуарии*, реестр которых состоит из общенаучных концептов, и *узкодисциплинарные концептуарии*, объединяющие в своем реестре ключевые идеи и понятия из отдельных областей знаний); *комплексные концептуарии*, совмещающие в своем реестре как базовые, так и значительно более специализированные концепты.

Однако существующие сегодня русскоязычные концептуарии различаются не только степенью специализированности своих реестровых концептов, но и методами своего создания. К примеру, составленный Ю.Н. Карауловым в рамках компьютерной идеографии «Алфавитный каталог дескрипторов тезауруса русского литературного языка» [12, с. 177—191] включает почти 1600 концептов (дескрипторов), выявленных «методом компиляции классификационных схем наиболее крупных идеографических словарей разных языков» [12, с. 8]. Однако сравнение данного перечня концептов (дескрипторов) с реестром другого русскоязычного словаря концептов, созданного в рамках лингвокультурологии четверть века спустя [13], позволило выявить в реестре последнего целый ряд уникальных русских концептов, таких, как *водяной, домовой, кикимора, колобок, леший, палочка-выручалочка, русалка, собачиться* и т. д., которые не представлены в дескрипторном словаре Ю.Н. Караулова. Между тем без указанных выше уникальных концептов невозможно себе представить русскую языковую картину мира.

В свою очередь подчеркнутая ориентация составителей лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» на описание уникальных русских концептов привела к включению в реестр данного концептуария только четырех групп концептов (зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания), оставив вне его рамок целый ряд базовых концептов, таких, как *воля, время, знание, культура, наука, пространство, человек* и др. Между тем эти базовые концепты

представлены в реестрах всех общих концептуариев [14; 15] и в синонимических основных идеографических словарях русского языка [12; 16—19], а потому без этих концептов тоже невозможно себе представить русскую языковую картину мира.

Сравнение реестров дескрипторного словаря Ю.Н. Караулова и лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» с реестрами других русскоязычных концептуариев и синонимическими идеографическими словарями русского языка позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В каждом из рассмотренных нами разнотипных концептуариев отражена только та или иная часть русской языковой картины мира.

2. Подчеркнутая ориентация «Алфавитного каталога дескрипторов тезауруса русского литературного языка» Ю.Н. Караулова на подачу базовых, универсальных концептов позволяет отнести его к *концептуариям универсально-логического типа*, а включение в реестр лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» только уникальных русских концептов дает основания рассматривать его в качестве *концептуария этнокультурного типа*.

3. Наиболее полное представление о русской языковой картине мира дает вся совокупность существующих разнотипных концептуариев и идеографических словарей русского языка.

Список использованной литературы

1. Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. — 1998. — № 2. — С. 3—21.
2. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография. — М., 1976. — 356 с.
3. Морковкин, В.В. Русские агнонимы / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. — М., 1997. — 415 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М., 1997. — 245 с.
5. Агеев, В.Н. Семиотика. — М., 2002. — 256 с.
6. Чернейко, Л.О. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестник МГУ. Серия 9 : Филология. — 1996. — № 6. — С. 20—41.
7. Абушенко, В.Л. Концепт / В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук // Постмодернизм : энциклопедия. — Минск, 2001. — С. 379—380.
8. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М., 2002. — 284 с.
9. Кэллахан, Дж. Экономика для обычных людей: Основы австрийской экономической школы : пер. с англ. — Челябинск, 2006. — 240 с.

10. Щербин, В.К. Общая и специальная концептография // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л.В. Рычкова и др. — Гродно, 2005. — С. 26—31.
11. Щербин, В.К. Роль специальной концептографии в описании языка науки // Терминология 3: изучение и обучение : матер. 3-й междунар. науч.-практ. конф., 24—26 ноября 2005 г. — Минск, 2006. — С. 8—15.
12. Караулов, Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. — М., 1980. — 208 с.
13. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. — М., 2004. — Вып. 1. — 318 с.
14. Степанов, Ю.С. Константы : словарь русской культуры. — 2-е изд. — М., 2001. — 990 с.
15. Круглов, А. Словарь (А—И). — М., 1994. — 298 с.
16. Русский семантический словарь (опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову). — М., 1982. — 567 с.
17. Идеографическая часть // Лексическая основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В.В. Морковкина. — М., 1984. — С. 245—544.
18. Баранов, О.С. Идеографический словарь русского языка.— М., 1990. — Вып. 1. — 256 с.
19. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой.— М., 1998—2003. — Т. 1—3.

А.Д. Орлов
г. Москва

Интеграционный потенциал русского языкового пространства

Говоря об экономическом пространстве, мы постоянно забываем о воздухе этого пространства — языковой среде, языковом пространстве.

Между тем рынок — это коммуникация, общение, понимание, невозможное без информационной среды, информационного поля, которым является язык. Каждый рынок — это языковая коммуникационная среда, в которой действуют субъекты рынка.

Изучая эволюцию языков, лингвисты невольно подошли к тому, что развитие языков из племенных диалектов — это развитие и эволюция местных рынков, где языки были необходимым средством коммуникации.

По мере укрупнения языковых пространств язык все меньше был функцией «крови» и этнографического субстрата и все больше функцией экономического пространства.

Таковы современные крупные европейские языки, включая русский язык.

Поэтому современный русский язык, в среде которого развивается единое экономическое пространство союзного государства Белоруссии и России — не «язык русских», «русского этноса» (как с подачи западных фондов уверяют псевдонационалисты русских субэтносов — малороссийского (украинского) и в меньшей степени белорусского), а язык всего экономического, культурного и коммуникативного пространства Российской империи, а позже — СССР, в среде которого жили не только народы славянского корня, но и всех остальных народов.

Для неславянских народов Российской империи и СССР русский язык был языком науки, индустриального производства, медицины, высшего образования — языком индустриальной и постиндустриальной цивилизации.

В этом отношении русский литературный и научный язык — такое же достояние всех этносов, входивших в имперское и советское пространство.

Примитивный экономический детерминизм не позволяет видеть гораздо более устойчивый, чем экономика, фактор интеграции — большое языковое пространство русского языка, не дающее окончательно распасться раздробленному экономическому, оборонному и политическому пространству.

Распад СССР привел к дроблению большого и конкурентоспособного на глобальном уровне языкового и экономического пространства на диалекты и локальные рынки, заведомо не имеющие будущего.

Главная проблема больших экономических и языковых пространств — вопрос о минимально необходимой для эффективного выживания в современной глобальной среде «мощности» такого пространства. Для национальных государств начала XX в. барьером субъектности была численность населения в 20—30 миллионов человек — уровень Польши и Чехословакии.

Сегодня этот порог субъектности языкового и экономического пространства повысился, и та же экономически объединенная Европа страдает от конфликта между единым рынком и локальными языковыми пространствами малых и средних европейских наций.

Европа раздроблена языковыми границами на блоки, в то время как у экономического пространства России, Белоруссии, Украины и Казахстана есть объективное преимущество — единое языковое пространство, объединяющее не менее 250 миллионов человек и одну шестую часть суши. Но потенциал этого русского языкового пространства пока далек от реализации.

В Белоруссии белорусский язык не завоевал языкового пространства, хотя долгое время культивировался как письменный и литературный. Несмотря на репрессии, то же самое произошло с украинским языком на Украине. Фактически исчезли региональные диалекты русского языка (остались только фонетические различия) — и все это по той причине, что не хватило мощности языкового пространства. Язык локального пространства не может наработать критической базы информации, необходимой для самостоятельного развития на сегодняшнем уровне цивилизации. У малых языковых пространств элементарно недостает информационной емкости системы, или, другими словами, недостает людей для освоения и использования всех знаний, накопленных крупными языковыми пространствами. Будущее — за большими языковыми пространствами, способными устойчиво развиваться в условиях глобализации.

Имеет ли языковое пространство самостоятельную ценность, независимую от рыночного пространства? Безусловно. Язык — это средство кодирования, накопления и обработки информации, ценность которого определяется уже наработанными объемами. Косвенно «ценность» языкового пространства можно оценить через объем интеллектуальной собственности, опосредованной данным языком, и через мощность информационных потоков, использующих этот язык. В этом отношении русский язык и сегодня продолжает сохранять лидирующие позиции.

В отечественной науке идею больших языковых пространств, в частности, русского языкового пространства как устойчивого социокультурного явления, скрепляющего территории и население Российской империи и Советского Союза, кроме границ и этнографических различий, развивал академик О.Н. Трубачёв.

Что такое русскоязычное языковое пространство? Каков его интеграционный и экономический потенциал? Несмотря на политическую раздробленность и экономический упадок, это — практически вся территория СССР. Это — территория с ресурсами, более чем достаточными для бескризисного устойчивого развития.

Это — 250 миллионов человек, свободно владеющих русским языком, 200 миллионов из которых — славяне, что является свидетельством высокой этнокультурной однородности.

Это — второе по объему накопленной информации научно-технологическое пространство, пока еще располагающее научными школами по всем направлениям научного знания.

Экономический успех Белоруссии и отчасти Казахстана — пример успешного использования преимуществ русского языкового пространства на уровне локальной экономики.

Говоря о русском народе, надо говорить не только о разделенной нации, но и о разделенном языково-культурном пространстве экс-СССР, фрагментация которого снижает его потенциал, привлекательность и конкурентоспособность.

Однако для большинства россиян эта мысль — неожиданное открытие: люди и политики уже отвыкли мыслить «неэкономическими» понятиями, выпадающими за рамки примитивно-рыночной логики.

Между тем недооценка феномена больших языковых пространств как комплексного явления, существенно влияющего не только на этнокультурные, но и на политические и экономические аспекты глобальной конкуренции цивилизаций, чревата для славянских народов необратимыми потерями и упущенными историческими возможностями. Эта насущная проблема, у истоков которой стояли такие классики отечественной науки, как академики И.И. Срезневский и О.Н. Трубачёв, требует сегодня концентрации усилий и особого внимания научного сообщества. Если время будет упущено, уникальный потенциал русского языкового пространства может остаться нереализованным.

С.В. Разживина

г. Тула

Отражение особенностей национального менталитета в русских пословицах и поговорках

Менталитет как образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе, изучается в ряде наук: психологии, этнографии, психолингвистике.

В последнее время появился ряд фундаментальных работ, посвященных исследованию и описанию базовых ментальных категорий русской культуры, национального сознания. Миропонимание носителя языка складывается из концептов. Именно они сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы.

Концепты — это своеобразные «сгустки культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов), и исследование проблемы взаимоотношения языка и культуры способно дать понимание языка как средства, с помощью которого возможно исследование стоящих за ним ментальных структур.

В русских пословицах и поговорках в наиболее лаконичной форме выразились национально-культурные стереотипы, вербализовались морально-этические представления и духовная сущность русского народа, воплотилась важнейшая концептуальная информация, лежащая в основе национальной культуры. Изучение паремий с точки зрения реализации в них концептосферы позволяет приблизиться к пониманию основных черт русского национального менталитета, особенностей ментальных процессов в народном сознании.

Именно в пословицах и поговорках народом зафиксированы наблюдения над миром и человеком, поэтому пословицы составляют золотой фонд любого языка, любой культуры. Выражаемые в художественно-афористической форме знания народа о мире являются системой с универсальными общечеловеческими знаниями и национальными самобытными представлениями.

Рассмотрим некоторые из концептов — абстрактных понятий, характеризующих русскую ментальность.

Судьба (доля)

Судьба — это высшая категория сознания, с помощью которой строится концептуальная картина мира народа. Понимание судьбы как высшей силы нашло отражение во всех толковых словарях русского языка. Например, в четырехтомном академическом толковом словаре у слова «судьба» выделяются три значения, основным из которых является следующее: «складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям — сила, определяющая все, что происходит в жизни). *Покориться судьбе. Удары судьбы*».

В.И. Даль, помещая слово «судьба» в словообразовательное гнездо глагола «судить», определяет судьбу как «неминуемость в быту земном».

В концепте судьбы соединены две ключевые идеи русской культуры: идея непредсказуемости будущего и неконтролируемости происходящих с человеком событий: *Значит, не судьба*. Интересным представляется тот факт, что своя судьба есть у всего: у людей, вещей, предметов и явлений. В русской ментальности судьба становится непостижимой предопределенностью поступков и событий, происходящих с человеком.

Анна Вежбицкая пишет о том, что в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры — *душа, судьба и тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература [1, с. 33—34].

Кроме судьбы, в русском языковом сознании присутствуют также сходные сущности — *доля, рок, участь, удел, жребий*.

В словаре В.И. Даля «судьба» и «рок» противопоставлены друг другу: *«Судьба — то, что выносит приговор, преследует»; «Рок — палач. Он ничего не решает, а только механически исполняет и потому он неотвратим»*. *Без року смерти не будет (В.И. Даль)*.

Еще одна ипостась концепта «судьба» — *доля*. Этимологически свойственная данной лексеме семантика *части целого*. Доля, таким образом, — это часть той всеобщей ноши, что несет человечество, и у каждого индивида есть своя часть этой ноши:

Доля есть, да воли нет.

Во всем доля, а ни в чем воли.

Твоя воля, а и мне есть доля.

Таким образом, в языковом сознании русского человека судьба есть, она вполне реальна, и можно почувствовать ее свойства, но при этом концепт «судьба» остается одним из наиболее абстрактных и философских, выводящих человека на глобальные проблемы мироздания: свободен человек в проявлении своих желаний или же он является частью предопределенного свыше жизненного порядка.

Свобода (воля)

Русское слово «свобода» означает не только независимость, суверенитет, отсутствие гнета, запретов, но и отсутствие всяческих ограничений, возможность поступать по собственному усмотре-

нию: *абсолютная свобода, безграничная свобода, полная свобода, совершенная свобода.*

В.И. Даль толкует лексическое значение слова «свобода» следующим образом: *«своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чуждой воле».* Таким образом, концепт «свобода» организует семантическое поле синонимов (воля, вольность, приволье, независимость, раздолье, простор) и антонимов (принуждение, насилие, стеснение, неволя, рабство, угнетение, запрет, ограничение, заключение (тюрьма), зависимость). Представляя собой универсальный идеал всего человечества, концепт «свобода» имеет собственное наполнение у каждого народа. Существенное дополнение концепту «свобода» в русском сознании являет сложный концепт «воля». В.А. Маслова рассматривает волю как концепт, занимающий в русской культуре более важное место, нежели свобода. Воля — это прежде всего возможность жить по своей воле, не стесняя себя никакими социальными узами.

В русской традиции так понимаемая воля представляется как исключительная черта русского характера. Она заявляет себя в форме бунта, отказа от всякой организации, от любых ограничений:

Вольному — воля, ходячему — путь, лежащему — кнут.

Неволя и рада бы воле, да не дают.

Неволя стоит, а воля сидит.

Неволя холопу, а воля господину.

Есть русская пословица *В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково*, смысл которой заключается в следующем: на просторе каждый может поступать, как ему вздумается. Национальным символом воли является *казак в поле*, никому не подчиняющийся.

Война

Одним из основных концептов, составляющих основу русского мировоззрения, является концепт «война». Толкование данной лексемы встречаем в словаре В.И. Даля: *«Война (война, воевать, бить, бойня, боевать, как, вероятно, и боярин, и воевода, или боевода) — раздор и ратный бой между государствами, международная брань».*

В.И. Даль выделяет несколько типов войн: *«Наступательная война, когда ведут войско на чужое государство; оборонительная, когда встречают это войско для защиты своего. Война междоусобная, когда один и тот же народ, раздвоившись в смутах, враждует между собою оружием. Малая война — занятия и обязанности сто-*

рожевой части войска. *Партизанская война* — действия отдельных, мелких частей войска, с крыльев и тыла неприятеля, для отрезки ему средств сообщения и подвоза. *Народная война*, в которой весь народ принимает живое участие по сочувствию к поводу раздора».

Пословицы и поговорки о войне:

Легко про войну слушать, да тяжело (страшно) ее видеть.

Хороша война за горами.

Войной да огнем не шути.

Всякая война от супостата, не от Бога.

И я б шел на войну, да жаль покинуть жену.

Кто силен да богат, тому хорошо воевать.

В доме-то у них, словно Мамай воевал, велик беспорядок.

Знал бы, так и не воевал бы.

И еще бы воевал, да воевало потерял.

И ратовал, и воевал, да ничто взял.

Нужда горюет, нужда воюет.

Характерные признаки данного концепта:

1. Отсутствие мира, раздор, конфликт; вооруженная борьба между государствами либо внутри одного государства между социальными группами.

2. Боевые действия, боевой выход, боевая операция.

3. Переносное: состояние напряженности в отношениях, невооруженный конфликт между государствами.

4. Состояние вражды, борьба, ссора, перебранка.

Эмоционально-оценочные коннотации: война — страшное событие, поэтому ее лучше не видеть; она связана с ложью, воровством, предательством; война — не божеское дело; в войне неизбежны потери.

Таким образом, концепт слова «война» действительно является одним из важнейших концептов русского языкового сознания и занимает значительное место в языковой картине мира русского народа.

Правда

Правда — исконный атрибут человеческих дел. Антонимы: ложь, обман, кривда.

Пословиц о правде у русских много, их можно подразделить на несколько семантико-прагматических групп:

1. Человек должен жить по правде: *Что ни говори, а правда надобна; Без правды не житье, а вытье; Без правды люди не жи-*

вут, а только маются; Хлеб-соль ешь, а правду режь; Хлеб-соль кушай, а правду слушай; За правду не судись, скинь шапку да поклонись; Правду похоронишь, да сам из ямы не вылезешь; и т.д.

2. Правда часто оценивается через свою противоположность — кривду, ложь: *Горе от Бога, а неправда от дьявола; И в бедах люди живут, а во лжи пропадают.*

3. Правда — это большая ценность для человека: *Дороги твои сорок соболей, а на правду и цены нет; Не в силе Бог, а в правде; Правда груба, да Богу любя; Варвара мне тетка, а правда сестрица.*

4. Правда — большая сила: *Как ни хитри, а правды не перехитришь; Правда прямо идет, а ни обойти ее, ни объехать; Завали правду золотом, а она всплывет.*

5. Правда вечна: *Все минется, а правда останется.*

6. Правда может быть неприятна, негодна кому-то: *Хороша святая правда, да в люди не годится.*

7. Правда многолика, сложна: *И наша правда, и ваша правда, а кто Богу даст ответ? И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а нигде ее нет.*

8. Не всякий человек любит правду: *Всяк про правду трубит, да не всяк ее любит; Всяк правду знает, да не всяк правду бает.*

9. Иногда лучше жить без правды: *Не плачь по правде, а обживайся с кривдой; Правда в лаптях, а кривда хоть и в кривых, да в сапогах.*

10. Мир полон лжи: *Всяк человек ложь, и мы тож; Изжил век, а правды все нет.*

Основные свойства правды, присущие русскому менталитету и составляющие основу данного концепта:

- 1) истинная ценность жизни;
- 2) высший смысл жизни;
- 3) всепобеждающая сила правды;
- 4) неизменность / многоликость правды;
- 5) нелицеприятность.

Для русского человека не столько важно быть правым, сколько чувствовать себя таковым. В оправдание этому существует много пословиц, в которых утверждается, что правды нет вообще: *Была правда, да в лес ушла; Была когда-то правда, а стала кривдой* и т.п. Пословица *Правда у Бога, а кривда на земле* утверждает справедливость Божьего суда и несправедливость человеческого.

Таким образом, ключевым словом русской культуры становится *правда*. Она живет в мире человеческой жизни. Правда может быть у каждого своя. По правде жить тяжело, хотя и нужно, и на земле ее встретить трудно. В оправдание своей несправедливой жизни русский человек склонен говорить, что правды вообще нигде нет.

Для русского менталитета характерно наличие ясно выверенной и четкой системы морально-нравственных координат, регламентирующих поступки и действия человека на протяжении всей его жизни. Русский человек — человек этикетный: его действия подчинены миру (общине), который кодифицирует нравственные нормы и регламентирует поступки людей.

Русские пословицы и поговорки соответствуют духу христианства, нередко паремические единицы можно рассматривать как вольное переложение важнейших религиозных заповедей (не лги, не укради, не убий, не прелюбодействуй...).

В то же время русское сознание нельзя охарактеризовать как нединамичное и косное: анализ пословиц и поговорок русского народа свидетельствует о том, что ментальные процессы и их результаты (идеальные ментальные сущности) являются глубоко диалектичными по своей сути. Так, один и тот же концепт (воля, правда и т.д.) может быть реализован в тексте пословицы не только с семантикой положительной оценки и одобрительной коннотацией, но и с оттенками негативного отношения. В паремических единицах оказываются зафиксированными возможность неоднозначного подхода к тем или иным феноменам общественной жизни, понимание сложности и противоречивости сути явлений человеческой жизни. В таких случаях проявляются широта и глубина мышления русского человека, гибкость сознания.

Для русского языкового сознания характерным является противопоставление и осознание взаимной связи и обусловленности друг другом таких ментальных сущностей, как воля (свобода) и доля (судьба), правда и ложь, лень и труд и т.д. Национальное сознание поднимается на уровень онтологического осмысления этого мира и дает ему обширную и подробную характеристику, воплощенную во многих тысячах пословиц и поговорок. Русские паремические единицы за несколько веков своей истории менялись: одни безвозвратно уходили, «не приживаясь» в народном сознании, другие появлялись, становились общеизвестными и востребованными. И именно те из них, что в наибольшей степени соответствовали

ментальным сущностям народного сознания, сохранились до наших дней, востребованы нами до сих пор. И сегодня мы обращаемся к их бесценному опыту.

Список использованной литературы

1. Базлев, А.Т. Язык и нация / А.Т. Базлев, М.И. Исаев. — М., 1973.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
4. Лихачев, Д.С. Заметки о русском. — М., 1981.
5. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М., 1993.
6. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследований. — М., 1997.

К.П. Смолина

г. Москва

«Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского и наши мысли о состоянии русского языка сегодня

«Учитывая важную роль русского языка в укреплении российской государственности, дружбы и сотрудничества между народами, в развитии отечественной культуры, науки и образования, постановляю: 1. Принять предложение Министерства иностранных дел Российской Федерации о проведении в 2007 году Года русского языка...» — отмечается в указе Президента Российской Федерации В.В. Путина «О проведении Года русского языка».

А между тем 157 лет назад, 8 февраля 1849 г., выдающийся русский филолог-славист И.И. Срезневский выступил с речью, которую он скромно назвал «Мысли об истории русского языка». В ней ученый подробно проанализировал пути исторического развития русского языка, сформулировал важнейшие задачи сравнительно-исторического изучения славянских языков и наметил программу дальнейшей разработки этих проблем.

Данная работа и творческое наследие И.И. Срезневского в целом — наше наследие и национальное достояние в области древнерусской письменности, старославянского языка, лексикографии, проблем сравнительно-исторического изучения славянских языков,

сферы педагогики и методики — все это мы должны сохранять, развивать и приумножать.

Здесь уместно вспомнить слова автора «Полного церковнославянского словаря» протоиерея Г. Дьяченко, который в Предисловии к Словарю в 1898 г. писал: «Если мы истинно любим свою Родину, свою веру православную и свой язык — этот духовный цемент, связывающий миллионы русского народа в одну семью, то мы не можем не заботиться о том, чтобы сохранить от забвения драгоценное наследие...»

В переносном значении глагол *цементировать* обозначает «сплачивать, объединять». Наша многонациональная страна не может существовать без этого цемента. И это основная идея работы И.И. Срезневского «Мысли об истории русского языка»: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может».

Таким образом, *народ* и *язык* — слагаемые духовного развития общества. Есть и еще один элемент этого развития — *наука*.

Развитие русской науки для Измаила Ивановича Срезневского было первоочередной задачей. И народ, как пишет ученый, имеет полное право участвовать в этом процессе. Он истинный творец науки, и его нельзя от нее отторгать. Именно с этого начинается выступление И.И. Срезневский: «Останавливаю внимание читателей на одной из тех задач, которых решение должно зависеть от усилий нашей Русской науки.

Она есть, эта русская наука. На нее, как на частную долю науки общечеловеческой, имеет Русский народ право столь же исключительное, как и каждый другой народ, сочувствующий успехам науки, на свою собственную долю. Чем народ сильнее духом, своебытностью, любовью к знаниям, образованностью, тем его доля науке более; но у каждого народа, не чуждого света просвещения, есть своя доля, есть своя народная наука. Народ, отказавшийся от нее, с тем вместе отказывается и от своей самобытности — настолько же, как отказывается от доли в литературе и искусстве, в промышленности и гражданственности... Главный долг народной науки — исследовать свой народ, его народность, его прошлое и настоящее, его силы физические и нравственные, его значение и назначение. Народная наука в этом смысле есть исповедь разума народа перед самим собой и перед целым светом».

Говоря о русской науке, Срезневский указывает на то важное место, которое должны занять в ней исследования о русском языке. Далее он пишет: «Язык есть собственность нераздельная целого народа. Переходя от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век, он хранится народом как его драгоценное сокровище, которое по прихотям частных желаний не может сделаться ни богаче, ни беднее, ни умножиться, ни растратиться. Частная воля может не захотеть пользоваться им, отречься от его хранения, отречься с этим вместе от своего народа; но за тем последует уменьшение ценности богатства, ей не принадлежащих».

Так как же сохранить принадлежащую всему народу «нераздельную собственность» — его язык?

Вернемся в 2007 год и проанализируем: что происходит сегодня с русским языком? Русский язык всегда цементировал целостность государства, развивал доверие наций и народностей друг к другу, был языком межнационального общения. Разрушение Советского Союза началось именно с расшатывания одной из его опор — единого для всех народов русского языка, а законы о языках в бывших союзных республиках стали первыми законодательными актами, разделившими население республик по лингвистическому признаку.

Никогда не надо забывать, что русский язык является одним из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности, ее государственной целостности.

Именно это подчеркивается в преамбуле к постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 833 «О Федеральной целевой программе «Русский язык (2006—2012 годы)»: «В целях укрепления государственной национальной безопасности и престижа Российской Федерации, ее полноправного вхождения в мировое политическое, экономическое и культурное пространство, развития интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств, Правительство Российской Федерации постановляет: Утвердить прилагаемую Федеральную целевую программу «Русский язык (2006—2012 годы)».

Анализ основных положений данной Программы приобретает особое звучание в эпоху, когда общемировые экономические, политические и культурные системы выходят далеко за рамки отдельных государств, и все это называется «эпохой глобализации». Глобализация напрямую связана с национальными интересами России, в том числе и в области национальной культуры русского народа и русского языка.

В.И. Аннушкин

г. Москва

Содержание и перспективы развития словесности как научно-педагогической дисциплины

Термин *словесность* имеет, по крайней мере, четыре значения: 1. Совокупность словесных произведений (текстов) русской речевой культуры. 2. Дар слова, способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. 3. Искусство слова, словесное творчество. 4. Наука о слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии.

Впервые употребление термина *словесность* обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789—1793 гг., где оно означает «знание, касающееся до словесных наук», и «способность говорить, выражать» (Т. 5, с. 536). Любопытно, что здесь это еще не наука, однако именно определения Словаря создали предпосылки для рождения и утверждения *словесности* как одного из ведущих терминов русской филологической науки. В дальнейшем авторы первой половины XIX в. осмысливают словесность не только как «способность выражать мысли словами» (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность наук. А.С. Никольский в «Основаниях словесности» (1807) пишет, что *словесность* образует две науки: *грамматику*, обучающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как располагать и изъяснять мысли». Л.К. Якоб называет словесностью «умозрение словесных наук» [1, с. 233, 263]).

Научное формирование предмета словесности связано с реорганизацией филологического образования в России начала XIX столетия, когда русская словесность приобрела черты стройной последовательной теории в учебниках Я.В. Толмачева, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, В.В. Плаксина, К.П. Зеленецкого и некоторых других. В начале этого периода словесность понимается только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я.В. Толмачев, 1815), или как «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание — человека» (Н.Ф. Кошанский, 1829) [1, с. 290, 302]). Затем понимание словесности расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры, поэтому в русских частных риториках существует тенденция классифицировать и описать все существующие роды, виды и жанры словесности.

В сочинениях Н.Ф. Кошанского еще сохраняется термин «словесные науки», куда входят грамматика, риторика, поэтика, но уже И.И. Давыдов в «Чтениях о словесности» (1837—1843) выстраивает достаточно сложную классификацию, выделив три группы понятий:

I. Словесность как наука («постижение законов изящного в слове») и как искусство («творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного»).

II. Словесность как наука имеет свою философию («творящий дух в его производимости»), историю («явления изящного в творческих созданиях словесных»), критику («способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагородствование чувства изящного»).

III. К «науке» относится объективная словесность, которая включает 3 больших раздела: 1) теория языка; 2) теория изящной речи; 3) теория слога. К области объективной словесности принадлежат грамматика и риторика, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К «творчеству человеческого духа» относится субъективная словесность — ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука»!): поэзия и красноречие.

В современной филологической литературе термин *словесность* употребляется и исследуется чрезвычайно редко. Наиболее обстоятельно и обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему конкретный научно-терминологический смысл: «Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности*, а вся совокупность произведений словесности — *словесностью*. Словесность, или языковые тексты, — предмет филологии. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [2, с. 112].

В соответствии с русской филологической традицией Ю.В. Рождественский пытается выстроить наиболее полную классификацию родов и видов словесности, приспособив ее к современному информационному обществу:

- 1) устная словесность:
 - а) дописьменная (диалог, молва, фольклор);
 - б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь);

2) письменная словесность (сфрагистика, эпиграфика, нумизматика, палеография, включающая письма, документы, сочинения);

3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная);

4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика) [3, с. 23].

Необходимо возвращение к правилам словесности, среди которых Ю. В. Рождественский выделяет *внешние правила*, регламентирующие порядок создания, передачи, приема и хранения словесных произведений, и *внутренние правила*, регламентирующие лингвистическое строение текста с помощью искусства речи и наук о речи (логика, грамматика, поэтика, риторика, стилистика) [3, с. 21].

Содержание самого термина *словесность* и перспектив словесности как научной и педагогической дисциплины осмысляются сегодня следующим образом:

1. Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому словесность объяснялась в классических русских учебниках как природный дар, которым человек отличен от других одушевленных созданий.

2. Словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому филологи ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.

3. Словесность изучается и осмыляется как искусство создания словесных произведений. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений.

4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX в. аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».

5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение об-

разцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения виды словесности, как ораторика (публичная речь), деловая проза, эпистолярный жанр, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета.

6. Подлежат изучению разные роды и виды словесности:

1) художественная, изящная словесность, приравненная ныне к «литературе» (хотя ни словесность, ни литература не ограничиваются художественными текстами);

2) устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бытовые и ораторские формы речи;

3) научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти неизученной остается проблема существования устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т. д.);

4) деловая словесность, словесность средств массовой информации и т. д.— по родам и видам словесности (сколь бы необычно это ни звучало для современного пользователя);

5) возможно говорить и о видах профессиональной словесности (как мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической и т. д.— каждый из этих «профессиональных» видов речи заслуживает изучения на стыке филологии и соответствующей науки).

7. Предмет «Словесность» имеет большее право, чем «литература», на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Не отрицая значения художественной словесности, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности. Построение основ современной школьной теории словесности — задача искусных методистов и авторов будущих учебников теории словесности. При этом создатели профессиональных учебников словесности, естественно, должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и т. д.).

8. При этом должен быть кардинально пересмотрен курс «История русской словесности», который необходимо восстанавливать и расширять, предусматривая изучение не только «понятной и занимательной» беллетристики, но и Священного Писания как главного культурообразующего текста, жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы и т.д. Здесь встанут две проблемы: 1) корректность отбора культурно значимых текстов и 2) подготовка преподавателя-словесника (особенно школьного), знающего и способного комментировать этот состав текстов.

9. В настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо бы изучать историю русской словесности, понимая под словесностью не только художественную литературу (облегченную для понимания «беллетристику»), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока эта действительность предстает в эстетической или художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Такова, на наш взгляд, требуемая реформа в отборе материала для преподавания словесности XVII—XVIII вв., где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют многие важные культурообразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия современными учащимися.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. В начале XIX в. было принято говорить о «словесных науках» и «филологии» как синонимах, в настоящее время «словесность» продолжает оставаться одним из основных понятий филологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, словесность более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а риторика — к построению оптимальной, эффективной речи.

Список использованной литературы

1. Аннушкин, В.И. История русской риторики : хрестоматия. — 2-е изд. — М., 2002.
2. Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990.
3. Рождественский, Ю.В. Общая филология. — М., 1996.

Н.И. Демидова

г. Рязань

О современном состоянии русского языка и основных факторах его развития в новом столетии

В современных условиях чрезвычайно важной и актуальной задачей исследователей и широкой общественности является изучение речевого поведения личности, осмысление того, как личность владеет богатством и многообразием языка, насколько эффективно его использует, поскольку язык представляет собой мощное средство регуляции деятельности людей в различных сферах.

Значительную часть наших современников (отечественных и зарубежных), так или иначе связанных с жизнью языка и активным проявлением его в речи писателей, журналистов, лингвистов, психологов, социологов, педагогов, а также рядовых носителей русского языка, все более занимают проблемы современной русской речи и неблагоприятное состояние речевой культуры.

Общий анализ живых процессов, характеризующих русский литературный язык нашего времени, позволяет сделать предположение о его демократизации, при этом наиболее явно демократизируются такие сферы литературного общения, как массовая коммуникация, включая письменный язык периодической печати.

Характеризуя эти весьма активно развивающиеся процессы, мы можем, вслед за В.Г. Костомаровым [1], говорить о либерализации изменений как в общенациональном русском языке, так и в языке литературном.

Успешная попытка выделить наиболее значимые черты русского языка конца века предпринята в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)» [2], где справедливо и точно отмечены определяющие факторы, воздействующие на современное состояние языка нашего времени.

Основными из них являются следующие:

во-первых, резкое расширение состава участников массовой коммуникации с разным уровнем речевой культуры, получивших с развитием демократии широкую возможность выступать публично в устной и письменной форме;

во-вторых, ослабление цензуры и автоцензуры, влияющих на особенности речевого поведения;

в-третьих, возрастание личностного (персонализированного) начала в речи и речевом поведении; усиление адресности и биологичности общения;

в-четвертых, расширение сферы спонтанного общения, в том числе публичного (речи не читаются, как раньше, а говорят);

в-пятых, изменение параметров протекания устных форм массовых коммуникаций с целью непосредственного обращения говорящего к слушающим и обратной связи слушающих с говорящим;

в-шестых, изменение ситуаций и жанров общения как в области личной, так и публичной коммуникации; ослабление жестких рамок официального публичного общения; рождение новых жанров устной публичной речи в сфере массовой коммуникации;

в-седьмых, резкое возрастание психологического неприятия бюрократического языка прошлого (новояза);

в-восьмых, стремление к новым средствам выражения, новым формам образности, новым видам обращений к незнакомым;

в-девятых, рождение наименований новых явлений и реабилитация наименований явлений, возвращающихся из прошлого.

Точная характеристика современного русского языка дана лексикографом Г.Н. Складневской, для которой принципиально важно отделить единичное и случайное от закономерного и перспективного для языка: «Мы имеем уникальную возможность наблюдать и исследовать язык в пору его стремительных и, как кажется, катастрофических изменений: все естественные процессы в нем ускорены и рассогласованы, обнаруживаются скрытые механизмы, действие языковых моделей обнажено, в массовом сознании наблюдаемые языковые процессы и факты оцениваются как разрушительные и губительные для языка. Такая динамика и такое напряжение всех языковых процессов производят впечатление языкового хаоса, хотя в действительности дают драгоценный и редкий материал для лингвистических открытий» [3].

Уровень речевой культуры общества (как и состояние языка в целом), по мнению известного лингвиста академика Ю.Д. Апресяна, определяется относительным весом разных типов владения языком:

Первый тип — высокое искусство слова, представленное в первоклассной литературе. Этот уровень владения языком может рассматриваться в качестве эстетического идеала.

Второй тип — хорошее профессиональное владение языком, представленное в хорошей журналистике и хороших переводах.

Третий тип — интеллигентное владение языком, в котором доминирует здоровое консервативное начало.

Четвертый тип — полуобразованное владение языком, «соединенное с плохим владением мыслью и логикой».

Пятый тип — городское просторечие, молодежный жаргон [4].

Разрушительное начало, по мысли автора, заключено именно в четвертом типе, который воплощает в себе комплекс «речевой неполноценности» носителя языка, его попытки имитировать культурную речь, привязанность к идеологическим штампам и шаблонам.

Получив свободу и раскрепостившись в своей речи, мы как носители русского языка должны помнить о языковой ответственности, поскольку именно с помощью языка осуществляется преемственность поколений, передаются культурные и интеллектуальные богатства из поколения в поколение, хорошее же владение родным языком создает личности возможности более полно и успешно реализовать себя в профессии и творчестве; качество языковой среды — залог духовного здоровья общества.

Список использованной литературы

1. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Златоуст, 1999. — 320 с.
2. Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — 2-е изд. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 480 с.
3. Складаревская, Г.Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. — М., 1996.
4. Апресян, Ю.Д. О состоянии русского языка // Русская речь. — 1992. — № 2.

Л.Ф. Салтыкова

г. Рязань

«Материалы для словаря древнерусского языка...»

И.И. Срезневского как повод для разговора о сквернословии

В первой половине 70-х гг. XX в. нами была проанализирована лексико-семантическая группа глаголов древнерусского языка. Среди источников выборки были «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского. Словари русского языка XI—XIV вв. и XI—XVII вв. еще только готовились к печати. В ходе выборки были обнаружены слова, причем в их древнерусском написании — с юсами, ятями, ерами, на ко-

торые наложено табу не только в современном русском литературном языке, но и в разговорной речи. Хотя в значение этих слов входит отрицательная коннотация, тем не менее это не предлог исключать их из обращения. К тому же древнее написание позволяет с учетом исторических чередований проследить этимологию слова, а в ряде случаев обратить внимание на аналоги этих слов из древнегреческого и латинского языков, включенные в «Материалы...». Само же значение слова или его оттенок проявляются в контексте.

Русский язык, как и всякий другой язык, поскольку является средством общения, отражает жизнь человеческого общества (в данном случае русскоязычного) во всех ее проявлениях. Неслучайно слово «язык» в древности означало «народ». И изменения, происходящие в жизни людей на различных исторических этапах, находили отражение прежде всего в лексической системе языка. Появляются новые слова — создаются на базе существующих в языке единиц с учетом словообразовательных законов; заимствуются целые слова, которые осваиваются фонетической и грамматической системами, или значимые части слов, которые укладываются в словообразовательную систему; появляются в результате различных видов семантического переноса новые значения на базе уже существующих слов. На каждом историческом этапе существует свой тезаурус, объединяющий различные грамматические и тематические группы, и весь этот словарный запас распределяется по стилевым подразделениям: высокий стиль со своими подгруппами и их особенностями; общеупотребительный, нейтральный; сниженный, разговорный. Это литературный, нормативный язык, за пределами которого оказывается лексика просторечная и ненормативная, потому что не может быть нормой жизни человеческого общества грубая ругань, брань. Однако грань между нормативным и ненормативным в употреблении слов не является неподвижной в истории языка.

Если исходить из словарных дефиниций, на границе положительной и отрицательной оценочных характеристик находится тематическая группа слов, объединенных понятиями «шутка, шутить» — существительные, глаголы и образованные от них прилагательные и наречия, и даже междометия (*развлечение, забава, потеха, острота, остроумие, шутка, проделка, выходка* и др.). Некоторые из этих слов имеют отрицательную коннотацию (хотя бы в одном из значений), в других же этот оттенок проявляется лишь в контексте. Правда, деятели православия, в частности архимандрит

Рафаил (Карелин), считают, что смехотворство — будто бы противоположное сквернословию — тоже греховно, потому что представляет собой карикатуру на человека, унижение личности, стремление заменить лицо человека уродливой рожей.

Отрицательную оценку человека, его поступков включает в себя тематическая группа «порицание» (*упрек, укор, порицание, осуждение* и др.), но слова из этой группы не выходят за пределы литературного языка. В историческом плане они формировались на основе значений других тематических групп (например, *баловати* — в XI—XIV вв. «лечить, исцелять», затем — с XVII в. — «играть, резвиться», современное значение слова — «излишне нежить и холить, исполнять все желания и прихоти» — появилось в результате причинно-следственных отношений).

Прежде чем обратиться к группе слов «ругательных», следует назвать тематическую группу, явно включающую или допускающую сему «неправильная информация о человеке» (*ложь, клевета, хула, порок, позор, бесчестье, срам* и др.).

По наличию «грубости» выделяется тематическая группа, включающая понятия «оскорбление», «ругань», «брань», «проклятие». Однако слова и данной группы включаются в словарь литературного языка, пусть и с пометой «грубое, просторечное».

Слова и выражения, находящиеся за пределами допустимых норм, в последние годы особенно активизировались. Еще раз напоминая древнюю связь слов «язык» и «народ», подчеркнем: «Каков народ, таков и его язык». Плохо живет народ, больше становится зла в его жизни — все негативное с периферии перемещается в смысловой центр, и это зло, «грязь» становится в слове главным.

Появление брани можно объяснить психологическими причинами. В первом своем значении — не в современных словарях, а в исторических, в том числе у И.И. Срезневского, — слово *брань* (собственно русское *боронь*) понималось как «оборона, защита». А поскольку лучшая защита — это нападение, у слова появилось значение «битва, бой» (сохранилось в сочетании *на поле брани*). Сначала оборонялись словом, потом в ход шли кулаки и оружие. Сначала использовалась предупредительная оценка унижительного характера (другого унизишь — себя возвысишь), сравнение с неодушевленными предметами, часто с применением сравнительного союза: «*Тои пъяница, (и)же оупивася... яко болвань* («обрубок, чурбан», первоначально «изваяние, статуя») *валяется...*» (XIV—

XV вв.); с животными: «Сь, въпросимъ, что есть жена, и отвеща: домоу пагуба... льстива соука...» (XVII в.), используются и слова *песь*, *змея*, *свинья*; предрекают низменную судьбу (*сволочь* — «мусор, который сволакивают в кучу и выбрасывают за порог»; *подлец*, *подлый* — «ползающий по поду, низу, под ногами») и, наконец, желают смерти (*падаль*, *падла*, *стерва* — «труп, падаль»; *мерзавец*, *мразь* — «мерзлый, замороженный человек»; *зараза* — «убитый человек»).

Оскорбительными, непристойными после принятия христианства стали наименования некоторых частей человеческого тела, прежде всего гениталий (лексика «телесного низа»). И приближается к ним еще более страшное орудие нападения — намеренное оскорбление клеветой, матерная ругань. Это объявление в нецеломудрии не только самого человека, но и его близких, самых родных. А ведь блуд у многих народов является несмываемым позором для всего рода. До сих пор сохранилось оскорбительное наименование «ублюдок». Даже намек на блуд — оскорбление. А матерщина — это не намек, а обвинение. В православии считается, что неумеренное употребление лексики подобного рода восходит к фаллистическим культам Древнего Востока, отражено это и в русском язычестве. Сами же слова — славянские, или индоевропейские. В словарях древнерусского языка (в том числе и у И.И. Срезневского) встречается, например, наименование распутной женщины, прелюбодейки, первым значением которого было «заблуждение, обман». Слово это выражало отрицательную оценку, но не осознавалось неприличным и встречается в книжных источниках еще конца XVII в. («*Аще кто зовет чюжую жену блядью великихъ боярь за срамъ еи е («б») гривен золота*» — Церк. Уст. Ярослава). Однако постепенно подобные слова стали восприниматься как «срамные» («*Увещание отъ пьянства и отъ матернаго слова*» — Пар. 1370 г. поздн. приписка (Рум. 426); «*Другъ друга позорною и безстудною бранию, матерны и подобныхъ сихъ словесъ отца и матери скверными срамными словесы поношающе*» — Пам. Маноил. 1636 г.). В 1730 г. они были запрещены для использования в книжных источниках, а при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие полагалось телесное наказание розгами в людном месте.

И в наше время, как при внучке Алексея Михайловича Анне Иоанновне, очевидно назрела необходимость издания указа о за-

прете подобных оскорблений. Если можно мобилизовать различные ячейки нашего общества, семью, школу, социальные группы на борьбу с этим злом, особенно в различных печатных изданиях, в публичных выступлениях, в театральные постановках, то только законодательно, введением соответствующей цензуры. Есть словесники, писатели, деятели культуры, представители религиозных конфессий, радеющие за наш добрый жизненный путь, за язык без небранной лексики.

Т.В. Федосеева

г. Рязань

«Исцеление языка...»: о современном значении филологических трудов Ф.И. Буслаева

Труды великого русского ученого и педагога Федора Ивановича Буслаева (1818—1897) заслужили мировое признание и составили целую эпоху в изучении отечественного языка, древнерусской литературы, народно-поэтического творчества, истории этнографии и искусства. Безусловно справедливыми являются оценки современных издателей трудов ученого: Э.Л. Афанасьев пишет о них как о важной вехе в самосознании нации, А.А. Чех называет сборник, в который вошли работы разных лет, «опытом национального самосознания» [1; 2]. Сам Буслаев в курсе по истории русской литературы, прочитанном в 1859—1860 годах цесаревичу Николаю Александровичу, утверждал словесность, устную и печатную, мериллом духовной и нравственной жизни народа. Эта мысль составляет ядро его научных изысканий от самой первой до последних работ.

В издание А.А. Чеха включен текст магистерской диссертации Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (1848), до настоящего времени не переиздававшийся. В труде, построенном на богатейшем лингвистическом материале, сравнении славянских наречий с греческими, немецкими, скандинавскими, утверждается идея образования языка в период оформления мифологических представлений народа. Дальнейшее его развитие связывается с преодолением господствовавших в дохристианскую эпоху ограниченных семейственных, домашних отношений и приобщением к обще-

человеческому значению христианской духовности. Уже тогда в выводах диссертации было сформулировано положение о теснейшей связи языка «с преданиями и верованиями народа» [2, с. 122].

В программной речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной в торжественном собрании имперского Московского университета 12 января 1859 года, Буслаев поддержал своих современников, обратившихся к изучению истоков российской словесности: духовной литературе 862—1720 годов (Филарет, епископ харьковский), древних русских летописей (проф. Сухомлинов), старинных русских сказок и повестей (А.Н. Пыпин). Этот опыт приветствуется как начало «положительного изучения, фактического знакомства с нашей стариной» [2, с. 125]. Однако показана не нашедшая отражения в их работах разобщенность литературы Древней Руси, по преимуществу религиозной, с народной словесностью, сохранившей языческие верования, и диалектика их взаимного влияния. В самых известных в то время памятниках древнерусской письменности, Нестеровой летописи и «Молении Даниила Заточника», ученый находил отражение древнейших славянских преданий дохристианского времени. В детальном изучении древних текстов видел возможности к восстановлению национального духовно-нравственного единства и «основных начал нашей народности» [2, с. 30]. Решению этой задачи посвящены статьи о конкретных памятниках древнерусской словесности: «Повесть о Горе и Злосчасти, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение» (1856); четыре лекции из курса об истории народной поэзии «Песни «Древней Эдды» о Зигурде и Муромская легенда» (1858), в которых осуществлен подробный сравнительный анализ древнего сказания из скандинавского эпоса с русской «Повестью о Петре и Февронии», «Русские духовные стихи» (1861).

В поле зрения Ф.И. Буслаева как филолога попадали разнообразные литературные явления, не только освященные церковью печатные издания, но и бытовавшие в народной среде рукописные, прочно связанные с народно-поэтическим преданием образцы «низовой» культуры и этнографические материалы. Наличие у различных народов сходных верований и обрядов заставляло искать общие для них источники. Так, Псковское предание о горе Судоме, где будто бы висела с неба цепь, которая в тяжбе давалась в руки только тому, кто действительно был прав, оказывается сходным с эпизодом о справедливом суде произведенного в правители острова Санчо Пансы из романа Сервантеса «Дон-Кихот» (ч. 2, гл. 45).

Псковское предание сообщает, что цепь исчезла после того, как хитрый вор спрятал украденные деньги в палку и не был разоблачен, потому что на горе отдал ее обокраденному соседу. У Сервантеса в подобной ситуации правого в споре должно было определить с помощью жезла с крестом и высеченной на нем клятвой в невинности. Ученый предполагает, что сходство эпизодов объясняется наличием общего письменного источника — повести, которая в средние века присовокуплялась наряду с другими вымышленными повестями к ветхозаветным изданиям как в Европе, так и в России, о царе Давиде, якобы получившем от Бога железную трубу и колокол для различения правого и виноватого. Он убежден, что каждый большой художник прочно укоренен в многовековой поэтической традиции и опирается в своем творчестве на множество народных преданий, письменных и устных.

Литературное развитие по Буслаеву неизменно требует от художника в форме своего творчества соответствовать времени, поскольку в движении находится духовная жизнь народа. «Основные правила нравственности в своем существе остаются у народов христианских одни и те же, — пишет ученый, — но приложение их к жизни изменяется под влиянием исторических условий...» [2, с. 468]. Поэтому настоящего художника отличает не только сила таланта и воли, но и способность сохранить «в водовороте расшатанных убеждений» свободу и независимость, которые даются только «истинным, настоящим *образованием*, как сложилось оно опытами веков, и *знанием*» [2, с. 467]. Назначение романа как наиболее соответствующего современности жанра ученый видел в том, чтобы «примирить» мораль и частный случай, чтобы показать человека изнутри, во всем несовершенстве его природы. В то же время романист не должен впадать в соблазн нравоучительства. Создаваемые им образы и картины — плод «обаятельного вымысла», они увлекают читателя, обращают его к пережитым им самим минутам и пережитым когда-то положениям. Именно личная заинтересованность в судьбах вымышленных персонажей, если они представлены живо и достоверно, если в мире художественного произведения талантом писателя создана хотя и иная, но реальность, способствует тому, что литература оказывает облагораживающее воздействие на общество.

Филологические труды Ф.И. Буслаева в современных условиях развития гуманитарного знания и образования приобретают особое значение. Они помогают нам утвердиться в понимании целостности и единства всего сложного, хотя и не лишено противоре-

чий русского пути, необходимости хранить и развивать национальные традиции в представлении о словесности как выражении народного духа. Труды ученого убеждают также в том, что образование не может и не должно быть ограничено достижением сиюминутной выгоды и решением злободневных задач. Оно служит прочным основанием для формирования свободной личности, способной сделать осознанный нравственный выбор.

Список использованной литературы

1. Афанасьев, Э.Л. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе. Исследования. Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. — М. : Художественная литература, 1990. — С. 3—8.
2. Буслаев, Ф.И. Исцеление яз'ька: Опыт национального самосознания. Работы разных лет / сост. А.А. Чех. — СПб. : Библиополис, 2005.

А.А. Дудин

Поэтическая языковая картина мира (юность и молодость)

Внутренняя форма слова в языке поэзии часто служит источником поэтических смыслов. В исследовательской литературе, как правило, рассматриваются актуальные внутренние формы слов, то есть те случаи, когда мотивированность значения осознается творцом текста и предположительно читателем. Однако основу лексической системы русского языка и русской языковой картины мира составляют древнейшие слова, внутренние формы которых давно утратили способность осознаваться носителями языка. Внутренние формы таких слов, часто гипотетические, реконструируются этимологами и известны немногим. Но, послужив в свое время основой построения концепта, они продолжают существовать в культуре и языке, обеспечивая цельность и преемственность развития лексической системы.

Мотивированность слов *юный* и *молодой* не осознается носителями современного русского языка. Слово *молодой* (вернее, корень *молод*) в древности означало «мягкий» и связано было с мягкостью, нежностью плоти только что родившегося маленького существа, причем сначала — о ростке, маленьком растении [1; 2].

Слово *юный* значило «свежий», «новый», первоначально — о животном [1; 3]. Формально в новой русской литературе древнейшее представление о юности проявилось, пожалуй, только словом церковнославянского происхождения *юница* (телка). Это и «юницы рогатые» в переводе «Илиады» Н.И. Гнедича (песнь 15-я), и «овцы-юницы» в библейском контексте из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (*XXXI. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность*). Христианская словесность в согласии с жертвенной символикой уподобляла юнице Богородицу, а юнцу — «бычку», «теленку» — Христа [4]. В литературном языке эти слова постепенно стали обозначать только возраст человеческой жизни.

В поэтической языковой картине мира С.А. Есенина основное свойство юности — цветение плоти. Такое понимание восходит ко времени, когда телесный признак, по-видимому, был единственным признаком молодости и юности. В поэзии Есенина юность цветет («Цветите, юные, и здоровейте телом!») и отцветает («Уже ты стал немного отцветать, / Другие юноши поют другие песни»). На смену молодости приходит увядание, родственное увяданию растительной плоти: «Увяданья золотом охваченный, / Я не буду больше молодым», «Нынче — юность моя отшумела, / Как подгнивший под окнами клен», «Ну, где же старикам / За юношами гнаться? / Они несжатой рожью на корню / Остались догнивать и осыпаться», «Скоро мне без листвы холодет, / Звоном звезд насыпая уши. / Без меня будут юноши петь, / Не меня будут старцы слушать».

Есенинские слова «Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха — / Все равно любимая отцветет черемухой» — ответ Екклесиасту: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» (11: 9). Юность в поэзии Есенина исполнена первородного веселья, веселья бодрой и цветущей плоти, не требующего больших оснований. Юность весела, потому что она юна: «Я полон дум о юности веселой», «И с чужою веселою юностью / О своей никогда не жалел», «Будет рядом веселиться / Юность русских деревень», «Хочешь, сам я тебе подпою... / Про веселую юность мою».

Подобное описание наивно радостной и жизнелюбивой молодости находим у А.С. Пушкина: «Что устрицы, пришли? О радость / Летит обжорливая младость / Глотать...» Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя (1876) почти свысока назвал эти строки «един-

ственным дрянным стихом у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой». Кстати, реминисценция пушкинских строк — в стихотворении «Снежная замять крутит бойко...», написанном Есениным за три месяца до своей смерти: «Мчится на тройке чужая младость. / Где мое счастье? Где моя радость?»

Итак, С.А. Есенин принимает юность в ее цветущем и радостном телесном воплощении. Это выражено в есенинском поэтическом языке и имеет в основе своей древнейшее состояние языковой картины мира.

Список использованной литературы

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. — 2-е изд., стереотип. — М., 1986. — Т. 2.
2. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — 5-е изд., стереотип. — М., 2002. — Т. 1.
3. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000.
4. Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. — М., 2001. [Ре-принт изд. 1900 г.]

О.Ф. Костикова

г. Рязань

Субъективно-авторские особенности газетно-публицистических жанров

Любой функциональный стиль реально существует лишь как совокупность жанров. Например, художественный стиль — это лирическое стихотворение, поэма, баллада, сонет, новелла, повесть, роман и другие жанры поэзии и прозы. Газетно-публицистический стиль — это очерк, фельетон, интервью, репортаж, статья, корреспонденция и т.д.

Функциональный стиль включает в себе совокупность самых общих черт языка и речи, «конструктивный принцип», общую установку использования языковых средств. Реализация же этих черт, признаков, установок осуществляется в жанрах. Вне жанров функциональный стиль существует лишь как научная абстракция, как общее представление о той или иной разновидности языка.

Материализация, воплощение жанровой формы совершается на уровне речи. Например, газетно-публицистическая речь — это, прежде всего, речь эмоционально-личностная, в которой образ автора совпадает с производителем речи, что создает особый, своеобразный строй речи — открытой, эмоциональной, авторской. Образ автора в публицистике — это «авторское я» журналиста, характер его отношения к действительности (непосредственное описание, оценка, сообщение и т.д.). Применительно к каждому жанру «авторское я», образ автора, имеет различную форму, характер. Весьма индивидуализирован, конкретен образ автора в очерке, весьма специфичен в фельетоне. Очень слабо «авторское я» выражено в заметке. Для данного жанра характерна нацеленность на сообщение. Главное — точно выразить суть информации, лаконично сообщить о факте, событии без комментариев, выводов.

Репортаж дает читателю наглядное представление о событии. Автор репортажа может быть только человек, сам наблюдавший или наблюдающий событие, а нередко и участвующий в нем. Отсюда — возможность и необходимость авторской оценки происходящего, личного отношения к изображаемым событиям, использование всех многообразных средств, которые дают эффект присутствия. В настоящее время репортаж — один из ведущих газетных жанров, сочетающих в себе, с одной стороны, строгую документальность, объективность, протокольность отображения действительности (и это сближает его с информационными жанрами), с другой — эмоциональность, яркость изображения. Репортаж многообразен, синтетичен. Авторская речь репортажа строится как речь от 3-го лица, но фактически производитель речи — это автор, журналист, время от времени в большей или меньшей степени в зависимости от характера, вида репортажа, его назначения проявляющий себя в речи, что имеет огромное значение, поскольку он определяет существо жанра, движет сюжет, эмоционально окрашивает изложение, скрепляет воедино разнородные элементы репортажа.

Лексика репортажа отнюдь не однородное явление. Например, *ди-джей, шлягер, девальвация, прагматика, доминировать, духовность, роптать, судьбоносный, сделка, брехать, возня, стеб, нарываться* и т.д. Как видим, стилистический диапазон ее очень широк: разговорно-просторечная, книжно-научная, публицистическая, официальная. Весьма ощутима доля эмоционально окрашенной лексики: *новоиспеченный, мелкая рыбешка, блюстителъ порядка*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что репортаж — это синтетический жанр, вмещающий в себя стилевые черты многих других газетных жанров, но в соответствии со своей природой, задачами и особенностями.

Очерк — более широкий по сравнению с репортажем, более аналитический и более «личностный» жанр. В очерке факт, событие не только воспроизводится, но и служит поводом для авторских размышлений, обобщений, постановки каких-либо проблем.

«Авторское я» очерка несет в себе глубокое содержание, выполняет большую психологическую нагрузку, определяет стиль и тональность произведения. Образы и картины очерка конкретны, документальны, а мысль и весь логический строй очерка устремлены к практическому выводу, рассчитаны на широкое поле действия. Очерк подает людей и положения не выдуманными, а реальными. Это самый «субъективный» публицистический жанр. Он привлекает именно открытостью чувств и мыслей автора, который делится с читателем сокровенным, пережитым, продуманным. *«Теперь иные времена. Безработица. Пьянство. Большая смертность. Поселились равнодушные и апатия. Это ли не трагедия села? Да разве его одного? Помните фразу Достоевского: «Тьма... Но огоньки-то все равно нужны!» Славу Богу, остались люди, зажигающие такие огоньки. Я говорю о семье Арсениных»,* — так начинается очерк рязанского журналиста, посвященный крестьянской семье, в которой автор видит воплощение нравственного богатства России.

Лексика очерка представляет собой сплав слов разговорных, книжных, публицистических. Соотношение их может меняться в зависимости от конкретных задач, особенностей индивидуальной манеры очеркиста, но несомненна эмоциональная окрашенность лексики. Несмотря на разнообразие, несходство индивидуальных манер, можно выделить общие черты, присущие стилю очерка. Главной отличительной чертой очерковой прозы является особая роль автора в повествовании, которая и создает стиль очерка, составляет суть жанра. Эта особая роль выражается в эмоционально окрашенной лексике, в «интимизации», в «эскизной» манере изложения, в резких переходах от конкретного к абстрактному, от частного к целому, в подвижном, разнообразном синтаксическом строе.

Интервью — информационный жанр газеты. Его цель — сообщить мнение людей о событиях, рассказать читателям о творческих успехах артистов, деятелей культуры, писателей, художников, изложить мнение общественных деятелей о политике, экономике и

многом другом. Интервью обладает особой степенью убедительности, так как это рассказ известного лица.

Речевое воздействие основано на различной степени знакомства читателя с материалом. Можно выделить 3 способа воздействия: читателю сообщается такая информация о неизвестных ему элементах действительности, благодаря которым он изменяет свое отношение к ней; читателю сообщаются новые данные об уже известных ему вещах; читателю не сообщается новая информация, а изменяется лишь способ ее введения. В первых двух случаях воздействие осуществляется через информирование, а в третьем — через убеждение. Интервью — это сумма всех трех способов воздействия.

К жанровым достоинствам интервью следует отнести содержательность, злободневность. Различают следующие виды интервью: интервью-сообщение, интервью-монолог, интервью-диалог, интервью-зарисовка, интервью-анкета.

Интервью адресовано широкой аудитории, поэтому перед журналистом стоит задача заинтересовать читателя не только темой выступления, но и его языковой формой.

К жанровым особенностям интервью относится тяготение к разговорному стилю речи. В первую очередь это соответствующая лексика и синтаксис. Например, интервью с известным режиссером Марленом Хуциевым («Новая газета»): *«Есть режиссеры, которые любят, чтобы видны были «нитки», усилия», «Не было такого унижительного расслоения. Жлобства, желания нахапать больше, больше...».* Или интервью с Александром Градским («Аргументы и факты»): *«Раньше люди не самого большого ума и таланта попадали в свет юпитеров, а теперь это сплошняком», «Социально заряженная самодеятельность», «Для настоящей критики и стеба нужен объект...».*

Но журналист должен обращать внимание на соответствие речи нормам языка, на ее выразительность и стилистическую оправданность всех ее элементов. По своей природе интервью субъективно отражает личность собеседников, поэтому, как правило, имеет эмоционально-экспрессивную окраску. Эмоционально-экспрессивная окраска связана с выразительно-изобразительными качествами речи, которые делают ее яркой, образной. При этом следует помнить об уместности и целесообразности данных элементов языка конкретной речевой ситуации. Интервью — диалог между журналистом и интервьюируемым, что ведет к созданию достаточно протяженных текстов, влияет на отбор языковых средств, более

своих монологу, например, повышается вероятность появления длинных предложений и уменьшается — кратких реплик. Интервью отличается динамичностью, быстрым переходом от одной мысли к другой.

РАЗДЕЛ VI

Наследие И.И. Срезневского и преподавание родного языка

Е.В.Архипова

г. Рязань

И.И. Срезневский и значение его наследия для образования XXI века

Объявленный Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина 2007-й год Годом русского языка совпал со знаменательной датой для всех ученых-славистов — 195-летием со дня рождения крупного филолога XIX в., одного из родоначальников отечественной методики обучения родному языку — Измаила Ивановича Срезневского. Для рязанцев это имя особенно значимо, ведь он завещал похоронить себя на земле предков — Рязанщине.

Имя Измаила Ивановича Срезневского ассоциируется в отечественном образовании с двумя важнейшими понятиями — Книга и Учитель. Он оставил свой след в истории России как создатель уникального труда — трехтомного словаря по материалам древнерусской литературы, благодаря которому у наших современников есть «ключ» к древним славянским текстам. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» [1] сделали имя Срезневского бессмертным. Эта книга — ключ к пониманию исторической роли выдающегося человека, но при этом ключ не единственный, ведь замечательный труд ученого при жизни автора так и не вышел в свет. Путь книги к своим читателям был труден и долог.

Книга и Учитель — связующие звенья между прошлым и будущим, между богатствами национальной культуры и теми, кто сегодня призван приумножить эти богатства. Слова ученого о том, что «язык — скрепа семей и поколений», стали пророческими в его

судьбе. И.И. Срезневский был учителем для своих современников и стал учителем для нашего поколения, живущего в XXI в.

Измаил Иванович Срезневский, как отец и учитель, воспитал восемь детей, чьи имена и сегодня можно найти в крупных энциклопедических словарях среди имен знаменитых ученых России. В течение сорока лет он преподавал в Петербургском университете. Был учителем многих выдающихся людей, составивших гордость и славу России. Он был не только педагогом, наставником для Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, но и Учителем в самом высоком смысле этого слова. И это еще один ключ к пониманию того, чем нам дорого имя Срезневского.

Жизненный путь Измаила Ивановича Срезневского — путь подвижника, учителя и гражданина. Много дорог довелось пройти этому человеку, родившемуся в самом начале Отечественной войны 1812 г. Даже с точки зрения географии ему немало пришлось проехать и увидеть: это и Ярославль, и Харьков, и славянские земли, и Петербург, и рязанское село Срезнево. Нам же важнее проследить путь этой личности в истории России — пройти по тем дорогам, которые привели его к нам, живущим в XXI веке. Попытаемся мысленно представить эти дороги.

Путь в историю — это путь длиной в три года, принесший И.И. Срезневскому, выпускнику Харьковского университета, известность. Трехлетнее путешествие по славянским землям сделало Срезневского ученым с мировым именем на века. Еще одно направление на дороге жизни И.И. Срезневского — это путь к признанию и славе как учителя выдающихся людей XIX в., как многогранного ученого, патриота и гражданина России. Третий путь — путь к истокам, последний путь Срезневского на этой земле. После смерти, по завещанию самого Измаила Ивановича, его тело было перевезено и захоронено в селе Срезнево (ныне Шиловского района Рязанской области). Срезневский завещал похоронить себя не в Петербурге, где он мог бы покоиться рядом с великими людьми России, а на родине предков. При жизни ему удалось побывать здесь лишь несколько раз, но отсюда пошел его могучий род, давший России несколько поколений выдающихся ученых-патриотов. Иван Евсеевич, отец академика Срезневского, оставил ему и всем нам в назидание слова любви к Отечеству: «Кто прямо любит свое Отечество, тот не судит о причинах любви своей. Он все силы, все способности приносит в жертву Отечеству и не измеряет заслуг своих ценою наград».

Сегодня великий ученый и его наследие находятся на пути к потомкам — к поколению нового, XXI в. Путь этот еще не пройден. Преодолеть его можно лишь в том случае, если наши современники будут помнить главный завет Измаила Ивановича Срезневского: «Народ и язык — единица неразделимая... Знание родного языка необходимо как важнейшее условие и орудие образования каждого человека отдельно и образованности народной вообще». Книга и Учитель — вот вехи, которые наметил нам Срезневский на пути образования нации. Знаменательно, что и его собственный путь к умам и сердцам живущих сегодня стал возможен лишь благодаря Книге и Учителю.

Именно с книги об Измаиле Ивановиче Срезневском, написанной Г.А. Богатовой специально для учителя, начался путь Срезневского в новый век. Тридцатилетняя подвижническая деятельность Галины Александровны по возрождению имени выдающегося слависта привлекает сегодня все больше и больше последователей. Рязанский государственный университет стал центром изучения наследия И.И. Срезневского, а село Срезнево — местом паломничества не только отечественных ученых и деятелей культуры, но и зарубежных славистов, этнографов, представителей науки и образования.

Путь И.И. Срезневского и его наследия к потомкам лежит прежде всего через школу, где благодаря учителям-словесникам богатейший материал о выдающемся ученом становится достоянием отечественного образования. Имя Срезневского на уроках словесности у лучших учителей Рязанщины — лауреатов премии имени И.И. Срезневского народного учителя З.В. Клементовской, Е.А. Ключковой, В.Н. Зеленовой — звучит так, как подобает звучать имени выдающегося деятеля России. Именно школа приобщает сегодня подрастающее поколение к культуре нации, именно она делает материальную и духовную культуру народа достоянием потомков.

Разработка ценностного подхода к изучению родного языка и наследию выдающихся славистов прошлого и современности является одним из ведущих направлений в деятельности Центра славянской филологии и культуры имени И.И. Срезневского в Рязанском государственном университете. Коллектив ученых ведет многолетние лингвистические исследования по топонимике и диалектологии Рязанского края, а в практику обучения русскому языку как в Рязанской области, так и по всей России внедряются инновационные разработки рязанских ученых-методистов, признанные на федеральном уровне и опубликованные в центральных издательствах.

Именно так идеи, заложенные в трудах выдающегося ученого-слависта, патриота России, академика И.И. Срезневского реализуются сегодня в отечественном образовании.

И.Н. Бакаленко

Украина

**Значение идей Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского
и И.И. Срезневского для формирования
профессиональной компетенции
будущих учителей-филологов**

Богатый опыт школы, получивший отражение в работах крупнейших методистов, не просто удовлетворяет историческую любознательность, но и дает ключ к открытию истоков многих методических течений современности, к освещению ряда практических приемов преподавания, которыми пополняется сегодня современная школа. В связи с этим научное и методическое наследие Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского, известных представителей науки XIX столетия, имеет громадное значение для педагогической науки и практики обучения и воспитания в школе.

Взгляды Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского о значении и приоритетной роли родного языка в воспитании и образовании детей становятся особенно значимыми, в частности, в современных условиях возрождения национальной системы образования. По мнению ученых, любой народ имеет право на обучение детей родному языку, а тот человек, который воспитан на чужих традициях и языке, никогда не сможет понять свой народ. Следует обратить внимание на своевременность и актуальность данных положений, нашедших отражение в Концепции национального воспитания, в основе которой родной язык рассматривается как приоритетный способ образования и воспитания личности и общества вообще.

Ф.И. Буслаевым была научно обоснована теория и практика преподавания родного языка, определены научно-методические основы методики преподавания родного языка, разработаны основные формы и методы обучения детей родному языку. К.Д. Ушинским была разработана концепция первоначального обучения родному языку. Актуальны в наши дни его идеи о характере взаимоот-

ношений родного и иностранных языков. О перспективности параллельного изучения родного и других иностранных языков говорится и в национальной государственной программе «Образование (Украина XXI столетия)». Оригинальная и своеобразная методическая система И.И. Срезневского (методы и приемы обучения родному языку, система устных и письменных упражнений по развитию связной речи, словарная работа) может быть использована современными учителями и методистами.

Необходимо отметить отношение названных ученых к украинскому народу, языку и культуре. Так, исключительно важным в методической системе Ф.И. Буслаева является вопрос о подборе материалов для занятий по родному языку: материал должен быть содержательным и обучающим, воспитывать и развивать мыслительные способности. Неоднократно Ф.И. Буслаев подчеркивает необходимость приобщения детей к устному народному творчеству, обращает внимание на художественные приемы народной поэзии, языковые средства выразительности. Именно поэтому среди научных исследований Ф.И. Буслаева рецензии на сборник украинских песен М.А. Максимовича «Об эпических выражениях украинской поэзии», статьи о народных обрядах, языке народного творчества. В «Материалах по русской стилистике» Ф.И. Буслаев характеризует диалектизмы Малороссии (Украины) и предлагает использование этих примеров при изучении истории языка.

Отношение К.Д. Ушинского к украинскому языку можно проследить на материалах книг «Родное слово» и «Детский мир». Ученый прекрасно знает украинскую культуру и литературу, язык и обычаи украинского народа, поэтому и включает в свои хрестоматии и учебники по обучению родному языку ряд произведений украинского фольклора: народные сказки, переведенные с украинского языка, описания обычаев и традиций из жизни украинского народа.

Заслуживает пристального внимания и деятельность И.И. Срезневского как фольклориста и этнографа. Еще в 1831 г. вместе с И. Росковшенко он издает «Украинский альманах», в который вошли несколько стихотворений самого ученого, украинские песни и малороссийские думы, записанные им, его первая лингвистическая работа «Мысли и замечания», сопровождающая фольклорные записи. Увлечшись стариной и народной поэзией, И.И. Срезневский отправляется путешествовать на юг Украины, где знакомится с местными жителями, их жизнью и бытом, обычаями и культурой. Результатом этой деятельности становится издание сборников «Запо-

рожской старины», в которую вошло немало интересных материалов по истории Украины XIV—XVIII вв. И.И. Срезневский проявил огромный интерес к украинской словесности, открыл современникам героический мир казачества, воспетый в песнях и думах.

На основе изучения научных источников методическое наследие Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского условно можно охарактеризовать как период обоснования приоритетной роли родного языка в среднем образовании, период активных поисков и разработок основных принципов, методов и приемов, форм организации обучения родному языку.

Своеобразие методических взглядов этих ученых позволяет выделить три этапа в становлении методики как самостоятельной дисциплины: *I этап* — теоретическое обоснование методики преподавания родного языка как самостоятельной науки; создание основ целостной системы преподавания отечественного языка; постановка проблемных вопросов методики и частичное их решение (Ф.И. Буслаев); *II этап* — конкретная разработка процесса обучения; научное обоснование методики первоначального обучения языку детей; идея народности образования и приоритетной роли родного языка в образовании и воспитании подрастающего поколения (К.Д. Ушинский); *III этап* — развитие закона природосообразности при обучении отечественному языку; развитие идей Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского, И.И. Срезневского.

Нами рассмотрены методические системы Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского и проанализирован генезис целей, задач и содержания языкового образования в разные периоды их педагогической деятельности. Этим ученых объединяют следующие идеи и взгляды: приоритетная роль родного языка в воспитании и образовании подрастающего поколения; принцип природосообразности при обучении родному языку, учет индивидуальных и возрастных особенностей детей; уважение личности ребенка; использование метода наблюдения над языковыми фактами, беседы, переводов, самостоятельной работы, слова учителя при обучении родному языку; приоритетное развитие связной речи; изучение родного языка при помощи лучших произведений классики и современности, а также устного народного творчества.

Критический анализ процесса становления и развития методики преподавания родного языка как самостоятельной науки подтверждает многоаспектность и соответствие идей Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского современным положениям национальной системы образования и воспитания, необходимость

использования наследия названных ученых при подготовке нового поколения педагогических работников, повышении их профессионального и культурного уровня.

В процессе проведения занятий по «Методике преподавания родного языка» мы обратили внимание на незнание студентами истории становления методики как самостоятельной дисциплины, что влияет как на восприятие данного курса, так и на педагогическую деятельность наших студентов. Поэтому нами было проведено исследование с целью выявления уровня знаний студентов-филологов методического наследия Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского, И.И. Срезневского и возможностей использования опыта прошлого в современных условиях.

Результаты проведенного исследования подтвердили, что студенты-филологи как будущие преподаватели родного языка практически незнакомы с лингводидактическим наследием Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского, педагогические работы этих ученых остаются неизвестными для большей части опрошенных. Остается лишь констатировать, что студенты недостаточно осведомлены в вопросах истории родного края и тех материалах, которые могли бы помочь при изучении краеведения и обучении родному языку. Мы имеем в виду «Родное слово» и «Детский мир» К.Д. Ушинского, «Запорожскую старину» И.И. Срезневского, материалы которых являются сокровищницей народного фольклора и нашего края — Запорожья — и могут обогатить представления современной молодежи о богатстве родного языка и истории своего народа.

Анализ действующих программ по «Методике преподавания родного языка» свидетельствует о недостаточном количестве часов, выделенных на изучение истории становления и развития методики преподавания родного языка.

Результаты эксперимента подтверждают необходимость внедрения и творческого использования лингводидактического наследия ученых прошлого столетия и позволяют определить основные направления актуализации методического наследия в современных условиях: изучение студентами педагогических учебных заведений и учителями научно-методических работ Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского с учетом достижений современной методики и практики обучения и воспитания в школе; издание педагогических произведений названных ученых с комментариями специалистов; пропаганда лингводидактического наследия ученых прошлого на страницах периодических изданий; издание художест-

венных произведений К.Д. Ушинского и этнографических сборников «Запорожская старина» И.И. Срезневского, адаптированных к современным условиям работы в школе; включение их в сборники материалов по «Народоведению»; коррекция действующих программ учебных заведений с целью включения в курсы «Методика преподавания родного языка» и педагогики тем, посвященных углубленному изучению лингводидактического наследия ученых прошлого; внесение корректив в планы последипломного образования, которое осуществляют вузы, дополнение их материалами по истории становления и развития лингводидактики; введение в планы учебных заведений спецкурсов и спецсеминаров по изучению истории методики преподавания родного языка как самостоятельной науки.

Лингводидактическое наследие Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского и сегодня является важным для методики преподавания языка, а потому требует актуализации и реализации в практике современной школы и вуза.

Н.Б. Парикова

г. Тула

Насущные проблемы преподавания русского языка

Преподавание русского языка в настоящее время не обеспечивает ни орфографической грамотности, ни адекватного восприятия слова (звукового и грамматического его устройства).

Представление о языке как о буквенном строе, восходящее к средневековой традиции изучения «азбуки» с опорой на понятие буквы, нельзя признать удовлетворительным. Должна быть сформирована методика для всех уровней обучения русскому языку во всех его аспектах: устно-разговорном и литературно-письменном — методика, которая была бы адекватна и самому языку, и сложившейся графической и орфографической письменной традициям.

Для примера укажем несколько моментов из предлагаемых подходов, которые сформировали бы адекватное представление 1) о слове языка, 2) звуке и звуке в слове, 3) структуре и звучании словоформ.

Для педагогических учебных заведений должен быть выбран один из путей: университетского и чисто академического типа с

преобладанием теоретико-исследовательского подхода или более прагматичный педагогического направления с преобладанием прагматических целей и методов, но исходящих из современного знания предмета, что имеет прямое отношение к специальности «русский язык и литература».

Различие должно выражаться в неодинаковом объеме изучения научных концепций по определенному направлению. Например, фонологические концепции должны изучаться одни и те же (не одна, а две-три) и с выделением их преимуществ при реализации того фонетико-фонологического материала, которые делают этот подход более предпочтительным по сравнению с другим (или другими) в плане преподавания учебного материала учащимся начальной и средней школы с целью обеспечения наибольшего эффекта, прежде всего при обучении письму и его закономерностям и правилам. Именно с этой целью в 1938/39 учебном году вводился в советской школе курс русского языка для учащихся.

Курс методики преподавания русского языка методисты на практике должны обеспечивать логическую связь теории языка и педагогико-методического направления в работе со студентами. Цель учителя — доступно, рационально, надежно давать учащимся общеобразовательной школы стабильно правильное и эффективное знание языка для формирования автоматизированного грамотного письма на русском языке и умения его аргументировать.

Неосновные концепции могут излагаться в сопоставлении с основной по выбору преподавателя данных отделов учебной дисциплины.

Зачет должен быть итогом целенаправленного изучения материала в избранном направлении и, как правило, автоматически выставляемым.

Экзамен следует делить на две части: изложение проблемного вопроса и показ учащимися умения целенаправленно анализировать и комментировать практический (текстовый) материал.

Нужно восстановить право преподавателя на самостоятельность, но сочетать его с определенным уровнем требовательности. Особого внимания требует работа с грамматическим морфологического плана материалом и с частями речи, поскольку это лишь сопряженные, но отнюдь не тождественные сферы языка. Морфологию и части речи следует различать, а не смешивать, как это происходит в настоящее время.

Ю.А. Уланова

г. Рязань

Лингвокультурологический принцип обучения русскому языку

В современной системе вузовского образования широкое распространение получает культуроведческий аспект в преподавании учебных дисциплин. Особое внимание уделяется проблеме постижения культуры через язык.

Данный аспект в преподавании русского языка находит свое отражение в постановке и решении следующих задач: ознакомление студентов с культурой России, ее истоками, достижениями; воспитание у обучающихся чувства достоинства посредством изучения русского языка как хранителя знаний о культуре народа. Известный филолог XX в. Г.О. Винокур писал: «Язык — условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет предметом саму культуру...» [1, с. 87]. Если соотнести высказывание Г.О. Винокура с задачами, решаемыми современной лингводидактикой, то можно заключить, что проблема «язык и культура» изучается целым рядом наук: филологией, языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, теорией коммуникации и, конечно же, лингводидактикой. Современная концепция обучения языку, заключающаяся в развитии языковой личности, выдвигает проблему формирования не только языковой, лингвистической и коммуникативной компетентности, но и культуроведческой. Необходимо отметить, что работа в соответствии с компетентностным подходом является этапом обновления содержания образования для сохранения его соответствия потребностям современного общественного развития. В методических работах А.Д. Дейкиной, Т.К. Донской, Л.А. Ходяковой обучение и воспитание студента в свете культурологического подхода к обучающему трактуется авторами как выполняющее следующие функции: помочь обрести ценностную ориентацию; осуществить развитие студента как человека культуры и целостной личности; поддержать его индивидуальность и творческую самобытность.

Под компетентностью вообще понимается совокупность знаний, умений и навыков, которые обеспечивают разноаспектное овладение предметом изучения, в данном случае русским языком. Говоря о культуроведческой компетентности, следует определить понимание культуры (в аспекте образовательных целей) как совокуп-

ности духовных, нравственных, материальных ценностей, созданных народом и имеющих устойчивый характер. Язык, являясь фактором культурного наследия, выполняет одну из важнейших функций — кумулятивную (накопительную, культураносную) — быть сокровищницей культуры, ибо все достижения духовной культуры находят отражение в языке. Одновременно язык выступает как средство приобщения к национальной культуре, с помощью которого формируются знания о реалиях быта, обычаях, традициях русского народа, то есть формируется культуроведческая, этнокультурологическая компетентность, которая определяется национально-культурным уровнем владения языком.

В настоящее время определились пути реализации культуроведческого подхода к обучению русскому языку: включение в учебники, учебные пособия сведений о русском языке как средстве выражения национальной культуры народа; познание культуры русского народа в диалоге культур — русской и культуры других народов. Способом, наглядно демонстрирующим неразрывную связь языка и культуры, на уроке русского языка может быть этимологический анализ слова. Этот прием можно использовать для поддержания и развития интереса к языку, так как самые существенные его характеристики — это эмоциональность, осознанность, углубленность в познание. Этимологический анализ оказывает на учащихся сильное эмоциональное воздействие, то есть создает условия для осмысленного запоминания слова, помогая сосредоточить внимание на том или ином языковом явлении. Одно слово, проанализированное с точки зрения культурологического подхода, поражает учащихся ясностью своего значения и правописания (*противник — против*), другое удивляет необычной историей (*копейка на копье*), третье — неожиданными родственными связями (*акварель, акваланг, аквариум*). Это повышает орфографическую грамотность, обогащает словарь учащихся, расширяет их кругозор, способствует формированию культуроведческой компетенции. Работу над формированием культуроведческой компетенции как одного из направлений компетентностного подхода учителю рекомендуется строить поэтапно. Каждый из этапов выполняет свои задачи и помогает реализовать определенные цели. Цель *первого этапа* состоит в том, чтобы пробудить интерес к слову, устранить причины, вызывающие трудности в процессе изучения предмета. Для этого из упражнений учебника, контрольных диктантов необходимо отобрать слова, в которых мотивированность названия ощущается достаточно хорошо, и на каждом уроке русского языка

давать их небольшими порциями. Можно группировать их по темам, включать во все виды работ, запланированные на уроке. Примером упражнения, предлагаемого на данном этапе, является следующее:

Объясните родственные связи слов:

Побелеть — побелить; наслаждаться — сладкий; объединение — единица.

Умение проводить смысловой анализ слов развивают интересные вопросы проблемного характера и упражнения, основанные на сопоставлении слов с достоверным и сходным по звучанию историческим родственником.

Определите проверочное слово:

Облокотиться (локоть или облако?), раздражение (дразнит или дрожит?), осторожно (острый или сторож?).

Необычно поставленные вопросы вызывают у школьников и студентов чувство удивления, стимулируют активность и самостоятельность мышления на уроках русского языка. *Второй этап* работы требует постепенного усложнения заданий. Их цель — развить познавательные возможности учащихся. Для выполнения этих заданий рекомендуется использовать слова с затемненной образной структурой и иностранные заимствования в русском языке. Основным приемом работы на этом этапе является культурологический экскурс в историю слова. Опираясь на имеющиеся знания по изучаемым иностранным языкам, по другим учебным дисциплинам, учащиеся представляют «образ слова». На *третьем этапе* работы по формированию культуроведческой компетенции рекомендуется привлекать трудные, далекие этимологии и иностранные заимствования с целью развить у школьников и студентов познавательную активность и вовлечь их во внеклассную работу по предмету. Для выполнения этих задач, кроме учебника, требуются дополнительные источники: словари, справочники, книги по лингвистике. Стоит обратить внимание, что способности к исследовательской деятельности у каждого из учащихся разные, поэтому рекомендуется предлагать дифференцированные классные и домашние задания. Например:

1. Подумайте над значением, правописанием, происхождением следующих слов: проволока, наволочка; совершить, совершенно, соревнование.

2. Установите и объясните с помощью Словаря иностранных слов родственные связи между словами: консервы, консерватория, консерватор.

3. Какие иностранные слова могут помочь в написании слов русского языка: фестиваль, маляр, концерт, корректировать.

Третий этап должен закреплять и углублять навыки, полученные на первом и втором этапах проделанной работы. Систематическое применение на уроках этимологического анализа слова позволяет компетентно рассмотреть языковое явление, прокомментировать его с точки зрения лингвистики, обосновать принадлежность этого явления к культуре. Взгляд на язык как феномен культуры и в то же время как средство познания культуры своего народа (при изучении родного языка) или культуры другого народа (при изучении иностранного языка) обязывает по-особому взглянуть на проблему формирования будущего учителя русского языка, преподавателя-словесника как языковой личности. Оптимистично звучит мысль профессора О.Д. Митрофановой: «...вступив в век культурологии и культуроведения, истинного диалога и мирового многообразия, мы, возможно, окажемся в более благоприятных условиях, которые будут способствовать обновлению методической науки и лингвистического поиска» [2, с. 34].

Список использованной литературы

1. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.
2. Маевский, Н.Н. Культуроведческий аспект обучения языку как составляющая современной лингводидактики // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А.В. Течкучёва / сост. проф. А.Д. Дейкина, проф. Л.А. Ходякова ; МПГУ. — М., 2003. — 315 с.

Н.В. Софронова

г. Рязань

Идеи И.И. Срезневского в инновационном обучении русскому языку младших школьников

Одной из стратегий современного образования является изучение языка через призму культуры. Взаимодействие языка и культуры, языка и общества отмечалось многими отечественными лингвистами и методистами (М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба и др.).

И.И. Срезневский писал в 1849 г.: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может... Народ действует; его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке его» [1, с. 16—17]. Многие положения И.И. Срезневского получили дальнейшее развитие в работах Ф.И. Буслаева, который был убежден, что история языка неотделима от истории его носителей, от их духовной жизни. Известные русские педагоги всегда осознавали необходимость изучения языка в единстве с культурой народа, обучения языку не только как способу выражения мыслей, но и источнику познания культуры народа.

Изучение языка в тесной связи с культурой народа является характерным и для современных ученых (Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова, А.Д. Дейкина, Л.К. Лыжова, Л.В. Юлдашева и др.). Так, Н.М. Шанский в статье «Школьный курс русского языка (актуальные проблемы и возможные решения)» (1993) отмечает, что, «будучи формой социальной памяти, язык является отражением национальной культуры народа, говорящего на нем. Он условие и продукт человеческой культуры, средство выражения самости народа и в то же время единство национального и интернационального». Именно поэтому, по мнению ученого, «обучение русскому языку должно быть неразрывно связано с усвоением культуры русского народа, а совершенствование методической системы обучения ему непосредственно сопряжено с последовательным включением в школьный курс национально-культурного компонента» [2, с. 4].

«Осознание того, что язык — это еще и культурный код нации, а не только средство общения и познания, приводит к необходимости осуществлять речевое развитие с учетом культурного фона, который стоит за каждой единицей языка», — отмечает Е.В. Архипова [3].

В основе образовательной политики современной России лежит идея толерантности, многокультурности современного общества, которая диктует необходимость обновления содержания курса русского языка, реализующего этнокультурные функции образования, придания ему действительно национального характера.

Проводимое нами в течение семи лет (с 1998 по 2005 г.) исследование подтвердило нашу мысль о том, что на сегодняшний день существует потребность в формировании этнокультуроведческой компетенции учащихся, в воспитании интереса младших школьников к национальной культуре и русскому языку как одной

из важных составляющих этой культуры, между тем этнокультурный компонент содержания языкового образования разработан недостаточно.

Исходя из теории развивающего обучения, в основу разработанного нами этнокультурного компонента обучения русскому языку положены обобщенные понятия (по В.В. Давыдову). Таковыми в нашей методической системе являются понятие *этнокультуроведческая компетенция* как цель и конечный результат обучения родному языку, а также само понятие *этнокультурный компонент обучения русскому языку*. В связи с этим мы посчитали возможным дать следующие, методически уточненные определения данным ключевым понятиям.

Понятие «этнокультурный компонент обучения русскому языку» определяется нами в связи с категорией «методическая система обучения», которая, как известно, состоит из взаимосвязанных элементов различного уровня (цели и задачи обучения, содержание, принципы и методы, формы и средства обучения, система лингводиagnostики). Введение этнокультурного компонента предполагает, что в содержание обучения русскому языку вводится лексика этнокультурной тематики, а также тексты о языке, быте, нравах, истории и вероисповедании русского народа.

Рассматривая компетенцию как совокупность знаний, умений и навыков, опыта деятельности и эмоционально-ценностного отношения, мы использовали следующее определение этнокультуроведческой компетенции: *этнокультуроведческая компетенция* — это знания о народе — носителе языка, умения и навыки использования лексических единиц с национальной спецификой, опыт речевой деятельности. Следовательно, этнокультурный компонент в содержании обучения, помимо сведений об истории национального языка и русского народа, текстов о его быте, традициях и культуре, предполагает формирование умений и навыков использования необходимой лексики, а также опыта речевого общения учащихся в национальной среде.

Социокультурный принцип, являющийся базовым для нашего исследования, не отрицает, а наоборот, подчеркивает важность и необходимость введения этнокультурного и культуроведческого материала в содержание обучения русскому языку.

Проведенный нами анализ программ и учебно-методических комплексов по русскому языку для начальной школы в этнокультурном аспекте показывает, что даже традиционные, официально признанные учебные комплексы по русскому языку для начальной

школы содержат недостаточное количество сведений, дающих представление о быте и нравах русского народа, о фольклоре и культурных ценностях этноса. Тексту как транслятору национальной культуры, как фактору культурно-речевой среды авторы многих учебников по русскому языку уделяют недостаточно внимания.

Ведущими дидактическими единицами обучения в разработанной нами методической системе являются *слово* и *текст*.

В качестве критериев отбора лексики мы избрали следующие: 1) *идеографический* (тематический) критерий, когда отбирается тематически организованная лексика, 2) *парадигматический* критерий, который предполагает отбор слов, обладающих широким спектром семантических связей, 3) *частотный* — как требование введения в содержание курса активно употребляемой лексики; 4) *градуальный* критерий, когда новое слово вводится и затем изучается с постепенным расширением его значений, с постепенным углублением понятия.

Рассмотрение текста как социального речедействия привело к выводу о необходимости введения в содержание обучения русскому языку текстов этнокультурной тематики. Критериями отбора текстов являлись: 1) концептный; 2) дидактический; 3) сензитивный; 4) информативный.

Анализ существующих типологий речевых упражнений позволил сделать вывод, что для реализации целей и задач включения этнокультурного компонента в уроки русского языка необходимо разработать градуальную систему упражнений, состоящую из трех методических уровней.

В качестве методического средства для учителя нами создана текстотека, содержащая около 500 неадаптированных и адаптированных в учебных целях текстов, сопровождаемых методическими формулярами. Тематика текстов достаточно разнообразна, что позволяет затронуть многие вопросы русской культуры и решать дидактические задачи урока. Основными разделами текстотеки являются следующие: «Известные люди», «Интересные и памятные места», «Православие», «Предания, сказания, летописи и фольклор», «Промыслы и ремесла», «Путешествуя по городам России», «Родной язык» (включает такие разделы, как «Почему так говорят?», «Из истории слов», «Из истории языка»), «Русские народные инструменты», «Самое первое» (например, «Первое чаепитие на Руси») и т.д.

Проявлением инновационного социокультурного подхода является составленный нами «Православный толково-орфографический словарь школьника».

Включение этнокультурного компонента в содержание обучения русскому языку осуществлялось нами и посредством дополнительных заданий к упражнениям учебника.

Таким образом, разработанная нами методическая система, содержащая этнокультурный компонент, способствует:

— развитию языковой способности учащихся и овладению ими всеми видами речевой деятельности на основе изучения лексики и текстов с национальной спецификой;

— формированию языковой, коммуникативной и этнокультуроведческой компетенций учащихся;

— становлению национальной языковой картины мира у младших школьников, формированию ценностных представлений о языке и культуре русского народа, воспитанию их национального самосознания, что в итоге позволит в полной мере реализовать коммуникативно-деятельностный и личностно ориентированный подходы к обучению родному языку.

Предложенная нами методическая система, обеспечивающая введение этнокультурного компонента в содержание курса русского языка в начальной школе, — это не только решение конкретной лингвометодической проблемы. Прежде всего это вариант возможных путей модернизации языкового образования младших школьников, который предполагает расширение этнокультуроведческой составляющей учебников русского языка за счет текстов о традициях и культуре русского народа, за счет лексики этнокультурной тематики, но главное — за счет создания особой речевой среды на уроке, которая обеспечивает становление личности младшего школьника, воспитание у него патриотизма и формирование национального самосознания, это один из путей приобщения младших школьников к ценностям национальной культуры посредством слова.

Список использованной литературы

1. Срезневский, И.И. Русское слово // избр. труды / сост. Н.А. Кондрашов. — М. : Просвещение, 1986.
2. Шанский, Н.М. Школьный курс русского языка (актуальные проблемы и возможности решения) // Русский язык в школе. — 1993. — № 2.
3. Архипова, Е.В. Принципы речевого развития // Основы методики развития речи учащихся. — М. : Вербум, 2004.

Г.Ю. Дзюбко

г. Рязань

Сравнение как средство этнокультурного речевого развития учащихся

Проблема речевого развития школьников всегда являлась одной из важнейших проблем современной школы. Сегодня особую значимость приобретает умение моделировать речевое поведение в соответствии с задачами общения. Это положение зафиксировано и в основных документах, определяющих содержание курса русского языка в средней школе. Очевидно, что эффективность, действенность речи тесно связана с умением пользоваться изобразительно-выразительными средствами языка, более того, владение этими средствами является показателем высокого уровня языковой компетенции. Поэтому задача формирования образности речи на уроках русского языка становится все более актуальной.

Актуальность проблемы диктуется еще и тем фактом, что сегодня в процессе итоговой аттестации учащимся на едином государственном экзамене предлагаются задания по анализу текста и выявлению в нем различных языковых средств выразительности.

Между тем наш опыт преподавания и эмпирические наблюдения позволили выявить тот факт, что подростки практически не пользуются образными средствами языка для придания речи выразительности, яркости, стилистической целесообразности.

Особую роль в процессе формирования образности речи школьников играет изучение сравнения, которое выступает и как способ познания нового, и как форма национального осмысления окружающей действительности, и как логическая модель построения языковых структур, и как смысловая база для образования тропов. Подчеркнем, что сравнение — это не только основа человеческого мышления, этнический способ познания мира и человека, но и весьма продуктивный художественный прием создания образа, концентрирующий внимание коммуникантов на наиболее значимых свойствах и особенностях объектов действительности, помогающий взглянуть на предметы под нужным говорящему углом зрения. Сравнение актуализирует смысл высказывания и добавляет ему личностный компонент, то есть является ярким оценочным средством. Поэтому развитие мышления и речи ребенка, его языковой способности будет протекать эффективнее, если сделать образное сравнение предметом более пристального внимания на уроках русского языка в средней школе.

Поскольку сравнение может быть выражено языковыми единицами всех уровней языка, то изучение его в школе должно способствовать развитию языковой способности учащихся на всех уровнях: лексическом, грамматическом, текстовом.

Целесообразность использования сравнений как основы для формирования у школьников образности речи определяется и психологическими причинами: именно в подростковом возрасте, по мнению психологов, происходит интенсивное формирование мировоззрения, системы оценочных суждений, нравственной сферы личности растущего человека, его убеждений и идеалов. Особое значение в этот период приобретает умение понять состояние души человека, почувствовать боль или радость другого, как свои собственные, умение сопереживать человеку, настроиться на его эмоциональную волну. Кроме того, у подростков ярко выражена потребность в общении как со сверстниками, так и со взрослыми.

Безусловно, работа по формированию образности речи учащихся при изучении сравнения на уроках русского языка, по мнению Е.В. Архиповой, даст высокие результаты, если в ней будут осуществлены современные подходы к преподаванию родного языка (ценностный, личностно ориентированный, коммуникативно-деятельностный, когнитивный, компетентностный) и если она будет построена в соответствии с методическими принципами обучения родному языку и развития речи (коммуникативный, когнитивный, принцип градуальности и др.), которые отражают закономерности усвоения речи школьниками, а также если она основана на использовании специально подобранного дидактического материала и градуальной системы упражнений.

Хотелось бы подчеркнуть важность дидактического материала для изучения сравнения и образных средств в целом. Очевидно, что межпредметные связи русского языка и литературы усилила бы работа с материалом, отобранным из произведений русской классической литературы, русского фольклора. Нам представляется принципиально важной мысль о том, что в качестве дидактического материала при изучении сравнения (как образного, так и логического) можно и нужно использовать тексты этнокультурной направленности. Учащимся, несомненно, интересно и полезно было бы более глубокое знакомство не только с поэзией Сергея Есенина, но и его статьями о литературе, а также произведениями сестер Хвощинских, работами виднейшего отечественного лингвиста И.И. Срезневского. Используя краеведческие и этнокультурные тексты в качестве язы-

ковых образцов, мы одновременно развиваем эмоциональную сферу ребенка и способствуем формированию его мышления.

А поскольку сравнение не просто троп, а универсальный способ познания мира, важный прием сбережения речевых традиций, поэтому расширение контекста его изучения (в том числе и с использованием материала краеведческой и этнокультурной направленности) будет способствовать реализации принципа ускорения темпа развития речи (Л.П. Федоренко), созданию речевой среды с более высоким развивающим потенциалом, нежели существующий в настоящее время.

О.И. Липина

г. Рязань

Лингвокраеведческий текст как средство формирования ценностных ориентаций учащихся на уроках русского языка

Современная методика преподавания русского языка в русле российской образовательной политики предполагает развитие личности обучающегося, его познавательных и созидательных способностей. Если прежде традиционное обучение русскому языку было ориентировано на овладение учащимися знаниями, умениями, навыками, то сегодня происходит иное понимание назначения предмета. Так, ведущими целями обучения родному языку наряду с традиционными согласно Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года становятся:

- воспитание патриота России, уважающего национальные ценности, ценности гражданского общества и мировой культуры;
- формирование у учащихся сознательного отношения к языку как к духовной ценности.

Очевидно, что главные цели обучения родному языку направлены на совершенствование ценностной системы личности школьников и предполагают решение проблемы формирования ценностных ориентаций учащихся на уроках русского языка.

Несмотря на то, что проблема воспитания школьников средствами родного языка была сформулирована еще два века назад и нашла свое отражение в трудах целого ряда отечественных ученых-методистов (Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский,

М.Т. Баранов, Н.М. Шанский, М.Р. Львов, А.Д. Дейкина, Е.В. Архипова), до сих пор она остается не решенной и имеет широкий круг вопросов, нуждающихся в методическом исследовании.

Проведенный нами анализ ценностных ориентаций школьников 5—9 классов города Рязани показал, что у большинства учащихся среднего звена наблюдается низкая оценка духовных и общественных ценностей, в частности, таких, как *язык, отечество, дом, семья*. При этом низкий уровень сформированности ценностных ориентаций, по результатам исследования, имеют те школьники, у которых недостаточно хорошо развиты языковые (фонетические, лексические, грамматические, семантические) и коммуникативные способности.

Одновременное наблюдение за процессом обучения русскому языку, анализ учебников и учебных программ также выявил отсутствие целенаправленной методической системы обучения русскому языку как транслятору ценностей общества.

В рамках социокультурного подхода к обучению русскому языку нами создана и апробирована методическая система работы с лингвокраеведческим текстом. Лингвокраеведческий текст рассматривается как разновидность культуроведческого текста, в котором историко-лингвистические сведения, связанные с реалиями родного края, раскрывают ценностный смысл концептов *язык, отечество, дом, семья*.

В методической науке текст признан основной единицей обучения языку. Учитывая данное научное положение и опираясь на лингвокультурологический тезис В.А. Масловой «текст — истинный хранитель культуры», мы считаем, что лингвокраеведческий текст — это оптимальная единица формирования ценностных ориентаций учащихся, объясняя это следующим: репрезентация концепта как ценностной единицы возможна только при подробной интерпретации самого текста. Исходя из данного научного положения, нами были отобраны такие лингвокраеведческие тексты, в которых концепты *язык, отечество, дом, семья* наиболее полно раскрывают свой духовно-нравственный, ментальный смысл.

На основе научного и литературного наследия рода Срезневских нами была создана лингвокраеведческая текстотека, включающая в себя, помимо трудов ученых Срезневских, и другой языковой материал о роде и семье И.И. Срезневского, научном деле ученого (отрывки из книги Г.А. Богатовой «И.И. Срезневский», научные статьи сборника «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование» и др).

Изучение наследия Срезневских на уроках русского языка выбрано нами не случайно. Имя Измаила Ивановича объединяет ассоциативно-смысловые поля концептов *язык, отечество, дом, семья* и связывает с понятиями *малая родина, родная земля*. Выполнение учащимися нетрадиционных творческих заданий (журнал-альманах «Словарь И.И. Срезневского — величественный памятник русской исторической лексикографии», лингвокраеведческий проект «Рязанский Ломоносов», «Дневник разгаданных тайн», лингвистический лабораторный опыт), тематически объединенных этими концептами, одновременно формируют не только ценностно-ориентационную культуру учащихся, но реализуют национально-региональный компонент образования.

Неверным было бы считать, что использование лингвокраеведческих текстов на уроках русского языка определяет исключительно аспект формирования ценностно-ориентационной системы учащихся. Ориентация учащихся на ценности *язык, отечество, дом, семья* осуществляется одновременно с развитием основных компетенций школьников в процессе обучения русскому языку: лингвистической, языковой, коммуникативной, культуроведческой (социокультурной). Это связано с концептным принципом, составляющим основу критериев отбора лингвокраеведческих текстов. Такая разносторонняя работа с лингвокраеведческим текстом обосновывается наличием концептов в его содержании или концептным принципом отбора текстов данного типа, так как концепт — это многоструктурная единица, раскрывающая свой смысл на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, текстовом, стилистическом.

Рассмотрим примеры упражнений с использованием лингвокраеведческих текстов.

1. Прочитайте текст. Спишите его, вставляя пропущенные буквы.

*Словарь отечестве(н/нн)ого языка ¹ есть одна из самых (не/ни)обходимых настольных книг для всякого образова(н/нн)ого человека, тем более для лит_ратора и писателя... Словари с_путствуют **просв_щению** ² всюду так(же), как типографии, театры, журналы (И.И. Срезневский).*

— Определите, что общего между выделенными словами? Являются ли они синонимами?

— Какие словари вам известны? Запишите их названия. Вспомните авторов данных словарей. Свои ответы оформите письменно.

— Как вы думаете, зачем людям нужны словари? Согласны ли вы с мнением И.И. Срезневского?

2. Прочитайте текст. Кому адресована речь Ивана Евсеевича Срезневского? Определите основную мысль текста.

Кто любит Отечество только потому, что видит в нем порядок, благо, тот вправе сделаться изменником своему Отечеству, как скоро примет в нем недостаток сих качеств. Нет, любовь есть страсть, любовь к Отечеству есть страсть сильнейшая и счастливейшая для государства. Кто прямо любит свое Отечество, тот не судит о причинах любви своей. Он все силы, все способности приносит в жертву Отечеству и не измеряет заслуг своих ценою награды (И.Е. Срезневский).

— Подумайте, изменится ли смысл текста, если заменить в нем слово «Отечество» словом «Родина»?

— Выпишите слова, которые, на ваш взгляд, делают текст возвышенно-эмоциональным. Составьте с выписанными словами предложения.

3. Перед вами начало газетной статьи. Придумайте три варианта ее продолжения, используя три мини-текста разных типов: описание, повествование, рассуждение.

В этом году праздник Славянской письменности и культуры пришел в наш город. Обычно такие праздники в разных городах связывают с историческими фигурами: в Минске это — Франциск Скарина и Ефросинья Полоцкая, в Киеве — Феодосий Печерский и Владимир Святой, а в Рязани — Борис и Глеб, дева Февронья, Евантий Коловрат. Все эти имена есть на страницах замечательных исследований по истории русской письменности И.И. Срезневского.

О.С. Преликова

г. Рязань

**Изучение лексики делового стиля
на уроках русского языка в профильных классах
на «Материалах для словаря древнерусского языка
по письменным памятникам» И.И. Срезневского**

В начале XXI в., века расцвета предпринимательства, большой интерес вызывает овладение культурой деловой речи. Общение в сфере партнерских отношений стало повседневной необходи-

мостью, показателем общей культуры человека, что требует углубленных знаний о языковом своеобразии официально-делового стиля.

Нельзя не заметить значительное количество литературы, позволяющей овладеть навыками делового общения, но при этом совершенно незамеченным остается вопрос рассмотрения деловой лексики в рамках школьной программы. Отсутствие научно-обоснованной и методической системы формирования культуры деловой речи у учащихся на старшей ступени школьного обучения приводит к снижению практической и профессиональной значимости данного предмета в структуре гуманитарной подготовки выпускника, что в итоге ведет к нарушению учащимися норм официально-делового стиля, снижает общий культурный и профессиональный уровень будущих специалистов.

Итак, актуальность проблемы обучения стилистике деловой речи обуславливается, во-первых, социальной значимостью формирования навыков культуры делового общения, которая включает в себя и культуру деловой речи, и, во-вторых, отсутствием целостной методической системы обучения деловой речи в школе.

История языка — неотъемлемая часть истории народа. Следовательно, знакомство с памятниками письменности позволяет судить о состоянии языка конкретного исторического периода, о закономерностях его дальнейшего развития. Вследствие этого изучение лексики делового стиля на уроках русского языка в рамках общеобразовательной школы целесообразнее начинать с изучения памятников деловых бумаг.

Одной из задач исследования является анализ лексики делового стиля на материале «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского, благодаря подробному рассмотрению письменных памятников, представляет лексическую систему древнерусского литературного языка XI—XIV вв. и характеризует различные области социальной жизни древнерусского общества.

Письменность, созданная первоучителями славян, — это письменность не только церковной сферы, но и светской культуры. Книжно-славянский тип древнерусского литературного языка формируется на основе старославянского языка с использованием восточнославянских языков культуры. При этом восточнославянский народный тип литературного языка выступает в двух функционально различных стилях: *собственно-литературном*, представленном в «Слове о полку Игореве», летописях, «Молении Даниила Заточ-

ника» и других, то есть в «народно-поэтической и историко-мемуарной традиции»; *деловом стиле*, характерном для литературно обработанных памятников делового содержания (законодательные документы, договоры, завещания и др.).

Следует отметить, что начальный этап письменного периода развития древнерусского языка проходил в условиях освоения содержанием новой для этого периода формы общественного сознания — христианства. Вследствие чего язык был насыщен церковнославянизмами, что придавало речи торжественный, возвышенный оттенок. Нами было отмечено, что в поздних списках договоров появляются слова «по прихоти русских писцов»: *одинами ворота, осень, золотник, волость, паволока и др.*

В языке договорных текстов отражается мысль и быт русского народа того времени. Вот почему разбор языка документов с этнографической стороны вызывает особый интерес.

При изучении памятников письменности с точки зрения их стилистических языковых особенностей («Договоры с греками», «Поучение Владимира Мономаха», «Акты юридические», «Грамота В.К. Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г.», «Псковская судная грамота») были отмечены следующие явления:

1. Лексические особенности

а) использование «специальной лексики» (термин И.И. Срезневского), например: *рота* «присяга, клятвенное уверение»; *поротьць, поротникъ* «закон, законник», *клятва* «заклинание вечной гибелью», *изорникъ (зорникъ)* «мелкий съемщик земли (хлебопашец), отдающий землевладельцу часть урожая», *ограмочий* «истец, получивший от судьбы акт для привлечения ответчика к суду», *посадник* «представитель власти в Новгороде и Пскове»;

б) лексику делового стиля обогатила юридическая терминология, например: *долика* «улика» — *Акто зажоги на комъ оучнетъ сошитъ, а долики никаковы не боудеть, ино на волною ротоу позвать вольно. (Суд. гр.)*; *дядичь, дядичьство, дядьньство* «наследник», «наследство», «право на наследство»;

в) влияние живой, разговорной лексики:

— изменение гласных в безударном положении — *заплачаны*;

— замена *в* на *у* — *быти ему оу грабежу*;

— изменение *чьт* в *шт* — *што бы*;

— *ч* на месте *т* в сочетании с йотом — *вопчи*;

г) слово *соудити* сочеталось только с дательным падежом — *да соудить емоу Богъ*;

2. Морфологические особенности

а) *именительный падеж* со значением объекта при инфинитиве, например: *А которой строка пошлинной грамоты нять... да тая строка написать*;

б) использование будущего сложного с глаголом *иму*, образованным от глагола *яти*, например: *А въ поли собя проорють нивы, то ихъ имяеть прислушати* (Жал. гр. 1375);

в) использование звательной формы, например: *игоумене исаие*.

3. Синтаксические особенности

а) включение союзов, что дает возможность судить о типах предложений благодаря классификации союзов, например: в «Словаре» И.И. Срезневского даны семь значений союза *а*, но в деловом стиле употреблялся этот союз в значении «усилительный объяснительный»: *Буди ти молитва, а на всякъ днь рано и вечерь* (Псков. суд. гр.);

б) употребление будущего сложного предположительного времени: *даже почьнетъ хотяти отняти* (если бы стал желать отнять);

в) использование повелительного наклонения: *Богъ боуди за тямь* (да будет Бог противу того);

г) употребление слова *аже* в середине и в начале предложения: *Вядомо чинимъ... аже есмо допустили* (Жал. гр. 1383); *Аже будетъ на Москва тобя соудити* (Дог. гр. 1340);

д) употребление исключительно в начале предложения слова *се*: *Се азъ князь великий Гавриль*.

Следует отметить особый вклад И.И. Срезневского в развитие фразеологических слов и выражений как самостоятельных единиц, вследствие чего им были выделены фразеологические единицы, характерные исключительно для делового стиля речи. Например, *добросьчетание* (доброчьстие), *благодарьствья* (с благодарностью), *без соблюдения*, *милостливый государь*, *без сомнения, что за стать* и др.

При изучении лексики древнерусских документов было отмечено столкновение двух контрастных по своему стилистическому характеру стихий: высокой церковнокнижной (*возглаголати, вещати, звати*) и сниженной, обиходно-разговорной, бытовой лексики (*сговоритися, побранитися, донести, известитися*).

И.И. Срезневский — один из первых, кто позволил дать сведения почти о 210 видах и разновидностях русских документов. Только грамот в нем представлено 61 разновидность (сноска из «Словаря»: *«Грамота — дяловая бумага. Грамоты имяли всевозможные названия, все зависело от того, для какого дяла оне были*

написаны»): Беглая, Бережельная, Бессудная, Благословенная, Ввозная, Возметная, Воскладная, Заповедная, Жалованная, Повинная, Окружная и другие, которые в свою очередь подразделяются, например, Жалованная грамота классифицируется на Льготную, Королевскую, Несудимую, Царскую и др. В памятниках русского языка встречаются не отраженные ни одним историческим словом определения, обозначающие темы документов: Дворовая, Дозорная, Зарядная, Наказная и иные грамоты. Другие определения обозначают способ составления или обращения с документом: Заручная, Образцовая, Подписная. Кроме грамот, существовали такие формы составления документов, как *Доконьчание* «мирный договор», отсюда *доканьчивати* «заключать договор», *Доуховьная* «завещание», *Челобитная* «просьба, прошение».

При изучении лексики делового стиля в рамках школьной программы необходимо опираться на исторические факты, постоянно обращаться к словарям видных лингвистов В.И. Даля, И.И. Срезневского и других, тем самым «оживлять» уроки, придавать им исследовательскую направленность.

С.В. Сысоева

г. Рязань

Программа последовательного изучения фразеологии И.И. Срезневского в начальной школе

И.И. Срезневский внес большой вклад в разработку методики изучения фразеологии. В своих методических рекомендациях он научно обосновал пути фразеологической работы с младшими школьниками и предложил программу последовательного изучения фразеологии в начальной школе. Фразеологический состав русского языка И.И. Срезневский понимал широко, то есть включал в него пословицы, поговорки и крылатые слова, трудные для понимания детьми. Ученый отмечал, что работа над «цельными выражениями», позволяющими передавать мысли с наибольшей точностью, должна занимать значительное место в воспитании речевой культуры учащихся.

Книга И.И. Срезневского «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» * (СПб., 1899) является первым

* Ссылки на данное издание даются в тексте с указанием номера страницы.

значительным вкладом в отечественную методику изучения фразеологии в начальной школе. В этом труде теоретически разработаны вопросы фразеологии, даны методические рекомендации и конкретные «облегчительные приемы изучения» фразеологии.

Ученый настоятельно рекомендовал обращаться к фразеологическому составу родного языка при обучении детей именно в младших классах. «...На выражения... и надо обратить внимание детей непосредственно после того, как возбуждено их внимание к словам отдельным: это нужно... потому, что есть такие выражения, которые... должны быть рассматриваемы только как нераздельные сочетания нескольких слов, например: по крайней мере, можете себе вообразить, само собой разумеется, что за беда, круглый год» (С. 52).

Работу над устойчивыми сочетаниями И.И. Срезневский предлагал проводить в два этапа. На первом этапе задача учителя заключается в создании фразеологического запаса: учащиеся, вникая в содержание и форму выражений, усваивают их смысл, учатся отличать фразеологизмы от слов и свободных словосочетаний, знакомятся со структурой, правописанием, «выговором» фразеологических единиц. Ученый разработал некоторые «облегчительные приемы», направленные на уяснение формы и смысла фразеологизмов учащимися. Фразеологические единицы, выражающие «одно нераздельное представление», он подразделял на именные, глагольные, наречные, частичные и т.д., считая, что этот языковой материал посилен для понимания и усвоения младшими школьниками. При этом И.И. Срезневский имел в виду не простое запоминание детьми речевых оборотов, отмечая, что «эти выражения должны запечатлеваться в умах детей сознательно» (С. 114). Конечно, он не отрицает значения запоминания, заучивания некоторых фразеологизмов, но основной путь обогащения речи учащихся устойчивыми оборотами ученый видит в лексико-фразеологических упражнениях. Рекомендуются упражнения на сравнение фразеологических единиц с синонимичными словами, со свободными словосочетаниями, сравнение одних фразеологизмов с другими, упражнения на замену переменных словосочетаний или отдельных слов целостными оборотами. Очень ценны упражнения на самостоятельный подбор учащимися фразеологических словосочетаний соответственно поставленному учителем заданию.

На втором этапе фразеологической работы школьники должны рассматривать фразеологизмы как «часть связной речи» и вводить их в свой активный словарный запас. И.И. Срезневский предлагает упражнения, направленные на развитие у детей наблюда-

тельности к фактам фразеологии в языке. Материалом для этих упражнений служат литературные тексты. При анализе произведения учитель должен ставить вопросы так, чтобы обратить внимание детей на фразеологические обороты. Ученый рекомендует также упражнения с опорой на слуховое восприятие фразеологизмов и их запись в тетрадях «по насколке» с предварительным объяснением (диктант).

И.И. Срезневским предлагаются специальные упражнения по раскрытию и уточнению смысла фразеологизмов в контексте и вне контекста с привлечением образцов их правильного употребления и правописания. Учащиеся обучаются разным приемам объяснения фразеологических сочетаний: описательному истолкованию, подбору синонимичных слов и выражений, замене перифразом и прочее.

Особенно большое практическое значение И.И. Срезневский придает упражнениям, которые учат детей использованию фразеологических оборотов в своей речи. Конечную цель упражнений с фразеологическими единицами ученый видел в том, чтобы научить детей: «а) ясно, правильно и отчетливо понимать все читаемое и рассказываемое, доступное возрасту; б) ясно, правильно и отчетливо рассказывать устно и письменно все, что узнали или о чем думали».

Предлагая в работе «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» программу последовательного изучения фразеологии, И.И. Срезневский считал правомерным и обязательным ознакомление детей с целостными выражениями родного языка именно в младшем возрасте, начиная «с 8—9 лет и естественным путем».

Н.Г. Агапова

г. Рязань

Культуроориентированные подходы в современном отечественном образовании

В России с начала 90-х гг. прошлого века поток публикаций, посвященных проблемам современного образования, становится с каждым годом все более насыщенным. Большинство исследователей говорят о кризисе так называемой традиционной (знаниевой) парадигмы образования, до сих пор преобладающей в современной образовательной практике. В условиях России кризис образования

усугубляется кризисным состоянием самого общества, что с особой остротой актуализирует вопросы развития образования в его новой парадигмальной форме, соответствующей вызову времени. В последние годы педагогические инновации приобрели тенденцию усиления культууроориентированных компонентов образования, которое, как считает Х.Т. Гадамер, само по себе «теснейшим образом связано с понятием культуры». «Спасти культуру, — пишет Е.В. Бондаревская, — может образование, если возьмет на себя миссию воспитания человека культуры» [1, с. 58], который представляется ученым свободной, духовной личностью, ориентированной на ценности мировой и национальной культуры, способной к творческой самореализации и саморазвитию, нравственной саморегуляции и адаптации в изменяющемся социокультурном пространстве, человек, готовый к гуманистически ориентированному выбору, обладающий многофункциональными компетенциями, готовый к изменениям, которые могут произойти, к возможной смене своих представлений, мировоззрения, к пониманию чужой культуры [1]. На основе имеющихся теоретических и практических разработок отечественной педагогики можно выделить некоторые культууроориентированные модели (подходы) в современном образовании.

Личностно ориентированные культуурологические концепции (Е.П. Белозерцев, Е.В. Бондаревская, И.А. Колесникова, Н.Б. Крылова, В.В. Сериков, Е.А. Ямбург и др.) основаны на человекоцентрированной картине мира, личностном и культуурологическом подходах, идеях развития образования в контексте культуры, национально-культурной идентификации, гуманизации образования. Цель — формирование человека культуры, гражданина, нравственной личности, ядром которой являются субъектные свойства, определяющие меру ее свободы, гуманности, духовности, жизнотворчества. Творчество проявляется во всех сферах ее жизнедеятельности: в учении, труде, быту, организации досуга, общения и т. д. Педагогически значимые ориентиры формирования творческой личности сконцентрированы в таких характеристиках, как развитые способности, потребности в преобразующей деятельности, достаточно большой объем усвоенных знаний, умений, сочетание аналитического и интуитивного мышления.

Цель образования человека культуры включает и практическую подготовку его к жизни в определенном культурном пространстве. Выпускник современной школы готовится к жизни в условиях рыночного хозяйства, диалога культур и народов. Адаптация к этим условиям требует от него практического овладения ос-

новами экономики, компьютерной грамотности, владения языками мира, навыками общения, знания и уважения народных обычаев и т.д. В новых условиях актуализируются бережное отношение человека к своему физическому и психическому здоровью, развитие эстетического вкуса, хорошие манеры, желание создавать и приумножать благополучие семьи и богатство страны [1].

Цивилизационно-культурологический парадигмальный подход (В.Н. Руденко, О.В. Гукаленко и др.) предполагает целесообразность принятия диалектики единства и различия понятий «культура» (выражение духовности и возвышенности) и «цивилизация» (форма рационального отношения к миру). Данный подход помогает педагогу занимать разнообразные позиции по отношению к явлениям культурно-исторического процесса, выступающим потенциальными источниками и факторами проектирования содержания образования; позволяет обоснованно идентифицировать цивилизационные и культурологические компоненты содержания образования. Определяя векторы проектирования образовательной системы, культурологическая модель не отменяет цивилизационной составляющей образования (усвоение научных знаний, развитие мышления, раскрытие сущности объектов техники и технологии, процесса социализации студентов), не изменяет структуру базовых учебных планов и программ, но предполагает «модернизацию» цивилизационного компонента содержания за счет раскрытия его гуманитарной сущности, а также придания им целевой (профессиональной и личностной), содержательной, организационной и технологической целостности [2].

Культуротворческая модель (А.П. Валицкая, Х.Г. Тхагапсоев, М.П. Лещенко и др.) исходит из представления о том, что содержание образования отражает не социальную стратификацию и не структуру общественного производства, а пространство культуры, изоморфное ей по структуре. Она рождается в поиске принципов построения целостного образовательного пространства школы, ориентированной на становление личности ученика. Освоение опыта мировой культуры строится здесь в гуманистической направленности образования, в процессе становления культурного самосознания, в прямом соответствии с возрастными характеристиками психофизических и интеллектуальных возможностей ребенка. Исходный принцип — целостность «картины мира» и человека в нем. Весь комплекс учебных дисциплин — необходимый и достаточный круг знаний, воссоздающий эту целостность. Цель школы — «вращивание» человека, способного к культурному созиданию, продуктивному диалогу с природой, социумом [3].

Культурно-историческая модель образования (Е.А. Ямбург, И.Е. Видт, А.Е. Чучин-Русов, О.П. Щолокова и др.) исходит из неразрывного единства триады «культура — образование — история» [4]. Объектом культурно-исторической педагогики является духовная сфера личности. Ее предметом становится процесс передачи ценностей культуры следующим поколениям. Воспринимая культуру как единое живое целое, культурно-историческая педагогика играет особую интегрирующую роль, синтезируя культуру, научные знания и духовный опыт человечества.

Принципиальной позицией культурно-исторической педагогики является осознание того, что воспитанные столетиями привычки, образ мыслей и культура народа в не меньшей степени влияют на материальное производство, нежели экономика на духовную сферу. В итоге она утверждает примат духовного над материальным.

Культурно-историческая педагогика стремится к освоению культуры различных исторических и региональных типов, особенностей духовного мироощущения людей определенного периода развития человечества. Подлинная культура требует от человека умений вслушиваться, вчитываться, вглядываться в мир, вступать в диалог с настоящим и прошлым [5].

Модель поликультурного образования (В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова и др.) состоит в формировании человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур. Из этого вытекают конкретные задачи поликультурного образования: глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного народа, что является условием интеграции в другие культуры; формирование у учащихся представлений о многообразии культур в России и мире, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; развитие навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур; воспитание учащихся в духе терпимости, гуманного межнационального общения.

Важно, чтобы содержание поликультурного образования отвечало следующим критериям: отражение в учебном материале гуманистических идей; характеристика уникальных самобытных черт в культурах народов России и мира; раскрытие в культурах российских народов общих элементов традиций, позволяющих жить в ми-

ре и согласии; приобщение учащихся к мировой культуре, раскрытие процесса взаимозависимости стран и народов в современных условиях [6].

Диалогическая модель культурологического образования (В.С. Библер, П. Брук и др.) базируется на основополагающих категориях бахтинской концепции (культура, самодетерминация, личность, диалог, текст, произведение) и их интерпретации В.С. Библером. Рассматривая диалог в культуротворческом и человекосоздающем аспекте, утверждая всеобщность диалога и диалогизма человеческого сознания и жизни, В.С. Библер подчеркивает, что «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур, форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма свободного решения и перерешения своей судьбы в сознании ее исторической и всеобщей ответственности» [7].

Теоретики диалогической модели культурологического образования видят ее цель в развитии у ученика (студента) не только способности воспринимать и понимать другие точки зрения, но и вступать в диалог с ними, конструировать собственную субъектно-личностную позицию, проникать в способ мышления и чувствования ученого, мыслителя, расширять свой диапазон видения и тем самым обретать целостность мировоззрения.

Важным компонентом представленной модели является решение вопроса о соотношении национальной и мировой культуры в содержании культурологического образования. Национальная культура рассматривается как образовательное пространство, в котором национальный духовный опыт является составной частью мировой культуры.

Итак, культуроориентированность становится важнейшим условием развития образования в России и средством реализации идеи его гуманизации.

Список использованной литературы

1. Бондаревская, Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. — 1997. — № 4.
2. Руденко, В.Н. Цивилизационно-культурологическая парадигма развития университетского образования / В.Н. Руденко, О.В. Гукаленко // Педагогика. — 2003. — № 6. — С. 32—40.

3. Валицкая, А.П. Культуротворческая школа: концепция и модель образовательного процесса // Педагогика. — 1998. — № 4. — С. 12—19.
4. Видт, И.Е. Культурологическая интерпретация эволюции образовательных моделей // Педагогика. — 2003. — № 3. — С. 32—37.
5. Ямбург, Е.А. Контуры культурно-исторической педагогики // Педагогика. — 2001. — № 1. — С. 3—10.
6. Макаев, В.В. Поликультурное образование — актуальная проблема современной школы / В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова // Педагогика. — 1999. — № 4. — С. 3—10.
7. Библер, В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. — 1989. — № 6. — С. 31—42.

О.И. Липина

г. Рязань

Музейная педагогика в содержании социальной работы (на примере музея И.И. Срезневского)

Одной из главных задач социальной работы является оказание помощи особо нуждающимся группам населения. Качество социальных услуг во многом определяется уровнем педагогической подготовленности студентов как будущих специалистов. Так, совершенно очевидна значимость методов и форм воспитания в механизме реабилитации детей девиантного поведения, применение индивидуально-личностного подхода в общении с одинокими престарелыми людьми и т.п. Эффективность социальной помощи зависит от умения специалиста вести грамотный диалог с лицами, нуждающимися в защите и поддержке. Имеется в виду не столько единственный речевой диалог, сколько продолжительные и многопрофильные диалоги сотрудничества, выстроенные в систему регулярных встреч работника социальных служб с населением. Нередко при осуществлении такого вида деятельности вопросы о том, *где, как, какими средствами* создается благоприятная атмосфера общения социнома с клиентом, остаются открытыми. Ответы на них имеют широкий контекст. Однако в качестве социальной организации, обеспечивающей клиента культурной средой, может рассматриваться и музей. В связи с этим технология социальной работы, опираясь на теорию музейной коммуникации и метод «музейных диалогов», получает новую интерпретацию. Технология социальной работы — это практическая деятельность социального работ-

ника, которая характеризуется рациональной последовательностью использования различных методов и средств с целью достижения качественных результатов труда.

Сама по себе культура музея, музейная среда, обладая огромным воспитательным потенциалом, имеет многокомпонентный характер. Она включает информацию, знания, систему ценностей, обучает и просвещает человека, формирует ценностные ориентации личности, наконец, организует досуговую деятельность. По мнению М.М. Бахтина, музей призван стать местом поиска новых форм общения посетителей с культурными ценностями. Изучение студентами методики работы с музейной средой, применение в музейном пространстве социальных технологий способствует более эффективному сотрудничеству с завтрашними клиентами. Так, социальная работа с трудными подростками, нацеленная на развитие ребенка понимать себя и окружающий мир, предполагает выбор форм и приемов воспитания, среди которых в качестве альтернативы предложены экскурсионные лекции, музейные конференции, музейные концерты и киносеансы. Приемы музейной экспозиции целесообразно использовать при подготовке к социальной акции или агитации.

В Рязани более 10 лет действует музей имени Измаила Ивановича Срезневского, выдающегося ученого-слависта, академика пяти духовных академий России. Жизненный путь этого замечательного человека был предопределен просветительской и одновременно благотворительной деятельностью его отца, Ивана Евсеевича Срезневского, нашего земляка, родившегося в селе Срезневе Шиловского района. Род Срезневских всегда характеризовала богатая духовно-религиозная жизнь. Достаточно сказать, что несколько поколений подряд его представители являлись священниками в селе Срезневе. Измаил Иванович Срезневский был глубоко верующим человеком. Семейственность всегда отличала их род. У И.И. Срезневского было 8 детей, все они как талантливые личности прославили свою династию в различных областях науки и культуры (филология, физика, медицина, живопись, литература). В условиях упадка ценностей семьи, Отечества, языка современному обществу необходимы музеи о людях, способных быть и оставаться во времени для многих поколений идеалом и нравственным ориентиром. Именно поэтому музей И.И. Срезневского выбран нами в качестве экспериментальной площадки для проведения студентами музейных лекций социально-педагогической тематики: «Семья Срезневских и благотворительные традиции Рязанского края», «Социально-

педагогическое наследие рода Срезневских», «Методы и формы семейного воспитания», «Личностная характеристика социального педагога», «Роль музеев в социальном воспитании», «Принцип гуманизма в социальной педагогике (на примере педагогической деятельности И.И. Срезневского)». Использование элементов музейной педагогики в подготовке специалистов социальных служб предполагает наряду с получением студентами знаний развитие коммуникативной компетенции, творческих способностей. Вместе с тем изучение социальных дисциплин на основе краеведческого материала реализует национально-региональный компонент общего образования. Занятия в музее обеспечивают также применение аксиологического подхода к обучению, что немаловажно в профессиональной подготовке работника социальных служб, поскольку деятельность последнего обуславливается сформированностью его системы ценностных ориентаций, в частности, таких личностных качеств, как отзывчивость, доброжелательность и милосердие.

В.А. Ханина
Шилово

На родной земле И.И. Срезневского

Ученый с мировым именем, академик, почетный член 32 академий и научных обществ Европы, И. И. Срезневский выбрал местом своего погребения вместо престижных петербургских кладбищ глухое село — село Срезнево Шировского района, родину своих предков. Здесь же был открыт музей знаменитого ученого. Имя великого ученого-слависта шировцы искренне чтут, а память о нем стараются сохранить для грядущих поколений. Поиск материалов о жизни и деятельности Срезневского собирают не только в музее, но и в библиотеках Шировского района. Папки, буклеты, книги о великом земляке представлены в центральной библиотеке на постоянно действующей выставке «Жизнь и научное наследие» (к 195-летию И.И. Срезневского). Часы информации, устные журналы с просмотром видеофильма «Край Срезневский» прошли в старших классах школ поселка Шилово.

«Словарь отечественного языка» есть одна из самых необходимых книг для всякого образованного человека», — писал И.И. Срезневский. Как он сам отмечал, основным трудом его жизни является

сбор материалов для исторического словаря русского языка. Мы должны с огромным уважением относиться к тем людям, которые изучают и сохраняют наш язык. 2007-й год объявлен Годом русского языка, годом чтения, годом культуры. Библиотекам и библиотекарям совсем небезразлично, что происходит с родным языком. Состояние современной языковой среды вызывает большую тревогу. Рушатся языковые нормы, жаргон звучит даже там, куда раньше вход ему был строго воспрещен, например, в средствах массовой информации. Особенно болезненно это сказывается на детях, подростках. Они не умеют правильно выражать свои мысли, словарный запас их ограничен. На помощь детям стараются прийти библиотеки. С помощью книги мы учим их правильно общаться.

В центральной детской библиотеке несколько лет работает клуб «Школа хороших манер», где детей учат культуре поведения, культуре речи. Здесь же проводятся литературный час «Доброе слово железные ворота открывает» (о чистоте речи), познавательная игра «Сказки-подсказки» (о грамматике русского языка), викторина «Язык родной, дружи со мной» и др.

Русский язык — одно из приоритетных направлений работы библиотек района на протяжении уже многих лет. Начало этому направлению было положено в 2002 г. — юбилейном для нашего славного земляка И.И. Срезневского.

Единичные мероприятия не дают желаемого результата. Поэтому многие библиотеки в тесной связи со школой составляют совместные планы работы, проводят циклы самых различных мероприятий и обобщающих уроков по русскому языку и культуре чтения.

Так, в Желудевской сельской библиотеке ведется продуманная систематическая работа. Вместе с учителем литературы составляется план, включающий в себя проведение викторин, бесед, конкурсов, игр, значительно способствующих развитию интереса к родному языку.

Используются традиционные и нетрадиционные формы работы: игры-соревнования «Кто знает пословицы», «Лингвистическая экспедиция в мир удивительной русской сказки», игра-путешествие «В город Алфавит».

Оформлены книжные выставки «По планетам знаний», «Язык — к знанию ключ» с использованием детских рисунков, которые привлекают большое внимание к выставкам. Много добрых улыбок вызвала выставка рисунков на тему «Фразеологизмы, или почему не жалеют «сироту казанскую».

Во всех библиотеках района проведены библиотечные уроки: «Словари — наши помощники и друзья», «О книге и библиотеке». В центральной библиотеке для учащихся 10—11 классов проходят библиотечные уроки: «Информационная культура личности», «Информационные возможности библиотеки», библиографическая игра «Усердней с каждым днем гляжу в словарь». После таких мероприятий интерес к словарям резко возрастает. Особенно пользуется спросом «Большой толковый словарь русского языка» — самая необходимая книга, как считал наш великий земляк, для образованного человека.

В течение трех лет действует информационно-образовательная программа «Книга — мир открытий», предполагающая популяризацию лучших литературных произведений, развитие культуры чтения, приобщение к чтению. В рамках этой программы проводилась читательская конференция «Моя золотая полка» о роли книг в жизни людей, о любимых произведениях родителей, учителей, школьников, бенефис читателя «Книги — моя радость».

Ежегодно проходит неделя детской и юношеской книги. В праздничном представлении принимают участие все школы поселка.

Большую роль в оздоровлении языковой среды играет широкое привлечение школьников к литературно-художественному творчеству, чему способствуют творческие конкурсы среди детей и юношества. В нашем районе в апреле 2006 г. был проведен литературный конкурс имени Евпатия Коловрата. В нем приняли участие не только члены широко известного литературного объединения «Родники» при центральной библиотеке, но и учащиеся школ района. В номинации «Поэзия» победителем стали учащиеся Мосоловской средней школы. Самые активные из них были награждены дипломами и подарками. Подведение итогов конкурса состоялось в декабре. В состав жюри вошли члены Союза писателей России В.Л. Белов, А.П. Хлуденев, Н.В. Молотков, рязанский поэт Е.А. Артамонов и др. В рамках этого мероприятия предусматривалось проведение мини-семинара «О совершенствовании мастерства в поэзии и прозе в условиях самостоятельного творчества на современном этапе». Шиловское литературное объединение ведет большую работу среди населения района. Только за 2006 г. состоялось более ста творческих встреч с тружениками сел, производственных коллективов, с учащимися школ района и любителями поэзии. Эти встречи помогают овладеть родным языком, учат говорить грамотно, красиво, лаконично выражать свои мысли и чувства.

Мы рады осознавать себя хотя бы немного причастными к имени профессора И.И. Срезневского. Рады, что живем на земле его предков, и, конечно, сделаем все возможное, чтобы память о нем жила на этой земле. Научные труды и достижения И.И. Срезневского просто не могут быть забыты, пока существует наша страна, пока есть люди, говорящие по-русски.

А.И. Буйлова

г. Спасск

Библиотека и русский язык

Язык — это история народа, путь цивилизации и культуры. Поэтому-то и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, а насущной необходимостью.

А.И. Куприн

Между прошлым, настоящим и будущим нет границы. Эта неразрывная связь особенно характерна для языка, который как эстафету отцы передают детям.

Русский язык — это реальность, в которой выражаются думы и чаяния народа, запечатлены черты самобытного национального характера. Поэтому, говоря о культуре речи, мы говорим о сохранении и развитии культуры русского народа.

Развязность, сквернословие, употребление унижительных кличек и прозвищ, к великому сожалению, становятся характерной чертой нашего времени, разрушает литературный русский язык.

На государственном уровне признано, что русский язык — это национальное достояние, такое же богатство, как нефть и газ. Библиотеки, располагающие духовным богатством, воплощенным в слове, могут реально содействовать распространению знаний в области русского языка, оказывать помощь в исследовании его огромных возможностей. Библиотека является хранителем ценностей, постоянно создаваемых человечеством, которые, как в сокровищнице, накапливаются в произведениях литературы и искусства. Создавая условия для чтения, пропагандируя произведения отечественной классики, организуя образовательные игровые занятия, библиотеки способствуют повышению интереса к русскому языку и русской культуре.

Ежегодно проводимые Неделя детской и юношеской книги, Дни славянской письменности и культуры повышают интерес читателей к языку, письменности и истории книги. В Спасской детской библиотеке с целью привития школьникам любви к литературному языку, который является языком науки и школы, газет и журналов, документов и художественной литературы, языком повседневного общения культурных людей, разработана библиотечная программа «Библиотека и русский язык». В рамках ее будут проводиться учебно-познавательные мероприятия, обучающие игры, библиографические обзоры изданий учебной, справочной и художественной литературы, различные конкурсы, организовываться книжные выставки, способствующие распространению знаний в области русского языка, закреплению норм правильного написания и произношения.

Для расширения кругозора своих читателей и повышения общего уровня их знаний библиотека имеет возможность проводить часы информации об А. Афанасьеве, И. Срезневском, В. Дале, В. Виноградове, С. Ожегове.

Различные формы библиотечной работы, включенные в Программу, дадут возможность показать роль библиотеки в системе воспитания патриотического отношения к русскому языку и русской культуре. Библиотекари справедливо полагают, что красоту и величие русского языка следует постигать на образцах русской поэтической классики. Звучание стихотворной русской речи способствует усвоению литературных норм, созданию поэтических образов. С этой целью библиотека организует вечера поэзии, конкурсы на лучшее исполнение стихов, конкурсы творческих работ, литературные встречи с местными поэтами. Библиотечная программа «Библиотека и русский язык» охватывает все группы читателей: детей, подростков, родителей, студентов педагогического колледжа.

На начальном этапе реализации Программы в библиотеке создана «Школа русского языка», цель которой — воспитание патриотизма у детей и подростков, развитие навыков работы со словарями и справочниками. Работа будет проводиться дифференцированно с учетом возрастных особенностей и способностей школьников. Для каждого класса определены массовые мероприятия, различные по форме и содержанию, например: в 1 классе — громкое чтение стихов В. Орлова, С. Маршака, в 4 классе — занимательная игра «Чудесное превращение слов», в 6 классе — библиографическая игра «Мы путешествуем, друзья, по словарям от А до Я», в 9 классе — «Праздник славянской письменности». Эта программа «Школы» будет ежегодной и при необходимости будет дополняться.

В течение года с читателями будет проведено 18 различных массовых мероприятий: литературные викторины, турниры знатоков, библиографические игры, часы информации, фольклорные праздники, литературные часы.

В рамках Программы в детской библиотеке создается Центр изучения русского языка. В настоящее время в Центре собрана литература по русскому языку для всех групп читателей детской библиотеки, словари, справочники. Часть этого фонда раскрывается через книжные выставки, буклеты, тематические папки.

С руководителями детского чтения и студентами педагогического колледжа запланировано проведение «круглого стола» на тему «Русский язык как основа духовной и художественной культуры».

Информационная и библиографическая деятельность библиотеки в рамках Программы будет заключаться в выпуске индивидуальных информационных буклетов: «Веселая грамматика», «Что в имени твоём?», «Происхождение слов», «Писатели о русском языке» и др. Дополнительно будут приобретены детская художественная литература, словари, справочники, периодические издания по русскому языку, а также компьютер для работы с электронными носителями информации.

Возможностей у библиотеки в плане реализации Программы по русскому языку очень много. Детская библиотека и раньше включала в план работы мероприятия на эту тему, а за два месяца работы по Программе мы увидели, что интерес школьников и руководителей к данной тематике детского чтения возрос и, следовательно, работа Спасской детской библиотеки востребована нашими читателями и реально содействует распространению знаний в области русского языка.

Е.В. Силаева

Шацк

Сохраняя родной язык

Родная речь, родной язык — неотъемлемая часть русской культуры и отечественных традиций, важнейшее средство человеческого общения, удовлетворения духовных запросов людей. Русский язык нужно беречь, любить и защищать от сквернословия и

элементарной неграмотности. Содействие сохранению богатства и чистоты родного языка — важнейшая задача как школы, так и библиотеки.

Роль родного языка, русской речи в сохранении традиций отечественной культуры трудно переоценить. Слово — душа языка, его богатство и гордость. Издавна народ ценил воспитательную силу слова. На Руси детскую книгу сравнивали с материнским молоком, необходимым ребенку, ключом, открывающим двери в сокровищницу мудрости и богатства, с лестницей, ведущей к вершинам образованности, к почету и славе. Родители, педагоги и библиотекари во все времена стремились к тому, чтобы обученные грамоте дети были как можно более начитанными.

Мощь современных информационно-коммуникационных технологий и средств связи открыли невиданные ранее возможности быстрого распространения любой информации. Глобальный характер этого процесса привел к тому, что во всем мире люди слушают одни и те же песни (чаще всего — на английском языке!), смотрят одни и те же фильмы, носят модную одинаковую одежду. В результате этого человечество встало перед серьезной опасностью утраты своей культуры.

Вот почему нашей Шацкой детской библиотекой и была избрана в качестве одного из основных направлений работа по овладению, изучению, использованию и сохранению русского языка. В читальном зале организовано «Справочное бюро русского языка», в котором собраны справочники, словари по русскому языку. Ведется и систематически пополняется картотека «Русский язык», которая пользуется большим спросом у читателей библиотеки и включает следующие рубрики:

- «Словари и справочники русского языка»;
- «В помощь учителю» (методика преподавания русского языка в школе);
- «Игры» (сценарии, методические рекомендации для закрепления пройденного материала);
- «Из истории слов» (перечень рубрик, статей из периодических изданий).

Для реализации избранного направления сотрудниками библиотеки в 2001 г. была разработана программа по русскому языку «Языкознайка», цель которой — научить читателей бережно относиться к русскому языку. Ее девизом стали слова К. Паустовского: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его

гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку...»

В 2002 г. на областном конкурсе библиотечных программ «С книгой — в компьютерный век» программа «Языкознайка» заняла первое место и была награждена премией в размере 10 тысяч рублей. На эти средства библиотека приобрела словари и справочники по русскому языку, лучшие произведения русских классиков и CD-ROM с обучающими играми и тестами по русскому языку.

С внедрением новых информационных технологий в библиотеке открылись новые возможности. Компьютер, DVD и видео помогают интересно, увлекательно и зрелищно провести и беседу, и литературно-музыкальную композицию, и конференцию.

В 2003 г. в рамках Программы был создан клуб любителей русского языка «Грамотей». Членами клуба являются учащиеся среднего возраста Шацкой средней школы. Создавая клуб, сотрудники библиотеки ставили следующие задачи:

- формировать у детей потребности знать и любить русский язык;
- повышать культуру письменной и устной речи;
- воспитывать у юных читателей уважение к историческому наследию, к традициям русского народа;
- обучать детей основам культуры чтения.

Работу по реализации программы сотрудники детской библиотеки организуют так, чтобы в познавательной и занимательной форме вызвать у читателей интерес к родному языку, привлечь их внимание к полезному, важному в самом языке, помочь усвоить правила речевого обращения.

Свои знания, полученные на уроках русского языка и литературы, ребята закрепляют во время массовых мероприятий в библиотеке.

Учитывая возрастные особенности наших читателей, мы стараемся разнообразить мероприятия, используем компьютерные технологии, по возможности стараемся поощрять участников мероприятий.

Нами были оформлены книжные выставки, проведены обзоры по темам: «Тайны русского языка», «По стране Родная речь», «И нравы, и язык, и старина святая...», «Родной язык — величайший наставник», «Слов драгоценные клады», «Собирал человек слова (В.И. Даль — 205 лет)» и др.

Для малышей проводим громкие чтения стихов, рассказов, сказок из журнала «Детское чтение для сердца и разума» и лучших

произведений русской литературы. Проведены литературные игры «Доскажи словечко», «Хромое слово — кривая речь», утренники «Путешествие в сказку», «Правила хорошей речи», литературное лото «Эти многоликие слова».

Для детей среднего возраста проведен фольклорный праздник «Сокровища русского народа», «Конкурс грамотеев», библиографические игры «Приключения слов», «Слов русских золотая россыпь», библиотечный урок «Шаг навстречу искусству слова», час познания «Начало Аза». На мероприятие, посвященное Дню славянской письменности и культуры «Аз, буки, веди», были приглашены дети и родители. После мероприятия некоторые родители подарили библиотеке книги: «Развивайте дар слова» А.В. Сусловой, «О русских именах» А.В. Суперанской, «Мир родной речи» Л.И. Скворцова и др.

По просьбе учителей в библиотеке проводились литературная игра «Буквенная мозаика», уроки русского языка «В глубины слова», «История русского языка», «Долгий путь письменности».

Ежегодно на августовских совещаниях для учителей русского языка и литературы района проводятся дни информации, такие, как «Живущее в любом из нас чудо», «Вселенная в алфавитном порядке». В помощь учителям разработаны пособия малых форм: закладка «Справочное бюро русского языка», рекомендательные списки литературы «От игры — к знаниям», «Внеклассное чтение для младших школьников».

Для читателей выпущены рекомендательные списки литературы «Вселенная в алфавитном порядке», «В стране слов», «Сокровища русского народа», «Из истории слов», «К истокам слова», закладки «Слова-тезки наоборот», «Словари — ваши друзья и помощники».

Учителя района очень часто пользуются не только «Справочным бюро русского языка», но и CD-ROM «Репетитор. Русский язык», «Репетитор. Тесты по пунктуации», «Незнайкина грамота».

Наша библиотека разработала и реализует программу «Летнее чтение с увлечением». Читатели познакомились с буклетами «Вечно живой родник, несущий человечеству радость», «Путешествие в слово», «Классная классика», «Унеси нас, сказка, в свой волшебный мир», «Кузькино путешествие в страну Литературию».

Детская библиотека изучает опыт работы других библиотек, оказывает методическую помощь сельским коллегам. Проведен семинар «Русский язык — национальное достояние русского народа». На совещаниях и семинарах проводится обмен опытом работы.

Во всех библиотеках района прошли мероприятия, посвященные 205-летию со дня рождения В.И. Даля: час познания «Непревзойденный толкователь великорусского языка», беседы «А может, прислушаться к Далю», «Великий собиратель слов», «За далью — Даль».

Детская библиотека и Управление образования и молодежной политики муниципального образования Шацкий муниципальный район подписали соглашение о реализации программы «Языкознайка» для информационной поддержки и оказания помощи в реализации концепции образования, нравственного и эстетического просвещения детей и подростков.

Объединяя усилия сотрудников библиотеки и педагогов, привлекая родителей, мы стремимся привить любовь к родному языку, повысить языковую культуру детей, наших читателей.

РАЗДЕЛ VII

К юбилейным датам филологов

О.В. Никитин

г. Москва

Нестор славянских филологов (к 150-летию со дня рождения академика А.И. Соболевского)

Алексей Иванович Соболевский — выдающийся русский ученый-славист, чьи научные интересы нашли яркое выражение во многих областях филологических знаний. Он был знатоком словесной культуры в самом широком смысле этого слова, оставил яркий след в истории русского и славянских языков, диалектологии, истории и этнографии, палеографии, народного творчества, был открывателем, издателем и комментатором памятников церковнославянской и древнерусской письменности. Но более всего в лингвистическом отношении он работал с древними текстами, был фактографом языковых явлений и всегда опирался в этом на свои, проверенные годами кропотливой работы данные.

Общие данные о жизни и деятельности А.И. Соболевского хорошо известны, поэтому более подробно мы коснемся освещения тех сторон его биографии, которые представляют интерес для современного исследователя и проливают свет на закрытые ранее сведения. Алексей Иванович Соболевский родился 26 декабря (по старому стилю) 1856 г. в Москве в семье чиновника. В 1874 г. окончил 1-ю Московскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет столичного университета, где учился у таких корифеев отечественной науки, как Ф.И. Буслаев, Ф.Е. Корш, А.Л. Дювернуа, Ф.Ф. Фортунатов, В.Ф. Миллер и др. По завершении университетского курса А.И. Соболевский работает над дис-

сертацией по русской грамматике, которую защитил в 1882 г. Дальнейшая деятельность ученого была связана с Киевским и Харьковским университетами. В первом из них он получил должность доцента по кафедре русской литературы, а после защиты в 1884 г. в Харькове докторской диссертации «Очерки по истории русского языка» стал ординарным профессором. С 1888 по 1908 г. А.И. Соболевский заведовал кафедрой русского языка и словесности Санкт-Петербургского университета, где читал лекции по старославянскому языку, истории русского языка и диалектологии, палеографии. По свидетельству Д.К. Зеленина, в 1906—1907 гг. А.И. Соболевский приготовил специальный курс «Русская этнография», который «читался тогда впервые за всю столетнюю историю здешнего... университета» [1, с. 54]. Кроме того, он преподавал и в Археологическом институте. В 1893 г. его избирают членом-корреспондентом Императорской АН по отделению русского языка и словесности, а в 1900 г. — действительным членом Академии наук. В 1908 г. А.И. Соболевский вышел в отставку и вскоре переехал в Москву, где продолжил свою педагогическую и научную деятельность. «По свидетельству П. К. Симони, — пишет М. Г. Булахов, — С<оболевский> в 1918 г. читал лекции по исторической этнографии Руси в Московском университете, по истории русской культуры в Московском археологическом институте, по палеографии и актовому языку на Архивных курсах, открытых Московским областным управлением архивного дела» [2, с. 200].

А.И. Соболевский был избран членом-корреспондентом Белградской и Софийской академий наук и состоял во многих столичных и провинциальных исторических, археологических и филологических обществах и комиссиях. Так, он принимал участие в работе 9—11 археологических съездов (Вильно — Рига — Москва), славяно-русской палеографической выставке (1899 г.), предварительном съезде русских филологов (СПб., 1903 г.), некоторое время находился в составе Орфографической комиссии АН. По данным его фонда в РГАЛИ, ученый занимался и благотворительной деятельностью.

Статью памяти А.И. Соболевского видный лингвист Н.Н. Дурново справедливо начинает с рассказа о диспуте 1882 г., состоявшемся в Московском университете по случаю защиты А.И. Соболевским магистерской диссертации «Исследования в области русской грамматики», на котором выступил «ученик 6-го класса Московской 2-й гимназии Шахматов Алексей». «Почти все, что после этого диспута в течение следующих 40 лет выходило в России в об-

ласти изучения русского языка, — пишет далее Н. Н. Дурново, — было связано с каким-нибудь из этих двух имен: это были по большей части их собственные труды и лишь изредка — работы их учеников или последователей, исходивших из положений, выработанных ими, и применявших их методы» [3, с. 831].

Это примечательное наблюдение говорит не только о роли крупнейших исследователей в истории русской науки, но и об их влиянии на развитие лингвистических и в целом историко-филологических взглядов нескольких поколений ученых, впитывавших прогрессивные идеи своих учителей. И если А.А. Шахматов, по мнению Н.Н. Дурново, был «конструктивистом», то А.И. Соболевский, напротив, «реалистом». Этим отчасти объясняется характер и направленность большинства трудов ученого, изучавшего только те факты, «которые можно извлечь из непосредственного изучения памятников» [3, с. 832—833].

В 1888 г. А.И. Соболевский выпускает первый опыт систематического изложения истории звуков и форм русского языка под заголовком «Лекции по истории русского языка», которые переиздавались при его жизни три раза. По словам А.А. Шахматова, «выход Лекций является едва ли не самым видным моментом в истории нашей науки после появления Исторической грамматики Буслаева» [3, с. 282]. В них проведен тщательный анализ и систематизация главных звуковых особенностей русского языка и древнерусских говоров, немало места уделено изучению морфологии, в частности истории форм склонения и спряжения. В этой же работе содержатся и важные диалектологические наблюдения А.И. Соболевского, который, например, полагал, что «русский язык в значительной части своих черт, звуковых и формальных, был уже тем, чем он является в наши дни. После этого времени к числу особенностей русских говоров не прибавилось ничего важного, точно так же ничего и не убавилось. Изменения произошли только в территориальном расположении разных частей русского языка» [4, с. 282].

Одним из первых А.И. Соболевский начал практиковать преподавание систематического курса истории русского литературного языка в вузах. И здесь он пошел дальше своих современников, в частности Е.Ф. Будде, обогатив этот курс большим количеством редких данных, извлеченных из рукописных источников XI—XVII вв., и по-новому сформулировав концепцию молодой науки. А.И. Соболевский впервые в таком объеме вводил «утилитарные» тексты, которые, по его мнению, заслуживают не меньшего внимания, чем канонические церковные, и анализировал административный язык,

придавая ему особое значение. Он подметил и такую любопытную особенность делового языка домонгольского периода: «... им пользовались не одни светские лица, но и духовные, и потому иногда из-под пера выходили произведения и на церковнославянском, и на русском языке» [5, с. 38]. Он впервые четко говорит о наличии в Древней Руси домонгольского периода *местных деловых языков*, создававшихся на русской основе и имевших свои региональные (диалектные) особенности: «Деловой документ, писавшийся в Киеве, писался на киевском говоре; деловой документ, выходивший из Новгорода, писался на новгородском говоре. Короче: в деловой письменности было столько чисто русских языков, сколько было говоров (курсив наш. — О. Н.)» [5, с. 39]. Этот курс сохранился в собрании Н.Л. Туницкого, ученика А.И. Соболевского, и был обнаружен впервые только в 1980 г. Но до сих пор эта небольшая по объему книга остается авторитетнейшим пособием по истории русского литературного языка, сокровищницей подлинных фактов, генератором новых идей.

Еще одной областью, в которой А. И. Соболевский продолжал лучшие традиции отечественной науки, была славистика. Он начал как автор статей об отдельных словах: «Славянское *миса*» (1884) и «Славянское *тысяча*» (1885). Но позднее обратился к изучению фонетических и грамматических черт славянских языков. Показательны его статьи: «Славянский префикс *оз-*» (1885), «Общеславянские изменения языков» (1889), «Носовые гласные в новоболгарском языке» (1890), «Заметки по славянской грамматике» (1895) и многие другие. В них разбирались и нередко публиковались также и сами памятники письменности и делались комментарии к их переводам.

Даже небольшие по объему статьи и заметки А.И. Соболевского уже были открытием. Такова, например, его работа о церковнославянских стихотворениях IX—X вв., в которой ученый приводит редкие рифмованные тексты древнего времени, «азбучные молитвы» XV—XVI вв. [6]. Или краткое сообщение о «Грамматике» И. Ужевича 1643 г. с исследованием морфологии ее текста. По мнению А.И. Соболевского, «это грамматика юго-западно-русского литературного языка XVII века, той смеси белорусского и польского языков, на которой писались в XVI веке в литовско-русском государстве документы, а в XVII в Южной Руси литературные произведения. Старая Москва знала этот язык под именем «белорусского» [7, с. 1].

Кроме того, особое место в славистических работах А.И. Соболевского занимают исследования морфологии, которые начались со времени защиты и опубликования им диссертации в 1884 г. и продолжались на протяжении почти тридцати лет. Часто он помещал рецензии с анализом работ славистов Ф. Миклошича, А. Будиловича, В. Ягича, М. Фасмера и др.

Пристальнее всего А. И. Соболевский всматривался в историю церковнославянского языка и его памятников. Из многочисленных трудов в этой области отметим прежде всего книгу «Древний церковнославянский язык. Фонетика» (1891), собравшую во едино лекции ученого, прочитанные в Санкт-Петербургском университете. В ней он ставит и решает такие задачи, как: «Что такое церковнославянский язык? Его источники»; «Отношение звуков церковнославянского языка к звукам родственных индоевропейских языков»; «Общеславянские изменения звуков»; «Церковнославянские изменения звуков». Отвечая на первый, пожалуй, самый важный вопрос, он дает такое объяснение: «...церковнославянский язык в своем основании есть не что иное, как солунский говор древнего болгарского языка, говор, может быть, с течением времени вымерший, может быть, сохраняющийся донине в остатках, в смешении с другими болгарскими говорами, в местах около родины Кирилла и Мефодия» [8, с. 10].

В славистике он выходил собственно за рамки этой науки, понимая ее значительно шире. Так, его глубоко интересовали проблемы происхождения и взаимодействия славянских наречий, а также этнолингвистические, топонимические и этимологические исследования. Ими он особенно плодотворно занимался в последнее десятилетие. Приведем пример работы А. И. Соболевского с текстом этимологического словаря Э. Бернекера и самим материалом, обнаруживающий редкий дар ученого излагать сжато и ясно. Такие комментарии и сейчас не лишены актуальности и показывают большую эрудицию.

Малина — «кустарное растение с длинными и тонкими ветками, с алыми (всею чаще) ягодами». Бернекер связывает это слово со словами, означающими черный цвет или что-ниб. черное, темное. Без надобности. Сл. название куста должно быть связываемо с лат. *malus* «шест, мачта» (по веткам).

Так наз. у русских садоводов *черная* малина, с черными ягодами, — не что иное, как вр. *ежевика*, мр. *ожика* (от *ежь*—*ожь*); хотя с собственно малиной имеет сходство, но обыкновенно от нее отличается.

Еще один пример:

Ц.-сл. *мечька* «медведь», по Бернекеру — уменьшительное от *медведь*. Возможно. Русский язык теперь не знает ни *мечька*, ни других слов с тем же значением, близких по звукам. Но название реки в Средней России Красивая *Меча*, в своем роде единственное, получает объяснение при понимании его первоначального значения: «медведь». Срв. названия рек *Медведица*, *Бобр*, *Вебрь*, *Тетерев*, *Кур* и т. п. То же можно сказать о личном имени *Мечислав* (рядом с именами **Вьлкославъ*, **Вьлканъ*, **Вьлкашинъ* и т. п. от *вьлкъ*). Форма женского р. естественна: и теперь еще польский язык знает *медведь* как слово женск. р. В древности то же было, по-видимому, у в<елико>руссов.

Распространение уменьшительного **меча*, *мечька* становится понятным, когда мы припоминаем себе роль медведя в Древней Руси как предмета народной забавы. Об ней говорят и др.-р. поучения, и «Рокслания» польско-русского поэта второй половины XVI в. Кленовича. <...>

Древнейшее слав. название медведя нам неизвестно. Почему же?

Бернекер говорит: дело в «эвфемизме». Едва ли. Скорее здесь перед нами страх, боязнь. Срв. Страх русских простых людей... перед *чертом*, *лешим*, *водяным* и т. д. и нежелание называть вслух эти существа по их подлинному имени, заменяя последнее местоимением *он* или эпитетами: *нечистый*, *немытый*... Такой сильный зверь, как медведь, должен был нашим отдаленным предкам внушать страх. Встреча с ним один на один в лесной тайге была опасна и для человека, и особенно для скота. Чтобы ее избежать, употребляли эпитет с значением «медоед».

О древнейшем слав. названии медведя мы можем говорить на основании др.-инд. *rkṣa-*, др.-бактр. *arṣa*, гр. *αρκτος*, лат. *ursus* «медведь». По-видимому, оно до известной степени сохранилось в названии хищной *росомахи* <...> [9, с. 448—449].

Не менее поучительны его этнолингвистические зарисовки «скифов» — попытка А.И. Соболевского найти прародину славян, объяснить причины миграции населения России и Украины, дать характеристику словесной «симфонии» топонимов: *Там* и *Черное море*, *Пантикан* и *Керчь*, *Бескид* и *Яцад* и др. В этих очерках разбросаны интересные археологические и языковедческие наблюдения над названиями жилых мест, озер, рек, океанов и т. д. [10].

Его деятельность в области славистики получила высокую оценку учеников. Один из них, академик Б.М. Ляпунов, так охарактеризовал ее:

«А.И. не только был начитан, знал прекрасно и современное ему состояние филологических наук... и изучил источники для пополнения и исправления накопленных до него сведений; он кроме того, сверх своей колоссальной эрудиции, обладал редким даром интуиции, сметливости, умением быстро ориентироваться в громадном печатном, рукописном матерьяле и выбирать из него самое существенное, самое характерное. Метод его исследований рукописного материала был таков, что его нельзя рекомендовать ученому средних способностей... Редкие способности научного исследователя А.И. соединял с краткостью и деловитостью изложения» [11, с. 32].

А.И. Соболевский как славист не был просто кабинетным ученым, он был страстным исследователем и публицистом. В одной из работ ученый предлагал прогрессивную, но так и неосуществленную реформу славяно-русского образования в университетах России. С болью и сочувствием воспринимая происходящее, он писал:

«Общее состояние нашей высшей школы, как бы она ни называлась (университет, духовная академия, женские курсы), давно уже печально. Лекционная система, за которую упорно держатся преподаватели в этой школе, устаревшая и в Западной Европе, но там понемногу реформируемая, — ведет русскую высшую школу к *полному разложению* (курсив наш. — О. Н.). Отсутствие обязательности занятий в одних случаях, всякие послабления и снисхождения в других приучили русскую учащуюся молодежь пренебрегать самым посещением высшей школы и переносить всю работу по усвоению элементов науки на короткий экзаменационный период.

<...> Наше Славянское общество уже имеет поручение «ходатайствовать, чтобы в военной академии Генерального штаба была учреждена кафедра по этнографии и истории славянских народов, для чтения хотя бы необязательных лекций по этим предметам» [12, с. 3, 7].

А.И. Соболевский был знатоком старославянских и древнерусских памятников. Его исследования носили не только лингвистический характер, он изучал *текст* во всей совокупности его граней: и как факт языка, и как историческое событие, и как культурный феномен. В этом смысле показательны работы ученого по палеографии — науке, занимающейся «древлеписанием». Его перу принадлежит самый фундаментальный из имевшихся на то время трудов в этой области — курс «Славяно-русской палеографии» (СПб., 1901) с широким привлечением памятников разных жанров и эпох, богатыми иллюстрациями, и главное — своей концепцией.

«В отличие от предшествующих курсов палеографии (И.И. Срезневского и др.) Соболевский описывал не отдельные рукописи, а палеографические особенности в их *историческом* (здесь и далее курсив наш. — О.Н.) движении (почерк от устава до скорописи, орудия и материалы письма, орнаменты, миниатюры, переплеты). Соболевский также *первым* раздвинул хронологические рамки изложения, описывая историю палеографии по рукописям не только XI—XIV, но и XV—XVII вв., привлекая также и данные старопечатных книг» [13, с. 312]. Опыт Соболевского как палеографа бесценен еще и в другом отношении: он собрал и обработал огромное количество рукописей, систематизировал материал, включил его в историко-культурный контекст эпохи, описал разные школы письма в славянских странах, доказал, что русские и их предки в эпоху Средневековья и ранее не были безграмотны (а такое обывательское мнение тогда часто бытовало даже в просвещенной среде). В статье памяти ученого Н.Н. Дурново подметил еще одну особенность:

«Соболевский был одним из лучших знатоков славянской кирилловской палеографии во всем ее объеме и часто читал курсы по палеографии в университете и в археологических институтах. <...> Как палеограф, С. не мог обойти молчанием вопрос о взаимоотношении глаголицы и кириллицы и высказывался по этому вопросу несколько раз. Он принадлежал к числу немногих сторонников первенства кириллицы перед глаголицей и предполагал, что глаголица изобретена учениками Мефодия в Моравии. Такой взгляд на кириллицу и глаголицу помешал ему правильно оценить свидетельство Храбра и показания акростихов старших церковнославянских стихотворений, на которые он первый обратил внимание» [3, с. 838—839].

А.И. Соболевский профессионально интересовался также древнерусским искусством, славянскими божествами, старинной поэзией, историей просвещения на Руси, древней и новой литературой, фольклором. Ему принадлежит фундаментальное издание «Великорусских народных песен» (СПб., 1895—1902. Т. 1—7). Во всех указанных областях его исследовательский талант выразился ярко и неподражаемо.

Так, например, Гоголя он рассматривает в связи с историей русской этнографии и касается тем самым очень непростого вопроса о западном влиянии в Малороссии. А.И. Соболевский и здесь остается верным традициям и историческим корням, некогда объединявшим народы:

«Василий Гоголь пользовался дома великорусским языком. На нем вели переписку он и жена с детьми, роднею, знакомыми. Великий Гоголь вырос на этом языке: великорусский язык, как теперь принято выражаться, был его «материнским» языком.

Если мы пожелаем дать нашему Гоголю этнографическое определение, мы должны будем назвать его просто русским, сыном единой пространной России, без деления на местные разновидности.

Отсюда понятна у Гоголя любовь к великорусам и малорусам одинаково» [14, с. 2].

Он первый высказал обоснованное мнение по поводу сношений русских с иностранцами, которое шло в разрез с официальной трактовкой этого щекотливого вопроса. «У нас господствует убеждение, — писал он в главе «Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков», — что Московское государство XV—XVII веков боялось иноземцев и было как бы отгорожено от Западной Европы стеною до тех пор, пока Петр Великий не прорубил в Европу окна» [15, с. 38; 16, с. 8]. Данной проблеме посвящен объемный труд ученого, где собраны и прокомментированы выписки из литературных памятников XIV—XVII вв., показывающих, что переводной характер многих письменных источников свидетельствует об активных и непосредственных контактах русских с иностранцами в области культурного строительства государства.

Очень ценны наблюдения А.И. Соболевского над степенью образованности людей в Московской Руси того же периода. Он говорит, в частности, о таком явлении, как *равенство* (!) образования, «соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое», которое существовало вплоть до конца XVII столетия [17, с. 22]. А.И. Соболевский пишет: «...образованность для всех сословий во всех отношениях была одна и та же. И княжеский сын, и поповский, и крестьянский учились в одни и те же годы одному и тому же по одним и тем же книгам, часто у одних и тех же учителей, и достигали в школьном образовании приблизительно одного и того же — умения читать и писать» [17, с. 21].

Есть еще одна область, которая проходит красной нитью почти во всех его работах. Мы имеем в виду этнографию. Она воспринималась им не просто как наука со своим инструментарием, а как сфера пограничных исследований, без которой невозможно проникнуть в славянские древности, познать историю и топонимию родного края. И здесь он был не только хладнокровным статистом, историком народного быта и культуры, а *общественным деяте-*

лем, мудрым политиком, верившим в единую Россию. Из трудов А.И. Соболевского этого цикла особо следует выделить одну брошюру — «Русский народ как этнографическое целое», напечатанную во Львове в 1911 г. В ней ученый дает характеристику народов, проживающих на территории России: поляков, немцев, татар, русских и других, где, между прочим, замечает, что «русский народ нигде не называет себя *великорусами, малорусами или белорусами*; эти этнографические названия принадлежат науке и употребляются только образованными людьми» [18, с. 7]. Интересны наблюдения А.И. Соболевского над процессами сближения (отталкивания) русских и украинцев. Так, он пишет: «Малорусы держатся крепко за свой язык и свои бытовые особенности. Столетие соседства малорусов с великорусами не превратило их в великорусов; полной ассимиляции не последовало, но начало ей положено». И далее (какой колоритный сюжет): «Причина медленности в ассимиляции заключается не столько в различии языка, сколько в различии особенностей быта и обряда. Крестьянин малорус не выдаст дочери за своего соседа крестьянина великоруса только потому, что при этом свадьба должна быть совершена не по дедовскому малорусскому обряду, а по другому великорусскому: «свои будут смеяться» [18, с. 15]. А.И. Соболевский касается здесь и политических проблем, например, говорит о украинофильстве и его стремлении к «освободительному движению». Главная же особенность любой народности, по мнению ученого, — язык, который охватывает огромное пространство и позволяет везде чувствовать «себя среди своих» [18, с. 15]. Иное — в Европе: «Немцы, например в разных местах немецкой территории (в Германии, Австрии и Швейцарии), несмотря на все усилия превосходной немецкой школы, остаются при своих говорах, и немец из-под Гамбурга не понимает немца из Вестфалии, а немец из Вестфалии не понимает немца под Цюрихом или под Веной» [15, с. 15]. В указанной работе приводятся и богатые статистические данные, говорится о характере распространения говоров, о влиянии инородных явлений и многом другом, что специально рассматривать здесь не станем.

Приведем только в заключение слова крупнейшего этнографа, последователя А.И. Соболевского Д.К. Зеленина, который в статье, посвященной памяти ученого, так охарактеризовал его вклад в этнографию:

«А.И. Соболевский был не только выдающимся историком языка и литературы, не только диалектологом, палеографом, славяноведом-филологом и археологом, но он был также и редким у нас

специалистом по топонимике и особенно — этнографом. Этнографом не только в общем значении этого слова — знатоком народной жизни, но и в тесном смысле — этнографом-специалистом, посвятившим целый ряд своих специальных научных работ различным отделам той дисциплины, которая прежде носила наименование «русской этнографии», а теперь — «этнографии восточных славян» [1, с. 54].

В юбилейной статье невозможно отразить все грани исследовательского таланта и жизненного темперамента А.И. Соболевского, который, без сомнения, был очень неоднозначной фигурой своего времени.

Но нельзя не сказать — и это особенно поучительно — об общественной позиции ученого и его твердой вере в прежние идеалы, разрушенные смутным временем 1917—1918 гг. На протяжении многих лет А.И. Соболевский был активным участником славянского движения не только в области филологических контактов, но и в политических мероприятиях. Так, по данным просмотренных нами в РГАЛИ материалов ученого, есть многочисленные отклики А.И. Соболевского на события в славянских странах и приглашения принять участие в работе того или иного заседания, съезда и т. д. Стоит заметить, что он являлся членом одной из первых русских национальных организаций «Русское собрание». Его позиция не раз звучала с трибун монархических съездов и собраний «Союза русского народа». По данным современных Интернет-изданий, «в 1910 г. за его монархические выступления и публикации [Соболевский] был обвинен либеральной профессурой и студентами в клевете, ему пришлось судиться, и, хотя суд оправдал Соболевского, он вынужден был уйти из Петербургского университета и перебрался в Москву» [19].

В сложные 1910-е гг. А. И. Соболевский принимал самое активное участие в сборе средств на военные нужды братьям-славянам и оказывал помощь пострадавшим. Он писал 18 октября 1914 г.:

«Я занят по горло военными делами. Бываю там, где никак не ожидал себя видеть. Сегодня б<ыл> представлен сербской королевне Елене Петр<овне> (замужем за Ю<рием> Константиновичем). Сдавал сшитое для поезда в Вост<очную> Пруссию белье — 68 штук. Сейчас буду беседовать о продаже билетов на концерт в пользу пострадавш<их> от войны русских в Холмской Руси, в Галиции и на Волыни. Вести ужасные. Кажется, придется стать во главу угла. А далее в пользу их уличный сбор. Это похитрее.

А сверх того, от Союза р<усского> н<арода> сбор белья и т. п. («неделя белья»). Придется и здесь играть роль. <...> [20].

В фондах РГАЛИ сохранились отношение председателя Государственного Совета Ив. Щегловитова и список с печатного указа императора Николая II о назначении А. И. Соболевского членом Государственного Совета. В первом из указанных документов говорилось:

Милостивый Государь,
Алексей Иванович.

Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, в 1 день сего января Государственному Совету данным, Вам ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелено быть членом Государственного Совета, с оставлением ординарным академиком.

О таковой МОНАРШЕЙ милости сообщая Вашему Превосходительству, имею честь препроводить при этом список с означенного ВЫСОЧАЙШЕГО указа.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Ив. Щегловитов [21]

Сохранилось любопытное письмо А.И. Соболевского родителям, где он рассказывает об этом событии: «Сегодня я начал службу. Зала Г<осударственного> Сов<ета> — в слуховом отношении очень плоха, слышно мало. Заседание, с 4 до 6 ч., б<ыло> чисто деловое и скучное. Следующее в понедельн<ик>» [20].

Это случилось накануне Февральской революции, которую он не мог принять и понять. Сохранившиеся письма А.И. Соболевского 1916—1917 гг. — уникальные свидетельства того смутного времени. Вот эти «хроники» в изображении ученого: В 1913 г. А.И. Соболевский испытал еще одно потрясение, бывшее, кажется, знаменем того времени. В письме родителям от 19 декабря 1913 г. он сообщал: «Сейчас меня обокрали. Без меня связали мою бабу (прислугу. — О. Н.), взломали комод и сундук и взяли серебр<яные> ложки, солонку и запонки <...> пиджак нов<ый> коричн<евый>, пиджак домашний, брюки черные и серые. Словом, я остался в том, в чем ушел из дома <...> [20, л. 160—160 об.].

4/XI 1916

<...> Гос. Дума скандалит; та часть, кто тянет к немцам, работает изо всех сил. Удивительно хорошо у немцев поставлена агентура. Теперь, когда немцам плохо, у нас бунты, скандалы, голодовки.

Запасся разными крупами и сегодня ел пшеничную кашу [20, л. 248].

21/I 1917

Хороший мороз, с туманом. Купил еще сажень дров, довольно мелких, 28 р. Смесь: елка, ольха, береза. Но что делать? Не могу ходить сам: приходится возлагать покупку на других, в данном случае на рассыльного Слав<янского> о<бщест>ва; ну, они — темна вода во облацех [20, л. 258].

4/II 1917

<...> Я уже дней 10 не покупал белого хлеба и питаюсь одним черным. Сегодня купил ячной крупы. Гречневой муки нет. Эту неделю я сделал себе мясную — ем грудинку (со щами). <...> [20, л. 260].

12/II 1917

<...> Сметаны достал, но на сметану не очень похожую.

<...> В последнее время я проповедую славянский союз; происходят прения. Пришлось побывать у мин<истра> ин<остранных> дел и побеседовать о чехах; очень мне понравился. <...> [20, л. 261].

18/II 1917

<...> Славяне — грызутся между собою (особенно чехи); надоели. <...> [20, л. 263].

26/X 1917

Вчера Петербург очутился во власти депутатов. Подробности вы можете видеть из Н. Вр. Я мог заметить только закрытые двери банков и магазинов да гуляющий по Невскому броневой автомобиль. Никольский пригласил меня пообедать с ним в центре событий — в ресторане при офицерск<ом> магазине, и я пошел. Было свободно (в 2 ч.). Рассольник и жарен<ый> поросенок с тушеной капустой, без хлеба (я принес своего) — 5 р. 15 к. Вкусно и сытно. Прислуга не берет на чай. Раздеваться не надо (так я и сидел в шубе). <...> [20, л. 268].

30/X 1917

<...> Ясно: нужно себя эвакуировать; нужно прибрать имущ<ество>; нужно попробовать застраховать; нужно поискать человека, чтобы поселить в квартире. Ломбард перестал брать в заем [20, л. 269].

В первые месяцы и годы Советской власти А.И. Соболевский испытал на себе весь трагизм случившегося. Его академическая

квартира в Петрограде была опечатана; только невероятные усилия А.А. Шахматова, лично руководившего работами, ездившего с «ломовым подрядчиком» за библиотекой А.И. Соболевского, позволили частично сберечь уникальное собрание ученого. Из письма А.А. Шахматова А.И. Соболевскому от 12 (25) мая 1919 г. Читаем: «Мы говорили вчера о перевозке Вашей библиотеки и Ваших бумаг в Академию. Средства на перевозку, если сумма потребуется не очень большая, обещает дать из Пушк<инского> дома Н.А. Котляревский. Ив. Савв. Будет на днях у комиссара Кудрявцева, если им не опечатана <...> Ваша комната, мы начнем искать ломового подрядчика». Но, вероятно, политическая деятельность А.И. Соболевского и непримиримая позиция в прежние годы не остались без внимания большевиков: «...летом 1918 г. [Соболевский] был арестован, от расправы его спасло только заступничество ученых. Однако «дело Соболевского» продолжало числиться за ревтрибуналом. Есть сведения, что Соболевский подвергался репрессиям и незадолго до своей кончины» [23].

Общественную ситуацию тех лет пронзительно рисует письмо академика В.М. Истрина А.И. Соболевскому в 1918 г.:

«Как Вы поживаете и чувствуете себя? Пребываете ли в забытьи или готовите какую-нибудь работу, пользуясь длинными каникулами, и надеетесь на восстановление научных интересов? Мы же пережили немало тревог с 17 по 27 янв<аря> старого стиля. <...> насчитывают <...> 18 ударов с большими повреждениями стен, окон и крыши. Пришлось спасаться в житных подвалах. Один из наших соседей настолько пострадал, что через несколько дней скончался» [24]. И далее: «Оправилась ли Москва после разорения? Как же <...> Вы не уберегли патриаршей ризницы при существовании в наличности патриарха? Были ли Вы у него? Как московские архивы и библиотеки?» [24, л. 3 об.].

Приведем еще один отрывок из другого письма В.М. Истрина А.И. Соболевскому того же времени:

Многоуважаемый Алексей Иванович!

Очень рад Вашему избавлению, но не знаю, что сказать в утешение, ибо утешаться решительно нечем: все погибло и погибает. Поедете ли Вы в П<етрогра>д? Мы в полном отчаянии — что делать? Вести из П<етрогра>да ужаснейшие: <...> голодная смерть. Но и здесь теперь не лучше: по мнению сведущих людей, в ближайшем будущем и здесь <...> голод. Да и теперь платить 300 р. За

пуд муки и 40 р. За меру [картофеля] * — не хватит содержания, которого, кстати сказать, уже два месяца не присылают. <...>

Отовсюду только слышишь утешение: умершим теперь лучше. <...>

Ваш В. Истрин [24, л. 37—37 об.]

О реальном положении А.И. Соболевского в начале 1920-х гг. красноречиво говорит и письмо А.А. Шахматова: «...мы сильно опасаемся за то, что Вы можете лишиться жалованья. Вы один из всех отсутствующих получаете жалованье в силу того, что Вы были обязаны подпиской о невыезде из Москвы. Для нас было бы чрезвычайно больно дожидаться отказа Вам в жалованье» [22, л. 35; 2 июля 1920 г.].

В посланиях А.А. Шахматова А.И. Соболевскому сообщается и о других неотложных делах, которые, несмотря на все невзгоды, для них — поколения истинных ученых-интеллигентов и патриотов своей страны — были первоочередным делом:

«Пользуюсь случаем просить Вас навести справки об оставшейся рукописи труда А.Г. Преображенского, содержащей окончание его Этимологического словаря. Мне кажется, рукопись надо было бы *сохранить* (выделено нами. — О. Н.). Быть может, мы со временем решим допечатать окончание Словаря, в котором немало достоинств, при всех его недостатках» [22, л. 29—29 об; 25 мая 1919 г.].

В непростые для ученого 1920-е гг. он не прекращал письменного общения с коллегами и учениками, которые нередко просили о помощи, рассказывали о своих судьбах, искали научного покровительства. Среди «корреспондентов» А.И. Соболевского были многие известные ученые: В.А. Богородицкий, Е. Ф. Будде, В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, Н.М. Каринский, М. Фасмер, С.П. Обнорский, А.М. Селищев, Б.М. Ляпунов, Д.К. Зеленин, И.Г. Голанов и др. Так, давний знакомый ученого профессор Казанского университета В.А. Богородицкий писал в 1925 г.:

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Очень был рад получить от Вас весточку о Вашем житье. Да, мы похоронили почти всех стариков-учителей, а теперь сами стали стариками, а я сверх того и многонемогшим. Очень благодарю Вас за присылку Ваших воспоминаний о Ваших стариках. Моя научная работа, поскольку позволяет старость, направлена пока главным

* Запись неразборчива. Прочтение предположительное.

образом в сторону экспериментальной фонетики и отчасти тюркского языкознания. Имею два часа лекций по экспериментальной фонетике и заведу Кабинетом; это несколько восполняет мой бюджет. <...> Мой коллега Е. Ф. Будде жалуется на ноги, плохо ходит и лекции читает на дому. <...> [25; 3 октября 1925 г.].

На протяжении многих лет, еще со времени ученичества и • еботы будущего крупного слависта академика Б. М. Ляпунова в Одессе, а затем в Ленинграде, продолжалось его общение с А. И. Соболевским, опекавшим своего питомца. Приведем фрагменты их переписки:

Б.М. Ляпунов — А.И. Соболевскому

<...> Большое спасибо за сообщение о Прологах. Я знал, что ими занимались многие с точки зрения историко-литературной, но ведь в словарном отношении и вообще со стороны языка они почти совсем не тронуты. Я припоминаю, как много интересного представилось мне в Лобковском (Хлудовском) Прологе 1262 г., когда я занимался им лет 30 тому назад. А так как списков Пролога древних довольно много, то является вопрос, как использовать их в словарном отношении, чтобы избежать повторений. Приходится пожалеть, что нет сводного издания частей Пролога. <...> [26].

<...> Теперь, пользуясь свободным от лекций и заседаний временем, спешу написать Вам и поблагодарить за Ваше внимание и предложение новой темы — исследование жития • е• ниии• Великого, за которую могу приняться, однако, лишь по окончании исследования Жития. <...> Мне очень совестно, что я никак не могу усвоить тех быстрых приемов исследования, которыми обладаете Вы и даже многие слависты средней величины, и я понимаю, как должны Вы досадовать на меня за мою медленность. <...>

Со смертью Ягича некому поощрять меня к печатанию, а потому я не тороплюсь, сознавая скороспелость своих заключений и недостаточность материала, привлеченного мною для исследования. Благодарю Вас за постоянные добрые советы, которыми и впредь прошу не оставлять. <...> [26, л. 15, 17; 8 декабря 1925 г.].

Для А.И. Соболевского, «отставленного» от дел и • е• ниии• егося не в лучшем положении в первые годы Советской власти, было принципиально важно сохранить накопленные годами материалы. И самое ценное из них, пожалуй, это выписки с фрагментами текстов разных жанров XV—XVII вв. для предполагавшегося проекта по подготовке к изданию древнерусского словаря. Кстати, с октября 1925 г. «он возглавил «Комиссию по собира-

нию материалов по древнерусскому языку» АН» [27, с. 208]. По подсчетам Л.Ю. Астахиной, им было написано более 100 тысяч карточек. Его справедливо вместе с академиком М.Н. Сперанским называют основателями картотеки ДРС.

В 1926—1929 гг. А.И. Соболевский предпринимал попытки сбора материалов и для других лексикографических начинаний, которые, к сожалению, остались незавершенными: так, он был инициатором работы над словарем древнего церковнославянского языка, дополнившим бы знаменитые «Материалы» И.И. Срезневского; готовил материалы для словаря старого языка Московской Руси XI—XVII столетий и словаря польско-литовской Руси XIV—XVII вв. Всего же за пятидесятилетнюю деятельность на ниве историко-лингвистической науки он опубликовал более 450 работ. Многие из них стали доступны широкому кругу читателей только сейчас. Монографии по истории русского языка, а также отдельные статьи и рецензии по вопросам сравнительно-исторического и славянского языкознания были собраны, тщательно прокомментированы и опубликованы В.Б. Крысько в издании: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1—2. — М., 2004—2006.

В 1927 г. Научная общественность отметила 70-летие А.И. Соболевского, а Академия наук «по почину его учеников» под редакцией академика В.Н. Перетца издала «Сборник статей» в честь знаменитого слависта, где, в частности, говорилось:

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Ваша полувековая научная работа на поприще славянской вообще и, в частности, русской филологии обогатила науку во всех ее отраслях, куда заглядывал Ваш пытливый взор.

До Вас были попытки охарактеризовать особенности древнерусского языка, но Вам принадлежит бесспорно честь быть первым историком его. Вами создана русская палеография как система знаний. Вы объединили материал и построили схему русской диалектологии как древнего времени, так и нового, положив твердую базу для дальнейших изучений. В области славянской филологии Вы значительно углубили сделанное Вашими предшественниками и подарили науке ряд ценных наблюдений, гипотез и выводов. Русская этнография обязана Вам, кроме единственного в своем роде свода великорусских песен, — рядом остроумных и значительных, несмотря на краткость, исследований и статей. История русской литературы, как древней, так и новой, — всегда занимала Вас; но в особенности важны Ваши работы для освещения переводной лите-

ратуры домонгольского и московского периода. Немало времени и сил отдали Вы изучению проблемы славянской и русской археологии, в частности же — древнерусскому искусству [28, с. 1].

Таким образом, А.И. Соболевский получил заслуженное признание почитателей и учеников, которые «вместо шумных юбилейных оваций» преподнесли ему скромный дар — книгу.

В заключение скажем несколько слов и о другой стороне личности А.И. Соболевского. Некоторый консерватизм был присущ ему при решении ряда вопросов по Отделению русского языка и словесности, где он состоял действительным членом и иногда конфликтовал с коллегами. В чем-то, возможно, он был резок и очень педантичен. Особенно это чувствуется при ознакомлении с его рецензиями (например, на исследования А.А. Шахматова, на труд С.К. Булича по истории русского языкознания и первую работу В.В. Виноградова о звуке «ять» и др.). «Все они [рецензии] очень невелики по объему и, по большей части, отличаются резкостью, — писал Н.Н. Дурново, — причем нередко, давая отзыв о книгах, обладающих большими достоинствами, Соболевский отмечает в них только недостатки» [3, с. 833]. Известный славист Г.А. Ильинский признавался в письме Б.М. Ляпунову от 30 апреля 1929 г.: «...взамен благожелательства Ф<ортунатова> и Ш<ахматова> я встречал у него (Соболевского. — *О. Н.*) обыкновенно лишь злопыхательство...» [29, с. 73]. В таких случаях, видимо, сказывались и личные предпочтения А.И. Соболевского, его обиды, иногда зависть, доводившие его просто до убийственных формулировок и оценок (особенно по отношению к молодому В.В. Виноградову, ученику академика А.А. Шахматова). И здесь он был также неоднозначен. Но проникать в тайны человеческой души — дело психолога. Мы лишь стремились дать по возможности объективный портрет А.И. Соболевского, естественно, далеко не полный.

О сокровенных симпатиях ученого, его терзаниях и сомнениях, душевных переживаниях он мог поделиться только с самыми близкими людьми и прежде всего — с матерью. С ней на протяжении нескольких десятилетий он переписывался вплоть до трагических событий 1917 г., когда ее не стало. А. И. Соболевский трепетно относился к изучению истории своего рода: хранил письма деда и документы еще более древних времен, имевших отношение к генеалогии собственной фамилии. Много нераскрытого таят в себе эти и другие материалы, находящиеся в фондах личного архива ученого (ф. 449) в РГАЛИ и других, пока еще неисследованных собраниях.

Символично, что Алексей Иванович Соболевский скончался 25 мая 1929 г., в день прославления равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, просветителей славянства.

Научная общественность откликнулась на это печальное событие изданием специального выпуска «Известий АН СССР», где ведущие отечественные ученые по достоинству оценивали вклад А.И. Соболевского в разные отрасли филологии и истории культуры. Примечательно высказывание В. Н. Перетца о годах становления научного метода покойного:

«Как языковед А.И. воспитался под влиянием главным образом Ф.И. Буслаева и А.Л. Дювернуа, в эпоху, когда только начиналась борьба между идеями Шлейхера, с его схематизмом и генеалогизмом, с одной стороны, и нарождавшейся новограмматической школой. К ней впоследствии примкнул А.И., но и в первых, и в некоторых последних работах он находился под влиянием идей Иог. Шмидта. Последнее сказалось в его морфологических исследованиях и в работах по диалектологии [30, с. 18].

К счастью, он избежал участи многих своих коллег, вынужденных покинуть Родину или гнить в ссылках и лагерях. Сохранились, по большей части, его семейный архив, переписка, но богатая книжная коллекция ученого и многие рукописи были утрачены в годы революционного лихолетья.

Известно, где находился дом А.И. Соболевского в Москве. «Его превосходительство» (так обращались к нему в письмах коллеги) жил и работал рядом с пресненскими прудами, на Верхнепрудовой улице «в собственном доме (№ 8)» (позднее ее переименовали в Конюшковскую улицу).

Известно, и где А.И. Соболевский был похоронен. Совсем недалеко, на Ваганьковском кладбище, за церковью Воскресения Словущего, справа, около центральной аллеи он нашел свой последний приют. Там покоится прах его родителей, самого А. И. и его брата С. И. Соболевского, известного филолога-классика.

В памяти всплывает фрагмент из чудом сохранившегося и прочитанного когда-то письма одного из самых ярких славистов XX в. — Григория Андреевича Ильинского. Он вспоминал, что великий ученый ушел тихо, почти безвестно; в последний путь его пришли проводить только самые близкие ученики, и то немногие, «в газетах не было даже объявления об его смерти и ни строки о заслугах красы и гордости русской науки: странно, что не было даже венка от А<кадемии> н<аук>».

Нестора славянских филологов не стало.

Список использованной литературы

1. Зеленин, Д.К. А.И. Соболевский как этнограф // Известия АН СССР. Отд-ние гуманитарных наук. — 1930. — № 1.
2. Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды : биобиблиографический словарь. — Минск, 1978. — Т. 3.
3. Дурново, Н.Н. Академик Алексей Иванович Соболевский [Некролог] // Slavia. — 1930. — Роѡ. 8. — Сеѡ. 4.
4. Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка. — Изд. 4-е. — М., 1907.
5. Соболевский, А.И. История русского литературного языка / изд. Подг. А.А. Алексеев. — Л., 1980.
6. Соболевский, А.И. Церковнославянские стихотворения конца IX — начала X века. Отд. Отгиск. — СПб., 1892.
7. Соболевский, А.И. Грамматика И. Ужевича 1643 г. // Отд. Отгиск: Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — 1906. — Кн. 19. — Вып. 2. — Отд. 5.
8. Соболевский, А.И. Церковнославянский язык. Фонетика. — М., 1891.
9. Соболевский, А.И. Этимологические заметки: По поводу «Славянского этимологического словаря» Э. Бернекера // Slavia. — 1927. — Роѡ. 5. — Sv. 3.
10. Соболевский, А.И. Русско-скифские этюды // Отд. Отгиск из ИОРЯС РАН. — Л., 1924. — Т. 26, 27.
11. Ляпунов, Б.М. Исследования А.И. Соболевского по истории восточнославянских языков // Известия АН СССР. Отд-ние гуманитарных наук. — 1930. — № 1.
12. Соболевский, А.И. Славяноведение в русской высшей школе // Отд. Отгиск из «Славянских известий». — 1909. — № 5.
13. Цейтлин, Р.М. Алексей Иванович Соболевский // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. — М., 1979.
14. Соболевский, А.И. Гоголь в истории русской этнографии. — Харьков, 1909.
15. Соболевский, А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — СПб., 1903.
16. Соболевский А.И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков. — СПб., 1899.
17. Соболевский, А.И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. Речь... — СПб., 1892.
18. Соболевский, А.И. Русский народ как этнографическое целое. — Харьков, 1911.
19. <http://www.rusk.ru/ppcalendar.php?date=2006-05-24>
20. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 67. — Л. 182. Автограф.
21. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 42. Подлинник (1 января 1917 г.).
22. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 397. — Л. 32.
23. <http://www.rusk.ru/ppcalendar.php?date=2006-05-24>
24. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 176. — Л. 2—2 об., 3.

25. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 95. — Л. 1—1 об. Автограф (3 октября 1925 г.).
26. РГАЛИ. — Ф. 449. — Оп. 1. — Ед. хр. № 238. — Л. 11 об. Автограф (21 июля 1925 г.).
27. История картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» / авт.-сост. Л.Ю. Астахина. — М., 2001.
28. Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. — Л., 1928.
29. Баранкова, Г.С. Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937) // Русская речь. — 2001. — № 2.
30. Перетц, В.Н. Академик А.И. Соболевский // Известия АН СССР. Отд-ние гуманитарных наук. — 1930. — № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

О.А. Черепанова (г. Санкт-Петербург)

Путевые письма И.И. Срезневского из славянских стран
(1839—1842) как факт языка, культуры и науки 5

М.Ю. Досталь (г. Москва)

И.И. Срезневский и его вклад в словакистику 15

В.Ю. Франчук (г. Киев)

Научная школа И.И. Срезневского в Украине 17

О.В. Гусева (г. Санкт-Петербург)

Издания Библий эпохи славянского национального возрождения
в коллекции И.И. Срезневского 22

А.Г. Машкова (г. Москва)

Некоторые проблемы исторического развития культуры Словакии 26

К.В. Лифанов (г. Москва)

Русско-словацкие параллели в формировании литературных языков 30

Никос Чаусидис (Македония)

Семантика посуды в лексике славянских традиционных культур 33

З.П. Попова (Сербия)

О «внутренней форме» слова при изучении русского языка
как иностранного 36

А.И. Малько (Беларусь)

Об особенностях изучения русского языка в республике Беларусь 38

И.А. Филатов (г. Рязань)

Путешествия И.И. Срезневского по славянским землям
в его письмах к матери 41

Ю.М. Лошиц (г. Москва)

Учитесь говорить по-лужицки 45

Ю.М. Лошиц (г. Москва)

Монах и Черногорская вила 62

Н.В. Масленникова (г. Москва)

Сергиевские и Кирилло-Мефодиевские чтения
в Московском государственном университете 74

Раздел II

СРЕЗНЕВСКИЕ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Н.Н. Гришина (г. Рязань)

Имя И.И. Срезневского в контексте культурных традиций
Рязанского края 85

А.А. Севастьянова (г. Рязань)	
И.И. Срезневский как историограф своего времени	88
Л.В. Чекурин (г. Рязань)	
И.И. Срезневский на I Археологическом съезде	90
В.М. Касаткин (г. Рязань)	
Вклад академика И.И. Срезневского в изучение русского летописания . . .	100
Н.В. Колгушкина (г. Рязань)	
Из родословной Срезневских	105
З.К. Шанова (г. Санкт-Петербург)	
И.И. Срезневский и Санкт-Петербургский университет	113
А.А. Никольский (г. Рязань)	
И.И. Срезневский и Д.И. Писарев	116
Л.П. Лаптева (г. Москва)	
И.И. Срезневский и отношение к нему его учеников (по данным писем В.В. Макушева)	120
Л.Я. Костючук (г. Псков)	
Одна из страниц научной биографии И.И. Срезневского (к переписке А.Н. Афанасьева и И.И. Срезневского)	125
О.В. Никитин (г. Москва)	
«Мысли об истории русского языка» как научный подвиг И. И. Срезневского	130
Н.П. Ословская (г. Рязань)	
И.И. Срезневский и Н.А. Некрасов (по письмам Некрасова к Срезневскому)	132
П.В. Акульшин (г. Рязань)	
Теория «официальной народности» как отражение реформаторских тенденций в политической мысли России первой трети XIX века	139
Раздел III	
И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛЕКСИКОЛОГИЯ	
Г.А. Богатова (г. Москва)	
Заметки о славянской лексикографии. Диалог идей XIX—XX вв. (И.И. Срезневский и О.Н. Трубачёв)	149
О.В. Фельде (г. Красноярск)	
Типология историко-терминологических словарей русского языка	156
Г.В. Судаков (г. Вологда)	
Древний русич как лексиколог	159
Д.А. Романов (г. Тула)	
Феномен <i>comme il faut</i>	165

Т.С. Коготкова (г. Москва)	
Рязанская областная лексикография — обзор и комментарии	172
Г.В. Звезда (г. Липецк)	
Историческая словообразовательная динамика и разведение сакрального / реального в древнерусской лексике (на материале Словаря И.И. Срезневского)	174
Т.А. Воронина (г. Москва)	
Лексика поста в контексте русской православной культуры	176
Т.И. Скикевич (Беларусь)	
Балто-славянский период в формировании лексики русского языка (на примере наименований диких животных)	183
А.Р. Попова (г. Орел)	
Семантическая структура полисеманта рука в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и в современном русском языке: сопоставительный аспект	186
К.А. Максимович (г. Москва)	
И.И. Срезневский как исследователь Рязанской кормчей 1284 г.	189
Р.Н. Клейменова (г. Москва)	
История борьбы с «одичалыми словами»	191
Н.В. Головина (г. Рязань)	
Исторические источники в работах И.И. Срезневского над Словарем древнерусского языка	194
А.Я. Гришко (г. Рязань)	
Проблема преступления и наказания в научном наследии И.И. Срезневского	196
Раздел IV	
И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ	
Е.П. Осипова (г. Рязань)	
Рязанская диалектная лексика как источник изучения народной культуры	200
С.А. Мызников (г. Санкт-Петербург)	
О некоторых ранних финно-угризмах в Словаре И.И. Срезневского	208
В.В. Плешакова (г. Рязань)	
Источник блага	213
Н.Б. Парикова (г. Тула)	
Губные спиранты в рязанских говорах	217
Т.К. Ховрина (г. Ярославль)	
Семантическая структура слов с корнем дряг- в ярославских говорах	224

В.А. Королькова (г. Смоленск) Пространственные представления в языковом поле носителей смоленских говоров	228
Ж.А. Зубова (г. Орел) Использование диалектной фразеологии в курсе «Современный русский язык» (на материале орловских говоров)	231
Е.В. Корчагина (г. Рязань) Структурно-семантические особенности отглагольных прилагательных на -л- в русском языке XI—XVII вв.	234
О.И. Чернышёва (г. Нижний Новгород) Лексика, характеризующая человека по особенностям речи в нижегородских говорах	241
И.В. Зимина (г. Нижний Новгород) Междиалектные «варианты». Фонетическое варьирование	243
М.А. Агапова (г. Нижний Новгород) Вероятностно-статистическая характеристика местоимений в памятнике деловой письменности конца XVI—начала XVII века «Арзамасские Поместные акты»	247
В.С. Картавенко (г. Смоленск) Изыскания И.И. Срезневского в области древнерусской ономастики	250
Ю.Ю. Гордова (г. Рязань) К этимологии фамилий Рязанской области	252
А.Л. Шилов (г. Москва) География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России	256
В.В. Меркина (г. Рязань) Труд П.Л. Маштакова «Список рек Донского бассейна» как источник изучения оронимов	259
Н.А. Красовская (г. Тула) Проблемы изучения тульских говоров	264
Л.С. Плавинская (г. Рязань) Из истории фамилий уроженцев Рязанской губернии	268
Д.С. Логинов (г. Рязань) Создание гражданского шрифта в России начала XVIII в. как проявление процесса секуляризации отечественной культуры	276
Л.К. Крылова (г. Нижний Новгород) Отражение процесса взаимодействия типов склонения существительных в «Словах» святителя Иоанна Златоуста	279

Т.В. Игнатъева (<i>г. Рязань</i>)	
Формулы приветствия в сказах С.Г. Писахова и Б.В. Шергина	281
О.А. Павлюкова (<i>г. Рязань</i>)	
Об изучении традиционной народной культуры Рязанского края	286
Е.Е. Глубокая (<i>г. Рязань</i>)	
«Российская грамматика» М.В. Ломоносова и «Основы русского языка» Шарпантье	289
Н.Е. Ефимова (<i>г. Рязань</i>)	
Категория гипотетичности в лингвистических работах И.И. Срезневского	293
Раздел V	
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ПОЗИЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
А.К. Шапошников (<i>Украина</i>)	
Вчера и сегодня в русской языковой картине мира по данным частотных словарей русского языка разных эпох	299
В.К. Щербин (<i>Беларусь</i>)	
Отражение русской языковой картины мира в концептуариях разных типов	302
А.Д. Орлов (<i>г. Москва</i>)	
Интеграционный потенциал русского языкового пространства	306
С.В. Разживина (<i>г. Тула</i>)	
Отражение особенностей национального менталитета в русских пословицах и поговорках	309
К.П. Смолина (<i>г. Москва</i>)	
«Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского и наши мысли о состоянии русского языка сегодня	316
В.И. Аннушкин (<i>г. Москва</i>)	
Содержание и перспективы развития словесности как научно-педагогической дисциплины	319
Н.И. Демидова (<i>г. Рязань</i>)	
О современном состоянии русского языка и основных факторах его развития в новом столетии	324
Л.Ф. Салтыкова (<i>г. Рязань</i>)	
«Материалы для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского как повод для разговора о сквернословии	326
Т.В. Федосеева (<i>г. Рязань</i>)	
«Исцеление яз'ыка...»: о современном значении филологических трудов Ф.И. Буслаева	330

А.А. Дудин	
Поэтическая языковая картина мира (юность и молодость)	333
О.Ф. Костикова (<i>г. Рязань</i>)	
Субъективно-авторские особенности газетно-публицистических жанров	335
Раздел VI	
НАСЛЕДИЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО И ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА	
Е.В.Архипова (<i>г. Рязань</i>)	
И.И. Срезневский и значение его наследия для образования XXI века . . .	340
И.Н. Бакаленко (<i>Украина</i>)	
Значение идей Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского и И.И. Срезневского для формирования профессиональной компетенции будущих учителей-филологов	343
Н.Б. Парикова (<i>г. Тула</i>)	
Насущные проблемы преподавания русского языка	347
Ю.А. Уланова (<i>г. Рязань</i>)	
Лингвокультурологический принцип обучения русскому языку	349
Н.В. Софронова (<i>г. Рязань</i>)	
Идеи И.И. Срезневского в инновационном обучении русскому языку младших школьников	352
Г.Ю. Дзюбко (<i>г. Рязань</i>)	
Сравнение как средство этнокультурного речевого развития учащихся . . .	357
О.И. Липина (<i>г. Рязань</i>)	
Лингвокраеведческий текст как средство формирования ценностных ориентаций учащихся на уроках русского языка	359
О.С. Преликова (<i>г. Рязань</i>)	
Изучение лексики делового стиля на уроках русского языка в профильных классах на «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского	362
С.В. Сысоева (<i>г. Рязань</i>)	
Программа последовательного изучения фразеологии И.И. Срезневского в начальной школе	366
Н.Г. Агапова (<i>г. Рязань</i>)	
Культуроориентированные подходы в современном отечественном образовании	368
О.И. Липина (<i>г. Рязань</i>)	
Музейная педагогика в содержании социальной работы (на примере музея И.И. Срезневского)	373
В.А. Ханина (<i>Шилово</i>)	
На родной земле И.И. Срезневского	375

А.И. Буйлова (*г. Спасск*)
Библиотека и русский язык 378

Е.В. Силаева (*г. Шацк*)
Сохраняя родной язык 380

Раздел VII
К ЮБИЛЕЙНЫМ ДАТАМ ФИЛОЛОГОВ

О.В. Никитин (*г. Москва*)
Нестор славянских филологов (к 150-летию со дня рождения
академика А.И. Соболевского) 385

Научное издание

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ИСТОРИЯ
СЛАВЯНО-РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ:
ТЕНДЕНЦИИ В НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 195-летию со дня рождения
академика И.И. Срезневского,
25—27 мая 2007 года

Ответственные редакторы:
Богатова Галина Александровна
Демидова Нина Ивановна

Редакторы: *Т.Н. Свитнева, Е.Н. Захарова*
Технический редактор *О.С. Верещагина*

Подписано в печать 22.05.07. Поз. № 053. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 500 экз. Заказ №

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в ООО «НПЦ «Информационные технологии»
390035, г. Рязань, ул. Островского, 21/1

Для заметок

Для заметок

Для заметок